

И.Т. Фролов

Перспективы человека

ОПЫТ
КОМПЛЕКСНОЙ ПОСТАНОВКИ
ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУССИИ,
ОБОБЩЕНИЯ

*Издание второе,
переработанное
и дополненное*

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

ОТ АВТОРА

Новое издание этой книга переработано с учетом результатов, полученных автором в последние годы в ходе изучения современной гуманистической проблематики, многообразных вопросов, относящихся к человеку и его будущему в аспекте глобальных проблем, прогресса науки и культуры, социальных, природно-биологических и личностных, в том числе нравственно-гуманистических, факторов существования и исторического развития человеческой цивилизации. Оно отличается от предыдущего не только большей насыщенностью новым материалом, но и расширением круга вопросов и тех аспектов, в которых рассматриваются перспективы человека. Это дало возможность более разносторонне и комплексно подойти к постановке, анализу и решению проблемы в целом. Вместе с тем это привело к ряду структурных изменений в книге, более обобщенной группировке материала, позволило больше акцентировать внимание на основном и главном, а именно на *философско-антропологическом* анализе проблемы.

После выхода первого издания появились новые материалы, новые работы, которые потребовали анализ и размышлений. В связи с этим в новом издании сделан ряд значительных дополнений и, соответственно, сокращений. В результате объем книги почти не изменился. Поэтому анализ ряда материалов читатель найдет только в первом издании книги (1979 г.), а также в ее исходном варианте «Прогресс науки и будущее человека» (1975 г.). Многие проблемы, в частности то, что можно было бы назвать нравственно-философской проблематикой человека, требуют более систе-

магического и развернутого исследования. Его результаты найдут отражение в отдельных публикациях, которые уже в значительной степени подготовлены (в ряде случаев в соавторстве) и которые станут составной частью комплексного анализа природно-биологического и социокультурного, нравственного существования и развития человека сегодня и в будущем.

Здесь уместны несколько слов о самом понимании сущности философской деятельности в современных условиях. Мне кажется, нельзя работать в философии, не мучая себя постоянно сомнениями и

том, насколько истинным является путь, который ты избираешь; нельзя не размышлять упорно о том, *что* делает философия, какое место занимает она в науке и в системе культуры в целом, *как* и *для чего* осуществляет свое основное предназначение — синтезировать знание о человеке и для человека.

В современных условиях сложнейшей дифференциации науки, других областей культуры научная философия — диалектический и исторический материализм — выполняет эту свою роль, обращаясь к данным разных наук, сфер человеческой культуры, к различным областям материального и духовного творчества человека, к социальной практике. Это требует от современного философа большой интеллектуальной инициативы и духовной активности. Философская мысль может достигать своих целей лишь тогда, когда она находится в постоянном движении, в процессе сопоставления и борьбы идей.

Критически анализируя те или иные воззрения, отбрасывая ложные взгляды, мы не должны забывать, что тем самым еще не постигаем истину «в последней инстанции». Пытаясь решить определенную проблему, мы обязаны отнестись предельно критически к собственным обобщениям и выводам, рассматривая их лишь как материал для дальнейших размышлений и выработки объективно истинных позиций в новых для нас и животрепещущих вопросах, какими, несомненно, являются и вопросы, касающиеся человека и его будущего.

4

Общая постановка многих проблем человека и его будущего может порождать различные конкретные подходы к их обсуждению в рамках марксистско-ленинской философии. И это не является неожиданным, если учесть новизну и малую изученность этих проблем, «открытый» характер нашей философии, ее способность к развитию и обновлению под влиянием прогресса науки и социальной действительности.

С учетом этого обстоятельства, а также исходя из общего понимания значения и роли философии в современной науке и практике, строится и книга в целом, и отдельные ее разделы: вычленяется прежде всего *постановка проблемы*, затем освещаются *дискуссии*, ведущиеся вокруг нее, и, наконец, в качестве итога обсуждения проблемы следуют *обобщения* и *выводы*. Такая структура диктуется некоторыми объективными факторами, прежде всего общим состоянием разработки обсуждаемых проблем.

Свою задачу автор видел в том, чтобы не только научно поставить проблему, касающуюся перспектив человека, но и как бы открыть перед читателем двери научных лабораторий и аудиторий, сделать его свидетелем горячих дискуссий философов, социологов, антропологов, экологов, демографов, биологов (прежде всего генетиков), психологов, представителей педагогической науки, деятелей литературы и искусства. Данная книга является тем самым и попыткой обобщить результаты этих дискуссий, нашедших отражение, в частности, на страницах журнала «Вопросы философии». Хотелось бы выразить глубокую и искреннюю признательность его сотрудникам, с которыми на протяжении 70-х годов мы занимались организацией «круглых столов» журнала «Вопросы философии» и подготовкой их материалов для публикации. Хотя в новом издании книги обзоры этих дискуссий (как и ряда других, включая получившие отражение в нашей и зарубежной литературе конца 60-х — первой половины 70-х годов) пришлось либо существенно сократить, либо полностью опустить и вместо них включить новые материалы последних лет, однако именно эти дискуссии явились во многих случаях тем исходным пунктом, с которого

5

начинались размышления автора о проблемах, составляющих содержание давней книги. Автор широко использовал в своей работе также и материалы, подготовленные в последние годы Институтом

научной информации по общественным наукам АН СССР, и выражает в связи с этим свою признательность его сотрудникам.

Хотелось бы выразить благодарность сотрудникам Научного совета при Президиуме Академии наук СССР по философским и социальным проблемам науки и техники, а также тем ученым, журналистам, писателям, деятелям искусства, которые оказали помощь автору информацией, критическими замечаниями и советами, высказанными в откликах на первое издание книги как в нашей стране, так и за рубежом.

Комплексная постановка проблемы человека и его будущего, ее непредвзятое обсуждение, имеющее целью стимулирование новых поисков и новых решений,— таков основной замысел книги. О том, насколько автору удалось его выполнить, пусть судит читатель».

...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Карл Маркс

Человек должен лишь познать себя самого, сделать себя самого мерилom всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы,— и тогда загадка нашего времени будет им разрешена.

Фридрих Энгельс

ВВЕДЕНИЕ

**Человек и его будущее как глобальная проблема современности;
комплексный подход и триединая задача философии**

О человеке, вот о ком предстоит мне говорить: и сам вопрос, мною рассматриваемый, требует, чтобы я говорил об этом людям; ибо подобных вопросов не предлагают, когда боятся чтить истину.

Жан Жак Руссо

Сердце в будущем живет...

А. С. Пушкин

Проблема человека, его сущности и существования в материальном и духовном, нравственном аспектах, его развития и предназначения, его будущего — это, пожалуй, самая основная из всех, которые когда-либо вставали перед человечеством на протяжении тысячелетий его истории¹. Она пред-

¹ Существует огромная литература, посвященная проблеме человека, в том числе философская, которая по возможности будет отмечаться в соответствующих разделах книги. Из опубликованных у нас философских и общенаучных работ последних лет см.: *Ананьев В. Г. О проблемах современного человекознания.* М., 1977; *Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом.* М., 1977; *Батенин С. С. Человек в его истории.* Л., 1976; *Биологическое и социальное в развитии человека.* М., 1977; *Будева Л. П. Человек: деятельность и общение.* М., 1979; *Григорьян Б. Т. Философия о сущности человека.* М., 1973; *Демин, М. В. Проблемы теории личности (Социально-философский аспект).* М., 1977; *Какабадзе З. М. Человек как философская проблема.* Тбилиси, 1970; *Карсаевская Т. В. Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека.* М., 1978; *Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и лич-*

стает и в наши дни не только как сложнейшая и, можно сказать, неисчерпаемая *научная* проблема, но и как актуальная *практическая* задача, связанная с построением нового общества — коммунизма. Свободное, всестороннее развитие человека является предпосылкой и конечной целью коммунизма — так ставится вопрос марксистско-ленинской наукой. И это находит конкретное, действенное воплощение в программных документах и реальной политике КПСС и Советского государства, других братских партий и социалистических стран.

Человеку, его воспитанию и образованию, его развитию служат все сферы социалистического общества, начиная с производственной и кончая духовной. XXVI съезд КПСС вновь со всей определенностью подчеркнул это. В принятом съездом документе «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» говорится: *«В восьмидесятые годы Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей»*¹.

Здесь еще очень много сложных и нерешенных вопросов, в том числе и социально-философских, которые требуют разностный смысл. М., 1977; *Ковалев А. Г. Психология личности.* М., 1970; *Ковалев С. М. Формирование социалистической личности.* М., 1980; *Кон И. С. Открытие «Я».* М., 1978; *Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность.* М., 1977; *Личность в XX столетии.* М., 1979; *Мысливченко А. Г. Человек как предмет философского познания.* М., 1972; *Орлов В. В. Материя, развитие, человек.* Пермь, 1977; *Проблема человека в современной философии.* М., 1969; *Сержантов В. Ф., Гречаный В. В. Человек как предмет философского и естественнонаучного познания.* Л., 1980; *Смирнов Г. Д. Советский человек. Формирование социалистического типа личности.* М., 1980; *Социализм и личность.* М., 1979; *С чего начинается личность.* М., 1979; *Сэв Л. Марксизм и теория личности.* М., 1972; *Структура морали и личность.* М., 1977; *Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека.* М., 1979; *Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек.* Л., 1978; *Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи.* М., 1978 (раздел «Гуманизм в современном мире» и др.); *Ярошевский Т. Личность и общество.* М., 1973; *Человек и эпоха.* М., 1964; *Человек как объект социального исследования.* М., 1977; *Человек и мир человека (Категории «человек» и «мир» в системе научного мировоззрения).* Киев, 1977, и др.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 136.

мышления и анализа. Новые явления и тенденции, возникающие в жизни, не всегда, к сожалению, учитываются, а иногда односторонне интерпретируются в научной и философской литературе. В свя-

зи с этим все большее значение приобретает правильная, соответствующая марксистско-ленинской методологии *постановка* рассматриваемой проблемы в контексте новых явлений, относящиеся к человеку и его будущему. Такая постановка позволяет лучше понять многие конкретные вопросы, касающиеся путей формирования нового человека: воспитания у советских людей творческого отношения к труду, общекультурного и нравственного их развития, социальной активности, политической сознательности, понимания ими целей и задач общественного производства в всей нашей жизни. Именно эти качества являются неотъемлемыми чертами, присущими коммунистическому идеалу человека будущего. Вместе с тем они — живая реальность современности, «человеческие ростки» коммунизма как много-факторного процесса, уходящего корнями в самую сердцевину человеческой цивилизации, берущего истоки в глубинных пластах жизни человека и человечества. Вот почему этот процесс имеет глобальный смысл и значение. И вот нечему проблема человека вновь и вновь возникает как общечеловеческая на разных этапах истории, и в особенности сегодня — в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму.

Сегодня, как никогда ранее, человечество сосредоточению взглядывается в самого себя и порой как бы вновь открывает *Человека* не без радостного изумления и даже восхищения, а зачастую и горького разочарования... Человек — уникальнейшее и изумительнейшее существо, самое поразительное творение природы и истории, будущее его бесконечно и прекрасно, утверждают одни мыслители. Человек — ошибка природы, ее злосчастное порождение, наделенное неисчислимыми пороками, у него поэтому нет будущего, он обречен на вырождение и гибель, считают другие. Кто прав? Кто ошибается? А может быть, не правы ни первые, ни вторые и есть какая-то третья точка зрения, примиряющая и «снимающая» первые две?

Бесчисленные мифы и легенды, религиозные учения и философские системы, научные предположения и фантастические грезы, утопии и антиутопии порождены человеком в попытках найти ответ на эти мучительные вопросы, познать себя, свое назначение и свою судьбу. Как драгоценную находку, как награду после долгих и мучительных поисков, надежд и разочарований принимает современный человек — не сразу

11

и не без сомнений — открывающуюся ему истину: прогресс науки — вот ключ к пониманию человеческих проблем, вот тот «магический кристалл», сквозь который просматриваются перспективы человечества, будущее человека. Сегодня прогресс науки и будущее человека так же легко соединяются в нашем сознании, как ранее казались нерасторжимыми с гадательной судьбой человека религиозные мифы, философские и иные утопии. На место мифов и утопий ставится доказательный, объективно обоснованный подход, строгое соответствие выводов имеющимся фактам, т. е. *наука*.

Однако наука воспринимается в наши дни отнюдь не однозначно, и многие ее открытия и технические применения, будоража воображение, смущают, а иногда и попросту пугают современного человека, тем более когда речь идет о будущем. И дело здесь не только и, может быть, не столько в недостаточной информированности о результатах и достижениях современной науки. Сами они сегодня настолько необычны и не сопоставимы порой ни с чем казавшимся нам ранее привычным, нормальным, что воспринимаются зачастую как некоторая странность, против которой протестуют наше сознание, чувство самосохранения и мораль.

Странно сегодня читать и слышать о многих совершенно неизвестных еще вчера проблемах, поставленных стремительным развитием научно-технической революции; и, чем дальше, тем, как воскликнула Алиса в стране чудес, «все страньше и страньше!». То, что вчера казалось плодом далекой от науки фантазии, становится сегодня обыденной реальностью либо реальной перспективой. И не только как благо, но и как серьезную угрозу характеризуют подчас многие новые явления, вызванные к жизни развитием науки и оказывающие сегодня существенное влияние на человека и человечество, на их настоящее и будущее. Связь современной науки с жизнью и трудом человека, его перспектива-

ми как биосоциального существа, гуманистический смысл научно-технического прогресса становятся одной из глобальных проблем века.

Вокруг этой проблемы во всем мире идут острейшие дискуссии, причем в них вовлекается все большее число людей, в том числе и весьма далеких от науки, видящих порой ее результаты в искаженном свете, однако бодро сочиняющих всякого рода футурологические мифы со ссылками на современную науку. Они вынуждены поэтому маскировать внутреннюю пустоту своих «проекций в будущее» эпатирующей воображение потребителя внешней оболочкой: футурологический миф становится сенсацией, бестселлером. Через научно-фан-

12

тастическую литературу, кино, телевидение нескончаемым потоком изливаются на людей изощренные утопии, в которых рисуются картины будущей якобы неизбежной катастрофы, гибели человечества в результате использования достижений 'социальной, кибернетической и генетической инженерии, вследствие неконтролируемого действия биологических факторов человеческой природы в условиях стремительного научно-технического прогресса. Эта новая эсхатология, в отличие от библейской, не оставляет, как правило, надежды на спасение либо обращает ее не в будущее, а в прошлое, отжившее.

Задача ученых, сознающих свою ответственность перед людьми, заключается поэтому, наряду со всем прочим, еще и в демифологизации проблемы, «очищении» ее от лженаучных примесей, строгом вычлениении ее чисто научного, рационального смысла и попытках убедить мировую общественность отнестись к ней с той степенью серьезности, которая соответствовала бы серьезности самой проблемы и той ситуации, в которой оказалось бы человечество вследствие ее нерешенности. Мировая общественность, по-видимому, должна больше прислушиваться к голосу ученых и вопреки всему постараться понять, чем вызваны их дискуссии и какие действительно, а не надуманные выводы и рекомендации из них следуют.

Как известно, в современных дискуссиях, касающихся проблемы человека, чрезвычайно много внимания уделяется вопросу о том, что в ходе развертывания научно-технической революции и все более расширяющегося потребления обществом ее результатов необычайно увеличивается количество факторов, которые способствуют биологической дезадаптации человека, угрожающей его будущему. Здесь имеются в виду не только физические, но и психологические факторы, связанные с загрязнением среды обитания человека, увеличением нервно-психических нагрузок в процессе труда и общения между людьми, приводящих к стрессовым состояниям и целому ряду так называемых «болезней цивилизации» (сердечно-сосудистые заболевания, психические расстройства, рак и многие другие).

В сущности говоря, сегодня перед человеком все более остро встает вопрос о том, чтобы сохранить себя как вид, приспособленный к изменяющимся условиям среды — социальным и природным, проблема адаптации к окружающей среде. Вместе с тем мы знаем, что научно-техническая революция дает новые возможности и средства развития человека как биосоциального существа, которые, однако, могут быть реализованы лишь в подлинно разумных и гуманных

13

социальных условиях. Это — одна из фундаментальных проблем нашей цивилизации, и без учета этой проблемы невозможно даже поставить правильно вопрос о перспективах человека.

Никогда ранее технический базис производственной, трудовой деятельности не предъявлял таких высоких психологических требований к человеку, как в условиях научно-технической революции. Но и человеческий труд никогда не был столь производительным, способным создавать новые воз-

возможности развития человека. Современная наука, обращаясь к его биологической природе и психофизиологическим особенностям, ищет аффективные пути, помогающие активно формировать способности человека применительно к развитию техники. Автоматизация и кибернетизация производства, позволяющая передать машинам не только тяжелые и однообразные физические трудовые операции, но и умственные, не требующие творчества, дополняется его биологизацией, связанной с активной адаптацией человеческого организма к новым условиям производства, прежде всего с изменением характера психофизиологической деятельности. А что впереди? Какие вообще возможности открываются перед человеком до мере все большего проникновения в тайны его мозга, его сознания и подсознания?

Никогда ранее ускорение, интенсификация темпов, ритмов жизни не были столь стремительны и не приводили к такому бурному росту нервно-психических заболеваний, стрессов. Урбанизация и технизация жизни человека, увеличивая тяжкий груз, обрушивающийся на его психику, сопровождаются уменьшением физических нагрузок, ростом сердечнососудистых заболеваний. Но вместе с тем никогда прежде человечество не знало таких поразительных успехов в медицине, изменивших его демографическую структуру, вытеснивших действие естественного отбора как фактора его развития.

Наконец, никогда ранее среда обитания человека не была так насыщена ионизирующими излучениями, загрязнена химическими веществами, вредными для самого его существования и крайне опасными для его будущего, поскольку активизировался мутационный процесс, возросло его отрицательное воздействие на наследственность человека. Но вместе с тем человечество впервые в истории получает возможность с помощью медицинской генетики уменьшить груз патологической наследственности, накопленной в процессе эволюции, избавиться от многих наследственных заболеваний, в частности путем замены патологического гена нормальным.

14

Изменится ли при этом сам человек, его биология и генетика, его психофизиологические качества? Как отразится *все это* на физическом и духовном облике человека, на продолжительности его жизни и самом восприятии ее смысла и цели? Что может сделать здесь наука? В состоянии ли она помочь более адекватной социальной реализации сущностных сил человека? Как может она повлиять на развитие способностей и потребностей человека будущего, на достижение подлинного равенства людей при сохранении вместе с тем уникальности, неповторимого своеобразия личности каждого?

Вот фундаментальной важности вопросы, имеющие поистине глобальный характер. Эти вопросы не лежат где-то в стороне от той магистрали, на которой решаются основные социально-философские и гуманистические проблемы человека и его будущего. Более того, ответ на них прямо связан с решением этих проблем и существенно влияет на то, какие из них конкретно получают наибольшее значение в настоящем и будущем. Следовательно, весьма важно определить, к чему мы должны быть готовыми в этом плане и как поэтому обязаны становиться в решать многие социально-философские и гуманистические проблемы, относящиеся к человеку в его связи с научно-техническим прогрессом и порождаемыми им глобальными проблемами развития цивилизации.

Встают и другие вопросы: обладает ли вообще наука абсолютной прерогативой в жизни и развитии человека, является ли она сферой исключительного поглощения его сущностных сил? Какую роль играют здесь искусство, другие виды творческой деятельности как в духовной, так и в материальной сфере? Как взаимодействуют она сегодня с научно-техническим прогрессом и способствуют воплощению идеала всесторонне развитой человеческой личности? Речь идет, следовательно, о месте науки: в системе культуры человечества, о гуманистической оценке всего того, что она несет человеку и что требует от него сегодня и в будущем.

Проблема эта далеко не новая, разумеется. На протяжении веков, со времени зарождения научного познания, когда еще только первые его искры начинали разгораться, разгоняя тьму невежества и

предрассудков, безграничная вера в чудодейственную силу разума всегда сопровождалась сомнением:

как будут использованы его творения? Является ли знание силой, служащей человеку, и не обернется ли оно против него? Религия и церковь умело использовали: эти сомнения, вкушая человеку библейскую истину: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Религиозный обскурантизм закреплялся и в светских фермах.

15

И вот что на первый взгляд парадоксально: по мере развития науки и умножения результатов ее технического применения росли и сомнения в ее гуманистическом предназначении, усиливалась «критика науки», вдохновляемая якобы заботой о благе человека и человечества;

Никакого парадокса здесь, однако, нет. Есть лишь проблема — большая и сложная проблема, касающаяся понимания того, что такое наука, какова ее сущность и с чем связана вероятность ее адекватной реализации или ее извращения в тех или иных условиях. Ведь в большинстве своем люди сначала пользуются плодами науки, а уже потом задумываются об их происхождении, причем чаще всего тогда, когда им попадается плод «горький».

Эти, быть может, несколько общие и отвлеченные рассуждения имеют сугубо конкретное звучание в наши дни.

Уже сегодня наука открывает перед человеком заманчивые перспективы. Но мы сталкиваемся со всякого рода предположениями относительно будущего человека, которые исходят из абстрактного рассмотрения возможностей, открываемых наукой перед человеком и человечеством, и обращаются против самой науки как гуманной силы. «Сон разума порождает чудовищ» — эти слова Ф. Гойи можно отнести и ко многим «научным» предположениям, касающимся будущего человека и самой науки. Научная литература многих западных стран, переживающая сейчас период своеобразного «антропологического бума», буквально переполнена пессимистическими заключениями о настоящем и будущем человека и человечества, в частности в связи с прогрессом современной науки. Как правило, подобные заключения опираются на традиционное представление о том, что человек — «творение природы», причем неудачное, а наука — это своенравный «целомон», отнюдь не делающий его лучше, разумнее, гуманнее. Существуют и противоположные, так сказать, оптимистические выводы, которые, однако, также опираются на абсолютизацию «естественной природы» человека, а потому приводят к столь же односторонним, ошибочным заключениям относительно его перспектив.

В этой ситуации очевидна потребность в том, чтобы защитить науку и человека в качестве ее основного объекта, точнее и разностороннее определить программу научного познания человека, ее социальные и гуманистические параметры. Задача эта является тем более актуальной, что вокруг проблемы развития человека в связи с прогрессом науки разворачивается острая борьба, нередко приобретающая открыто идеологический характер. В изобилии возникают и сталкива-

16

ются между собой всякого рода концепции, либо абсолютизирующие науку и ее значение в развитии человека, либо провозглашающие культ человека, «свободного» от науки.

Сложные философские вопросы, связанные с пониманием природы человека, его существования и развития, его будущего в условиях все ускоряющегося научно-технического прогресса, поднимаются сегодня общественной практикой, всем ходом мировых событий, развитием науки и самого человека, служащего ей и все более зависящего от нее. Различные, а иногда и противоположные ответы даются

на них: поистине, какая философия, такие идеалы (или идолы) она и утверждает; какие социальные и научные позиции занимает при этом тот или иной мыслитель, такую философию он и выбирает (или она выбирает его). С таким калейдоскопом мнений и предположений относительно человека и его будущего мы сталкиваемся постоянно, обращаясь к буржуазной и реформистской философско-антропологической литературе Запада. При этом отчетливо обнаруживается, что сегодня, может быть, в большей степени, чем когда бы то ни было, ответ на эти «вечные» вопросы о человеке и его перспективах зависит от факторов, лежащих не только в сфере философии. Их нельзя решать лишь с позиций «чистой любви к мудрости»; надо хорошо понимать суть общественных отношений, делающих человека человеком, и надо знать новые, все более усложняющиеся проблемы современной науки, которые непосредственно касаются человека, его биологического существования и социального развития. Речь идет при этом не только о науках социальных и гуманитарных, специально изучающих проблемы человека. Естествознание, и прежде всего биология (в особенности генетика), стало одним из основных источников «проекций в будущее» человека и человечества. Философия теперь вынуждена гораздо больше считаться с этими «проекциями», оставляя, конечно, за собой право судить о них, опираясь на собственный опыт и анализ социальной действительности в ее конкретных проявлениях в историческом пространстве и времени. Не так уж и мало, по-видимому.

И это действительно не так мало, если учесть, что проблема человека — его положения в современном мире и его будущего, его развития и индивидуальной судьбы как личности, его активного и все усиливающегося влияния на окружающую среду и вместе с тем прогрессирующей зависимости от нее — стала сегодня прежде всего насущной *общественной* проблемой, затрагивающей жизненные основы человечества. Неудивительно, что она оказалась центральной и в современ-

17

вом теоретическом, в частности философско-социологическом, осмыслении процессов мирового развития.

Нельзя сказать, что философия была застигнута врасплох подобным обстоятельством: проблема человека всегда находилась в центре философского осмысления мира; при этом классическая философия, начиная с древнегреческой, не только фиксировала тот образ человека, который создавала та или иная эпоха, но и вырабатывала некоторый идеал, «идей» человека будущего, в многие ее предвидения, как мы увидим дальше, оказались отнюдь не безосновательными и безрезультатными. Однако последние десятилетия господства в западной философии позитивистских концепций сыграли свою отрицательную роль в отношении исследования проблем человека. Вынужденное «возвращение к человеку», ве связанное внутренне с самой логикой развития философии, не могло не оказаться поэтому во многих случаях довольно искусственным, и тем сильнее сказались на нем влияние и предрассудки сциентизма — идейного наследника позитивизма, спекулирующего на все возрастающем авторитете научно-технической революции.

Разумеется, это не означает, что внутри самой философской традиции проблематика человека сегодня разрабатывается менее интенсивно, чем вчера. Отнюдь нет. Но делается это менее эффективно, чем в прошлом. Мы наблюдаем попытки изолированного, атомарного рассмотрения человека либо в рамках «чистой» философии, либо с немощью абсолютизированных методов биологии, генетики, психологии, этологии и г. п., противопоставляемых целостному подходу, ассоциирующемуся с философским видением человека, а также с его эстетическим постижением в искусстве. Разорванность этих разных сфер познания является сегодня одним из главных препятствий, затрудняющих действительно целостное, системное рассмотрение проблемы человека.

Между тем проблема человека, его всестороннего развития и его будущего предстает перед наукой как *комплексная* во самому существу своему. Это значит, что наука обязана проследить перспективы человека не только в отдельных аспектах, но, главное, в их диалектически взаимосвязанной системе, причем анализировать эту систему в динамике, в развитии. Только при этом условии можно надеяться на то, что полученные в результате научного анализа выводы будут иметь реальное значение в

станут основой практических рекомендаций в ходе коммунистического воспитания трудящихся. М. М. Пришвин говорил: «В этом вся новая мысль: немедленно браться каждому за дело, чтобы все науки работали»

18

в пользу единства всего человека на «сей земле во все времена». Прекрасная мысль и вдохновляющая цель научного познания перспектив человека! Можно добавить только, что в атом единения наук «в пользу единства всего человека», о котором говорил М. М. Пришвин, особую роль играет, разумеется, философия. Глобальный характер самой проблемы заставляет искать универсальные философские подходы; и это приводит как к находкам, так и к глубоким разочарованиям, которые, однако, не должны нас обескураживать. Мне кажется, что нельзя пытаться найти истину без того, что Л. Н. Толстой называл «философском пытливым сомнением».

В познании человека и его будущего перед научной философией, мне представляется, стоят сегодня триединая задача, Философия способствует прежде всего *постановке новых проблем* на «стыке» разных наук и сфер человеческой культуры. В этом заключается ее *интегративная, синтетическая* функция в науке и обществе. Философия выполняет, далее, свою *критическую* (т. е. аналитическую, исследовательскую) функцию в широком значении этого слова. Эта функция может быть охарактеризована также как *методологическая*, связанная с критиком (анализом) путей познания в действия, его методов и логических форм. Наконец, все большее значение в современных условиях приобретает *ценностно-регулятивная, аксиологическая* функция философии, состоящая в соотнесении целей и путей познания и действия с гуманистическими идеалами, в их социально-этической оценке. Эта функция философии в особенности важна, как мы увидим далее, а научном познании человека, в определении его ближайших и отдаленных перспектив.

Научная философия, несущая любовь к мудрости и к человеку как носителю ее, выполняющая свою интегративную, критическую (методологическую) и ценностно-регулятивную, аксиологическую функцию в современной науке, исследует прежде всего *сущность человека, общие закономерности его становления к развития, его цели и идеалы*, а также *пути к ним*. Она является поэтому своеобразным «интегратором» знаний о человеке. Философия соотносит эти знания с общими социальными целями, перспективами развития человечества, что приобретает особое значение в современных условиях.

Таким образом, комплексный подход к проблеме человека и его будущего предполагает особую роль научной философии в обращении к анализу сущности и существования человека, антропосоциогенезу и истории человечества, к развитию его цивилизации в связи с процессами НТР, глобальными

19

проблемами, в частности экологическими и демографическими, к биологии и генетике человека, к анализу его психофизиологических возможностей и путей их реализации в ходе обучения и воспитания, к развитию его творческих способностей, проявляющихся в разных формах материальной и духовной деятельности, его социальной реализации как личности, наконец, к беспредельному миру его нравственной жизни, гуманистическим принципам всей системы человеческой деятельности, культуры и наук о человеке.

Диалектика развития человека — так можно было бы определить то, что составляет предмет *научной философии человека*, или философской науки (учения) о человеке. Оно является органической частью диалектического и исторического материализма и вместе с тем пронизывает все другие части и разделы научной философии, ее мировоззренческий и методологический базис, включая теорию диа-

лектики, поскольку все они рассматриваются с точки зрения основных характеристик человеческого отношения к миру.

Это определяет особое положение и роль научной философии человека не только в системе конкретных наук, изучающих его с разных сторон и под разными углами зрения, но и в целостном, интегрированном виде, что зачастую связывается с идеей единой науки о человеке, выступающей сегодня скорее как «регулятивная цель», призванная *научно* организовать и направить комплексное изучение человека. Речь идет, следовательно, не о какой-то практически понимаемой *организации* этой науки, а именно о том, как лучше обеспечить — по крайней мере теоретически — комплексное исследование человека в *существующей структуре науки*.

Но, думается, это не должно заставить нас полностью отказаться от идеи единой науки о человеке как *реальной* цели. Речь здесь идет, может быть, не столько о сегодняшней практике научного познания, сколько о его тенденциях, о том процессе, целью которого является, в частности, создание единой науки о человеке. С появлением этой науки будет окончательно преодолен существующий до сих пор дуализм естественнонаучных и социологических методов и станет учитываться как биологическая природа человека, так и его социальная сущность. Единая наука о человеке явится, следовательно, синтезом многих специальных наук — естественных и общественных, с разных сторон изучающих человека. Это гениально предвидел К. Маркс, считавший идеалом науки будущего такое ее состояние, когда «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна нау-*

20

ка» 1. «Человек,— отмечал Маркс,— есть непосредственный предмет естествознания... А *природа* есть непосредственный предмет науки о человеке» 2. Он считал тождественными; выражения «человеческое; естествознание» и «*естественная наука о человеке*».

Такая единая, комплексная наука о человеке как определенный идеал и реальная перспектива может служить регулятивным принципом для размышлений о современных проблемах исследования человека и его будущего в связи с развитием научно-технической революции. Эти проблемы связаны с необходимостью комплексного научного подхода к человеку, усиления взаимодействия между представителями разных наук, так или иначе изучающих человека, включая не только науки общественные и гуманитарные (философию, социологию, этику, эстетику, педагогику и др.), но и естественные — медицинские, психофизиологические, генетические.

Мы знаем, что сегодня в вопросе о создании единой науки о человеке среди марксистов нет единства мнений, причем против такой идеи выдвигаются соображения, с которыми нельзя не считаться. И все же, как я думаю, следует, по-видимому, согласиться с Б. Г. Ананьевым, который писал в свое время, что уже «в ближайшее десятилетие теоретическое и практическое человекознание станет одним из главнейших центров научного развития. Об этом можно судить по трем важным особенностям развития современной науки, связанным именно с проблемой человека. *Первой* из них является превращение проблемы человека в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки. *Вторая* особенность заключается во все возрастающей дифференциации научного изучения человека, углубленной специализации отдельных дисциплин и их дроблении на ряд все более частных учений. Наконец, *третья* особенность современного научного развития характеризуется тенденцией к объединению различных наук, аспектов и методов исследования человека в различные комплексные системы, к построению синтетических характеристик человеческого развития.

Эти особенности связаны с возникновением новых пограничных дисциплин и соединением посредством их многих, ранее далеких одна от другой областей естествознания и истории, гуманитарных наук и техники, медицины и педагогики» 3.

' Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

2 Там же, с. 124—125.

3 Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977, с. 6-7.

21

Уже сегодня все это получает конкретное выражение: расширяются исследования психологических, эстетических, физиологических условий труда, активно ведется поиск методов регулирования биосферы и биогеопенозов, заметны успехи на пути управления факторами, отрицательно воздействующими на биологию, психику и генетику человека, отмечается прогресс в педагогических и психологических исследованиях, которые создают научную базу образования и воспитания. А впереди новые успехи конкретных наук о человеке, усиление их единства и взаимодействия при интегрирующей роли научной философии, повышение эвристического значения комплексного подхода, постепенное выкристаллизовывание теоретического ядра единой науки о человеке и ее конституирование в общей системе наук как ее центра, вокруг которого постепенно объединятся все другие отрасли знания и человеческая культура в целом. Одной из важнейших задач этой науки будет анализ перспектив человека. Глобальный и комплексный характер данной задачи и сегодня выдвигает ее как актуальную проблему всей системы конкретных наук о человеке, включая научную философию человека, которая именно здесь, может быть, в наиболее впечатляющей форме должна доказать свою истинность и гуманность, свой общечеловеческий характер.

Наверное, человек начинается с размышлений о будущем, с надежды на него. Надежда порождает иллюзии и веру в будущее, питает религиозные и иные мифы. Но она же укрепляет разум и гуманность человека, побуждает к научному познанию реальных перспектив человечества.

Марксистско-ленинское учение о грядущем коммунистическом обществе возникло именно как воплощение лучших чаяний, надежд человечества на будущее. Но оно не содержит в себе ни грана утопии. Марксисты не занимаются сочинением спасительных, утешающих человечество, а тем более угрожающих ему апокалипсических мифов. Они вскрывают объективные законы, движущие силы исторического процесса и указывают его перспективу — коммунизм как неизбежное и желанное будущее для всего человечества. А главное — марксисты теоретически исследуют пути к нему и воплощают их в практику реального социализма, перерастающего в коммунизм.

Основоположник научного коммунизма К. Маркс еще на заре своей деятельности, резко выступая против догматических попыток предвосхищения будущего, против «конструирования будущих времен», писал: «...речь идет не о том, чтобы мысленно провести большую разграничительную черту

22

между прошедшим и будущим, а о том, чтобы *осуществить* мысли прошедшего». «Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело,— отмечал он,— то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем...» ' «...Все миропонимание Маркса,— указывал Ф. Энгельс,— это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» 2. Обращение к будущему не является, следовательно, самоцелью; оно необходимо для того, чтобы лучше увидеть сегодняшние проблемы, тенденции развития современного общества. Как сказал Ф. Ларошфуко, «философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией» 3.

Все это относится и к научному исследованию перспектив человека, которое марксисты органически объединяют с анализом коммунистического будущего человечества и реальными задачами настоящего. И здесь они также выступают против разного рода утопически-футурологических построений, которые предпринимаются сегодня не только на чисто социальной и антропологической основе, но и путем квазинаучных экстраполяции из сферы биологии, генетики, психофизиологии человека. При этом марксистско-ленинская методология дает возможность не просто критически преодолевать эти мифы и утопии, но и строить реальные, научно обоснованные предсказания. Таковую возможность, по-видимому, не следует упускать, когда речь идет о будущем человека, поскольку это будущее прочерчивается во многом уже в настоящем и дает ему перспективу, некоторую сознательно реализуемую цель, направляющую и организующую наши сегодняшние мысли и действия.

Попытаемся более конкретно показать все это, обращаясь к данным многих современных наук, к искусству, к социальной-практике и имея в виду прежде всего *философский подход*, который является главным для нас. Иначе говоря, проследим, как может реализовываться триединая задача философии — постановочно-интегративная, критико-методологическая и ценностно-регулятивная, аксиологическая — в *комплексном* исследовании проблемы человека и его будущего.

Разумеется, при таком комплексном философском подходе перспективы человека можно и не ограничивать конкретны-

' Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 381, 379.

2 Там же, т. 39, с. 352.

3 Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. 31., 1971, с. 152.

23

ми временными рамками. И все же имеет принципиальное значение тот исторический предел, до которого может простираться даже философская мысль, когда она устремляется в будущее и при этом хочет удержаться в рамках науки. Таким пределом, по мнению многих ученых, является рубеж III тысячелетия и в меньшей степени — первая половина или даже весь XXI век. Что же касается дальнейшей истории человека и человечества, то не исключено, что за доступным нам историческим пределом (а может быть, и раньше) могут появиться такие научные открытия и быть реализованы такие технические проекты, которые создадут *принципиально новый мир*, предвидеть качественные параметры которого попросту невозможно. Заниматься же сочинением фантастических «проекций в будущее» — для научной философии дело малоподходящее.

Глава первая

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПРИРОДНО-БИОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ, ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...

Ф. М. Достоевский

Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так ска-

Само собой ясно, что рассмотрение *перспектив* человека невозможно вне анализа его *сущности*. Поэтому первое, с чего необходимо начать,— это попытка ответить на вопрос: «Что такое человек?» Вопрос этот является поистине «вечным»: он проходит через всю историю философии и оказывается центральным в современных дискуссиях о человеке, его перспективах. И Диоген искал, конечно, не реального, действительного человека, хотя и вооружился фонарем: ведь день-то был, как говорит легенда, солнечным. Древнегреческий мудрец скорее пытался найти «человекость», т. е. как раз сущность человека, и вся история человеческого познания занята этими бесконечными поисками, попытками разгадать тайну человека, которая, однако, так и остается пока что во многом тайной, хотя на вооружении науки находятся теперь сложнейшие методы и многовековой опыт истории.

Вместе с тем в истории познания сущности человека достигнуты решающие рубежи, позволяющие постепенно углублять и расширять наши поиски на новых этапах развития

25

пауки, духовной культуры человечества и его социального опыта. Эти рубежи достигнуты прежде всего благодаря гению Маркса. Его учение о человеке тесно связано с материалистическим пониманием истории, с признанием решающей роли, которую играют в жизни общества труд, практическая деятельность людей, с пониманием социальной сущности личности, с концепцией научного, реального гуманизма. Марксистское учение дает ответ и на вопрос о соотношении социального и природно-биологического в человеке, о том, что в решающей степени определяет развитие человека: социальные или природно-биологические факторы.

По-видимому, без научного ответа на этот последний вопрос также нельзя всерьез говорить о перспективах человека. Поэтому постараемся представить далее ответ марксизма и на этот вопрос, прослеживая вместе с тем те дискуссии, ко-юрые ведутся в современной науке по проблеме сущности человека и природно-биологических факторов его существования и развития. Обратимся вначале к *истории* вопроса, чтобы затем увереннее двигаться вперед, соотнося удачу и достижения, ошибки и опыт прошлого с настоящим и будущим человеческого познания как познания человека, его сущности и перспектив.

1. Что такое человек? Постановка вопроса в истории философии и ответ марксизма; становление социальной сущности человека, опосредствование и преобразование природно-биологического социальным, единство сущности и существования человека в его развитии

Если бросить ретроспективный взгляд на историю философии, то мы увидим, что проблема человека решалась в ней, как правило, с помощью методов, образующих некоторую «дополнительность»: идеалистических, абсолютизирующих духовное начало в человеке, и натуралистических, придающих первостепенное значение природно-биологическим его особенностям. Этот дуализм души и тела — извечная тема философских трактатов о человеке, начиная с древности и вплоть до наших дней. Вместе с тем в истории философии проблема человека расчленилась еще и как вопрос о внутренних и внешних факторах, определяющих, что такое человек. Говоря о внешних факторах, о среде, в которой происходит становление и развитие человека, философы имели в виду, разумеется, не только природные, но и социальные факторы, такие, например, как воспитание, однако глубокий анализ их

26

существенных особенностей в домарксистской философии раскрыт не был.

Философская интерпретация проблемы человека получала различные модификации и развитие на разных этапах истории мысли¹. Она способствовала научной постановке вопроса «Что такое человек?». Однако ответить на него последовательно научно удалось только К. Марксу. В противовес идеалистическим, религиозно-мистическим концепциям и натуралистическому антропологизму К. Маркс еще в середине прошлого века сформулировал тезис, ставший ключевым в научном понимании человека. «...Сущность человека,— определил он,— не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»². Трудно найти в истории научного познания истину на первый взгляд более простую и очевидную, но вместе с тем более глубокую и фундаментальную, открытие которой далось науке лишь в результате многовекового развития, трудных поисков, ожесточенной идейной борьбы. Открытие, установление социальной сущности человека, тесно связанное с доказательством диалектико-материалистического понимания истории, означало подлинную революцию в общественных науках, прежде всего в философии. Тем самым учение о человеке, составляющее традиционно центр философского познания, получило объективный метод анализа, целостную методологию исследования человека и его развития.

Формула Маркса о человеке как совокупности, «ансамбле» всех общественных отношений была выдвинута им в знаменитых «Тезисах о Фейербахе». Маркс уже понял к тому времени, что человек не только природное существо, он есть *человеческое* природное существо. Человеческий индивид является единицей человеческого вида и вместе с тем представителем определенных социальных общностей — человечества, класса, нации и пр. Для Маркса с самого начала стало ясно, что сущность личности составляет «не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*»³ и что поэтому «вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы»⁴. Однако, считал он, «мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»⁵.

¹ См. об этом в первом издании книги (с. 23—36).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 265.

³ Там же, т. 1, с. 242. -

⁴ Там же, т. 4, с. 162.

⁵ Там же, т. 23, с. 623.

Таким образом, марксизм, признавая общечеловеческие характеристики, родовую сущность человека, обращает внимание исследователей на главное — на конкретно-исторический анализ человека, раскрытие специфики общественных отношений, характера трудовой деятельности и т. д. Все иные подходы к вычленению сущности человека, его особой природы не имели успеха, так же как не раскрывают ее и попытки вычленить те или иные внешние признаки человека в отличие от животного. «...Что это вообще за «человек», который рассматривается не в своей действительной исторической деятельности и бытии, а может быть выведен из... какого-нибудь... признака, отличающего его от животных»¹, — писали в связи с этим Маркс и Энгельс.

Марксизм ищет определение человеческой сущности в специфической человеческой деятельности и бытии и находит его в человеческом труде. Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс отмечал, что для человека «производство есть его деятельная родовая жизнь», «благодаря... производству природа оказывается *его* произведением и его действительностью»². Именно труд создал человека, и именно в труде реализуются и развиваются специфически человеческие качества. В работе «К критике политической экономии» человеческий труд определяется Марксом как «целе-

сообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы»; он «составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм» 3. Труд, по Марксу, является не только средством к жизни, но и формой самоутверждения человека; человек в труде «действительно утверждает себя как *родовое существо*» 4.

При этом труд выступает для Маркса прежде всего как *общественное* отношение к природе, и, следовательно, «общность человека», его общественный характер необходимо включается в понимание сущности человека. Человек и общество неразрывны, и только в обществе, в определенных социальных образованиях, он реализуется как человек. «Человек,—писал Маркс,—всегда остается сущностью всех этих социальных образований, но эти образования выступают также и как его *действительная* всеобщность, поэтому также и как *общее* всем людям» 5. Сознание и мышление человека.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 516.

² Там же, т. 42, с. 94.

³ Там же, т. 13, с. 23.

⁴ Там же, т. 42, с. 94.

⁵ Там же, т. 1, с. 264.

28

возникают как общественный продукт и, следовательно, оказываются вторичными по отношению к его общественному бытию. На этой основе формируются и специфические человеческие материальные и духовные потребности, которые также связаны с сущностью человека и входят в ее определение.

Такова с позиций марксизма *социальная сущность* человека. Логическое вычленение ее в процессе теоретического анализа получило разностороннее обоснование в ходе исторического исследования антропогенеза, *становления* социальной сущности человека и вообще его развития как родового существа. Марксизм и здесь оказал и оказывает свое эвристически эффективное воздействие, способствуя формированию научной теории антропогенеза. Основоположник этой теории Ч. Дарвин в своих трудах «Происхождение человека и половой отбор» (1871 г.) и «Выражение эмоций у человека и животных» (1872 г.) положил начало развитию научных представлений о происхождении человека, об историческом формировании человечества. Это логично вытекало из его общей концепции эволюции. Уже в первом издании «Происхождения видов» (1859 г.) Дарвин указал, что «эта книга может бросить свет на происхождение человека и его историю. Этим было уже сказано, что при всяком общем выводе, касающемся способа появления организмов на земле, человека необходимо разбирать наряду с другими организованными существами» ¹. Данный вывод Дарвин обосновал, рассматривая происхождение человека от некоторого первичного типа, прослеживая способ его развития и определяя значение различий между человеческими расами.

Дарвин ставил перед собой прежде всего и главным образом *естественнонаучную* задачу, направленную против религиозной догмы о «божественном творении» человека, и именно под этим углом зрения рассматривал процесс антропогенеза, его источники и движущие силы. Убедительно доказав естественное происхождение человека, Дарвин вместе с тем создал основу для последующего научного объяснения *социальных* механизмов становления человечества, связанных с возникновением труда, сознания и речи, разнообразных способов общения. Решающую роль в этом объяснении сыграли методологические подходы, прямо и непосредственно вытекающие из марксистского понимания сущности человека как совокупности всех общественных отношений и являющиеся

«как бы соединением «наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей» 1.

Исторический подход, в котором диалектически объединяются общезволюционные и социологические идеи и методы, марксизм распространил, таким образом, и на процесс возникновения, формирования человека, и на процесс становления человеческого общества, соединив их в единое целое. Возникновение и формирование человека в его социальной сущности означает, следовательно, развитие «совокупности всех общественных отношений», а именно то «историческое развитие людей», которое выражается прежде всего в возникновении и развитии общественного производства, приводящего к смене общественно-экономических формаций.

В систематической форме это было доказано Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876 г.). Однако принципиальная позиция в данных вопросах была сформулирована К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в подготовительных работах к «Святому семейству» (1845 г.), в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.), в работе «К критике политической экономии» (1859 г.) и в первом томе «Капитала» (1867 г.). Подчеркивая, что переход от животного к человеку означал возникновение нового качества², Энгельс писал, что «существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, тогда как люди *производят*. Уже одно это — единственное, но фундаментальное — различие делает невозможным перенесение, без соответствующих оговорок, законов животных обществ на человеческое общество»³.

Принципиальное значение этих идей для научного понимания антропогенеза в его взаимосвязи с социогенезом было подтверждено всей последующей историей антропологии, прежде всего советской, в которой марксистский, исторический подход получил основательное развитие, хотя по многим конкретным вопросам антропогенеза имеются различия во мнениях, а порой и весьма противоречивые взгляды⁴. При этом

' Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 30.

2 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 276.

3 Там же, т. 34, с. 137.

4 См.: Нестурх М. Ф. Происхождение человека. М., 1970; Алексеев В. П. В поисках предков. М., 1972; Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1977; Рогинский Я. Я.; Левин М. Т. Антропология. М., 1978; Бунак В. В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980; Файнберг Д. А. У истоков социогенеза. М., 1980, и др.

SO

собственно антропологические исследования, прослеживающие становление социальной сущности человека, сочетаются со специальным анализом возникновения и развития общественного производства¹. Формулируется даже синтетическая концепция антропогенеза, которая получила обоснование в трудах некоторых исследователей². Суть ее состоит в том, что на смену естественному, биологическому отбору постепенно в ходе антропогенеза приходил социально-биологический,

или биосоциальный, отбор. Можно, конечно, спорить по конкретным деталям этой гипотезы, но ясно одно: «социальная детерминанта» в процессе антропогенеза, соединение антропогенеза с социогенезом — необходимый элемент марксистского, исторического подхода к человеку, его возникновению и развитию, прямо и непосредственно вытекающего из общего определения сущности человека как совокупности всех общественных отношений.

Правда, если бы мы ограничились научное определение человека, данное К. Марксом, только раскрытием его социальной сущности, то этот «сгусток социума» был бы весьма далек от реального, конкретного человека, живущего на Земле, а история его предстала бы только как прогресс разума в борьбе с неразумностью. Но такой рационалистически-просветительский взгляд был чужд Марксу, видевшему в истории деятельность полнокровно живущего, мыслящего и чувствующего человека, переживающего порой мучительные противоречия между велениями разума и влечениями его «природы», подавляемыми инстинктами и страстями, между сознанием и «подсознанием» — как бы это ни называли. Даже в самых своих сложных абстрактно-теоретических выкладках (например, в «Капитале», где сила абстракции была главным орудием познания) Маркс апеллировал к реальному человеку, образ которого всегда находился перед его мысленным взором. Вспомним, как характеризовал Маркс деятелей первоначального капиталистического накопления. А какими выпуклыми, нарисованными сочной кистью мастера предстают перед нами многие реальные исторические личности в его произведениях. И как Энгельс характеризовал героев эпохи Возрождения — «титанов по силе мысли, страсти и харак-

' См.: Гурьев Д. В. Становление общественного производства. М., 1973; Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. М., 1981, и др.

2 См.: Семенов Ю. И. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962; он же. Как возникло человечество. М., 1966; он же. Происхождение брака и семьи. М., 1974; Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропогенеза. Л., 1981.

31

теру...»¹. Критикуя тощие абстракции о некой бессубъектной «истории» человечества, Энгельс писал: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется»².

Противники марксизма не перестают твердить о его «сверхрационалистичности» в понимании истории и человека, которого марксизм если и признает, то якобы только как некоторую дедукцию из общих социальных предпосылок. При этом игнорируется то, что К. Маркс называл «природой человека». Не учитывается различие между сущностью человека как личности и существованием его как индивида, представителя рода человеческого. Поэтому в более полном определении целесообразно зафиксировать следующее: человек — субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на Земле, биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни, но выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью и сознанием.

Определение человека в марксизме углубляется до вычленения его социальной сущности, до понимания человека как совокупности всех общественных отношений, что, однако, не противопоставляется его существованию как природно-биологического индивида, представителя вида *Homo sapiens*. Вместе с тем — и здесь уже можно говорить о диалектике взаимосвязи сущности и явления — социальные факторы существенно детерминируют и факторы природно-биологические, являющиеся необходимыми условиями существования человека, которое конечно же определяется отнюдь не только ими. Для нас важно, однако, вычленить их особо, чтобы показать, что научная, марксистско-ленинская философия человека, возникшая и развивающаяся в тесной связи и взаимодействии со всей системой наук о человеке, определяет его сущность не в противопоставлении природно-

биологическим факторам его существования, а в связи и взаимодействии с ними. Учение марксизма о социальной сущности человека показывает одновременно роль и значение этих факторов жизнедеятельности человека, раскрывая важные особенности его биологической природы. Это позволяет преодолеть крайности как вульгарного социологизма, так и социал-биологизма, научно, диалектически определить направление поисков

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 346.

² Там же, т. 2, с. 102.

32

перспектив человека как биосоциального существа в его индивидуальном и историческом развитии.

Попытаемся хотя бы в общих чертах осветить марксистскую постановку этой проблемы, чтобы в последующих разделах конкретизировать ее, сделать некоторые обобщения и выводы. При этом следует, по-видимому, с самого начала оговориться, что представление о человеке как о биосоциальном существе фиксирует лишь особенности его наличного — телесного и духовного существования, тот факт, что он принадлежит одновременно как к миру природно-биологическому, так и к миру социальному. Разумеется, эта внешне определяемая наличность человеческого существования по может быть продолжена и распространена на его внутренние характеристики, поскольку это приводит к ложным представлениям о «биосоциальной сущности» человека ¹ и т. п. В действительности же сущность человека является социальной, но существование его определяется не только этим.

Исторически вопрос о сущности человека был, как известно, связан во многом с представлениями о разорванности и единстве души и тела. Обнаруживавшиеся при этом односторонности методологии идеалистического антропологизма и механистического натурализма приводили либо к полному игнорированию, либо к абсолютизации того, что можно было бы назвать биологической природой человека. Заслугой марксизма является то, что и в этом вопросе он выдвинул и обосновал научную, диалектико-материалистическую позицию, которая играет все возрастающую эвристическую роль в современном познании человека.

К. Маркс придавал большое значение природно-биологическим факторам существования и развития человека, его биологической природе. Первоначально употреблявшееся им понятие «человеческая природа» он дополнил впоследствии представлением о «совокупности потребностей и инстинктов», а в «Капитале» развил тезис о взаимодействии между внешней и собственной природой человека, в результате которого происходит изменение как первой, так и второй². Определе-

¹ В нашей литературе встречается порой отождествление понятия человека как биосоциального существа с определением его сущности («природы») как биосоциальной. На основании ложности последнего иногда делается вывод, что «определение человека как существа биосоциального философски непоследовательно» (Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981, с. 180). Однако в данном случае речь идет о совершенно разных понятиях — «существо» и «сущность» (природа), чего не заметили, к сожалению, авторы в целом логичного и глубокого философского труда.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, кн. 1, с. 188—189.

33

ние сущности человека как совокупности всех общественных отношений находилось у Маркса в органической связи с пониманием его как предметного, чувственного существа, отдельные особенности и влечения которого (страсть и т. п.) Маркс рассматривал также как его «сущностные силы».

«*Человек*, — писал он, — является непосредственно *природным существом*. В качестве природного существа... он... наделен *природными силами, жизненными силами*, являясь *деятельным природным существом*; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде *влечений*...»¹

Такой подход нашел разностороннее обоснование и развитие в трудах Энгельса, который считал, что «уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному...»². В этой связи он делал и более общие выводы о том, что «мы отнюдь не властвуем над природой так, как... кто-либо находящийся вне природы... мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее...»³. Философски обобщая результаты исследований антропогенеза в работах Дарвина и Моргана и критикуя ограниченность фейербахианского понимания человека, Энгельс, разумеется, акцентировал внимание на главном, что составляет сущность марксистского понимания человека, — на его социальных, общественно-трудовых и производственных характеристиках. Но было бы проявлением крайней односторонности абсолютизировать эту объясняемую конкретными задачами акцентировку, игнорируя то, что биологическая природа человека принималась Энгельсом как нечто исходное, хотя, безусловно, и недостаточное для объяснения истории и самого человека. В письме к Марксу он отмечал, что «мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом... а чтобы от него подняться к «человеку»⁴.

Человек как социальное существо не противостоит природно-биологической форме своего существования, являющейся его предпосылкой. Вместе с тем в разных отношениях, в разных исследовательских ситуациях значение социальных и природно-биологических факторов может изменяться. Поэтому, скажем, сегодня раскрыть то, как проявляется «*человеческая сущность природы*, или *природная сущность чело-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 162—163.

² Там же, т. 20, с. 102.

³ Там же, с. 496.

⁴ Там же, т. 27, с. 12.

века»¹, — это значит не просто учитывать биологические особенности человека в процессе его социального анализа. Биология человека властно вторглась в жизнь современных людей, ставя новые проблемы перед социологией, не потому, что возникли социологические вопросы, которые надо решать с ее помощью, хотя и здесь появилось нечто новое. Главное (и в этом можно видеть некоторый парадокс) состоит в том, что интенсивное развитие социальных факторов и условий жизни человека, составляющих его сущность, — прежде всего производства, труда — затронуло основы самого существования человека как живого, чувственного существа.

Особенно остро это обнаружилось в условиях научно-технической революции, которая в человеческом плане меняет многие существовавшие ранее связи и отношения. Так, она в значительной мере углубляет соотношение и взаимозависимость, взаимовлияние социальных и природно-биологических аспектов рассмотрения человека. Это связано прежде всего с изменениями в производственной, трудовой деятельности людей в результате научно-технической революции, а также с новыми факторами экологии человека, появившимися в последние десятилетия и оказывающими нередко такое отрицательное воздействие на его биологию, генетику и психику, которое можно расценивать как реальную угрозу самому его существованию. Вместе с тем научно-техническая революция открывает новые возможности и средства развития человека как биосоциального существа.

Все это, разумеется, требует особого внимания при определении перспектив человека. Следует разумно учитывать то новое, что вносят современная жизнь человека и наука в понимание соотношения биологических и социальных факторов и что предполагает большую, чем ранее, акцентировку на значение биологических методов (в их зависимости от социальных) познания человека и закономерностей его развития. Это позволит выявить новые резервы, способствующие всестороннему и гармоническому развитию человека, полной реализации его сущностных сил, которые определяются социальными факторами, позволяющими ему действовать сообразно заранее поставленным целям. Способность к *целесообразной деятельности* в том виде, как она осуществляется человеком, уникальна и существенно характеризует человека и в его отношении к природно-биологическим факторам.

Ф. Энгельс подчеркивал в свое время, что «человек — единственное животное, которое способно выбраться благо-

' Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

35

даря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию *в должно быть создано им самим* '. Человек добивается этого, создавая социальные условия, соответствующие современному состоянию его сознания, современному уровню научного познания объективных тенденций развития производства, культуры, всей истории по пути прогресса. Приводимые человеком в движение, все эти силы изменяют его самого; поэтому его нормальным состоянием является то, которое создается им самим.

Это имеет прямое отношение и к научному пониманию общего вопроса о *диалектике* социальных и природно-биологических факторов существования и развития человека. Марксистский подход к данному вопросу нашел достаточно полное и последовательное отражение в трудах многих советских авторов ². Имеющиеся здесь различия в конкретных частных вопросах, в трактовке тех или иных сторон и аспектов проблемы в целом вряд ли следует углублять (как это, к сожалению, иногда делается) до чуть ли не мировоззренческих и идеологических расхождений. Тем более не следовало бы переносить подобный подход на анализ новых явлений, возникающих в условиях научно-технической революции.

Наша общая задача, как представляется,— глубже и полнее раскрывать *диалектику* социального и биологического в человеке, которая заключается не в раз и навсегда данном *соотношении* между ними, даже если мы и говорим о примате, доминировании социального по отношению к биологическому и т. п. Диалектика состоит в *опосредствовании* и

' Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 510.

² См., например, следующие работы последних лет: Социальные и биологические факторы развития человека. Круглый стол.— Вопросы философии, 1972, № 9; Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975; Оконская Н. Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975; Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976; Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977; Карсаевская Т. В. Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития человека. М., 1978; Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М., 1979; Сержантов В. Ф., Гречаный В. В. Человек как предмет философского и естественнонаучного познания. Л., 1980; Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981; Полис А. Ф. Единство социального и биологического в гармоничном развитии личности. Рига, 1981. Эта проблема обсуждалась также на III Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания (доклады Д. К. Беляева, Н. П. Бочкова, Н. П. Дубинина). Серия статей по этой теме была опубликована в последние годы в журнале «Вопросы философии» и др.

преобразовании биологического социальным, поскольку «человеческие предметы не являются природными предметами в том виде, как эти последние непосредственно даны в природе...»¹. Это относится и к биологическим потребностям человека, преобразование которых имеет столь глубокий характер, что оно дало возможность К. Марксу сказать: «Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»².

Опосредствованно и преобразование природно-биологического социальным имеет в качестве своей основы и механизма реализации *специфически, человеческую деятельность*, прежде всего трудовую, производственную, которая создает *биосоциальные* формы существования и развития человека.

Еще в молодые годы К. Маркс отмечал: «Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу... Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь»³. Впоследствии Маркс развил и обосновал эти идеи в характеристике специфики человеческого труда. В «Капитале» он обращал внимание на то, что труд «с физиологической стороны это — функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д.»⁴. Однако вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «...способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*»⁵. Именно поэтому, в частности, «история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой книгой человеческих сущностей*»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 16-4.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 28.

³ Там же, т. 42, с. 93, 94.

⁴ Там же, т. 23, с. 81.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 23.

ных сил, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека...»¹.

Как видим, сущность человека в марксизме с самого начала связывалась с трудовой деятельностью, с производством, и, если применить к вопросу об опосредствованном и преобразовании природно-биологического социальным марксово понимание диалектики производства и потребления, можно сказать, что «каждое из них выступает как средство для другого, одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости друг от друга»². Конечно, эта зависимость не является равновеликой как для производства и потребления, так и в несравненно большей степени —

для социального и биологического в человеке. Однако элементы взаимной зависимости, по-видимому, не должны игнорироваться и в последнем, интересующем нас случае.

Эти основополагающие марксистские подходы успешно развиваются ныне как философией, так и конкретными науками о человеке, ориентирующимися в своей методологии на диалектико-материалистический метод решения, в частности, проблемы опосредствования и преобразования природно-биологического социальным в процессе человеческой деятельности. В последние годы эта проблема все более глубоко и разносторонне исследуется в нашей науке. Показывается социальная детерминированность индивидуального развития (Б. Г. Ананьев); разрабатываются философско-социологические вопросы онтогенеза человека, представления о его целостности и фазовости (Т. В. Карсаевская); получает диалектико-материалистическую интерпретацию социальная детерминированность биологического в человеке, включая его генетику, онтогенетическое и общее физическое развитие, адаптацию и экологию (К. Е. Тарасов, Е. К. Черненко). В антропологии развивается взгляд, согласно которому антропогенез не просто осуществляется в результате доминирующего воздействия общественно-исторических факторов, но на известной стадии полностью устраняет формирующее влияние биологических законов (Я. Я. Рогинский, М. Т. Левин, Ю. И. Семенов). Показано доминирующее значение социальных факторов в трудовой деятельности человека, в историческом процессе (Н. Б. Оконская, С. С. Батенин). В психологии утверждаются подходы, развивающие взгляды Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, подчеркивав-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 1. 42, с. 123.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 29.

38

ших ведущую роль социальных факторов в формировании психики человека. В генетике в настоящее время все более определенно подчеркивается опосредствованность биологического социальным, показывается значение механизмов его преобразования в поведении человека (Д. К. Беляев, Н. П. Бочков, Н. П. Дубинин, Л. В. Крушинский и др.).

Конечно, как уже отмечалось, разные авторы по-разному видят многие аспекты проблемы социального и биологического в человеке. Не случайно в последние годы среди ученых-марксистов ведутся научные дискуссии по этой сложной, по-видимому, еще недостаточно исследованной проблеме. Эти дискуссии (их результаты будут рассмотрены особо) имеют, на мой взгляд, принципиальное значение, так как они существенно определяют особенности постановки проблемы социального и биологического в современной науке. Вместе с тем они с разных сторон подчеркивают основное и главное в научном решении данной проблемы: диалектику опосредствования и преобразования биологического социальным, взаимодействие и взаимовлияние социального и биологического в человеке, социальная сущность которого отнюдь не противопоставляется его биологической природе.

Это общее диалектико-материалистическое решение проблемы социального и биологического противостоит сегодня многочисленным попыткам развить на новом этапе научного прогресса методологические подходы идеалистического антропологизма и натурализма, научно преодоленные в марксистском учении о человеке. Такие подходы выступают сегодня во многих случаях как «рецидивы рецидивов» философско-антропологических, социал-дарвинистских, фрейдистских и тому подобных представлений, появившихся уже после открытия Марксом социальной сущности человека и разработки научной концепции антропогенеза и перспектив исторического развития человека. Сказанное не значит, конечно, что не было создано ничего нового в философском и прежде всего конкретно-научном обосновании проблемы человека в современных условиях. В частности, в связи с бурным прогрессом комплекса биологических наук натуралистические концепции человека, абсолютизирующие специфику его биологической природы, получили особенно интенсивное развитие в различных направлениях современного социал-биологизма. Это требует от марксистов большего внимания к критике подобных концепций, спекулирующих на новых открытиях современной биологии, и вме-

сте с тем предполагает позитивное развитие марксистской концепции человека с учетом такого рода открытий.

---

2. Современный антропологизм и социал-биологизм о человеке, его сущности и его будущем; постулаты социо-биологии: смысл или бессмыслица? Научные дискуссии о соотношении социальных и биологических факторов развития человека

Несмотря на то что марксизм дал принципиальный ответ на поставленный в истории философии вопрос о сущности человека, буржуазная мысль продолжала «параллельное» движение в антропологической проблематике. И хотя она уже не могла не считаться с марксистским учением о человеке (обвиняя, правда, марксизм в игнорировании этих проблем, стремясь, как это делают буржуазные «марксологи», противопоставить его антропологическим и гуманистическим взглядам молодого Маркса¹, традиционная дилемма и «дополнительность» идеалистических и натуралистических антропологических концепций проявились в ней еще более отчетливо. Об этом свидетельствует развитие буржуазной философской антропологии, социал-дарвинизма, претендующих на специфическое видение человека, его сущности и его будущего. Появление этих концепций было связано с развитием ряда конкретных наук, имеющих прямое или косвенное отношение к проблеме человека, в частности к отдельным аспектам его природно-биологического и социокультурного, нравственного существования. Однако новые данные науки, в частности биологии, получили извращенную интерпретацию применительно к исследованию его сущности и существования, его будущего.

Так, в противовес научной концепции человеческих рас, развивавшейся в рамках этнической антропологии, или расоведения, стали появляться «расовые теории», питающие и по сию пору одно из отвратительнейших порождений буржуазной мысли — расизм, получивший свое предельное воплощение в фашистской практике геноцида. Начало этим «теориям» было положено Ж. де Гобино в сочинении «О неравенстве человеческих рас» (1853—1855 гг.), которое и сегодня пропагандируется всякого рода расистами, включая и так называемых «новых правых» во Франции, хотя наука, начиная с появления дарвинизма и кончая современной биологией и генетикой человека, полностью опровергает расистские измышления о неравноценности человеческих рас, доказывая видовое единство человечества².

¹ См. об этом: *Белкина Г. Л.* Философия марксизма и буржуазная «марксология». М., 1972.

² См. об этом: *Расы и общество.* М., 1982.

Точно так же обстоит дело и с так называемым социал-дарвинизмом, обнаруживающим свое внутреннее родство с расизмом¹. Идущее еще от Г. Спенсера, это направление мысли не имеет ничего общего с подлинным дарвинизмом, хотя и заимствует у него некоторую терминологию. Впрочем, это типичный прием оскудевающей мысли, не способной к развитию на собственной основе, а потому стремящейся достичь своих реакционных целей путем паразитирования на прогрессивных течениях научного познания. Л. Гумилович, Г. Ратценхофер, Л. Вольтман, Х. С. Чемберлен и другие «теоретики» социал-дарвинизма и расизма предельно биологизировали человека и общество, считая, что только путем естественного отбора можно избежать «генетического вырождения» человечества. Тем самым они создали определенную основу для современного социал-биологизма, спекулирующего на новейших данных генетики, этологии и других наук.

Еще одним источником современных натуралистических концепций человека социал-биологического толка является фрейдизм. Уже у самого родоначальника современных концепций

психоанализа З. Фрейда наблюдалось явное отождествление сущности человека с его биологически обусловленными инстинктами, имеющими асоциальный характер. Социальные факторы, по Фрейду, выполняют лишь функции подавления, вытеснения биологических инстинктов. Отсюда делался вывод, что в основе прогресса общества лежат эрос — сексуальный инстинкт жизни и самосохранения — и танатос — разрушительный и агрессивный инстинкт смерти. Соответственно этому выделялись и ступени культуры в развитии человечества. Следует отметить, что Фрейд привлек внимание ученых к сфере бессознательного, которая традиционными направлениями науки не исследовалась систематически, и показал большое значение этой сферы в жизни человека, в развитии культуры. Однако он не только гипертрофированно представил ее роль, но и вообще не смог определить тот смысл, который приобретают природно-биологические устремления человека в социальной сфере его существования. Биологизаторские тенденции особенно отчетливо проявляются в современном фрейдизме².

Надо сказать, что природно-биологическая детерминанта явственно обнаруживается в своей гипертрофированной

¹ Критику расизма и социал-дарвинизма в историческом аспекте и в их связи с фашизмом дал в свое время венгерский философ-марксист Дьердь (Георг) Лукач в книге «Разрушение разума» (*Lucacs G. Die Zerstörung der Vernunft*. В., 1955).

² Neue Perspektiven der Psychoanalyse. Stuttgart, 1981; Parrel B. A. The Standing of Psychoanalysis. Oxford, 1981.

41

форме и во многих направлениях буржуазной философской антропологии. Начало ее восходит к работам немецких философов Ф. Ницше и М. Шелера, через которых развитие шло к современным вариантам философской антропологии, включая экзистенциалистские, где эта концепция получила наиболее отчетливое воплощение. Для Ф. Ницше было характерно общее понимание природы человека как неподвластной сознанию и разуму, но подчиняющейся бессознательной творческой жизни, давлению хаотического избытка инстинктов. Человека Ницше считал «еще не установившимся животным», не приспособленным к своему природно-биологическому существованию, а потому открытым для любых других возможностей. М. Шелер в работе «Положение человека в космосе»¹ и Г. Плеснер в книге «Ступени органического и человек»² развили эти идеи Ницше, соединив их с фрейдистскими представлениями о бессознательном и его роли в жизнедеятельности человека. Такая биолого-антропологическая направленность и обозначила специфику философского подхода к пониманию человека, отчетливо обнаружившуюся в последующих модификациях данного учения.

Эта, как назвал ее сам Шелер, «новая философская антропология» претендовала на статус философской теории научного знания о человеке, на то, чтобы найти ответ на все основные вопросы человеческого бытия, начиная с его сущности, природно-биологических, психических и духовных факторов существования и кончая личностными, социальными. Обосновывая «открытость» человека через его соотнесение с животным, Шелер подчеркивал, что существование (бытие) человека создается напряжением между жизнью и духом, который является, по его мнению, противоположным по отношению ко всякой жизни принципом и который нельзя свести к естественной эволюции жизни, хотя именно через нее — через сублимацию, подавление порывов — он обретает свою силу и могущество. И здесь «новая философская антропология» приходит к идее бога, правда не «совершенного» и «завершенного», а «существующего», причем человек занимает в этом процессе центральное место.

Попытка Шелера объединить в «новой философской антропологии» философские, естественнонаучные (главным образом биологические) и религиозные подходы, порывающие с традиционными воззрениями, была продолжена в разных формах и с разными акцентами на роль тех или иных

¹ Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos. Darmstadt, 1928.

свойств «человеческой природы» прежде всего в философско-антропологических построениях А. Гелена¹, О. Ф. Больнова² и др., развивавших биологическое направление этой концепции.

Биоантропологические тенденции, по крайней мере в их абсолютизированном виде, пытается преодолеть культурно-философская антропология, главные представители которой — Э. Ротхакер³ и М. Ландман⁴, опираясь на работы Г. Плеснера, стремятся постигнуть человека в его целостности, в единстве его природно-биологического существования и духовной деятельности как творца культуры и одновременно ее творения. Однако в своем стремлении преодолеть односторонний биологизм культурно-философская антропология впадает в другую крайность — М. Ландман, например, вообще отрицает значение эволюционно-биологических факторов для понимания природы человека. Такой чисто «культурно-философский» подход соединяется с признанием предшествующего человеку «объективного духа», а это уже ведет к философско-религиозному варианту антропологии, реализуемому, в частности, Э. Хенгстенбергом⁵.

В развитии современной буржуазной философской антропологии обнаруживается тем самым характерная и для прошлого следующая закономерность. Современный антропологизм и натурализм методологически основываются на противопоставлении целостных и редукционистских методов познания человека. Правда, как в первом, так и во втором случае сохраняется некоторая условность их противопоставления, поскольку, в частности, антропологический подход может сопровождаться натуралистической редукцией человека (как правило, изолированным рассмотрением его биологической природы), а редукционистские тенденции — вести к необходимости утверждения целостных (прежде всего философских) подходов в исследовании проблемы человека.

Дуализм методов исследования человека является, однако, лишь частным случаем и проявлением общего, исторически сложившегося разрыва между философией и конкретными науками (прежде всего естествознанием), разрыва,

¹ Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt. B., 1944.

² Botlnow O. P. Die philosophische Anthropologie und ihre methodischen Prinzipien.— In: Philosophische Anthropologie heute. München, 1972.

³ Rothacker E. Philosophische Anthropologie. Bonn, 1966.

⁴ Landmann M. Philosophische Anthropologie. B., 1955.

⁵ Hengstenberg H. E. Philosophische Anthropologie. Stuttgart, 1957.

при котором учение о человеке, даже будучи частью физики или биологии, всегда дополнялось извне метафизическими построениями типа картезианского *cogito*, гегелевского панлогизма и т. д. С другой стороны, абсолютизация целостных подходов, противопоставление редукционизму и натуралистическому позитивизму антропологизма как универсального принципа, методологически исходящего из представления о человеке как некоторой противоположности предмету науки, в частности естествознания, создали традицию чисто философского его рассмотрения, которое нашло предельное выражение в различных иррационалистических, критико-реалистических, неотомистских, персоналистских, экзистенциалистских и других вариантах философской антропологии.

В марксистской литературе последних лет основные варианты современной философской антропологии рассмотрены достаточно полно и убедительно¹. Так, было показано, что, несмотря на ряд существенных различий, она имеет единые исторические корни и единую методологию. При всем — зачастую весьма принципиальном — различии между разными вариантами современной философской антропологии их объединяет главное: стремление рассматривать проблему человека как исключительно (или главным образом) дело философии. Тем самым разрыв между философией и конкретными науками о человеке еще более углубляется, хотя зачастую это и не признается. Более того, утверждается, что философская антропология тесно связана с конкретными науками, постоянно учитывает их данные 2.

Это характерно, в частности, для биологического и психологического вариантов философской антропологии, которые лишь по видимости опираются на соответствующие науки, однако в действительности так же далеки от них, как и экзистенциалистские, где (как, например, в учении Ж. П. Сартра) решительное отмежевание от науки является исходным принципом. Такая «онтология человека» делает центральными понятия субъективности и трансцендентальности, непрерывного самосознания и самонахождения, свободы, по-

¹ См. об этом: Проблема человека в современной философии. М., 1969; Буржуазная философия XX века. М., 1974; *Габитова Р. М.* Человек и общество в немецком экзистенциализме. М., 1974; *Тавризян Г. М.* Проблема человека во французском экзистенциализме. Критический анализ. М., 1977; Личность в XX столетии. Анализ буржуазных теорий. М., 1979; *Корнеев П. В.* Критика современных буржуазных и ревизионистских концепций человека. М., 1981; *Григорьян Б. Т.* Философская антропология. Критический очерк. М., 1981, и др.

2 *Brunning W.* Philosophische Anthropologie,— In: *Die Philosophie in XX Jahrhundert.* Stuttgart, 1963.

44

питаемой в отрыве от объективных закономерностей общества. В итоге даже в тех вариантах философской антропологии которые апеллируют к социальному, обнаруживается основное и главное — сведение социального к индивидуальному, т. е. игнорирование действительной социальной сущности человека как совокупности всех общественных отношений. Это отчетливо проявляется, например, в экзистенциалистской концепции К. Ясперса. Человеческая личность, полагает он, вообще существует вне связи с историей, которая затрагивает в личности лишь нечто внешнее; доминирует же в ней абсолютное, вечное, вневременное, внеисторическое. Социальность конституирует человека, по Ясперсу, лишь как абстрактную родовую сущность, как индивида.

Такой абстрактно-философский подход, разумеется, не проясняет вопроса о соотношении социальных и природно-биологических факторов в развитии человека. Мы уже видели, что другую крайность в решении этого вопроса выражают биологическая разновидность философской антропологии и фрейдизм. Определенный интерес в этом плане представляют также философско-антропологические взгляды Тейяра де Шардена, пронизанные глубокими внутренними противоречиями, хотя он и пытался найти мистические связи между действием природно-биологических факторов становления (гоминизация) и факторов социальных (социализация).

Согласно учению Тейяра де Шардена, человек воплощает и резюмирует в себе все развитие мира. Критикуя «дурной антропоцентризм», он подчеркивал, что «человек—не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее»¹. По мнению Тейяра, эволюция — это сущность космоса, и она пронизывает всю историю человечества—от его возникновения до полного развертывания ноосферы, т. е. сферы коллективного сознания, когда достигается некая «точка Омега». «Ноогенез, необратимо поднимающийся к Омеге сквозь строго ограниченный цикл геогенеза» 2, завершается, по Тейяру, как «сверхжизнь», «сверхличность», где человечество будто бы возвысится до бога. И здесь, как он считает, преодолевается конфликт науки и религии, достигается их синтез. Они оказываются двумя неразрывно связанными сторонами, или фазами, од-

ного и того же полного акта познания. Соединение разума и мистики позволяет человеческому духу найти «высшую степень своей проницательности вместе с максимумом своей жизненной силы»³.

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965, с. 38.

² Там же, с. 263.

³ Там же, с. 279.

45

Как видим, у Тейяра научный подход ученого-естествоиспытателя соседствует с мистической верой теолога, и это в существенной степени пронизывает его философскую антропологию в целом.

С одной стороны, Тейяр биологизирует человека, у которого, в сущности, не оказывается социально-го как качественно надбиологического; он представляется лишь как «уходящая ввысь вершина великого биологического синтеза... последний по времени возникновения, самый свежий, самый сложный, самый радужный, многоцветный из последовательных пластов жизни»¹. Соответственно, по Тейяру, переход к «сверхжизни» — это, в сущности, биологическая революция, приводящая к сознательному преобразованию биологии, психики и генетики человека. Он озабочен в связи с этим, «какими медицинскими и моральными факторами *нужно заменить грубые силы естественного отбора*, если мы их устраним», и заключает, что «в ближайшие столетия необходимо основать и развить сообразно нашим личностным качествам благородную человеческую форму евгенизма»².

Однако, с другой стороны, все это, по Тейяру, развивается в направлении «человеческой энергетики», которая создается не только с помощью, но и «за пределами всякой физики, всякой биологии и всякой психологии... И в ходе этого уже негласно начатого построения наша наука, сосредоточившись на человеке, будет все больше находиться лицом к лицу с религией»³. Тейяр выступает в итоге против научно-материалистического истолкования человека, понимая под этим, правда, грубые, вульгарные формы материализма. По его мнению, человек вызвышается к «сверхжизни» и «сверхличности» (т. е., как он считает, к богу) с помощью любви, по законам социальной наследственности, которую Тейяр отождествляет с психической, с устной или письменной передачей человеческого опыта.

Эта внутренняя противоречивость философской антропологии Тейяра показывает в то же время, что, разумеется, не всегда можно четко определить поляризацию «чистого» антропологизма и натурализма, биологизма, так как между этими крайними полюсами существует теоретическое пространство, занятое, так сказать, «переходными» формами, не со столь резко выраженным тяготением к одному или другому полюсу. И все же в современных условиях в целом наблюдается очевидное тяготение отнюдь не в сторону «чисто-

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965, с. 220.

² Там же, с. 277,

³ Там же.

46

го» антропологизма, позиции которого, правда, весьма сильны и в ряде случаев даже усиливаются в связи с некоторыми процессами научно-технической революции. На передний план все в большей мере выдвигаются именно концепции социал-биологизма.

В современной научной, научно-популярной, научно-фантастической литературе, а также в художественной литературе, в искусстве наблюдаются заметное оживление и усиленная, порой сенсационная, эксплуатация биологизаторских представлений о человеке, что, по крайней мере отчасти, объясняется необычайными успехами биологической науки последних десятилетий. Заметное оживление получили неопределенные концепции человека, социал-дарвинизм и т. д., причем они теперь пытаются найти «научную опору» в генетике. На ложно поставленный вопрос — гены, либидо или социум? — ответ дается зачастую в пользу универсального значения действия генов или некоторых психофизиологических факторов, подобных фрейдовскому либидо. Но тем самым генетическая программа человека или его психофизиологические особенности превращаются в единственный или, по крайней мере, решающий источник его сущностных свойств.

Абсолютизация роли биологических факторов развития человека и создает такое весьма устойчивое направление современной мысли, как *социал-биологизм*, которое включает в себя теории, концепции хотя во многом разнородные, но имеющие единую методологическую основу. Критика этого направления — одно из необходимых условий утверждения научных принципов исследования человека и его будущего.

Оживление в последние годы концепций социал-биологизма, универсализирующих биологическую природу человека в противовес его социальной сущности, гносеологически объясняется односторонним и потому гипертрофированным восприятием данных прежде всего современной нейрофизиологии, этологии и генетики в их применении к человеку. Утверждается при этом, что человек — «ошибка эволюции» и что природа наделила его рядом отрицательных, генетически обусловленных признаков, представляющих собой своеобразную «бомбу замедленного действия», обезвредить которую человек может лишь в том случае, если разберется в устройстве ее «часового механизма» (А. Кестлер). Генетически детерминированными, по мнению ряда этологов, оказываются и некоторые особенности поведения человека, его якобы врожденная агрессивность или же, напротив, его альтруизм.

47

Все это привело в последние годы к своеобразному «взрыву» исследований, ставящих своей целью доказать, что будто бы вообще многие основные социальные принципы, которыми руководствуются люди в своем поведении, имеют главным источником своего происхождения не общественные условия;

а прежде всего биологические, в частности эволюционно-генетические, факторы. Проблема существования биологических истоков социального поведения человека, особенно те стороны ее, которые оформились в основном под влиянием идей З. Фрейда и этологии (К. Лоренц, Р. Ардри и др.), широко обсуждается сегодня в мировой науке.

Разумеется, нельзя не видеть, что в специальных исследованиях этологов установлено большое количество фактов, заставляющих во многом по-новому посмотреть на проблему генетической обусловленности поведения человека. Но эти факты зачастую обесцениваются тем, какую концептуальную взаимосвязь они получают в социал-биологизме. Как отмечал в свое время В. И. Ленин, «перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза*. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой»¹. Кроме того, подобные концепции, поскольку они пытаются объявить «вечными», «врожденными» проявления агрессивного поведения, приводящего к войнам, частнособственнические инстинкты, классовое деление общества и т. д., дезориентируют, по сути дела, социальные усилия людей. Устранение этих якобы биологически детерминированных черт человека и его поведения 'может быть достигнуто, с точки зрения социал-биологизма, чисто биологическим путем. Что касается социальных условий, то они якобы составляют лишь фон, на котором проявляются биологические качества человека, и могут либо тормозить их реализацию, либо ей способствовать.

Конечно, не всегда эта идейная направленность концепции социал-биологизма проявляется «в чистом виде», но она заложена в самой основе его методологии. Возьмем, например, ту же этологию. Считая, что корни проявления агрессии и насилия находятся в атавизмах биологической природы человека, один из создателей этой концепции, Р. Ардри, утверждает: «Когда мы защищаем права или независимость своей страны, мы действуем под влиянием побуждений, которые ничем не отличаются от соответствующих побуждений у бо-

' Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 349.

48

лее низкоорганизованных животных. Эти побуждения являются врожденными и неискоренимыми» !.

Этот подход взят на вооружение многими буржуазными идеологами, деятелями искусства и пр., которые, каждый в своей сфере, пытаются внушить людям малоподготовленным мысль о том, что человек — злобное животное и что вся мировая культура не способна изменить его жестокую природу. Самое печальное здесь отнюдь не то, как изображается человек (наука и история человечества также дают нам весьма неоднозначную картину), а то, что человечество тем самым, в сущности, обезоруживается в своей борьбе против зла, имеющего социальную, а не биологическую природу.

Биологизаторские тенденции обнаруживают свою научную несостоятельность и дезориентирующую социально-этическую роль и в концепциях современного социал-дарвинизма, который, правда, после своего широкого распространения в конце прошлого и начале нынешнего столетия существует в настоящее время больше как известный подход внутри других теорий и концепций. Так, исходный тезис социал-дарвинизма о борьбе за существование в человеческом обществе, естественном отборе и пр. отстаивается, например, не только в этологических, но и в некоторых антрополого-генетических концепциях. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к нашумевшей книге лауреата Нобелевской премии Ж. Моно «Случайность и необходимость»², в которой он до предела биологизирует проблемы, связанные с развитием человека. При этом из анализа исключаются социальные факторы, определяющие сущность человека, в том числе и возможности его физического совершенствования, развития культуры, а также производственная деятельность людей как основа прогресса общества.

Некоторую переоценку значения биологических механизмов в жизни человека и общества допускал и крупный американский генетик Т. Добжанский, считавший, что естественный отбор не прекращает своего действия не только в современном обществе, но и в предвидимом будущем³. Однако, несмотря на это, работы Т. Добжанского не могут быть отнесены к тому общему направлению, которое здесь обозначается как социал-биологизм, так как этот выдающийся

' Цит. по: Холличер В. Человек и агрессия. З. Фрейд и К. Лоренц в свете марксизма. М., 1975, с. 13.

² Monod J. Le hasard et la necessite. P., 1970.

³ Dobzhansky T. Natural Selection in Man.— In: The Structure of Human Populations. Oxford, 1972.

49

ученый рассматривал лишь отдельные аспекты проблемы человека в сугубо специальном — генетическом плане¹.

Несколько в ином плане трактует эти проблемы известный американский биолог-эволюционист Э. Майр². Демонстрируя преимущества популяционного и исторического подхода к биологии человека, Майр не избегает сложных социальных проблем, предлагая, правда, не всегда убедительные, с точки

зрения марксизма, решения. Вместе с тем общая мировоззренческая позиция Майра и его конкретные подходы к проблеме человека и его будущего основаны на высоких принципах гуманизма, признании уникальности личности и ее свободы.

Остро и убедительно критикуя последствия «типологического мышления», нашедшего свое крайнее выражение в расизме, Майр подчеркивает значение в формировании личности как наследственности, так и среды. Он выступает против «принципа идентичности» как пагубного для человечества и антидемократического, ведущего к несвободе. Каждый индивид должен оцениваться, подчеркивает Майр, на основе его собственных характеристик, а никак не характеристик его расы. Этот аргумент сильно звучит в борьбе против расизма. Майр далек от того, чтобы указать конкретные пути развития индивида с учетом его, так сказать, социального фона. Между тем, по глубоко справедливому замечанию К. Маркса, человек «только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества»³. Как видим, в этом случае наибольшее значение имеют не «великие истины популяционной зоологии», о которых говорит Майр, а истины социологии, развитые Марксом.

Впрочем, Майр осознает недостаточность чисто биологического подхода, когда говорит, например, о сфере действия естественного отбора в современных условиях, о будущем человечества. Майр учитывает роль труда в процессе становления человека, представляющего собой, как он считает, «единственное млекопитающее, выживание которого неизменно зависит от умения использовать орудия. Эта зависимость от приобретенного обучением умения применять орудия

¹ Проявления современного социал-биологизма в утопиях, касающихся будущего человека и опирающихся на генетику, мы рассмотрим далее.

² См.: Майр Э. Человек как биологический вид.— Природа, 1973, № 12; 1974, № 2.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 146.

связана с развитием новой, ранее не использованной возможности поведения и, следовательно, создает совершенно новые давления отбора» (. Майр полагает, что отбор действует и в современном обществе в качестве активного фактора, особенно при остром недостатке пищи, антисанитарных условиях и т. д. Он выделяет также генетические основы разнообразия человеческих способностей, что отнюдь не противоречит научному пониманию соотношения социальных и биологических факторов развития человека.

Помимо этологических и эволюционно-генетических па-правлений современного социал-биологизма существует еще, как уже отмечалось, обширная сфера влияния современного фрейдизма, интенсивно эксплуатирующего данные, касающиеся психофизиологических факторов жизнедеятельности человека².

Социальный анализ деятельности человека является камнем преткновения и для всех современных концепций психоанализа, пронизанных поэтому в очень сильной мере внутренними противоречиями, непоследовательностью. Это характерно, например, для психоаналитических концепций К. Юнга, К. Хорни и др. Не помогают здесь и попытки соединить психоаналитические идеи Фрейда с марксистской концепцией личности, как это делает, например, Э. Фромм. Пытаясь сблизить эти две диаметрально противоположные концепции, он стремится превзойти их, интерпретируя при этом марксизм в вульгарно-социологическом и антропологическом духе.

«Исследование общества и исторического процесса необходимо начинать с человека,— утверждает Фромм,— с реального конкретного человека, с его физиологическими и психологическими свойствами, но отнюдь не с абстрактного человека. Оно должно начинаться с понятия сущности человека, а

анализ экономики и общества послужит только той цели, которая поможет понять, как искажен был человек обстоятельствами, как был он отчужден от самого себя, от своих сущностных качеств»³. В этом высказывании заключена самая суть антропологизма концепции Э. Фромма, сближающего ее с биоантропологическими построениями М. Шелера, А. Гелена и других, но с акцентом на психофизиологические факторы в их фрейдистской трактовке. Свою точку

¹ Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М., 1968, с. 502.

² См.: Лейбин В. М. Психоанализ и философия неопрейдизма. М., 1977; Личность в XX столетии. Анализ буржуазных теорий. М., 1979, и др.

³ Fromm E. The Sane Society. L, 1963, p. 254.

51

зрения Фромм определяет как «не биологическую и не социальную», однако все отличие ее от концепции Фрейда в этом плане сводится лишь к замещению действия инстинктов психологическими факторами. Сам психоаналитический подход к человеку остается почти неизменным, поскольку, по Фромму, социальные условия порождают лишь специфические проявления человека, тогда как его сущность не детерминируется социально, а обусловлена скрытыми стремлениями и конфликтами в области бессознательного. Именно эти факторы играют, полагает Фромм, решающую роль. По его мнению, ошибка Маркса состояла в том, что он считал человека разумным существом, тогда как на самом деле человек, как доказал Фрейд,— иррациональное животное.

Все это приводит Фромма к утопическим построениям будущего, когда и взаимоотношения человека с наукой и техникой, и его связи с природной средой приобретут характер гармонического единства. Однако, считает он, это будет достигнуто не в результате рационально объяснимого действия социальных факторов, а как следствие эффективного, непосредственно переживаемого «прозрения», которое призвано высвободить первичные потенциальные способности людей и блокировать силы зла, приблизить человека к состоянию необремененного, естественного поведения. Эти идеи были развиты Э. Фроммом, исходя из определенного понимания человеческой сущности² и утверждения идей «гуманистического социализма», причем в последних своих работах он пытался в наибольшей степени соединить философско-антропологический подход с культурологическим и социально-политическим, провозглашая парадоксальную по своей сущности надежду, рассматриваемую как «внутренний элемент структуры жизни, динамика человеческого духа, основное и существенное условие бытия человека»³, «новый гуманизм», с его точки зрения,— это идеал утопического «нового общества», реформированного в соответствии с природой человека.

Подобный подход разделял также Г. Маркузе, который, как и Фромм, «подправлял» Маркса, вводя «биологическое измерение» человека, которое якобы отсутствует у Маркса, а

его учение об эроте идет еще дальше, чем у Фромма, в попытках биологизировать марксизм⁴.

¹ Fromm E. The Sane Society, p. 14.

² Fromm E. Der moderne Mensch und seine Zukunft. Frankfurt a/Main, 1974.

³ Fromm E. Die Revolution der Hoffnung. Fur eine humanisierte Technik. Reinbeck, 1979, S. 20.

⁴ Marcuse H. Eros and Civilisation. Boston, 1955.

52

Маркузе и другие представители так называемой Франкфуртской школы¹ пытаются соединить этот подход с антропологизмом в его идеалистическом варианте, не причисляя себя, однако, к какому-либо направлению буржуазной философской антропологии. Они вообще определяют свои взгляды в более широком идейно-теоретическом контексте, в частности в отношении к проблематике современной научно-технической революции, ее человеческим и социальным последствиям и т. д. Поэтому подробно их взгляды будут рассмотрены в следующей главе, где данная проблематика анализируется специально.

Здесь же следует еще раз подчеркнуть, что в весьма многообразных вариантах современного антропологизма и натурализма социал-биологическая детерминанта приобретает все большую силу. Она используется порой в самых противоположных целях. Так, американский психолог Б. Ф. Скиннер направляет ее против тезиса об «автономном человеке», обладающем свободой выбора в своем поведении. По его мнению, только среда программирует поведение человека, что создает возможность манипулировать им и с помощью «бихевиористской инженерии» создать абсолютно управляемого человека в абсолютно управляемом обществе, которое тем самым окажется в состоянии решить все свои проблемы². В других случаях решающим фактором признается биологическая природа человека, заключенная в его генотипе, подсознании и инстинктах³.

Особую роль в многообразных формах современного биологизма начинает играть остро обсуждающееся сейчас научное направление, называемое *социобиологией*, которая претендует на конституирование в виде отдельной научной дисциплины. Ее создатели считают, что социобиология занимает промежуточное место между учением Б. Скиннера,

¹ См.: Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки). М.—Прага, 1978; Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978.

² Skinner B. F. Reflections on Behaviorism and Society. N. Y., 1978. Критический анализ «скиннеризма» дан в работах: Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии.— Вопросы философии, 1976, № 3; Шварцман К. А. Новые тенденции в развитии современной буржуазной этики. М., 1977; Араб-Оглы Э. А. Отречение от социальных идеалов.— С чего начинается личность. М., 1979, и др.

³ Подробный критический очерк современного биологизма содержится в книгах австрийского философа-марксиста В. Холличера: Hollitscher W. Kain oder Prometheus? Zur Kritik des zeitgenossischen Biologismus. В., 1972; Холличер В. Личность и гуманизм. М., 1981. См. также: Вернеке А. Биологизм и идеологическая борьба. М., 1981.

полагающего, что поведение человека полностью определяется средой, и учением К. Лоренца, доказывающего, что человек — пленник своих агрессивных инстинктов. Р. Триверс — один из ведущих теоретиков социобиологии — утверждает даже, что рано или поздно политические науки, юриспруденция, экономика, психология и антропология станут разделами социобиологии. Конечно, все это вызвало не только сочувствие у ряда ученых, но и в гораздо большей степени резкую критику, причем отвергаются как раз неумеренные претензии социобиологов, хотя признается, что ряд их наблюдений и гипотез заслуживают пристального внимания и объективной оценки.

Сказанное можно отнести и к идеям одного из основоположников этого направления — Э. О. Уилсона, изложенным в его труде «Социобиология»¹.

Подводя теоретическую базу под социобиологию, единую для всего живого, включая и человека, и человеческое общество, Уилсон стремится установить какие-то общие черты в поведении всех высокоорганизованных живых существ, вывести общие его закономерности, доказать, что социальность присуща всем живым существам. Касаясь непосредственно природы человека, Уилсон в другом своем труде,

прямо посвященном этой теме², развивает социобиологический подход именно в том плане, который подчеркивает биологическую (генетическую) обусловленность высших проявлений человеческого поведения. Без этого, по его мнению, гуманитарные и социальные науки будут весьма ограниченными и поверхностными описаниями феноменов, не затрагивающими их существа; их можно будет сравнить с астрономией без физики, биологией без химии и математикой без алгебры.

Э. Уилсон определяет философскую и методологическую основу социобиологии как «новый натурализм» и подчеркивает, что последний стремится доказать свою истинность, генерируя две основные дилеммы.

Первая заключается в том, что ни один живой вид, включая человека, не обладает целями, стоящими за пределами императивов, созданных его генетической историей. Я убежден в том, подчеркивает Уилсон, что человеческий мозг сконструирован таким образом, что названная дилемма служит фундаментальным ограничением его развития, направляя это развитие по чисто биологическому пути. Если же

¹ *Wilson E. O. Sociobiology. The New Synthesis. Cambridge (Mass.) — L., 1975.* Содержание этого труда критически рассмотрено в первом издании книги (с. 55—58).

² *Wilson E. O. On Human Nature. Cambridge (Mass.) — L., 1978.*

54

процесс развития человеческого мозга оказывается подчиненным законам эволюции — законам естественного отбора, то в таком случае даже выбор тех или иных эстетических или религиозных убеждений и представлений должен быть объяснен механическими процессами, происходящими в мозгу человека. Другими словами, мозг человека существует потому, что он способствует выживанию и увеличению числа генов, направляющих его деятельность. Человеческий разум, таким образом, представляет собой приспособление, призванное обеспечить выживание и репродукцию генов, а не что-то другое, целью чего являлось бы понимание структуры атомов или самопознание¹.

Что касается второй дилеммы, то она, по Уилсону, заключается в выборе между различными этическими предпосылками, присущими биологической природе человека². Внутри человеческого мозга, считает Уилсон, существуют своеобразные «цензоры», которые влияют на процесс этического выбора, осуществляемый человеком бессознательно; под действием этих процессов моральность развивается как своего рода инстинкт. По его мнению, эти «цензоры» расположены в эмоциональных центрах человеческого мозга; наиболее вероятно, что они находятся внутри лимбической системы, под корой головного мозга. Эмоциональные реакции человека и, в более широком смысле слова, его этические поступки, основанные на этих реакциях, являются, по Уилсону, в известной степени запрограммированными ходом естественного отбора, осуществлявшегося на протяжении жизни тысяч поколений людей. Перед наукой, таким образом, стоит задача исследования этой генетической программы, ограничений, накладываемых ею на процесс развития человеческого мозга, задача восстановления эволюционной истории человеческого разума. Подобные исследования, по его мнению, являются логическим дополнением тех исследований культурной эволюции человека, которые велись и ведутся в настоящее время. Успех в этом направлении поможет нам ответить на вопрос, представляющий собой существо второй дилеммы;

действию каких «цензоров» следует подчиниться, а какие из них следует ограничить и/или сублимировать? Именно эти руководящие принципы и представляют собой существо «человечности», именно они, а не представления о духовной обособленности человека позволяют отличить его от электронной машины, считает Уилсон.

¹ *Wilson E. O. On Human Nature, p. 1.*

Таким образом, главную задачу социобиологии человека Уилсон видит в определении генетической детерминированности человеческого поведения, и это, по его мнению, обуславливает понимание отношения между биологией и социальными науками. Анализируя работы в области психологии, ведущиеся в последнее время, можно, считает Уилсон, прийти к выводу о том, что сложная конструкция социального мира не может быть результатом случайных процессов обучения, имеющих место в процессе жизни человека. Таким образом, разум человека не следует рассматривать в качестве *tabula rasa*. Разум может быть более точно описан, если мы будем рассматривать его в качестве автономного инструмента, принимающего определенные решения. Особенности процесса принятия решения и являются той отличительной чертой, которая позволяет отделить одного человека от другого. Однако общие правила, по которым протекает этот процесс, являются достаточно жестко заданными для всех людей, что позволяет считать их специфичными для человеческой природы, делает вывод Уилсон. Сегодня представляется возможным лишь приблизительно оценить контроль различных форм поведения со стороны генов. Генетические исследования, основанные на сравнении одно- и двухъяйцовых близнецов, показывают, что наибольшее наследственное влияние гены оказывают на первичные умственные способности, на формирование моторных и осязательных навыков; наименьшему влиянию со стороны генов подвержены различного рода личностные характеристики¹.

С точки зрения эволюционной гипотезы, пишет далее Уилсон, большая часть умственных процессов состоит из шагов, которые должны осуществляться быстро и автоматически, с тем чтобы обеспечить выживание данного индивида и возможность его дальнейшей репродукции. В поисках форм поведения, непосредственно испытывающих влияние со стороны генетической эволюции, мы должны обратиться к бессознательным его формам. Одним из примеров подобного поведения могут служить различного рода фобии (навязчивые страхи). Представляется интересным то, что зачастую они вызываются теми или иными природными явлениями или существами, а не предметами современной культуры. Другим примером такого поведения может служить запрет кровосмешения. Иными словами, заключает Уилсон, люди подготовлены к обучению таким формам поведения и таким формам взаимоотношений между собой, которые являются наиболее выгодными с генетической точки зрения².

¹ *Wilson E. O. On Human Nature*, p. 67.

² Ibid., p. 69.

Согласно социобиологической концепции генетической детерминированности, человеческая культура не может рассматриваться как некий суперорганизм, развивающийся на собственной основе. Скорее, считает Уилсон, культурные изменения следует рассматривать как среднестатистический результат деятельности большого числа людей, пытающихся приспособиться к социальному существованию. Социальная эволюция человека, с этой точки зрения, идет по линии наследования двух типов признаков: культурных и биологических. И если культурная эволюция, по Уилсону, может рассматриваться как ламаркистская и она протекает достаточно быстро, то биологическая является дарвинистской и осуществляется более медленно. Таким образом, ламаркистский тезис о наследовании благоприобретенных признаков может быть, считает он, с успехом использован при описании культурной эволюции¹.

Далее Уилсон возвращается к социобиологической концепции происхождения социального поведения человека, ключевым моментом которой является то, что в своей предыдущей работе «Социобиология» он назвал «автокаталитической моделью». Согласно этой концепции, генетическая эволюция

под действием естественного отбора увеличивала способность к созданию культуры, а последняя увеличивала генетическую пригодность тех, кто извлекал из нее максимальную пользу. Уилсон считает при этом весьма существенной степень влияния наследственных черт, доставшихся человеку от его предков, на ход и течение культурной эволюции. Свидетельством тому является тот факт, что везде, где бы ни возникала цивилизация, она проходила определенный путь своего становления: человеческие общества увеличивались в своих размерах, возрастала сложность их организационных структур².

Как видим, Уилсон идет по пути, ведущему к предельным формам «генетического детерминизма», хотя он и пытается в ряде случаев указать на сложность социальных структур в процессе их эволюционно-генетической детерминации. «Я интерпретирую,—пишет он,—социальное поведение современного человека как включающее в себя в гипертрофированном виде продукты простых характеристик человеческой природы, соединенные вместе наподобие мозаики. Другие черты, такие, как религия и классовая структура общества, представляются мне настолько большими трансмутациями,

¹ *Wilson E. O. On Human Nature*, p. 79.

² *Ibid.*, p. 88.

57

что для того, чтобы постичь их филогенез, потребуются объединенные усилия антропологии и истории»¹. Но даже и эти «черты» могут, по мнению Уилсона, в недалеком будущем явиться объектом статистической интерпретации.

Он пытается доказать это, обращаясь к рассмотрению четырех (основных, по его мнению) категорий поведения — агрессивности, сексуальности, альтруизма и религии — с точки зрения социобиологии. Однако итоги этого рассмотрения свидетельствуют лишь о слабости и бесперспективности социобиологического подхода, хотя оно и сопровождается интересными частными наблюдениями и выводами. Видимо, это неизбежный результат исходных методологических и мировоззренческих позиций, не позволяющих выходить за пределы того, что уже принято в начале анализа как его предпосылка и условие.

Такова же судьба и социобиологических изысканий М. Рьюза — канадского философа и методолога, занимающегося проблемами биологии. Еще в своей книге «Философия биологии»² он заявлял, что в будущем биология сомкнется с социальными науками и что исследование этой стыковки, в ходе которой социология (подобно психологии и антропологии) включит в своей теории результаты, полученные биологией, обещает много интересного. М. Рьюз осуществил свое намерение заняться социобиологией и сделал ее анализ в книге «Социобиология: смысл или бессмыслица?»³. Объявив себя сторонником этой новой дисциплины, он принял многие ее исходные установки, выраженные, в частности, в трудах Э. Уилсона. Это касается как самого определения предмета и задач социобиологии, так и трактовки проблемы агрессии. М. Рьюз высказывает предположение о возможности избавления от агрессии с помощью селекции и генетического манипулирования, а также изменения условий существования человечества, с чего, по его мнению, в следует начинать.

Может показаться, что М. Рьюз ставит на первое место именно условия существования, но это не так. Хотя он и старается отмежеваться от крайних форм социал-биологизма, подчеркивая, что социобиология не выводит феномены социума только из биологических оснований, методология редукционизма, которой он руководствуется прежде всего в

¹ *Wilson E. O. On Human Nature*, p. 95.

² См.: Рьюз М. Философия биологии. М., 1977.

3 *Ruse M. Sociobiology: Sense or Nonsense?* L., 1979. Критический анализ этой книги см. в статье Р. С. Карпинской и С. А. Никольского «Социобиология — ее сторонники и оппоненты (по материалам зарубежной печати)». — Философские науки, 1982, № 1.

58

трактровке общих проблем биологии, проявляется и здесь. М. Рьюз, по существу, редуцирует социальное до уровня биологического либо исходит из их дуализма, причем во многих случаях социальные феномены полностью «объясняются» через биологические. Считая, что противопоставление наследственности и культуры основано на ложной дихотомии:

культура или биология (гены), он отмечает: с одной стороны, «невероятно предполагать, что человеческая биология не имеет никакого каузального действия на человеческое социальное поведение вообще. И, с другой стороны, также невероятно предполагать, что человеческая культура не имеет никакого каузального действия на человеческое социальное поведение, что культура является лишь эпифеноменом на вершине биологии». По его мнению, «истинные причины человеческого социального доведения лежат не только в генах и не только в изобретении и обучении, а в некоторой амальгаме и того, и другого»¹.

Выдвигая концепцию биологоантропологического компромисса, М. Рьюз ссылается на М. Харриса, который в своей книге «Культура, человек и природа: введение в общую антропологию»² рассматривает культуру как адаптивную в биологическом смысле, т. е. как «человеческий способ достижения репродуктивного успеха»³. Однако М. Рьюз не соглашается с теми социобиологами, которые считают, что не только антропология, но и социология должна быть выведена из движения генов. Здесь, по его мнению, ограничения и оговорки по отношению к притязаниям социобиологии возрастают десятикратно.

Это и обуславливает весьма неоднозначные оценки научного значения социобиологии как со стороны ученых-биологов, так и со стороны философов, религиозных деятелей, широкой общественности. Показателен в этом отношении состоявшийся летом 1979 г. в одном из городов штата Нью-Гэмпшир (США) симпозиум по проблемам социобиологии, в котором приняли участие как представители биологических наук, так и теологи и философы. Симпозиум был организован Американской Академией искусств и наук и институтом «Религия в век науки» (ИРВН), что и определяло состав участников. Некоторые материалы этого симпозиума были опубликованы на страницах журнала «Зигон» — ежемесячного органа ИРВН⁴, который, по замыслу его создателей,

¹ *Ruse M. Sociobiology: Sense or Nonsense?*, p. 160.

² *Harris M. Culture, Man and Nature; An Introduction to General Anthropology.* N. Y., 1971.

³ *Ibid.*, p. 141.

⁴ *Zygon*, vol. 15, N 3, September 1980.

59

призван явиться своеобразным рупором для исследователей, занимающихся анализом путей объединения того, что в настоящее время существует как бы независимо друг от друга:

ценности и знание, добро и истина, религия и наука.

В предисловии, предпосланном публикации двух докладов, представленных на вышеуказанном симпозиуме, один из его председателей, Б. Д. Дэвис, отметил, что институт «Религия в век науки» (ИРВН) был создан с целью наведения мостов между религией и наукой: его создатели и члены пытаются вернуть религии те важные функции, которые она выполняла на протяжении всей своей истории, но попытки эти основаны на все более растущем значении науки о природе и мире, а не на конфликте науки и религии. Среди достижений последнего времени в области научных исследований книга Э. О. Уилсона «Социобиология», считает Дэвис, в наибольшей степени отвечает этой цели. Она заставила людей задуматься над важностью генетических факторов в формировании поведения человека. Автор высказывает предположения, бросающие вызов традиционным взглядам, что способствовало достаточно острому обсуждению его работ. Сначала критика в адрес автора и его произведений носила тенденциозный, эмоциональный характер и высказывалась в основном идеологами и представителями общественных наук, увидевшими в выдвигаемой концепции угрозу своим догматическим представлениям. Однако сегодня этот этап позади: настало время, когда обсуждение острых положений, выдвинутых Уилсоном, можно вести с объективных позиций, не опасаясь обвинений со стороны тех, кто выступает против любого применения генетических подходов к' проблемам, связанным с человеком, его поведением. Именно этим и ^объясняется тот факт, что обсуждение концепции социобиологии ведется сегодня на многих встречах ученых, на страницах научной печати'.

В том нге номере журнала «Зигон» опубликована статья Ч. Фрэнкела «Социобиология и ее критики», который в целом одобрительно относится к социобиологии, провозгласившей своей целью изучение биологических основ социального поведения насекомых, животных и человека и доказывал}*» щей, что «все социальные институты и нравы человечества являются не просто продуктом традиций, исторической случайности, идеологий или махинаций правящих классов, но следствием определенных склонностей и влечений, присущих человеку как представителю царства животных, подчинен-

' Zygon, vol. 15, N 3, September 1980, p. 253.

60

ных законам биологической эволюции, а следовательно, являющихся составной частью генетического наследия данного вида» '. Как считает Ч. Фрэнкел, Социобиология появилась в недрах культуры, внутри которой получили достаточное влияние представления о том, что правильное обращение с окружающей человека средой может привести к уменьшению (а возможно, и к полной ликвидации) насилия, бедности, бесправия, несправедливости. Подобные взгляды и послужили причиной того, что Социобиология оценивается не просто как факт научной жизни, но и как политическое и идеологическое явление. И Фрэнкел подчеркивает, что «Уилсон принадлежит к той традиции, которая была основана Декартом, а не к традициям, во главе которых стояли Маркс или Спенсер. Он видит перед собой всеобъемлющую новую науку, организованную с математической точностью, которая объединит доселе разрозненные области исследования, заменит обобщения точными законами. Но в одном отношении он идет дальше Декарта. Он верит в то, что и чисто человеческие черты могут быть объяснены в рамках этих законов» 2. Конечно, эти оценки лишь подчеркивают ограниченности социобиологического метода, которых мы уже касались. Симптоматично и противопоставление его марксизму, который неправомерно ставится в один ряд с учением Спенсера.

В своих философских аспектах, считает Фрэнкел, Социобиология принадлежит к тому течению мысли, которое представляли приверженцы различных политических убеждений — Эразм Роттердамский, Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, Дж. Ст. Милль, З. Фрейд. Это течение напоминает нам о том, что человеческие существа обладают некой физиологией; что их тело, как правило, подчиняет себе разум; что у людей есть определенные влечения и что в своем развитии они проходят определенные этапы, которые подчиняются биологическим законам³.

Такая оценка социобиологии (в особенности ее философских оснований) может быть охарактеризована как уже в значительной мере провоцирующая не только позитивное, но и негативное отношение к ней. И не случайно на Западе не прекращаются дискуссии вокруг социобиологии, причем они во-

многих случаях принимают весьма острый характер, включая не только признание, но и резкое отрицание ее или отдельных ее положений. Об этом можно судить, например, по тем дебатам в Американской ассоциации содействия па-

' Zygon, vol. 15, N 3, September 1980, p. 255.

2 Ibid., p. 262.

3 Ibid., p. 272.

61

укам, которые получили отражение в книге «Социобиология:

по ту сторону дилеммы природа — воспитание?» 1. Многие авторы, в том числе Э. У. идеен, Р. Докинз и др., упорно защищали социобиологию. Однако рядом крупных ученых были высказаны и весьма убедительные контраргументы. Например, А. Каплан, затронув вопрос о детерминации человеческого поведения, отметил, что социобиологи и их оппоненты согласны в перечне причин социального поведения: генетических, средовых и культурных факторов. Однако многие социобиологи при анализе этих причин ставят указанные факторы один возле другого, демонстрируя тем самым каузальность «луковичного типа». Так, при анализе процесса отбора в социальной эволюции человека используются понятия генетического единства, генного комплекса, фенотипических черт.

При этом говорят о единичных генах, контролирующих поведение, о влиянии отбора на единичные генетические вариации в популяции. Возможно, что генетические вариации действительно играют ключевую роль в понимании эволюции различных форм социального поведения. Однако последнее имеет ряд специфических особенностей, будучи обусловлено ролями, нормами, мотивами, целями; оно порождает быстрые реакции на нововведения языкового, обучающего, коммуникативного характера и т. д. В целом социобиологам присуще ошибочное стремление объяснять вновь возникающее или традиционное социальное поведение в терминах механистической причинности². По мнению А. Каплана, сомнительно, чтобы социальные науки могли получить какую-либо выгоду от усилий биологизаторского характера. В то же время, заключает он, было бы ошибочно считать, что в вопросе о дихотомии природы — воспитания культурологические объяснения поведения человека не оставляют места для биологических факторов, а генетическое исключает средовое.

Еще более критически относится к социобиологическим концепциям С. Гоулд, согласно которому нет уверенности в том, что поведение человека возникло как результат действия естественного отбора. По его мнению, дарвиновская теория неприменима к человеку. Конечно, в большинстве своих проявлений человеческое поведение адаптивно, но трудность для социобиологических интерпретаций этого факта заключается в следующем. Люди до сих пор превосходили в развитии все другие виды тем, что в своем адаптивном поведении

' Sociobiology: beyond nature/nurture? Reports, definitions and debate. Colorado, 1980.

2 Ibid., p. 104.

62

опирались на негенетические системы, и прежде всего на культуру. Адаптивное поведение может возникнуть в опыте у нескольких индивидов, которые генетически друг от друга не отличаются, распространиться в обществе благодаря обучению и подражанию и закрепиться посредством ценностей, привычек и традиций. В сравнении с генетической культурная передача норм адаптивного поведения

имеет ряд преимуществ: она протекает значительно быстрее; культурная эволюция может глубоко и неожиданно менять свое направление;

она может распространяться в совершенно определенных заданных направлениях. Таким образом, заключает С. Гоудд, социобиология не способна дать новый импульс для развития знания. Более перспективным, по его мнению, может быть «взаимное дополнение» наук о человеке и биологических наук¹.

Биологизация социальных явлений достигает предельных форм, когда социобиологи и разделяющие их взгляды ученые делают еще более широкие обобщения, считая, что вообще область человеческой культуры находится в определенной зависимости от генетического контроля. Эта позиция в весьма противоречивой форме обозначена в новой книге Э. Уилсона, написанной им совместно с Ч. Ламсденом, «Гены, разум и культура. Процесс коэволюции»². В этой книге, которая, по словам ее авторов, как бы заполняет «пробел» в социобиологии, делается попытка генетически объяснить появление человеческого разума в разнообразии культур. Причем во многих случаях авторы даже как бы отделяют себя от «традиционной» социобиологии и подчеркивают, что идут значительно дальше в своих обобщениях и выводах. Они отмечают, что в последнее время пришли к убеждению в возможности существования некой формы взаимодействия между генетической и культурной эволюцией. Ключ к пониманию этой проблемы, по их мнению, лежит в познании процесса онтогенетического развития мыслительных способностей человека и его поведения» в особенности тех форм, которые связаны со своеобразными «молекулярными составляющими» человеческого мозга; формирующими его на пути развития между генами и культурой. Пытаясь создать теорию *геннокультурной коэволюции*, авторы разрабатывают модель,

¹ Sociobiology: beyond nature/nurture? Reports, definitions and debate, p. 267.

² Lumsden Ch. J., Wilson E. O. Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process. Harvard University Press, 1981. См. об этом также: *Игнатъев В. Н.* Социобиология человека: «Теория генно-культурной коэволюции». — Вопросы философии, 1982, № 9.

показывающую соотношение индивидуального умственного развития и развития культуры, а также соотношение развития культуры с генетической эволюцией.

Рассмотрим более внимательно ход рассуждений Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, поскольку в них выражено, так сказать, «последнее слово» социобиологии и тем самым предельно обнажена суть ее методологии. Авторы констатируют, что представители эволюционной биологии, как правило, не решаются распространять концепцию биологической причинности и естественного отбора на изучение культурных процессов. В свою очередь представители социальных наук отстаивают свою автономию, считая, что человеческая культура эволюционировала в течение слишком короткого времени, чтобы можно было говорить о ее связи с генетической эволюцией. Представители этологии и социобиологии рассматривают человека как одного из приматов, каждый из которых по-своему приспособился к определенным условиям окружающей среды. Оценивая особенности человеческого поведения, они предпочитают говорить о генетической базе специфических его форм, а не о генетической его предписанности. Авторы предлагают иную точку зрения, утверждая, что генетически задаются только определенные биологические процессы, которые они называют эпигенетическими правилами и которые в свою очередь управляют процессом формирования человеческого разума. Необходимо подчеркнуть, что в ходе этого процесса эпигенетические правила руководствуются информацией, поступающей как из культурного, так и из физического окружения человека. Эта информация превращается в своеобразные познавательные схемы, которые и служат исходным сырьем для мыслительных процессов, для процесса принятия решений. Внешнее поведение человека является, таким образом, согласно Ламсдену и Уилсону, лишь одним из результатов динамических процессов, проис-

ходящих в его мозгу, а культура оказывается своеобразной трансляцией действия эпигенетических правил в массовые формы умственной деятельности и поведения.

По мнению авторов, для процесса культурной эволюции характерно наличие следующих четырех основных элементов: способности к простому обучению; способности к подражанию; способности к собственно обучению; способности к созданию символов и абстракций. Различные комбинации этих элементов, или способностей, позволяют выделить пять основных ступеней развития культуры (см. табл.). Всякий животный вид, обладающий какой-либо из названных способностей (или несколькими из них), может быть отнесен к

64

тому или иному уровню развития культуры. Но только человек достигает наиболее высокого, подлинно культурного уровня развития, который автора называют «эукультурой» (euculture — улучшенная культура).

Уровни развития культуры	Простое обучение	Подражание	Собственно обучение	Создание символов и абстракций
1 Акультурный I				
2 Акультурный II	X			
3 Протокультурный I	X	X		
4. Протокультурный II	X	X	X	
5. Эукультурный	X	X	X	X

Определяя культуру в широком смысле слова, авторы включают в это понятие «все формы мыслительной деятельности и поведения человека, способность создавать артефакты и оперировать ими, передающуюся от одного поколения к другому путем социального обучения»¹. И хотя способностью к обучению обладают не только люди, но даже наиболее совершенные формы обучения на уровне животных не идут ни в какое сравнение с теми сложными программами, которые используются для этой цели различными человеческими обществами.

Короче говоря, процессы «окультуривания» имеют для человека большее значение, чем для любого другого вида животных. Кроме того, человек обладает некой уникальной способностью, которая выделяет его даже из наиболее развитых в культурном отношении животных, находящихся на уровне протокультуры, и позволяет достичь высшего уровня развития культуры. Авторы называют ее способностью к реификации (reification). Она усиливается благодаря способности человека к созданию символов, что способствует процессам запоминания, приводит в действие эмоции; одновременно это позволяет человеку классифицировать явления окружающей его действительности, передавать информацию о ней и связанные с ней ощущения другим людям. Человеческий язык представляется не чем иным, как манипулированием с символами, служащими для передачи реифицированных объектов человеческого разума².

Превосходство людей над шимпанзе и другими высшими животными было достигнуто в течение исключительно корот-

¹ Lumsden Ch. }, Wilson E. O. Genes, Mind and Culture, p. 3.

² Ibid., p. 6.

кого отрезка времени, как полагают авторы, за счет ускорения процессов, нейроанатомической и поведенческой эволюции, не имеющего прецедентов во всей истории жизни. Для того чтобы исследовать это явление, необходимо понять те

пути, посредством которых происходило взаимодействие процессов генетической и культурной эволюции. В ходе индивидуального развития представителей общественных животных возможна, согласно авторам, реализация трех видов программ. Представим себе некоторое множество форм поведения, мыслительных объектов, артефактов, способных к передаче, которые авторы предложили называть *культургенами*¹.

Если индивидуальное развитие каждого члена общества генетически обусловлено так, что все время выбирается один и тот же культурген, то такая передача информации может быть названа чисто генетической. Другой крайний случай, когда в ходе индивидуального развития используются все возможные культургены, называется чисто культурной передачей информации. Средним случаем является генно-культурная передача информации, когда в распоряжении индивида находится более чем один культурген и когда не крайней мере два из них могут быть усвоены в результате действия эпигенетических правил. Генно-культурная передача информации представляется авторам наиболее вероятной формой наследования для всех категорий культургенов как человека, так и любого другого вида, обладающего способностью к культурной эволюции.

В наиболее общем виде, считают они, теория социобиологии приложима ко всем трем формам наследования поведения: чисто генетической, чисто культурной и геано-культурной. Тех самым она скорее допускает, чем предполагает существование генетической предрасположенности в процессе развития той или иной формы социального поведения индивида. Однако, по мнению авторов, традиционная теория социобиологии не могла связать напрямую процессы генетической и культурной эволюции. Для выполнения этой задачи

¹ Культурген, согласно Ламсдену к Уилсону,— основная единица культуры. Соответственно культура выступает как сумма всех артефактов, форм поведения, мыслительных объектов, институтов, рассматриваемых как целое и передаваемых членами общества путем обучения. У человеческих существ культура каждого общества характеризуется наличием определенных черт (культургенов), которые могут являться как, общими для всего вида, так и характерными только для данного общества. Процесс передачи культурной информации связан с познавательным процессом, в ходе которого та или иная черта (культурген) наделяется значением и получает словесное или символическое обозначение.

необходимо связать эти два процесса неким посредствующим звеном, в качестве которого и выступают генетически предопределенные эпигенетические правила, в большинстве своем характерные только для человека.

Пытаясь представить конкретную модель процесса, объединяющего генетическую и культурную эволюцию, авторы пользовались языком популяционной генетики, что позволяет, как они считают, подчеркнуть общие черты и различия, существующие между процессом чисто генетической эволюции и генно-культурной коэволюцией. По их мнению, структуры, составляющие разум и культуру, наиболее аффективно могут быть поняты лишь на основе процесса развития, предписанного генами.

Новым путем анализа культуры может быть, считают Ламсден и Уилсон, использование методов биогеографии. В этом случае человеческий разум (мозг) можно рассматривать как своеобразный ост-

ров, на который, подобно видам животных, иммигрируют культургены и где они впоследствии эволюционируют в новые формы-или же вымирают. Хотя подобная аналогия и может показаться несколько грубой, она ведет к весьма неожиданным выводам относительно размеров и разнообразия существующих культур. В самом деле, чем больше остров (т. е. чем большими возможностями располагает долговременная память), тем быстрее темпы вымирания пересекающихся видов (культургенов). Чем более удаленным является остров (т. е. чем больше степень изоляции отдельного индивида от других культур), тем ограниченнее разум в выборе и количестве культургенов, которые он хотел бы воспринять. Обществу в целом напоминает при этом архипелаг. Острова, входящие в его состав, представляют собой отделенные друг от друга разумы его членов, которые гораздо чаще обмениваются культургенами в соседних островах, чем с другими архипелагами¹.

Цивилизация определяется авторами как наиболее развитая форма социального существования, основанная на наличии письменности, искусства, религии и высокоразвитой техники, не при этом они приходят к весьма неожиданному выводу: культура вовсе не обязательна для нее. Авторы считают, что можно представить себе мир, в "котором" все мысли и все формы поведения запрограммированы в мозгу живущих в нем людей; эта запрограммированность касается даже точного порядка слов в самых сложных предложениях. Они

¹ *Lumsden Ch. I., Wilson E O Genes, Mind and Culture*, p. 305-306.

67

указывают на различные пути, следуя которыми гипотетический мозг может развить в себе способность к созданию цивилизации. Первый — это путь полного генетического детерминизма; второй — чисто культурная передача информации, при которой гены утрачивают возможность контролировать человеческое поведение в ответ на внешние воздействия. Однако более вероятен путь генно-культурной передачи информации, когда у индивида существует внутренняя предрасположенность к выбору того или иного культургена; в этом случае гены и окружающая среда совместно участвуют в процессе умственного развития человека¹.

Теория генно-культурной коэволюции представляется авторами как расширенный вариант теории социобиологии, предназначенный для описания связей между биологией и социальными науками. Традиционная социобиология столкнулась с определенными трудностями, пытаясь интерпретировать связь между генами и культурой как своеобразный «черный ящик». На самом же деле, считают авторы, эпигенетические правила направляют процесс развития индивидуального поведения в соответствии с генетической программой, наследуемой организмом; в свою очередь поведение многих индивидов формирует те или иные культурные формы. Следовательно, не существует резкой границы между генетической и культурной эволюцией, связь между генами и культурой является неразрывной. Эпигенетические правила оказываются теми целями, на достижение которых направлен процесс ежеминутного принятия решений. По мнению авторов, это позволяет утверждать, что сердцевина таких феноменов, как гуманность и индивидуальность, заключается именно в эпигенетических правилах, а не в других чисто познавательных функциях мозга. Другими словами, эпигенетические правила, взаимодействуя с сигналами, поступающими из внешнего окружения, оказывают непосредственное влияние на процесс превращения индивида в культурное, т. е. в собственно человеческое, существо. Таким образом, мозг активно участвует в процессе своего формирования. Взаимодействие членов общества создает культуру, которая совместно с генотипами отдельных индивидов и их родственников определяет успешность процесса воспроизведения (репродукции) потомства. В свою очередь степень успешности этого процесса определяет частоту тех или иных генов внутри поколения, формируя тем самым эпигенетические правила, лежащие в основе культурной эволюции.

¹ *Lumsden Ch. J., Wilson, E. O. Genes, Mind and Culture*, p. 331-332.

68

.Точка зрения, согласно которой культурное поведение людей рассматривается в качестве продукта их биологического развития, позволяет, считают авторы, по-новому осмыслить социальные науки, причем, по их мнению, может оказаться, что, хотя вид *Homo sapiens* и является самым сложным из всех, живущих на Земле, он все-таки не настолько сложен, как это представляется современной социальной теорией. Отвергая чисто биологический, естественнонаучный подход к анализу человека в рамках нейрофизиологии и экспериментальной психологии, Ламсден и Уилсон критически относятся и к структуралистам, которые занимаются по большей части изучением сложных, присущих только человеку функций — качественными характеристиками языка, стадиями интеллектуального развития, составляющими «генетическую эпистемологию» (Пиаже), происхождением мифов и ритуалов (Леви-Строс и другие структуралисты). Наконец, представители психоанализа имеют дело, по мнению авторов, с еще более неуловимыми аспектами деятельности мозга. Структурализм и психоанализ, считают Ламсден и Уилсон, являются не науками в том смысле, который принято вкладывать в это понятие в естествознании, а просто описаниями.

Что же касается марксизма, то его, по их мнению, «можно сравнить с ламаркизмом и теорией онтогенеза, верно описывающими некоторые черты эволюционного процесса, но постулирующими ошибочные механизмы, лежащие в его основе». Эта «ошибочность» усматривается в том, что он «стремится представить человеческую природу как не имеющую никакой структуры и по большей части (или целиком) являющуюся продуктом действий внешних социально-экономических сил» 1.

Ламсден и Уилсон не взяли на себя труд проанализировать более внимательно научный метод марксизма и данное им решение проблемы человека, включая вопрос о соотношении социальных и биологических факторов его становления и развития. Они пользуются теми искаженными представлениями о марксизме, которые «отработаны» в буржуазной литературе. Кроме того, здесь преследуется и главная, отнюдь не бескорыстная цель: авторы в принципе не отрицают возможности того, что социальные науки, используя находящиеся в их распоряжении средства для моделирования исторического процесса, в состоянии объяснить его более полно и точно, а возможно, и предсказать тенденции его

¹ *Lumsden Ch. I., Wilson E. O. Genes, Mind and Culture*, p. 355,

---

развития; Однако их оптимизм основывается именно на предложенном ими самими анализе действия эпигенетических правил, благодаря которым мозг оказывается самоорганизующейся системой, а совместные действия многих умов ведут к возникновению таких форм культуры, которые, по мнению авторов, могут быть предсказаны статистически.

Резюмируя свои соображения, Ламсден и Уилсон пишут:—«Разложение социального поведения человека на объективные функциональные единицы, открытие новых эпигенетических правил, определение генетического разнообразия людей, палеобиологическая реконструкция происхождения культуры — вот некоторые из тех направлений исследований, представляющиеся нам необходимыми в области социальных наук, которые сделают связь между биологическими и культурными исследованиями более тесной и прочной» 1.

Таким образом, притязания «нетрадиционной» социобиологии, или «теории генно-культурной коэволюции», как она представлена Ламсденом и Уилсоном, идут весьма далеко. И было бы неосмотрительно пренебрегать ими, поскольку во многих случаях они направляются против марксистского учения об обществе и человеке. Требуется, однако, не только общеметодологическая критика «теории генно-культурной коэволюции», но и тщательный анализ приводимых в ее подтверждение фактов. На это было обращено внимание уже в первых откликах на книгу Ламсдена и Уилсона. Отмечалось, например, что выводы авторов «оказываются вытекающими из спорных допущений и основан-

ными на весьма сомнительном математическом анализе. Всеобщность и обоснованность их утверждений по поводу наследственности социального поведения нуждаются в практической проверке. Однако — и это является решающим соображением — предлагаемая ими теория имеет небольшую эвристическую ценность прежде всего потому, что ее можно подвергнуть лишь слабой проверке» 2.

Такой вывод весьма симптоматичен как признание целесообразности тщательной проверки фактических оснований «теории генно-культурной коэволюции». Вместе с тем необходимо широкое развертывание на базе марксистской методологии конкретных позитивных исследований взаимосвязи социальных и эволюционно-генетических факторов в процессе становления, индивидуального и исторического разви-

1 *Lumsden Ch. J., Wilson E. O. Genes, Mind and Culture*, p. 362.

2 *Cloninger C. D., Okoyama Sh. The Channeling of Social Behavior*, — *Science*, vol. 203, N. 4509, 14 August 1981, p. 749—751.

70

тия человека, включая проявления его высших духовных свойств, запечатлевающих в культуре, в этических ценностях и т. д. Разумеется, эти исследования должны опираться на научные представления о социальной сущности человека, о диалектике опосредствования и преобразования природно-биологического социальным, о взаимодействии и взаимовлиянии социального и биологического в человеке.

В этой связи следует еще раз подчеркнуть, что марксистско-ленинская теория не просто показала значение социальных факторов наряду с биологическими; совокупность тех и других отнюдь не составляет, как это пытаются представить некоторые теоретики, равнозначно-двойную детерминацию сущностных проявлений человека. Марксистско-ленинская методология определяет *доминирующее* значение социальных методов исследования человека, выступая тем самым против биологизаторских тенденций, имеющих следствием неоправданную научно редукцию, сведение сущностных свойств человека в их биосоциальной целостности к отдельным сторонам его как живого, предметного, чувственного существа. Вместе с тем марксистско-ленинская методология не имеет ничего общего с вульгарно-социологическими подходами к человеку, при которых игнорируется (нередко и недобросовестными, фальсификаторскими ссылками на марксизм) биологическая природа человека, отрицается значение биологических методов в его познании.

Марксизм ориентирует исследователей на анализ конкретных способов соединения социальных и биологических методов, их диалектического взаимовлияния и взаимопроникновения при сохранении ведущего значения социальных методов. Однако еще и сегодня можно констатировать во многих случаях лишь некоторое «сосуществование» в науке социальных и биологических методов исследования человека, их своеобразную дополнительную. В лучшем случае мы можем установить крайне общее методологическое правило, в соответствии с которым в современных условиях социолог должен осуществлять анализ социальных факторов развития человека с учетом особенностей его биологической природы, тогда как биолог, исследующий человека, обязан подойти к нему с учетом факторов социальных.

Одним из путей развития научного исследования проблемы человека в наши дни является поэтому определение «стыковых», «пограничных» точек, в которых перекрещиваются социальные и биологические методы, имеющие целью преодолеть их дуализм, их во многом пока что взаимоисключающий характер. И здесь еще остается много неясного, требующего

71

исследования и дискуссий. Никто не может сегодня претендовать на однозначное решение этих вопросов.

О том, что это так, свидетельствуют и многочисленные дискуссии, которые ведутся среди ученых, придерживающихся марксистских взглядов, в особенности на протяжении 70-х годов и по сию пору. Эти дискуссии касаются широкого круга философских и методологических проблем, связанных с соотношением социального и биологического в человеке. Они затрагивают и многие специальные вопросы, относящиеся к тому, как ставится и решается эта проблема в отдельных научных дисциплинах, изучающих человека,— в антропологии, генетике, медицине, психологии и др. Разумеется, нас интересуют в первую очередь именно *философско-методологические* аспекты проблемы, подвергающиеся обсуждению, тем более что во многих случаях философы проявили определенную инициативу в постановке этой проблемы и сыграли стимулирующую роль в объединении ученых — представителей разных наук для ее комплексного исследования.

Одна из первых таких дискуссий, которая была организована философами и в которой приняли участие также ученые-генетики, психологи, медики, юристы и др., была проведена редакцией журнала «Вопросы философии» в рамках «круглого стола», посвященного проблеме соотношения социальных и биологических факторов развития человека¹. В ходе обсуждения этой проблемы некоторые ученые детально анализировали, в частности, биологические факторы и механизмы человеческой деятельности. Так, Л. В. Крушинский подчеркнул, что социальный прогресс человека в любых условиях практически бесконечен, но генетическая обусловленность его деятельности существует, особенно это относится к инстинктам. Он высказал несогласие с положением о том, что рассудочная деятельность человека проявилась впервые лишь в тот момент, когда он взял в руки какое-то орудие. Зачатки рассудочности в общественных отношениях развились, вероятно, в очень далеком прошлом². В то же время, говоря о работах этологов, Л. В. Крушинский указал на необходимость относиться с большей осторожностью к тому,

¹ См.: Вопросы философии, 1972, № 9. Более подробный обзор этой дискуссии см. в первом издании книги, с. 60—65.

² См.: Крушинский Л. В. Роль элементарной рассудочной деятельности в эволюции групповых отношений животных.— Вопросы философии, 1973, № 11; Он же. Биологические основы рассудочной деятельности. Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. М., 1977.

что они, пытаясь объяснить различные проявления социальных отношений у человека, нередко уподобляют эти отношения поведению животных.

В ходе дискуссии было обращено внимание на эволюционную сторону проблемы соотношения социального и биологического, на то, что именно биологические предпосылки обеспечили человеку возможность социального развития (А. А. Малиновский) 1. Подчеркивалось значение возрастного аспекта в изучении онтогенеза человека (Т. В. Карсаевская) 2. А. Р. Лурия обратил внимание на то, что некоторые (наиболее элементарные) психические предпосылки записаны генетически так же, как и некоторые факты морфологии. Однако самое существенное, по его мнению, заключается в том, что в процессе онтогенеза, который протекает у человека в условиях социального формирования психических процессов, их структура коренным образом меняется, и одновременно меняется их отношение к человеку. Факты показывают, что если элементарные психические процессы заложены в генотипе, то корни высших функций следует искать прежде всего в общении людей (скажем, матери и ребенка) друг с другом, и именно поэтому элементарные формы памяти относятся к человеку иначе, чем высшие.

Эволюционный подход к решению вопроса о соотношении биологического и социального получил существенное обоснование в ряде выступлений участников «круглого стола», в особенности в вы-

ступлении Я. Я. Рогинского. Он поставил философскую проблему: эволюционируют ли сами закономерности антропогенеза, т. е. могут ли существовать переходные законы между законами общества и природы? Таких смешанных, биосоциальных законов, по его мнению, не было и нет. Другое дело, что конкретное время, в течение которого разворачивается действие нового закона, может быть чрезвычайно длительным. Ведь на первых порах новые закономерности оказывают подчас лишь ничтожное влияние на действительность, и их наличие остается почти неощутимым. Однако в ходе «накопления» нового качества неизбежно наступает момент, когда вспыхивает целый спектр его проявлений. Это, по-видимому, и произошло с появлением неантропа (*Homo sapiens*).

1 См.: Малиновский А. А. Биология человека. М., 1972; Он же. Проблема соотношения биологического и социального.— Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977.

2 Эта проблема была впоследствии разработана Т. В. Карсаевской в книге «Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития человека» (М., 1978).

73

В ходе дискуссии обсуждался и вопрос об исторических предпосылках духовных качеств человека (в частности, альтруизма, агрессивности и пр.). Так, В. П. Эфроимсон отметил, что исследователь, который занимается генетикой человека и не учитывает социальную преемственность, должен быть дисквалифицирован. Речь идет не о том, существует или нет социальная преемственность. Вопрос заключается в том, проходило ли человечество в своем становлении естественный, групповой отбор на альтруизм. В. П. Эфроимсон полагает, что да, проходило, и это, по его мнению, разрешает материалистически многие загадки¹.

Участники «круглого стола» резко критиковали биологизаторские тенденции, попытки решать социальные проблемы средствами естественных наук, улучшать человеческий род средствами евгеники, создать разумную психическую цивилизацию путем изучения и совершенствования человеческого мозга и т. д. Получается, подчеркнул в этой связи А. Ф. Шишкин, что определенные нравственные понятия переносят из человеческого общества на животный мир, а оттуда снова на человеческое общество. Генетические данные, сказал он, играют определенную роль в развитии психики человека, в формировании его индивидуальности, но если говорить о нравственности как о форме общественного сознания, т. е. как об определенных принципах, идеалах, нормах, ценностях и т. д., то здесь ничего нельзя понять с помощью генетики. Здесь действует только социальный детерминизм, так же как и в сфере политических, юридических и других общественных Явлений².

Как видим, состоялся интересный и плодотворный обмен мнениями, хотя, разумеется, обсуждавшиеся вопросы не получили своего окончательного решения. В ходе дискуссии была достигнута, на мой взгляд, правильная *постановка проблемы*, которая все больше стала переводиться теперь в план глубоко научный. Ведь еще в недалеком прошлом не-

¹ В. П. Эфроимсон опубликовал по этому вопросу немало работ. Хотелось бы, в частности, обратить внимание на его статью «К биохимической генетике интеллекта» (Природа, 1976, № 9), в которой автор, не игнорируя значения социальной ситуации и социальных стимулов, показывает влияние на активность и умственную деятельность человека некоторых биохимических стимуляторов, возникающих при определенных болезненных состояниях. Однако во взглядах В. П. Эфроимсона много спорного, и это отмечается в статье А. А. Малиновского «Физиология и одаренность», опубликованной в том же номере журнала.

² Наиболее полно точка зрения А. Ф. Шишкина получила отражение в его книге «Человеческая природа и нравственность. Историко-критический очерк» (М., 1979).

74

которые из таких проблем расценивались нередко среди марксистов как «сомнительные» с научной точки зрения, и в тех спорах, которые велись вокруг них, рассматривались по преимуществу идеологические аспекты. И это успех состоявшейся дискуссии, что данные проблемы были спокойно переведены в научную сферу и обсуждались именно как проблемы научные.

Характерно, что у выступавших не было никаких мировоззренческих и идеологических расхождений. Высказывались лишь разные точки зрения по поводу конкретного подхода к рассматривавшимся вопросам и научного их решения. На этом пути возможно все дальше и все глубже философски осмысливать их сущность. Поэтому философы стремятся выполнить свою основную функцию и соединить подходы социологические и естественнонаучные, поставить проблемы на такой уровень сложности, на каком они стоят в действительности, поскольку именно в такой комплексной постановке и возможно их разрешение.

Подлинно научное решение проблем, относящихся к человеку, сталкивается с необходимостью тесного творческого объединения представителей многих наук — естественных и общественных, — с тем чтобы совместно и дружно добиваться определенных научных и практических результатов.

Вопрос о социальных и природно-биологических факторах развития человека оживленно дискутировался на XVI Всемирном философском конгрессе, в частности на пленарном заседании и в соответствующих секциях, посвященных теме «Вызов, который современная биология бросает философии»¹. В представленных на конгрессе докладах ряда западных ученых отчетливо обнаружилось то, что можно назвать социал-биологизмом в трактовке сущности человека. Подобной трактовке был противопоставлен последовательный марксистский подход, рассматривающий человека в единстве социальных и биологических факторов его развития при доминирующей, решающей роли социальных факторов, общественных условий целесообразной деятельности человека.

Дискуссии продолжались и после, причем в центре расхождений между рядом ученых-марксистов оказалась не общая постановка проблемы, резюмируемая в тезисе о социальной сущности человека, а то, в какой мере могут учитываться

1 16. Weltkongress für Philosophie. 1978. 27 August—2 September 1978. Dusseldorf. Bundesrepublik Deutschland. Sections — Vorträge. См.: Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. XVI Всемирный философский конгресс. М., 1981.

биологические факторы в индивидуальном и историческом существовании и развитии человека, как они опосредствуются и преобразуются социальными, составляющими его сущность¹. Это явилось предметом дискуссии и на III Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания, состоявшемся в апреле 1981 г. и означавшем новый этап в обсуждении интересующей нас проблемы².

В дискуссиях по проблеме соотношения социальных и биологических факторов развития человека наряду с общеполитическими, методологическими вопросами рассматриваются все больше и некоторые конкретные аспекты проблемы. Это ближе подводит нас к анализу механизмов, условий и средств реализации сущностных сил человека в процессе его индивидуального и исторического развития. Такой анализ позволяет, с одной стороны, обобщить то, что уже было сказано при рассмотрении вопроса о соотношении социальных и биологических факторов развития человека, а с другой — более четко обозначить направление последующего исследования перспектив человека, специфику социально-философского подхода к нему.

3. Диалектика индивидуального и исторического развития человека как присвоения и воспроизведения социокультурного опыта человечества; общественные условия и средства реализации сущностных сил человека и его будущего

Марксизм отвергает различного рода биологизаторские подходы в понимании человека и его сущности, а также представления о нем как о существе, обладающем «двойственной природой», хотя в существовании человека на разных стадиях его развития имеют большее или меньшее значение и биологические факторы, действующие в опосредствованном и преобразованном, «снятом» виде. Сущностные силы человека заключены, однако, не здесь, и не на этом пути можно вскрыть конкретные механизмы, а также условия и средства их реализации в индивидуальном становлении и развитии человека и в его истории. Эти механизмы и

¹ Здесь наблюдается порой и терминологическая путаница, когда представление о человеке как о биосоциальном существе выражается в терминах «биосоциальная природа» или даже «биосоциальная сущность», что, разумеется, недопустимо.

2 См.: Лось В. А., Фаддеев Е. Т. Человек, общество и природа в век НТР.— Вопросы философии, 1981, № 12.

76

условия обозначаются уже в самом марксистском определении сущности человека как совокупности всех общественных отношений и в соответствующем тезисе о том, что и общество — это «сам человек в его общественных отношениях»¹. Здесь подчеркивается также диалектическая взаимосвязь между становлением и развитием человека как индивида и личности и его историей как прогрессом человеческого общества, поскольку в обоих случаях действуют одни и те же — социальные законы.

Центром этого взаимодействия является, согласно К. Марксу, *предметная деятельность* человека как общественного существа. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс писал, что «если человек есть некоторый *особенный* индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное *индивидуальное* общественное существо, то он в такой же мере есть также и *тотальность*... в действительности он существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование им, а с другой стороны — как тотальность человеческого проявления жизни»². Индивидуальность человека, его неповторимое своеобразие проявляются в органическом единстве и целостности процесса развития всей совокупности его потребностей и способностей, формирующихся через посредство предметных форм, способов и средств культуры — труда, языка, навыков, умений, знаний, художественного творчества и т. п. «Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек. Каждое из его *человеческих* отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, желание, деятельность, любовь... являются,— подчеркивал Маркс,— в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении к предмету*, присвоением последнего»³. Речь здесь идет о «присвоении *человеческой* действительности»⁴. Эта формула Маркса является ключевой для правильного понимания индивидуального и исторического развития человека; она помогает решить и проблему соотношения социальных и биологических факторов в его развитии; наконец, она позволяет научно определить перспективы этого развития.

Процесс взаимодействия человека и общества предстает, следовательно, как присвоение и воспроизведение человеком

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 222.

² Там же, 1. 42, с. 119.

³ Там же, с. 120.

общественно-исторического опыта человечества, его материальной и духовной культуры в ходе общения с другими людьми и приобщения к социокультурному прогрессу человечества, в ходе обучения, воспитания и развития самого человека.

Такой *исторический подход*, позволяющий объяснить социальные механизмы, условия и средства формирования человека, был развит в нашей литературе еще в 20—30-е годы Л. С. Выготским¹, а позднее С. Л. Рубинштейном², А. Н. Леонтьевым³ и другими авторами⁴. Исходя из учения К. Маркса о социальной сущности человека и формирующем воздействии на него предметной деятельности, в ходе которой осуществляется «присвоение *человеческой* действительности», советские ученые показали, что исторический подход противостоит биологизаторским и натуралистическим концепциям становления личности и что на первый план выдвигается идея социального, культурно-исторического развития человека, включая преобразование его биологической природы в результате этого развития.

Хотя в принципе здесь можно говорить и об определенном «социальном наследовании», как это делает ряд авторов⁵, подчеркивая тем самым генетическую и историческую связь социокультурного развития человека, однако это понятие представляется мне обедняющим исторический процесс, не вскрывающим механизмы «социализации» человека в его индивидуальном развитии, суть которой состоит в присвоении индивидом общественно-исторического опыта человечества. Употребляемое, по-видимому, в противовес понятию биологического наследования, оно в скрытом виде содержит обратное, а именно попытку применить некоторые биологические представления о наследственности к явлениям социальным, имеющим принципиально иное качество. Поэтому сама терминология здесь не соответствует содержанию, так как индивидуальное и историческое развитие человека и человечества не обладает той жесткой «запрограммированностью», которая имеет место в биологическом (генетическом)

¹ См.: *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.

² См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940.

³ См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; *Он же.* Проблемы развития психики. М., 1981.

⁴ См., в частности: *Давыдов В. В., Зинченко В. П.* Принцип развития в психологии,— Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М., 1981, вып. 1.

⁵ См., например: *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976.

наследовании. В ходе «присвоения *человеческой* действительности» (К. Маркс) человек «выделяется» (Ф. М. Достоевский), «учится быть человеком» (А. Н. Леонтьев), и это достигается в процессе обучения, воспитания и развития человека, общения его с другими людьми и приобщения к социокультурному опыту человечества. Здесь речь идет, следовательно, не просто о наследовании определенных социальных качеств человека, но и об их воссоздании в деятельности и поведении индивида (опредмечивание) и одновременно их «кодировании» в его психике и сознании (распредмечивание). Это проявляется и в создании нового, без чего был бы невозможен социальный и культурный про-

гресс, историческое развитие человека и человечества, которое имеет так же мало аналогий с биологической эволюцией, как индивидуальные механизмы социализации человека с биологическим наследованием.

Высказанные соображения в какой-то мере касаются и термина «социальная преемственность». Однако поскольку с помощью этого термина С. Н. Давиденков и ряд согласных с ним ученых стремятся отмежеваться от чрезмерного сближения и аналогий с биологической наследственностью процессов, происходящих в развитии человека и общества, то он, как считают многие ученые, более приемлем. Но в этом случае исторический материализм не получает ничего такого, что не было бы уже зафиксировано в его традиционной терминологии. Правда, ученые, считающие более предпочтительным термин «социальная преемственность» в отличие от термина «социальное наследование», и не претендуют на обогащение исторического материализма. По-видимому, оба эти случая просто показывают, как учение исторического материализма о закономерностях развития человека и общества воспринимается и осваивается биологами на почве их науки и близких им представлений.

Исторический подход сталкивается в своем развитии не только с противопоставлением ему «учения» о «двух программах» развития человека—генетической и негенетической (социальной, культурной и пр.), но и с попытками резко отделить от него всякие связи, например, с учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, с современными взглядами на системную деятельность мозга, с биологическими исследованиями рассудочной деятельности, эволюционно-генетических предпосылок поведения человека и т. д. Подобные представления, доводимые порой до «чистого социологизма», вряд ли плодотворны. От них отмежевываются многие ученые, творчески развивающие, в част-

79

ности, наследие Л. С. Выготского, подчеркивая, как, например, А. Н. Леонтьев, неосновательность разделения психологических проблем на два рода: разрабатываемые на основе учения И. П. Павлова и разрабатываемые на основе исторического материализма. «Действительная же задача,— писал А. Н. Леонтьев,— конечно, состоит, наоборот, в том, чтобы распространить единый подход на все проблемы психологии человека и таким образом включить их в систему единой науки»¹.

Поставленная здесь задача выработать единый подход и систему единой науки может иметь и более широкое значение, будучи распространена в целом на марксистское учение о человеке, включая проблему соотношения социальных и биологических факторов его существования и развития. Конечно, речь идет не об эклектических представлениях о единстве социального и биологического в человеке по принципу:

«и то и другое». Но совсем иное дело, когда мы обращаемся к *сущности* человека, к тому, что Маркс называл «присвоением *человеческой* действительности». Эта задача не может быть решена иначе, как на пути исследования *общественных* механизмов, условий и средств, делающих человека человеком в его индивидуальном и историческом развитии.

«Индивид *есть общественное существо*,— подчеркивал К. Маркс.— Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни,— *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»². Человеческая деятельность, выступающая в опосредствованной — предметной или языковой — форме создает через общение условие и средство индивидуального и исторического развития человека как общественного существа³. При этом, как справедливо отмечают В. В. Давыдов и В. П. Зинченко, «для науки здесь встает фундаментальная задача — определить, как содержание духовного развития человечества становится его формами, а присвоение этих форм индивидом становится содержанием развития его сознания»⁴ Соответственно в процессе воспитания и обучения

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики, с. 363.

3 См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974; Эргономика. Методологические исследования деятельности. Труды ВНИИТЭ, Вып. 10. М., 1976; Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980; Буюева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.

4 Давыдов В. В., Зинченко В. П. Принцип развития в психологии.— Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М., 1981, вып. 1, с. 151.

80

присвоение социокультурного опыта человечества выступает в качестве источника развития человека. Индивидуальная психическая деятельность, следовательно, «задана» в социальном общении, в коллективной деятельности. Такой подход, отмечают В. В. Давыдов и В. П. Зинченко, «позволяет связать общественно-исторические характеристики способностей с их воспроизведением в практической и познавательной деятельности индивида, направленной на их присвоение... Творческие возможности индивида также возникают и формируются у него в процессе воспроизведения тех потребностей и способностей, которые лежат в основе таланта и одаренности. Следует подчеркнуть, что эти психические образования личности имеют социально культивируемую природу, присвоение которой отдельными людьми определяется конкретно-историческими условиями воспитания и обучения»¹.

В работах многих советских ученых — психологов, педагогов, философов — этот подход обосновывается фундаментальными исследованиями (они называются, в частности, в упоминавшихся работах А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова и В. П. Зинченко и других). Приводить здесь их подробный перечень вряд ли целесообразно.

И все же одно из них следует непременно упомянуть, так как это, может быть, более чем эксперимент, поскольку, по справедливому замечанию А. Н. Леонтьева, «создает условия, в которых делаются зримыми — мне хочется сказать, даже осязаемыми и притом растянутыми во времени как бы с помощью замедленной киносъемки — узловые события процесса формирования личности, становления (подумать только!) человеческого сознания, условия, которые открывают как бы окно в самые сокровенные глубины его природы»². Речь идет о многолетних работах И. А. Соколянского, продолженных А. И. Мещеряковым и его сотрудниками, по всестороннему — трудовому, интеллектуальному, нравственному, эстетическому и физическому — развитию человека в условиях полного отсутствия зрения и слуха. В этих работах «как на ладони раскрываются тайны таких процессов, как формирование мышления, понятия, силы суждения, их природа прорисовывается тут в акте их рождения»³; «конструирование, построение психического процесса служат

¹ Давыдов В. В., Зинченко В. П. Принцип развития в психологии.—Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания, вып. 1, с. 152.

² Цит. по: Гургенидзе Г. С., Ильенков Э. В. Выдающееся достижение советской науки.— Вопросы философии, 1975, № 6, с. 63.

³ Там же, с. 70.

81

одновременно и средством формирования личности и средством ее исследования»¹.

Во всех этих оценках нет никакого преувеличения, и, хотя в более общих своих аспектах результаты данного эксперимента должны еще тщательно продумываться и развиваться, его принципиальное

значение для понимания механизмов, условий и средств формирования человека представляется прочно обоснованным. Следует воспринимать как большой вклад в науку и философско-психологические обобщения самих участников этого эксперимента, ставших тем самым не только его объектом, но и субъектом, активными сторонниками исторического подхода к проблеме становления и развития психики человека, его сознания и самосознания, его сущностных сил как личности².

Исторический подход (разумеется, не в его узкосоциологизированной интерпретации) позволяет уловить диалектику опосредствования и преобразования биологического социальным, увидеть «*очеловеченную природу*» и «*человеческую чувственность*» как результат работы «всей предшествующей всемирной истории»³. В итоге, как подчеркивает А. Н. Леонтьев, процесс усвоения, присвоения (или овладения) отдельными людьми достижений исторического развития общества состоит в том, что он «создает у человека новые способности, новые психические функции... есть процесс *воспроизведения* в свойствах индивида исторически сложившихся свойств и способностей человеческого рода (вида)»⁴. И далее: «Человек не рождается наделенным историческими достижениями человечества. Достижения развития человеческих поколений воплощены не в нем, не в его природных задатках, а в окружающем его мире — в великих творениях человеческой культуры. Только в результате процесса присвоения человеком этих достижений, осуществляющегося в ходе его жизни, он приобретает подлинно человеческие свойства и способности;

процесс этот как бы ставит его на плечи предшествующих поколений и высоко возносит над всем животным миром»⁵.

Такой подход, как представляется, позволяет правильно увидеть и перспективы человека, включая природно-биологические, которые, следовательно, надо понимать как очелове-

¹ Гургенидзе Г. С., Ильенков Э. В. Выдающееся достижение советской науки.—Вопросы философии, 1975, № 6, с. 71.

² См.: Сироткин С. А. В мире слепо-глухонемого; Суворов А. В. Наша учеба; Корнеева Н. И. У истоков психики; Лернер Ю. М. О моей работе.— Вопросы философии, 1975, № 6.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 122.

⁴ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики, с. 420.

⁵ Там же, с. 434.

ченные, т. е. опосредствованные и преобразованные в результате человеческой деятельности, социокультурного прогресса человечества. Под таким углом зрения мы и рассмотрим их далее, соединяя анализ с философскими размышлениями о человеке и его будущем. Здесь же следует подчеркнуть еще раз, что марксистско-ленинская теория связывает перспективы человека прежде всего с *общественным развитием человечества*. К. Маркс писал, что если человек по природе своси общественное существо, то он, стало быть, только в общество может развить свою истинную природу. При этом Маркс имел в виду развитие общества в направлении к коммунизму.

Однако полное, всестороннее и свободное развитие каждого человека, всех членов общества, постоянно подчеркивал К. Маркс,— это не просто далекая цель исторического движения общества к коммунизму, характеризующемуся «истинно человеческими отношениями». И не только в отдаленной перспективе человек должен неповторимо блистать своими способностями, подобно тому как, по поэтическому сравнению молодого Маркса, каждая утренняя росинка неповторимо блестит всеми цветами радуги. Человек, отмечал Маркс уже в зрелые годы, есть «постоянная предпосылка челове-

ской истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат»¹.

Тем самым перед общественной теорией открывается принципиально новая цель — активно вторгаться в исторический процесс, служить «руководством к действию», т. е. обрести определенную творчески-преобразующую силу. Марксистско-ленинская теория, основанная на материалистическом понимании истории, утверждая классовый подход и социальное видение человека как предпосылки и одновременно продукта и результата общественного развития, черпает эту силу в новом понимании человеческой практики как предметной деятельности, которая включает в себя изменение природы, общества и самого человека. Именно предметная, трудовая деятельность сделала человека человеком, определила весь процесс антропогенеза и историю человечества, его прогрессивное развитие при переходе от одной общественно-экономической формации к другой и служит основой его дальнейшего исторического развития. Об этом уже шла речь, когда анализировались механизмы развития человека как индивида. Здесь важно еще раз подчеркнуть их значение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 516.

83

в историческом развитии человека. Поскольку с завершением антропогенеза человек, сохраняя свою биологическую природу, превращается вместе с тем в общественное существо, человеческая действительность включает не только естественные, природные, но и искусственные, «сверхприродные» социальные и культурные факторы. Превращаясь в «сверхорганизм» и в этом новом качестве во многом порывая дотоле существовавшие связи с природой, человек выражает свою родовую сущность в создании «сверхприроды», материальные и духовные составляющие которой выражаются понятиями «вторая природа» и «культура».

Следовательно, специфика человека как биосоциального существа состоит в том, что его превращение в существо «сверхбиологическое» в основном высвободило его из-под власти эволюционных механизмов. С этого момента его адаптация должна рассматриваться не как приспособление к изменениям внешней природной среды, а как активное практическое изменение этой среды сообразно своим собственным потребностям. При этом сами потребности уже не могут быть поняты в однозначно биологическом значении. Хотя и с превращением человека в «сверхорганизм» удовлетворение непосредственно жизненных, биологических потребностей остается самоочевидным базисом его жизнедеятельности, но над этим базисом вырастает целый ряд культурных потребностей: человек утверждает свое физическое существование для того, чтобы удовлетворять свои высшие потребности, выраженные в его целях и ценностях.

Соответственно, человек предстает уже не просто как *индивид*, являющийся частью рода человеческого, но и как *личность* в ее взаимосвязи с обществом. Конечно, и индивид, поскольку он обладает всеми *человеческими* качествами, характеризуется не только генетической целостностью, целиком определяемой природно-биологическими факторами, но и биосоциальным существованием, так как он является *общественным* индивидом. Что же касается личности, то она, как об этом писали С. Л. Рубинштейн и другие авторы,— относительно поздний продукт его общественно-исторического и онтогенетического развития. Поэтому, подчеркивал А. П. Леонтьев, «личностью не рождаются, личностью *становятся*»¹. Впрочем, это уже специальный вопрос, к которому мы еще вернемся.

Здесь же отметим пока лишь общие закономерности развития человека как субъекта и объекта истории, состоящие

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность, с. 176.

84

в том, что именно общественно-историческая совокупность материальных и духовных движущих сил — при решающей роли предметной, трудовой деятельности — на всех этапах истории оказывала формирующее воздействие на человека. При этом каждый эксплуататорский социальный строй, стихийно вырабатывая через определенную систему воспитательных средств (с помощью государства, семьи, религии и пр.) соответствующий ему тип человека, порождает вместе с тем противоречащие сущности этого строя человеческие силы, способствующие его гибели и переходу на новую ступень общественного развития. Так, в недрах капитализма, прежде всего в среде рабочего класса, формируется новый человек — провозвестник будущего и активный его строитель.

В. И. Ленин остро критически оценивал теоретические и практически-политические подходы, согласно которым природа человека якобы неизменна и поражена частнособственническими инстинктами и другими врожденными пороками, которые, в частности, делают построение социализма утопией. Необходимо, считали сторонники таких подходов, вначале создать каких-то особых людей, которые и явились бы тем «новым материалом», из которого можно строить социализм¹. Критикуя эти взгляды, Ленин писал: «Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе... Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой»².

С такой гуманистической установкой и была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция. За истекшие годы советский народ добился огромных успехов как в создании новых общественных условий, развитии экономического потенциала и роста благосостояния народа, так и в формировании нового человека. Только социализм впервые выдвинул задачу развития человека как научно осознанную общественную цель, и только в ходе социалистического и коммунистического строительства эта задача стала планомерно решаться в масштабах общества в целом.

¹ Кстати говоря, эта идея имеет хождение еще и сегодня. Так, Г. Маркузе считал, что «социальной революции должна предшествовать революция в человеке, связанная с радикальным изменением всех его аспектов... Это вопрос воспитания, и с этого нужно начинать сегодня» (Neues Forum. Wien, November — Dezember, 1968).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 54.

Открывающиеся в условиях социализма и коммунизма перспективы человека необозримы. Однако будущее не является фатальной неизбежностью. Оно создается самим человеком, приводящим в движение колоссальные материальные силы, огромный духовный потенциал, заключенный в его культуре, и в частности в науке. По каким путям пойдет реализация материальных и духовных возможностей человеческого развития — это в значительной степени зависит и от правильного выбора общей стратегии социального и научно-технического прогресса человеческой цивилизации. Весьма существенное значение поэтому имеет анализ перспектив человека, его будущего как биосоциального существа в связи с процессами, происходящими в результате научно-технической революции, не только субъектом, но и объектом которой он становится все в большей мере. Разумеется, и здесь мы констатируем решающее значение социальных факторов. Однако необходимо более конкретно раскрывать сложный механизм их детерминирующего действия, показывать необоснованность рассмотрения будущего человека в «социальном вакууме», в виде прямой проекции на него достижений науки и техники, критически преодолевать сциентистские, технократические и другие, антинаучные концепции.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЧЕЛОВЕК:

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ БУДУЩЕГО

Наука должна быть служительницей человека.

Н. Г. Чернышевский

Чему же учит эволюция человечества в его ближайшем прошлом, в каком направлении движется оно, какие силы выдвигает вперед, как главные факторы его будущего? — НАУКУ И ДЕМОКРАТИЮ.

К. А. Тимирязев

В приведенных выше словах замечательные русские мыслители — философ и ученый-гуманист — еще в конце прошлого и в начале нашего века сумели ясно выразить не только грядущую роль науки, но и ее тесную связь с человеком, с социальным прогрессом, с передовыми формами общественной жизни. Ныне эта взаимозависимость возросла в небывалых размерах. Многие стороны жизни современного человечества буквально обязаны своим существованием открытиям науки, ее вторжению в сами материальные и духовные основы человеческой цивилизации, а одним из факторов бурного прогресса науки в XX веке оказалось распространение на нее новых элементов общественной жизни, порожденных развитием крупной промышленности и социокультурным прогрессом, преобразованиями общества в направлении демократии и социализма.

Современный мир с нарастающей скоростью втягивается в стремительное движение научно-технического прогресса, вызванного к жизни величайшей революцией в человеческом познании и преобразующего все новые и новые сферы производства, духовной деятельности, а вместе с ними самого

человека, его образ жизни, труд и даже стиль мышления, эмоции, самосознание. Сегодня с предельной ясностью обнажились неисчерпаемые возможности и преимущества научно-технического прогресса, его социальный смысл. Отчетливее стали видны и некоторые опасные для будущего всего человечества явления, связанные со спецификой начальных стадий научно-технической революции и ее развертывания в условиях существования и борьбы двух мировых социальных систем. Обострились либо возникли заново многие проблемы, которые приняли глобальный характер. В связи с этим, как никогда раньше, стала очевидной органическая слитность научно-технического прогресса с социальными факторами его протекания, наконец, с самим человеком как центром, где пересекаются основные «силовые линии» развития науки, техники, культуры и всей мировой истории. Стало ясно, что будущее человека в существенной степени определяется всем комплексом этих факторов, в которых науке принадлежит одна из важнейших функций.

Все это в еще большей степени повысило интерес к науке, современной НТР, которые в числе других основных факторов общественного развития выносятся сегодня на нравственный суд человечества. Гуманистическая, нравственная оценка роли и значения науки в жизни человека и человечества — одна из примет того острого и напряженного беспокойства, с которым мы приближаемся к рубежу III тысячелетия.

Является ли наука силой, служащей потребностям и интересам человека, независимо от того, в каком обществе она функционирует и развивается, или же общество целиком и полностью определяет ее направленность, включая и возможные негативные применения? Может ли наука и в какой мере способствовать развитию человека или угрожать ему, как она соотносится не только с социальными условиями и факторами своего развития, но и с ценностными, в частности гуманистическими, принципами и какую роль могут играть они в этом развитии? Наконец, как наука воздействует на изменение гуманистических принципов человечества и в какой мере сама зависит от этого изменения? Как человек изменяется в ходе научно-технического прогресса и как этот прогресс преобразуется под влиянием изменения человека, его цивилизации, его культуры?

Вопросы эти находятся сегодня в центре философских дискуссий, которые и сами зависят, однако, от некоторых практических потребностей, диктуемых жизнью, развитием общественных отношений. Они, естественно, по-разному ре-

88

шаются в разных социальных системах, хотя в их постановке есть и много общих, глобальных черт. В теоретическом решении этих вопросов свою роль может сыграть и философия, обращающаяся к рассмотрению их *мировоззренческих* аспектов, к анализу *гуманистических* проблем настоящего и будущего. Сегодня такое рассмотрение и такой анализ выполняют не только конструктивную научную и социальную функцию, но и функцию критическую, включаясь в идеологическую и политическую борьбу, происходящую в мире¹.

1. Наука в современном мире: превращение в непосредственную производительную и социальную силу, возникновение и обострение глобальных проблем; человек и человечество в условиях глобальных проблем, альтернативы будущего

Когда мы обращаемся к анализу современной науки, перед нами встают по крайней мере четыре взаимосвязанных вопроса:

1. Что такое наука и как она возникает и функционирует в качестве определенного вида человеческой деятельности, ориентации человека в мире?
2. Почему наука возникает и развивается в той, а не в иной форме на разных этапах истории?
3. Для чего существует наука, имея в виду ее отношение к человеку и обществу?
4. (Этот вопрос возник совсем недавно.) Каковы наши возможности в регулировании науки и каким образом мы можем осуществлять их?

Ответы на эти вопросы определяют разные уровни и сферы исследования науки: социально-философское, историческое, социологическое, ценностно-аксиологическое (гуманистическое) и, наконец, организационно-управленческое. И хотя

¹ Исследованию взаимосвязи науки и человека в социально-философском плане, гуманистическим аспектам НТР посвящены многие работы последних лет. См., в частности: *Волков Г. Н.* Человек и научно-техническая революция. М., 1972; *Человек — Наука — Техника* (Опыт марксистского анализа научно-технической революции). М., 1973; *Научно-техническая революция и человек*. М., 1977; *Обухова Л. Е.* Человек и научно-технический прогресс. М., 1977; *Философия марксизма и современная научно-техническая революция*. XV Всемирный философский конгресс. М., 1977; *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1978; *Социализм и наука*. М., 1981, и др. Следует отметить также серию статей в журнале «Вопросы философии» под рубрикой «Человек — наука — техника», публиковавшихся с начала 70-х годов.

наше внимание будет сосредоточено в основном на социально-философских и ценностно-аксиологических, гуманистических проблемах, я буду стремиться показать их в связи и взаимодействии с другими формами исследования науки.

Еще сравнительно недавно — всего полвека назад — наука функционировала как бы «параллельно» с процессами, которые развивались в сфере производства, не затрагивая существенно основы жизнедеятельности людей, не привлекая к себе внимания широкой общественности, а если это и случалось, то оно приобретало зачастую неадекватные, а то и извращенные формы. Правда, отсутствие широкого внимания еще ничего не говорит о действительных связях деятельности ученых с жизнью общества. Однако эти связи обнаруживались лишь спорадически, и, несмотря на отдельные блестящие достижения естествознания, революционизировавшие производство, научные исследования в глазах многих оставались занятием, неожиданной силой и важности которого можно было отдавать должное, но которое нельзя было в широких масштабах включать в сферу «деловых интересов», Соответственно и деятельность ученых продолжала восприниматься традиционно — лишь как непонятный широким кругам «труд одиночек», выключенных из общественной жизни и занятых созерцанием явлений природы в некой «башне из слоновой кости».

Положение существенно изменилось после того, как в Лос-Аламосе было взорвано первое атомное устройство, а Хиросима упрочила эту геростратову известность пауки. Стало очевидным, что даже самые абстрактные разделы науки, такие, как атомная физика, имеют тесную связь с социально-экономической жизнью людей, с политикой. Наука из скромного труженика, малоинтересного для широких кругов, была превращена падкой на сенсации прессой в рокового и всемогущего «демона». И нельзя сказать, что для этого нет серьезных оснований. Известно ведь, что сегодня в военной сфере занято более 25% общего числа научных работников, почти половина всех расходов на науку идет в эту сферу, и они достигли чудовищных размеров.

Однако невиданное ранее непосредственное влияние науки как массовой силы на дела людей обнаруживается, разумеется, не только в том, что от военного применения ее открытий оказался зависящим вопрос жизни или смерти человечества; голос ее слышен широкой общественности не только через атомные взрывы. Непосредственный характер этого влияния дает о себе знать и в сфере созидания, в повседневной жизни населения промышленно развитых стран мира.

Даже не прибегая к особенно сложному анализу, можно видеть, что с середины XX века происходит нечто радикально новое, раз уж наука — это традиционно абстрактное и интеллектуальное занятие — стала, например, важным элементом национальной политики современных государств, которые ее во все больших масштабах финансируют, организуют и планируют.

Сегодня научное познание стало необходимым элементом функционирования общества, и без него невозможно даже представить современное человечество, многие стороны жизни которого обязаны самым своим существованием открыт^а ям науки. Современная наука в корне перестроила многие традиционные сферы производства, а некоторые его виды попросту родились в лабораториях (атомная промышленность, радиоэлектроника, космонавтика, создание полимеров, биотехнология и т. п.).

Научно-техническая революция привела к тому, что за сравнительно короткий отрезок времени человечество сделало огромный рывок вперед в овладении тайнами природы и их практическом использовании: теория относительности, квантовая механика, ядерная физика, химия полимеров, кибернетика, молекулярная биология — все эти научные дисциплины, определяющие лицо современной науки, зародились и получили развитие уже в нашем веке, причем наиболее значительные успе-

хи в них были получены именно в последние десятилетия. Согласно имеющимся подсчетам, за это время объем научной информации и открытий превзошел все, что было сделано наукой за тысячелетия ее существования, и он непрерывно увеличивается.

Научно-технический прогресс приобретает все большее ускорение. В частности, происходит постоянное сокращение сроков, отделяющих научное открытие какого-либо принципа или закона природы от его практического использования. Сокращая эти сроки, наука стала во все больших масштабах предшествовать материальному производству внутри него самого, преобразовывать и организовывать его на предварительно установленной теоретической базе принципов и законов природы, а не только внедряться извне в стихийно сложившееся и на эмпирическом опыте основанное производство. Причем экономическая эффективность капиталовложений в научные исследования, обслуживающие производство, оказывается большей по сравнению с другими ее элементами. Нет необходимости приводить здесь какие-либо цифры — все это в достаточной степени известно. В целом можно сказать, что преобразование производства путем ис-

91

пользования науки выступает ныне как его новая могучая движущая сила.

Эта закономерность имеет глобальный характер, но она получает особые формы при социализме, так как строительство нового общества вообще немыслимо без науки. Со всей силой это было подчеркнуто на XXVI съезде КПСС, наметившем меры по обеспечению дальнейшего ускорения научно-технического прогресса, разработке комплексных, целевых, программ решения важнейших научно-технических проблем, усилению взаимных связей науки и производства, повышению эффективности научных исследований, сокращению сроков внедрения достижений науки и техники в производство 1.

Важно отметить, что в сферу этого процесса вовлекаются и общественные науки, в чем находит проявление реальная, диктуемая развитием общественного характера труда тенденция объединения и взаимопереплетения наук о природе и наук об обществе, становящаяся их внутренним требованием. Чем шире область социального, производственного применения результатов естествознания (в таких, например, проектах, как освоение ядерной энергии, преобразование пустынь, космические исследования, комплексная автоматизация производства и т. д.), тем нужнее определенные общественные знания об условиях и последствиях такого применения и тем больше зависимость развития самого естествознания как производительной силы от наличия и степени полноты этих знаний. К разработке научных проектов и их практической реализации привлекаются в настоящее время отряды экономистов, социологов, психологов и т. д., причем характер их работы и критерии научности ее результатов должны все больше приближаться к точности естественнонаучного знания.

«Могущественный ток к обществоведению от естествознания,— писал В. И. Ленин,— шел, как известно, не только в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса. Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века» 2. На необходимость усиления взаимодействия общественных, естественных и технических наук было указано и на XXVI съезде КПСС. Интеграционные процессы имеют существенные объ-

[См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981; см. также выступление на XXVI съезде КПСС президента АН СССР академика А. П. Александрова.— XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1981, т. 1, с. 220—226; *Марчул Г. И.* Неиссякаемый источник прогресса.— Будущее науки. М., 1982, вып. 15; Социализм и наука. М., 1981, и др.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 41.

92

ективные основы, лежащие в самой современной науке, и вместе с тем диктуются практическими потребностями, которые связаны с глубинным долгосрочным процессом социальных изменений, охватывающим как саму науку, так и общество в связи с развитием науки.

Научный поиск фокусируется теперь не в какой-либо одной или нескольких точках, лежащих в плоскости той или иной науки. Речь идет скорее о некоторых линиях, прочерчивающих главные направления научно-технического прогресса в пространстве, занятом многими науками, а чаще всего на «стыках» между ними. Поэтому сегодня наука все определеннее приходит к необходимости не просто разработки комплексных проблем, но создания широких и разветвленных программ исследования, предполагающих концентрацию значительных материальных и людских ресурсов, глубокую связь науки с практикой и самим человеком, единство наук и современной культуры в целом.

Процесс интеграции наук определяется не только их внутренними, обусловленными логикой познания потребностями, но и требованиями, связанными с превращением науки в непосредственную производительную силу общества. Анализируя социально-экономическую суть и последствия такого превращения, марксизм убедительно показал, что оно является отнюдь не результатом имманентного развития содержания научного познания, а лишь стороной и проявлением процесса дальнейшего обобществления производства и человеческой деятельности вообще; при этом сама кооперация и общественный характер труда становятся могучей производительной силой, что относится и к сфере научного познания, приобретающего форму общественно развитого труда и по-новому используемого обществом.

Новая роль науки — выражение общественных потенций современного производства, и это проявляется прежде всего в том, что преобразуется общая структура труда в сфере материального производства, само строение данной сферы. Процесс этот идет в направлении, отмеченном еще К. Марксом, который указывал, что по мере обобществления производства все большее влияние на процесс труда оказывает овеществленная сила знания. «В качестве машины средство труда,— писал он,— приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания»¹.

¹ Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 397.

Глубокие изменения претерпевает и сам научный труд. В ходе научно-технической революции он изменяет свою социальную форму, сближаясь с трудом работников производственной сферы. Оставаясь интеллектуальной деятельностью, специально направленной на получение нового знания, научный труд становится производственным по форме и условиям его осуществления, которые оказываются частью условий самого производства, так сказать, «встраиваются» в него. Он оснащается крупнопромышленным инструментарием исследования, осуществляется коллективно, вовлекая одновременно в одном месте массу работников и устанавливая разделение функций между ними, и воплощается в материальной продукции. В этом вторжении производственных форм в экспериментально-техническую базу и организацию науки, придающем ей черты обобществленного производственного процесса, можно отчетливо разглядеть следующее.

Во-первых, труд ученых и сама наука индустриализуются (в связи с изменением характера и формы орудий экспериментального воздействия современной науки на природу). Именно те результаты познания, которые составляют основное и самое революционное содержание открытий науки XX века, в первую очередь фундаментальных, теоретических ее разделов, были получены в процессе создания и исследовательского применения сложнейших дорогостоящих и подчас грандиозных машин и аппаратов: атомных реакторов, ускорителей атомных частиц, космических ракет, искусственных спутни-

ков, электронно-вычислительных машин, аэро- и гидродинамических установок, тончайшей регистрирующей аппаратуры, систем космической связи и т. д.

Во-вторых, изменилось место индивидуального научного труда в прогрессе науки: научная деятельность приобрела коллективный и массовый характер. Современные крупнопромышленные установки, предназначенные для научного экспериментирования и исследования, собирают вокруг себя большие коллективы научных работников, инженеров, техников, лаборантов и квалифицированных рабочих, предполагают кооперацию и сложное разделение труда между ними.

В-третьих, сам характер многих современных научных задач и разработок стал таким, что с ними могут справиться (в смысле как людских, так и материальных ресурсов) лишь крупные общественные фонды, лишь силы всего общества, сознательно и планомерно мобилизуемые.

Все эти глубинные процессы, связанные с превращением науки в непосредственную производительную силу современного общества, существуют и проявляются, однако, в опреде-

94

ленной системе социально-экономических отношений. Наука реально функционирует как некоторый социальный институт, находящийся в зависимости от этих отношений. Поэтому для того, чтобы определить условия, формы и последствия функционирования науки в обществе, совершенно недостаточно иметь в виду лишь внутренние процессы современного индустриального производства и соответственно потенциальные возможности самой науки. В этом суть марксистского подхода к анализу такого сложного и противоречивого феномена, как современная наука. И в этом, как представляется, ключ к правильному пониманию механизмов ее социального функционирования, ее влияния на жизнь и будущее человека.

Резюмируя, можно сказать, что в марксистско-ленинской теории существует давняя традиция и определенный приоритет исследования проблем развития науки и техники. Этот факт следует особенно подчеркнуть, потому что нередко утверждается, будто марксисты, и в частности советские теоретики, занялись проблемами научно-технической революции буквально лишь в последние десятилетия. Верно, что именно в эти годы создано большое количество трудов, в которых с разных сторон исследуются процессы развития современного научно-технического прогресса. Известно, однако, что еще в прошлом веке не кто иной, как К. Маркс, первый заложил базу такого рода исследований и сформулировал основы того, что мы можем выдвигать сегодня в качестве особой *марксистско-ленинской теории научно-технической революции*.

Именно Маркс установил, что наука является не изолированным феноменом, а особым социальным институтом современного общества. В этом заключается величайшее открытие Маркса, и оно позволяет нам лучше понять сущность современного научно-технического прогресса.

Именно Марксу принадлежит, далее, заслуга определения ведущей тенденции развития науки по пути ее превращения в непосредственную производительную силу общества. Это научное предвидение, сделанное еще в середине прошлого века, блестяще подтверждается на наших глазах и, по существу, характеризует одну из особенностей современного научно-технического прогресса.

Наконец, именно Марксом было показано, что развитие науки и техники в их связи и взаимодействии с развитием производительных сил служит одним из важных элементов такого социального преобразования общества, которое является необходимым условием свободного и всестороннего развития человека, его творческого совершенствования. Тем

95

самым обозначаются и перспективы самого научно-технического прогресса, главным фактором которого выступает человек.

На определенном этапе развития производительных сил общества, отмечал Маркс, наука превращается в «непосредственную производительную силу»¹, а универсальное развитие человека становится условием универсального развития производительных сил². Это обстоятельство — связь развития производительных сил, прогресса науки и техники с развитием человека,— может быть, в наибольшей степени подчеркивает специфику, качественные особенности марксистско-ленинской концепции научно-технической революции и вместе с тем дает устойчивую «точку отсчета» развития как общества в целом, так и науки и техники. Этой «точкой отсчета» является ориентация общества и науки на свободное и всестороннее развитие человека.

Такая ориентация дает возможность понять многое происходящее в современном обществе и правильно оценить не только те факты, которые мы можем охарактеризовать со знаком плюс, но и те, которые необходимо отметить со знаком минус, а следовательно, видеть не только блага, которые несет с собой современная стадия развития научно-технического прогресса, но и оценить, не впадая в крайности, связанные с нею негативные явления. И главное — такая ориентация позволяет видеть реальные возможности и перспективу преодоления этих негативных явлений по мере развития общества к новому, более совершенному его состоянию, каким являются социализм и коммунизм.

Сказанное в наибольшей степени относится к комплексу *глобальных проблем*, возникновение и обострение которых вызвано в значительной степени (хотя, разумеется, далеко не полностью, так как главными здесь являются социальные факторы) стремительным (иногда очень, а зачастую даже слишком) развитием науки и техники, все возрастающим промышленным использованием их результатов на основе традиционной технологии. Научно-техническая революция наших дней привела к невиданному повышению производительности общественного труда, расширению масштабов производства, к не сопоставимым ни с чем результатам в овладении силами природы: тайны атома и загадки космоса, глубины Мирового океана и микромир живой клетки стали во многом доступны человеческому разуму, вооруженному наукой. Однако победы эти сопровождались и поражениями: воз-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 215.

² См. там же, с. 34.

росла опасность военного применения технических результатов науки, истощения природных ресурсов, энергетического и продовольственного кризиса и пр. Серьезные деформации поразили и современную культуру и образование, поскольку углубился разрыв между «двумя культурами» (Ч. Сноу) — научно-технической и гуманитарной. Возникла смертельная угроза биологическому существованию и социальному развитию самого рода человеческого, так как не только современные ракетно-ядерные средства ведения войны, но и подготовка к ней, загрязнение окружающей среды опасными для здоровья людей веществами могут привести к необратимым и губительным для человечества последствиям.

В условиях обострения глобальных проблем, в той или иной форме и степени вызванных к жизни научно-технической революцией в качестве одного из ее социальных последствий, будущее человечества все в большей мере стало связываться с возможностью позитивного их решения. Научные и социальные прогнозы будущего обращаются теперь к глобальным проблемам в поисках реальных альтернатив человеческой цивилизации и перспектив человека. К сожалению, на этой почве рождается и новая мифология, которая спекулирует на авторитете науки, не имея с ней, однако, ничего общего, и основывается на столь же ложной философской методологии, в том числе на одностороннем понимании глобальных проблем. Эти проблемы вырываются из контекста основных-противоречий эпохи перехода от капитализма к социализму и представляются как якобы «надсоциальные», «надклассо-

вые», вся тайна решения которых заключена либо в односторонне абсолютизируемой научно-технической сфере, либо в самом человеке, изменение которого признается главной предпосылкой и условием решения всех других проблем, включая глобальные¹.

Глобальные проблемы современности существуют в целостной системе, они диалектически взаимозависимы, и в этом единстве и взаимодействии выявляется и их социальная природа. Именно это и делает их необходимым компонентом всех проекций в будущее человеческой цивилизации и самого человека. Поэтому мы говорим: 1) об *интерсоциальных* глобальных проблемах, относящихся к взаимодействиям между такими социальными общностями, как общественно-экономические системы, государства и т. д. (проблемы мира и разоружения, мирового социального и экономического развития, преодоления отсталости отдельных стран и регионов и пр.);

¹ Подробнее об этом см.: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981.

97

---

2) об *антропосоциальных* глобальных проблемах, связанных с отношениями между человеком и обществом (проблемы научно-технического прогресса, образования и культуры, роста народонаселения, здравоохранения, биосоциальной адаптации человека и его будущего); 3) о *природно-социальных* глобальных проблемах, существующих во взаимодействии человека и общества с природой (проблемы ресурсов, энергетики, продовольствия, окружающей среды).

Все эти проблемы в той или иной степени оказывают влияние на будущее человеческой цивилизации, причем зачастую самое непосредственное, не дающее никаких временных интервалов для ослабления угрозы, никаких отсрочек. И, разумеется, это относится прежде всего к проблемам мира и разоружения. *Мировая термоядерная война — не альтернатива любым формам существования человеческой цивилизации*, и поэтому предотвращение ее, сокращение вооружений, лежащих тяжким бременем на человечество,— глобальная проблема проблем, от решения которой зависит будущее человека и человечества.

Вместе с тем проблема *будущего самого человека* приобретает и самостоятельное значение в ряду других глобальных проблем. Более того, она является своеобразным центром, средоточием всей системы этих проблем. От того, как решается проблема человека и его будущего, во многом зависит общий подход и стратегия решения глобальных проблем, обращенная в будущее.

В таком понимании субординации этих проблем, определяющей стратегию их решения, отражается определенная гуманистическая мировоззренческая и социальная позиция марксизма, то, что можно назвать научной философией глобальных проблем¹. В более широком контексте отчетливо обнаруживается влияние этих проблем буквально на все стороны жизни человека и человечества: материально-производственную сферу и культуру, политику и идеологию, мировоззрение и мораль².

¹ См. об этом статьи автора: «Философия глобальных проблем» и «Человек и человечество в условиях глобальных проблем» (Вопросы философии, 1980, № 2; 1981, № 9).

² В этих многообразных научных и социальных аспектах глобальные проблемы современности исследуются в работах многих советских и зарубежных марксистов: Э. А. Араб-Оглы, Д. М. Гвишиани, В. В. Загладина, П. Л. Капицы, М. М. Максимовой, Н. Н. Моисеева, И. Нёрлюнда, Р. Рихты, Е. К. Федорова, Г. С. Хозина, Г. Холла, Г. Х. Шахназарова, Р. Штайгервальда, В. А. Энгельгардта, А. Л. Яншина и др. Библиография этих работ дана в книге: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и со-

98

Таким образом, в связи с развитием процессов НТР, возникновением и обострением глобальных проблем возникла новая социальная и духовная среда, в которой ставятся и решаются сегодня многие вопросы, в том числе и те, которые непосредственно касаются будущего человечества. К сожалению, речь идет теперь зачастую уже не только об *улучшении* условий человеческого существования, но прежде всего о *выживании* человечества в перспективе ближайших десятилетий. Оправдана ли такая постановка вопроса? Нет ли здесь известной драматизации положения в мире?

Марксисты дали на эти вопросы научный ответ, который учитывает, с одной стороны, новизну создавшейся ситуации, важность решения комплекса глобальных проблем современности в контексте общих социальных преобразований в направлении социализма и коммунизма, а с другой, еще резче подчеркивает необходимость этих преобразований, т. е. фундаментальные, исходные принципы научного понимания будущего человечества. Эти принципы, которые лежат в основе реального движения значительной части человечества, живущей в социалистических странах, к коммунистическому будущему, позволяют критически оценивать различные проекты, не соотнесенные с таким пониманием будущего.

Вместе с тем философский анализ должен отражать диалектику социальных, природно-биологических и человеческих факторов развития в условиях глобальных проблем. От этого существенно зависит не только определение стратегии разрешения этих проблем, рассчитанной на дальнюю перспективу, но и вообще прогнозирование и исследование будущего человека и человечества. И здесь мы видим много новых проблем, которые в последние годы встали перед научной философией. Поскольку буржуазная и реформистская мысль активно реагирует на глобальные проблемы, важно критически оценить пути и методы, предлагаемые ею для их решения, а также мифы и утопии, создаваемые при этом¹.

циальный аспект. М., 1981; см. также: Глобальные проблемы современности. Отв. ред. Н. Н. Иноземцев. М., 1981.

¹ В такой взаимосвязи вопросы, касающиеся будущего человечества и его цивилизации, природы и самого человека, все более интенсивно исследуются в последние годы в ряде работ философов-марксистов, включая советских. Начало этому было положено коллективным трудом марксистов «Какое будущее ожидает человечество?» (Прага, 1964). См. также: Давидович В., Аболина Р. Кто ты, человечество? М., 1975; Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976; Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978; Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978; Мчедлов М. П. Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980; Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок. М., 1981.

Здесь прежде всего следует отметить, что глобальные проблемы вследствие их нерешенности возникают сегодня в основном как непосредственная *угроза* человеческой цивилизации, причем в масштабах, не имеющих себе равных в истории.

Никогда еще человек не располагал столь мощными средствами массового разрушения и уничтожения, которыми он располагает сегодня, и столь сильными возможностями воздействия на окружающую среду. Никогда еще у людей не было столь серьезных оснований для беспокойства о том, хватит ли им или их потомкам природных ресурсов. Совершенно очевидно, что все эти проблемы имеют общемировой характер и что от их разумного решения будет зависеть благосостояние нынешних и будущих поколений, судьбы земной цивилизации вообще. Поиски новых ориентиров и благоприятных для человечества перспектив, новых решений старых и вновь возникающих глобальных проблем приводят к тому, что потенциальное будущее начинает оказывать все более осязаемое влияние на современность (так называемый «эффект Эдипа»). Поэтому обращение к будущему в аспекте глобаль-

ных проблем стало своеобразным приемом решения многих *современных* социально-экономических и политических, мировоззренческих и нравственно-гуманистических проблем, тесно связанных с основным противоречием нашей эпохи — противоречием между социализмом и капитализмом.

Так, например, попытки трактовать глобальные проблемы как некоторую общую угрозу человеческой цивилизации и ее будущему служат во многих случаях целям империалистического гегемонизма, стремлению отвлечь внимание современного человечества от того несомненного факта, что и само по себе возникновение глобальных проблем, а тем более их обострение, принимающее кризисный характер,—все это связано с капиталистической общественно-экономической формацией, причем империалистическая ее стадия как раз и создает глобальную угрозу человечеству. Процессы интернационализации материальной и культурной жизни человечества, начавшиеся и все более усиливающиеся в процессе становления этой формации, приняли извращенную форму и приобрели во многом отрицательные последствия именно в этих условиях. Глобализация существовавших до сих пор и возникновение новых проблем общечеловеческого масштаба и характера властно требуют поэтому адекватного им социального устройства, которое возможно только на путях мира, социализма и демократии.

100

Подчеркивая преимущества социализма в этом плане, мы далеки, однако, от того, чтобы рисовать перспективы человека и человечества только в радужных тонах. Перед марксистско-ленинской наукой встают новые вопросы, касающиеся будущего человечества, перспектив коммунистического строительства в условиях существования глобальных проблем. Сегодня уже нельзя представлять себе будущее коммунистическое общество в отрыве от решения этих проблем, и здесь недостаточно каких-то общих соображений оптимистического толка, исходящих из научно-технологических предположений и прогнозов.

Конечно, мы знаем, что научно-технический прогресс открывает новые горизонты перед человечеством: использование термоядерной энергии, биотехнологии, выход в космос — эти и другие достижения науки и техники создадут основу для разрешения многих острейших проблем. Но едва ли разумно было бы акцентировать внимание только на этом и закрывать глаза на те трудности, которые встают перед человечеством в связи с истощением невозобновляемых природных ресурсов, сокращением энергетической базы и т. п.

Ясно, что преодоление всех этих трудностей потребует больших усилий от общества в целом, его организаций, но это зависит также и от способности каждого человека активно участвовать в решении глобальных проблем человечества.

Поэтому важно иметь глубоко продуманную научную стратегию, в которой существенную роль играют и социально-философские, гуманистические основания и факторы. Такую стратегию предлагает марксизм, который сталкивается, однако, с негативной идеологической активностью буржуазно-реформистских сил, ведущих против него всеохватывающую борьбу, в том числе и в сфере футурологии и глобальных проблем. Нельзя недооценивать отрицательного воздействия этой пропагандистской деятельности, которая обращается порой к высоким философским абстракциям и гуманистическим идеям, но лишь затем, чтобы обратить их против марксизма и коммунизма. Причем нередко подобным неблагоприятным целям служат, как это ни кощунственно, апокалипсические пророчества возможной (а зачастую даже и неизбежной) гибели человеческой цивилизации и самого человечества. Существенную роль в этих пророчествах играют и ссылки на глобальные проблемы, на негативные социальные последствия научно-технической революции.

Конечно, было бы в высшей степени несправедливо и непредусмотрительно не видеть, что немало ученых-футу-

101

рологов на Западе, не стоящих на позициях марксизма и не считающих социализм и коммунизм реальной альтернативой капитализму, искренне озабочены судьбами человека и человечества; они ищут выхода из сложившейся трагической ситуации на путях гуманизма, создания утопических представлений о социальных и мировоззренческих «целях человечества», которые якобы могут повести его оптимальными маршрутами в будущее.

Марксисты критиковали и будут критиковать их утопизм, но марксисты за диалог с ними, за сотрудничество по многим животрепещущим проблемам современности, включая глобальные, за союз в борьбе за мир и разоружение, за демократию, свободу и достоинство человека, его будущее. Марксисты учитывают, что во многих случаях это — верный путь к научной позиции для тех, кто любит человека и человечество и искренне озабочен их будущим.

С этих позиций важно показать и критически оценить многие современные немарксистские и антимарксистские концепции, относящиеся к рассмотрению будущего человека и человечества в условиях существования глобальных проблем, прямо или косвенно связанных с развитием научно-технической революции наших дней.

2. На пути к катастрофе человеческой цивилизации? Глобальные прогнозы и реальные решения. «Демон науки» или культ человека? Дилемма сциентизма и антропологизма, «технократический оптимизм» и «критика науки»

Было бы излишним да и попросту невозможным перечислять здесь разнообразные футурологические прогнозы и предположения, которых сегодня так много на Западе¹. В древнегреческих мифах создан образ Кассандры — прорицательницы будущего, которой, однако, никто не верил. В наши дни все обстоит наоборот — больше верят, даже если мало истины в прогнозах будущего. Существуют многочисленные футурологические организации, национальные и

¹ См. об этом: *Бестужев-Лада И. В.* Окно в будущее. М., 1970; *Араб-Оглы Э. А.* В лабиринте пророчеств. М., 1973; *Ожегов Ю. И.* Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1975; *Вовш В. И.* Футурология и антикоммунизм. Минск, 1977; *Шимаи М.* К третьему тысячелетию. М., 1977; *Косолапов В. В., Дисичкин В. А.* Критика буржуазных концепций будущего. М., 1978; *Шахназаров Г. Х.* Фиаско футурологии. М., 1979; Будущее. Реальные проблемы и буржуазные спекуляции. София, 1979; *Хозин Г. С.* Глобальные проблемы современности. Критика буржуазных концепций. М., 1982.

международные, которые занимаются этим. Но не только (а может быть, и не столько) ученые-футурологи, объединенные, в частности, в такие организации, как международный научный центр «Человечество в 2000 году», Римский клуб и т. п., обращаются сегодня к проблематике будущего в аспекте глобальных проблем. Она стала одной из главных в деятельности многих ведущих политических и общественных руководителей, правительственных организаций отдельных стран и регионов, международных органов ООН и др.¹ Конечно, как это уже отмечалось, здесь прагматические цели диктуют определенную сдержанность, отличающуюся от распространенной на Западе футурологической эйфории, содержащей внутри себя то, что можно было бы назвать «мифологией на глобальном уровне», т. е. социальный утопизм. При этом многие внешне, казалось бы, различные «модели будущего», которые обращаются к решению глобальных проблем, по большей части как бы дополняют друг друга. И это понятно, так как методология у них однотипная, основанная на метафизическом абсолютизировании и противопоставлении друг другу отдельных факторов общественного развития, их изоляции от всего контекста социальных связей, имеющих место в современном мире. В итоге, однако, обнаружение известной значимости отвергавшихся вначале факторов может приводить к тому, что именно они начинают признаваться главными, решающими.

Это касается и мировоззренческих оснований, общей идейной направленности буржуазных и буржуазно-реформистских «проекций в будущее» в свете глобальных проблем с учетом негативных социальных последствий научно-технической революции. Для подобных «проекций» характерна «взаимная дополнительность» пессимистических и оптимистических концепций и установок мысли. Было бы ошибочно поэтому характеризовать буржуазную футурологию в целом как только пессимистическую на том основании, что она исходит из абсолютизации тенденций капиталистического общества, самой историей обреченного на гибель. В том-то и дело, что существует другая, более официально выражаемая линия апологетики капитализма, которая в футурологических аспектах находит свое проявление в разного рода опти-

¹ См. об этом: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981. Поскольку в указанной работе подробно анализируются многие прогнозы и проекты такого рода, я буду касаться только тех из них, которые непосредственно связаны с проблемой человека и его будущего.

103

мистических прогнозах, предназначенных для того, чтобы укрепить веру в будущее этого обреченного строя.

Правда, как в первом, так и во втором случае речь постоянно идет о каких-то реформированных вариантах капиталистических общественных отношений, и в этом смысле они также демонстрируют свою взаимную дополнительность:

апологетическое, консервативно-оптимистическое направление буржуазной футурологии, преобладающее на Западе, на определенных этапах сталкивается с широким распространением апокалипсического, неоесхатологического видения будущего в свете глобальных проблем. Порождаются и новые формы, некая амальгама оптимизма и пессимизма в неоконсервативных и буржуазно-реформистских прогнозах. Все это либо прямо противопоставляется марксизму и коммунизму, либо предпринимаются попытки найти «третий путь», который видится как перспектива пресловутой «конвергенции» капитализма и социализма или же как некое «альтернативное движение»¹, призванное «свернуть с проторенных путей социальной бесперспективности», создать «новый стиль жизни». При этом научно-технический прогресс объявляется источником всяческого зла, а смысл жизни усматривается в том, чтобы реализовать устремления, непосредственно связанные с человеческим «Я».

Подобные «прыжки мысли», движущейся от одной крайности к другой, можно обнаружить и в прогнозах будущего, создаваемых в рамках так называемого Римского клуба. Сравним, например, последние доклады Римскому клубу с первыми глобальными моделями мирового развития, разработанными, в частности, Дж. Форрестером в книге «Мировая динамика», Д. Медоузом с соавторами в книге «Пределы роста»². Поразительно, как на протяжении одного десятилетия — в течение 70-х годов — может меняться подход к одной и той же проблеме! Если в первом докладе Римскому клубу основная ставка в решении глобальных проблем делалась на научно-технические меры при условии «нулевого роста» производства, народонаселения и пр., то уже в докладе М. Месаровича и Э. Пестеля «Человечество у поворотного пункта»³,

¹ *Hollstein W.* Die Gegengesellschaft: Alternative Lebensformen. 2 Aufl. Bonn, 1980; *Schlaffke W.* Abseils: Die Alternativen — Irrweg oder neue Weltkultw. Köln, 1979.

² *F'arrestor J.* World Dynamics. Cambridge (Mass.), 1972; *Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W.* The Limits to Growth. A Report to the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N. Y.—L., 1972.

³ *Mesarovis M., Pestel E.* Mankind at the Turning Point. The Second Report to the Club of Rome. N. Y., 1974.

предлагавшем миру «органичный рост», научно-технологические предложения дополнялись социально-этическими, обращенными как к обществу в целом, так и к отдельному индивиду. Указанные предложения, как на это уже обращали внимание многие ученые-марксисты, были во многом абстрактно-утопическими, а позицию авторов рельефно выражает эпитафия к их труду: «Мир поражен раком, и этот рак — сам человек» (А. Грэгг).

Конечно, такая позиция вряд ли могла вдохновить «будущие поколения», к которым обращались М. Месарович и Э. Пестель. Однако она уже содержала в себе начало того поворота, который получил свое воплощение в последующих докладах Римскому клубу, подготовленных Д. Габором с соавторами и Э. Ласло и его коллективом¹. Этот поворот вел к признанию (хотя и в недифференцированной, абстрактной форме) роли и значения социальных факторов в решении глобальных проблем человечества. При этом все более обнаруживался антропологический крен, сосредоточение на вопросе о необходимости изменения самого человека, его сознания, морали, образования и пр. как предпосылки и условия всех других изменений, включая научно-технические и социальные, которые позволили бы решить глобальные проблемы мирового развития. И здесь во многих случаях Римский клуб и его руководители (прежде всего А. Печчеи) приходят, в сущности, к тому, что уже получило определенное развитие в истории мысли, в частности в рамках так называемой философской антропологии, в концепции гуманизма Дж. Хаксли и др. Весьма отчетливое воплощение такая позиция нашла, как известно, в книге А. Печчеи «Человеческое качество» и в последних докладах Римскому клубу².

¹ *Gabor D., Colombo U., King A., Galli R.* Beyond the Age of Waste: Science, Technology and the Management of Natural Resources, Energy, Materials and Food. N. Y., 1976; *Laszlo E. et al.* Goals for Mankind. A Report to the Club of Rome on the New Horizons of Global Community. N. Y., 1977. Критический анализ этих докладов содержится в первом издании данной книги.

² *Peccei A.* The Human Quality. Oxford etc., 1977; *Botkin J. W., Elmandjra M., Malitza. M.* No Limits to Learning. A Report to the Club of Rome. Oxford etc., 1979; *Haivrylyshyn B.* Road Mars to the Future. Towards More Effective Societies. A Report to the Club of Rome. Oxford etc., 1980. Эти работы подробно рассмотрены в уже упоминавшейся книге: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. См. также: *Игнатьев В. П.* Проблема человека и «мировая проблематика». — Вопросы философии, 1981, № 3; *Лейбин В. М.* «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982.

Абстрактно-гуманистический, антропологический подход А. Печчеи выразил и в своей лекции «Перед лицом беспрецедентных вызовов: человечество в восьмидесятые годы», прочитанной в Международном институте системного анализа (ИИАСА) в ноябре 1980 г. Здесь он попытался определить будущее в аспекте глобальных проблем, выделив в качестве необходимых мер принятие региональных и глобальных решений, управление миром в целом и как предпосылку этого — управление людьми самими собой. Для этого, с точки зрения Печчеи, следует прежде всего научиться жить в гармонии с реально существующим миром, выполнять свой долг перед последующими поколениями и другими формами жизни, развивать свои собственные возможности. Поэтому, делает он вывод, глобальную проблематику надо рассматривать с точки зрения человеческого существа, учитывая, что человек может сделать с помощью науки, энергетики и чего бы то ни было другого.

Печчеи исходит при этом из того, что современный человек еще не завершен в своем развитии, его творческий потенциал еще не использован полностью и ждет своего развития. Если же этого не произойдет, то существующий сегодня разрыв между реальным миром и его проблемами, с одной стороны, и нашим пониманием его, с другой, будет еще более возрастать. Исследованию этой проблема-

тики и посвящены один из последних докладов Римскому клубу: «Нет пределов обучению» и проект «Человеческий форум», целью которого является привлечение молодежи к творчеству будущего.

Абстрактно-гуманистический подход к глобальным проблемам и путям их решения, бьющий тревогу алармизм и вместе с тем утопизм отчетливо прослеживаются и в книге Печчеи «100 страниц для будущего»¹. Здесь также речь идет о человеке и человечестве вообще, о необходимости для них «всеобщности и универсальной гармонии», о «солидарности, преодолевающей все политические и социальные рамки», и т. п. Печчеи вновь возвращается к мысли о том, что человечеству угрожает «моральное и экологическое банкротство» со всеми неисчислимыми последствиями этого. Поскольку же человек — «автор и хозяин своего будущего», Печчеи призывает предпринять скорейшие меры для решения глобальных проблем, выражая надежду, что человечество может выйти из кризиса и построить желаемое будущее. При этом он из-

¹ *Peccei A. 100 pages pour l'avenir; Reflexions du President du Club de Rome. P., 1981.*

106

вращение истолковывает марксистское понимание проблемы, ссылаясь на «наших друзей-марксистов», которые подчеркивают значение современной науки, научно-технической революции, играющей «главную роль» в создании нового общества. Печчеи сближает эту позицию со взглядами «большинства немарксистов», которые также считают, что наука может помочь разрешить почти все проблемы человечества.

Конечно, после этого довольно легко обосновать и свою позицию, обращая внимание на некоторую «двойственность науки», ее оторванность от «приоритетных проблем человечества», «дихотомичность» научного прогресса, а затем торжественно заявить, что необходимо «обобщенное и целостное знание», синтез наук и что любой прогресс может быть научным лишь тогда, когда он прежде всего является «моральным, социальным и политическим прогрессом в привычках и поведении — словом, прогрессом культуры»¹. Иначе говоря, хотя и в форме, во многом неприемлемой для нас, Печчеи приходит к идеям, ясно и отчетливо выраженным именно марксистами, начиная с классических работ самого Маркса. Конечно, эти идеи существенно отличаются от тех сциентистских и технократических взглядов, которые Печчеи приписывает марксизму. Правда, обращение к истине марксизма предполагает серьезный и фундаментальный анализ марксистско-ленинской концепции научно-технической революции в ее связи с развитием человека, а также изучение соответствующих научных работ, о части из которых речь шла выше. По-видимому, это противоречит философско-антропологическим идеям, установкам и выводам Печчеи. Обратившись в дальнейшем к соответствующим концепциям, мы сможем увидеть, насколько в действительности оригинальны эти идеи.

Это относится и к философско-антропологическим основаниям доклада, подготовленного для Римского клуба Б. Гаврилишиным под многообещающим названием «Маршруты, ведущие в будущее»², предложения и выводы которого поддержаны в соответствующем предисловии руководителями Римского клуба А. Кингом и А. Печчеи.

Автор доклада исходит из того, что всякое общественное устройство включает в себя такие компоненты, как ценности (индивидуалистически-соревновательные, групповые, сотруд-

¹ *Peccei A. 100 pages pour l'avenir, p. 96.*

² *Havrylyshyn B. Road Maps to the Future. Towards More Effective Societies. A Report to the Club of Rome. Oxford etc., 1980.*

107

пичества и равноправно-коллективистские), формы политического правления (власть по принципу соглашения и унитарная власть), а также экономические системы (свободное предпринимательство, согласованно-свободное предпринимательство и управляемая государством экономика). В связи с этим провозглашается необходимость установления «нового мирового порядка», который максимально бы соответствовал «природе человека».

Какова же «природа человека» и в чем сущность этого «нового мирового порядка», в условиях которого, по мнению Б. Гаврилишина, могут быть разрешены и глобальные проблемы человечества? Рассматривая исторически вопрос о природе человека, он составил следующую таблицу, которая, пожалуй, больше соответствует целям, априорно поставленным автором, чем реальной действительности.

Происхождение человека	Природа человека	Источник ценностей, «этики»	Ценности на «выходе»
1. Божественная воля	Добро, зло или и то и другое	Божественные отношения	Индивидуалистически-соревновательные или групповые и сотрудничества
2. Продукт естественной эволюции	Добро как продукт окружающей среды	Закон природы	Групповые и сотрудничества или равноправно-коллективистские
3. Биологическая случайность	Композиционная уникальность, познание	Сам человек, объективная необходимость	Незапрограммированные свободно выбираемые

Как видим, главный смысл таблицы заключен в выводах о ценностях на «выходе». Автора не смущает чрезвычайный схематизм предлагаемой им классификации. Он убежден, что именно поиски объяснений происхождения человека, его природы и смысла его существования привели к появлению определенных систем мысли, ценностей, идеологий. При этом «индивидуалистически-соревновательные» ценности он считает принадлежностью англосаксонских стран, «групповые и сотрудничества» — таких стран, как Япония, «равноправно-коллективистские» — СССР и Китая. Он говорит о развитии существующих общественных систем в направлении их конвергенции, причем оказывается, что только «крайности», связанные с «индивидуалистически-соревновательной» (т. е. капиталистической) системой ценностей, непригодны для мира, в котором истощаются свободные пространства и ре-

сурсы и устанавливаются сложные зависимости между государствами. Что же касается способа существования, основанного целиком на коллективистских представлениях (т. е. социалистических), то он признается полностью непригодным, так как будто бы недостаточно отражает «подлинную природу человека». Именно на этом основывается якобы возможность установления «нового мирового порядка», при котором сохраняется «динамизм частной инициативы» и обеспечивается способность поставить ее на службу «общей цели».

Таким образом, абстрактно-утопические построения, исходящие из антропологической абсолютизации «природы человека», трансформируются в весьма конкретные социально-политические предложения и выводы, имеющие отчетливую классовую установку. И это, по-видимому, не случайно, хотя сама по себе акцентировка на роли и значении «человеческого фактора» в решении глобальных проблем и альтернатив будущего человеческой цивилизации не имеет с этим прямой связи.

Сходные взгляды развиваются и в книге одного из докладчиков Римского клуба Э. Ласло «Системизм — новое видение мира» 1. Автор пытается развить «системную концепцию человека», подчеркивая, что такая концепция возвращает человека во Вселенную. Являясь одновременно и биологическим и социальным существом, человек, пишет Ласло, «в своей сознательной индивидуальности — двуликий Янус, объединяющий и координирующий биологическую и социальную Вселенные» 2. Автор считает, что, хотя сегодня человек уже не может рассматриваться как центр Вселенной, а являет-

ся лишь одним из представителей животного царства, он тем не менее обладает характеристиками, не имеющими аналогов среди других животных,— сознанием, абстрактным мышлением, языком.

Сознание как способность системы осознавать свою собственную субъективность не является, по Ласло, универсальным свойством природных систем, но в то же время это не сверхъестественное явление. Оно может быть воспроизведено в форме искусственных систем, поскольку многие из них могут осуществлять контроль за функционированием других систем в рамках системы «человек — машина». Однако среди естественных земных систем такая способность есть лишь у человека. Человеческая культура, считает автор, «возникла

¹ *Laszlo E.* 1-e systemism. Vision nouvelle du monde. Pour une philosophie naturelle fondée sur les nouvelles tendances des sciences actuelles. P., 1981.

² *Ibid.*, p. 69-70.

109

как следствие эволюции органов контроля, соединенных с чувствительностью высокого уровня, на службе биологическим целям» ¹. Разумно предположить, по его мнению, что развитие культуры было обязано постепенной трансформации средства в цель: сознание, являвшееся первоначально средством выживания рода, в дальнейшем стало само направлять эволюцию человека. Сегодняшняя проблема состоит не в том, нужна ли культура вообще, а в том, какой она должна быть, поскольку «та культура, которую мы унаследовали от наших отцов и дедов, начинает ставить под вопрос нашу способность выжить на этой планете» ².

Ласло пытается далее дать ответ на вопрос, что определяет природу культуры. В культуре, пишет он, существует комплекс факторов, оказывающих определяющее влияние на другие области жизни. Это не что иное, как ценности, господствующие в обществе. Среди основных культурных ценностей выделяются рациональность, эмоциональность, богатство воображения и глубина веры. В первобытных культурах рациональные, эмоциональные, образные и мистические элементы находятся в синкретическом единстве. Постепенно одни из них находят выражение в философии, другие — в религии, литературе, искусстве. Развитие капитализма привело к возникновению ценностей материального характера. Современное развитие показывает, что эти ценности переживают глубокий кризис. Дальнейший прогресс, считает автор, должен основываться на новой системе ценностей. Вопрос о том, каковы эти ценности,— высший вопрос нашего времени.

Объективные критерии выбора таких ценностей, по мнению автора, могут быть непосредственно выведены из современной системной концепции. Существуют ценности, общие всем естественным системам: такие системы должны поддерживать свое существование, сохранять порядок и собирать энергию за счет беспорядка и энтропии окружающей среды. Как эти ценности проявляются, зависит от специфики и иерархического уровня системы. В разных культурах эти ценности проявляются по-разному. Современные взгляды утверждают тождественность «блага» производству всех вещей во все более возрастающем количестве, вне зависимости от того, какая экономическая система — капиталистическая или социалистическая — лежит в основе такого производства. В связи с этим автор выдвигает задачу «выявить ценности

¹ *Laszlo E.* Le systemism, p. 86. ² *Ibid.*, p. 87.

110

новые и лучшие, не ограничиваясь критикой существующих» ¹.

Ласло делит все ценности на «дескриптивные» и «нормативные». Первые декретируются, а вторые постулируются, исходя из потребностей самоосуществления человека. При этом под самоосуществлением понимается «реализация возможностей, заложенных в каждом из нас, актуализация некоторой комбинации различных возможностей соответственно темпераменту и сознательным желаниям индивида» 2. Не приводит ли растущая коммуникация систем к тому, что индивиды становятся «винтиками» в машине? Не мешают ли эти процессы индивидуальной самореализации? Сама постановка этих вопросов, отмечает автор, предполагает понимание людей и общества в целом как механических систем. Системная концепция, напротив, рассматривает людей и общество как динамические системы, в которых организация допускает и наличие инициативы. В то же время функциональная автономия людей не означает их независимости. «Системность,—пишет Ласло,—выступает как совокупность правил, связывающих части между собой. Но эти правила не принуждают части действовать в одном и только одном смысле» 3. Он подчеркивает далее, что «цель нашего гуманизма — восстановить ценность индивидуального самоосуществления внутри общества, становящегося все более и более детерминистским, состоящего из чрезвычайно различных индивидов» 4. Для этого необходима, по его мнению, переориентация культурных ценностей соответственно нормам индивидуального самоосуществления. На место ценностей изобилия, предлагаемых западным миром, надо ставить гуманистические, позитивные ценности. Какие именно — он не определяет, однако явно не принимает и те, которые предлагает социализм. Он лишь уповает на «рациональное знание» и то значение, которое приобретает «естественная философия, интегрирующая современные науки» 5. Она, по его мнению, может предложить человеку знание как фактов, так и норм различных экологических, политических и культурных систем.

Таким образом, и эта постановка вопроса о человеке в условиях научно-технической революции не дает рационального ответа, так как автор пытается, помимо всего прочего,

¹ *Laszlo E.* Le systemism, p. 94. 2 Ibid., p. 96. 3 Ibid., p. 100.

4 Ibid., p. 102.

5 Ibid., p. 104.

111

встать над борьбой социализма и капитализма, найти стимулы продвижения вперед лишь в научном знании и философии.

Это отчетливо обнаруживается и в книге «Положение дел на планете»¹, представляющей собой доклад о глобальной проблематике, подготовленный международной Федерацией институтов высших исследований, руководителем которой является А. Кинг. Как и в ряде последних докладов Римскому клубу и в особенности в труде А. Печчеи «Человеческое качество», в ней говорится о присущих обществу и человеку «внешних пределах» и «внутренних ограничениях». Они заложены якобы «в самой природе человеческого существа», которая обладает многими качествами, позволяющими человеку выделиться из мира животных, подчинить себе другие виды, но сегодня оказывается «прямой противоположностью» тому, что необходимо для гармонического развития человеческого общества. В книге много говорится о важности улучшения взаимопонимания, о мировой солидарности, о необходимости «нового мирового экономического порядка» и т. п. При этом, по мнению авторов доклада, решающую роль будут играть не технические и научные возможности общества, а мудрость отдельных людей, прежде всего руководителей, при принятии важных решений. «Новой», таким образом, здесь оказывается старая идея разделения знания и мудрости, а также гипертрофированно личностных факторов исторического процесса.

Следует отметить в этой связи, что отмеченные выше односторонние методологические подходы к трактовке глобальных проблем научно-технической революции, путей и методов их решения сегодня и в будущем являются лишь частным случаем более общих процессов движения буржуазно-

реформистской мысли на Западе, находящих выражение также и в концепциях сциентизма и антропологизма в понимании роли науки в современном мире и ее связи с человеком и обществом. Многие из этих концепций восходят к далекой истории научного познания, другие же в изобилии порождаются сегодня на почве современной науки и социальных условий ее развития. Попытаемся рассмотреть некоторые из них, более всего относящиеся к нашей теме.

В разных формах и с разными целями обращаются современные философы и социологи к проблеме науки в ее связи с человеком и его будущим. Одни — чтобы рассказать о тех неисчислимых благах, которые несет наука человеку и челове-

' The State of the Planet. Oxford etc., 1981.

112

честву, другие — чтобы предупредить о столь же неисчислимых бедствиях, которыми человек и человечество якобы должны заплатить за эти блага, третьи — чтобы поведать и о благах, и в бедствиях, а заодно посокрушаться о разрушении «тотального человека» или же напомнить о боге.

На первый взгляд перед нами логически не связанный калейдоскоп мнений и предположений, сводящихся лишь к современному истолкованию традиционных философско-социологических концепций человека, соотношения науки и гуманизма. Однако это не так. Есть определенная логика в том, какие именно принципы выдвигаются в данный момент, что им реально противостоит и что их дополняет, а что противостоит в качестве мнимой альтернативы. Логика эта определяется объективными и субъективными факторами общественного развития в их связи с прогрессом науки.

Коротко сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать следующим образом. Предельная напряженность мысли человеческой, сконцентрированная в современной науке, как бы пришла в соприкосновение со своим «антимиром» — с извращающей силой антагонистических общественных отношений, с отчужденной от подлинной науки сферой ложного сознания, стремящегося быть массовым. Казалось бы, результат может быть только один — общественный взрыв, но он не происходит, во-первых, потому, что, как выяснилось, специализация науки зашла слишком далеко, чтобы любое соприкосновение со сферой отчужденного массового сознания могло затронуть глубинные, так сказать, сущностные силы науки; во-вторых, потому, что параллельно с шокирующими и встревожившими массовое сознание явлениями обнаружились и противоположные тенденции, а именно: стали действовать факторы, несущие «успокаивающий эффект», и среди них не в последнюю (если не в первую) очередь те материальные блага, которые оказались непосредственным образом связаны с успехами науки и ощутимо повлияли на рост массового потребления.

Эти тенденции не замедлили оформиться — если не теоретически, то, во всяком случае, идеологически — в соответствующих сциентистских и технократических концепциях, которые абсолютизируют значение науки и техники в жизни общества, утверждая, что они преобразуют его непосредственно и прямо, минуя социальные факторы. В 1949 г. вышла в свет книга Ж. Фурастье «Великая надежда XX века»¹, став-

¹ *Foiiastie J. Le grand espoir du XX-e siecle. P., 1949.* См. об этом: *Легостаев В. М. Наука в рамках технократической утопии Жана Фурастье.— Вопросы философии, 1974. № 12.*

113

шая знаменем буржуазно-реформистского технократизма. По мнению Фурастье, интенсивное техническое и научное развитие открывает перед человечеством возможность эволюции в сторону создания так называемого «научного общества», избавленного от бремени политических, социальных, ре-

лигиозных и прочих антагонизмов. Наука и техника в этом грядущем обществе станут основой жизнедеятельности не только социального организма как целого, но в равной мере и отдельных индивидов, входящих в состав этого целого. «Компьютерная утопия», предложенная Ж. Фурастье, была оценена как «величайшая надежда XX века». В более поздних своих работах Ж. Фурастье утверждает, что задача науки заключается в том, чтобы сделать невозможным существование устаревшей системы ценностей и построить фундамент для новой, а это, полагает он, будет связано с возникновением новой, космической религии, которая и явится целительным началом, пронизывающим всю ткань грядущего «научного общества». Эту реконструкцию совершают, по Фурастье, приверженцы науки, точнее, теологи, проникнутые научно-экспериментальным духом и знакомые с величайшими достижениями науки 1.

Таков неожиданный на первый взгляд итог рассуждений Ж. Фурастье, закономерный, впрочем, для технократического мышления. Фурастье был одним из первых, кто остро привлек внимание мировой общественности к современным проблемам, называемым глобальными, в том числе и к проблеме человека и его будущего в связи с процессами развития науки и техники. Однако в случае с Фурастье ярко видна закономерность перехода технократического мышления от неумеренного оптимизма к пессимизму, от преувеличенной надежды — к разочарованию, от абсолютизации науки — к сомнению в ее возможностях и даже религиозной вере. Как видим, крайности и здесь сходятся.

Впрочем, взгляды Ж. Фурастье являются своеобразным истоком многих других технократических воззрений — зачастую не прямо, но по крайней мере опосредствованно, через «комплекс идей». В этом легко убедиться, обратившись к образцам технократического мышления, представленным, в частности, в трудах американского социолога Д. Белла², который говорит о грядущем «новом обществе», построенном структурно и функционально в прямой зависимости от науки и техники. Д. Белл полагает, что в этом, как он его называ-

¹ *Fourastie J. Lettre ouverte a quatre milliards d'hommes. P., 1970, p.145.*

² *Bell D. The Comine of Post-Industrial Society. N. Y., 1973.*

ет, «постиндустриальном обществе» определяющими оказываются в конечном счете разные виды используемого в экономике научного знания, и поэтому главной проблемой становится «организация науки». В соответствии с этим «постиндустриальное общество», по Беллу, характеризуется новой социальной структурой, базирующейся не на отношениях собственности, а на знании и квалификации. В другой своей книге — «Культурные противоречия капитализма»¹ провозглашенные ранее идеи Д. Белл «углубляет» до полного отказа от детерминизма, до разрыва между экономикой и культурой в соответствии с концепцией «разобщенности сфер».

Имеется немало сторонников и апологетов линии «технологического детерминизма», которые считают, что воздействие науки и техники на человека и общество, особенно в более развитых странах мира, становится главным источником современных перемен. Так, З. Бжезинский в своей книге «Между двумя веками» утверждает, что и «постиндустриальное общество» становится «технотронным обществом» в результате непосредственного влияния техники и электроники, в частности вычислительной техники, на разные стороны жизни общества: его нравы, социальную структуру и духовные ценности². Хотя З. Бжезинский, как и многие другие сторонники технократических идей, постоянно говорил о социальных изменениях, имеющих глобальный характер, на деле ссылки на развитие науки и техники в его футурологической модели используются им лишь для того, чтобы доказать способность капиталистического общества сохранить себя в условиях происходящих в мире перемен.

Ложность и бесперспективность сциентистского и технократического истолкования научно-технической революции заключаются в неверном понимании этой революции как явления, якобы до известной степени изолированного от социальных факторов, во всяком случае не связанного с ними

органически, неразрывно, всем своим существом. Абсолютизируя научно-технический прогресс, сциентистские и технократические концепции ставят человека в положение раба чуждой ему и враждебной силы, управлять которой призвана своеобразная элита, стоящая над основной массой человечества. Такие концепции поэтому не только антидемократичны, но и антигуманны: они дегуманизируют науку, лишают ее связи с человеком, которая в одинаковой мере присуща как ее целям, так и средствам их реализации.

' *Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976.*

2 *Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in Technotronic Era. N. Y., 1970.*

115

Элитарный подход к науке и ее общественному значению отчетливо выражен в книге Д. Белла «Приход постиндустриального общества», в которой вводится понятие «меритокрагия» — иерархия по заслугам, достоинству, квалификации, что означает утверждение принципа «равенства результатов», а не равенства исходных возможностей, предполагающего обязательную квоту представительства женщин, негров и малых групп на всех уровнях среднего и высшего образования. Последнее представляется Беллу неприемлемым, так как принцип «равенства возможностей», игнорирующий, по его мнению, генетически и культурно обусловленные различия в интеллектуальном и духовном потенциале людей, направлен против личности. Что же касается принципа «равенства результатов», то он, полагает Белл, означает поощрение тех, чей вклад в «коллективную ставку» общества в целом наиболее значителен. Этот «вклад», по Беллу, создает фактическое равенство, связанное с пересмотром гуманистических ценностей. «Вместо принципа: «от каждого—по способностям, каждому — по труду» — мы имеем принцип: «от каждого—по способностям, каждому—по потребностям». И оправданием для этих потребностей является справедливость по отношению к тем, кто поставлен в невыгодное положение по независящим от него причинам»¹.

Таким образом, Белл пытается использовать коммунистический принцип, придавая ему, в сущности, противоположное, элитарное звучание, оправдывая социальное неравенство, исключая революционное изменение капиталистических порядков, развитие общества в направлении к коммунизму. Он считает, что все изменения, которые происходят в «постиндустриальном обществе», — это в конечном счете изменения в человеческом сознании, итогом которых оказывается реализация утопии индивидуальной свободы; однако при этом, пишет Белл, не исчезает «основной конфликт — двойственная природа человека: агрессивная импульсивность и жажда порядка, разрушительный инстинкт и стремление к гармонии...»².

«Решение» проблемы человека в этой далекой от действительной науки концепции завершается, как и следовало ожидать, апелляцией к извечной «природе человека», па чем уже споткнулась не одна школа философской антропологии. Не случайно концепция Д. Белла была определена критикой (причем не только марксистской) как «технократическая

1 *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society, p. 444.*

2 *Ibid, p. 488.*

116

утопия». Ведь это факт, что Белл говорит о решающей роли «элиты знаний», однако, как справедливо отмечали его критики, и в частности Н. Бирнбаум, «ученые и образованные люди необходимы, но, как очевидно самому Беллу, ни в одном обществе они не занимают командных позиций, а лишь обслуживают экономическую и политическую элиту»¹.

Белл сам признает, что «элита знаний» недостаточно связана общими интересами, чтобы образовать класс. Говоря о роли ученых в создании атомной и водородной бомбы, он показывает, что каждый раз определяющие решения принимали не ученые, а политики и военные. Далее, давая анализ положения большой науки, Белл отмечает, что «само сообщество ученых считает вмешательство государства неизбежным» и что «научный поиск все более бюрократизируется»². В то же время он противопоставляет «бездушной технократии» «этос науки», «принципы бескорыстного служения истине», которые объявляет «трансцендентной этикой нового общества».

Эти идеи Белла вызвали критику со стороны многих его оппонентов. Так, Д. Ронг считает неверным утверждение Белла, что протестантская этика явилась этосом капитализма, идея социализма — этосом советского общества, в то время как «этос науки» является этосом возникающего «постиндустриального общества». По мнению Ронга, более прав Маркузе, определяющий научную рациональность как стремление к господству над природой, а не к знанию как таковому. Ронг напоминает, что наука тесно связана с правительством и что она утратила автономию; ученые, конечно, могут выдвигать идеи, но эффективная власть остается в руках государства³.

Бирнбаум, обвиняя Белла в чрезмерной умеренности, скептицизме, пессимизме и «отсутствии метафизической страсти», считает, что именно поэтому Белл не смог дать перспективу политических действий, способных трансформировать современное общество «в более достойное и гуманное». Некоторые критики, напротив, полагают, что Белл отошел от прежних технократических иллюзий, выражением которых явилась его теория деидеологизации, опровергнутая волной студенческого и студенческого движения⁴.

¹ New York Times book review, July 1, 1973, p. 18.

² Bell D. The Coming of Post-Industrial Society, p. 343.

³ Wrong D. Analyzing the age.—New Leader, September 17, 1973, p. 18.

⁴ Featherstone J. A. A failure of political imagination.—New Republic. Washington, September 15, 1973, vol. 168, N 10.

117

И действительно, эти и другие события, а также и сама по себе бесплодность «технократического либерализма» привели, в частности, Д. Белла и других к «новой общественной философии» — так называемому цеоконсерватизму, существенно порывающему с технократическими и реформистскими иллюзиями прошлого¹. Это сопровождается общим распространением «неоконсерватизма» во многих развитых капиталистических странах (ФРГ, Франции, Австрии и др.), причем популярными стали такие воззрения, которые в большей степени акцентируют на значении ценностных подходов, изменениях в сфере сознания, идеологии, морали, чем на экономических и научно-технических факторах. Однако это не означает, что концепции сциентизма и технократизма тем самым полностью сошли со сцены. Напротив, они получили новое развитие, однако в другом социально-политическом и идеологическом облачении.

Весьма отчетливое выражение эти концепции получили, например, в книге Г. Кана, У. Брауна, Л. Мартела «Следующие 200 лет. Сценарий для Америки и всего мира»². Затрагивая в ней вопрос о роли и значении науки и техники (являются ли они силами добра или зла?), авторы говорят о «фаустовской сделке», которая якобы существует между человечеством и наукой и техникой: обретя могущество с помощью науки и техники, человечество подвергает себя опасности, которая в них заключена. Авторы, однако, выступают против проведения политики, направленной на прекращение или замедление научно-технического прогресса. Напротив, они считают необходимым в отдельных случаях ускорять это развитие, сохраняя осторожность и бдительность с целью предотвращения или уменьшения возможных неблагоприятных последствий.

Именно на пути научно-технического прогресса Г. Кан с соавторами видят основную долговременную «многостороннюю тенденцию» развития западной культуры, общего перехода к будущему «постиндустриальному» обществу. Эта тенденция проявляется, по их мнению, в уменьшении роли традиционного и «интуитивного» поведения и усилении роли откровенного манипулятивного рационализма и социальной инженерии в решении общественных, политических, экономических и культурных проблем, а также в использовании и преобразовании материального мира; в повышении роли на-

¹ См.: Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980.

2 Kahn H., Brown W., Martel L. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N. Y., 1976.

118

учного и технического знания; усилении потребительского характера культуры; возвышении буржуазных, бюрократических, технократических и «меритократических» (вспомним Д. Белла) элит и специалистов; в индустриализации во всемирном масштабе; в росте грамотности и повышении роли массового образования; в появлении «индустрии пауки» и росте численности интеллектуалов (а следовательно, и их роли) и пр.

При этом в будущем, в ходе возникновения в сравнительно полном объеме «супериндустриальной экономики», «многосторонняя тенденция» развития западной культуры выразится, как полагают авторы, в усилении «ревизии коммунизма, капитализма и христианства», а затем в изобилии, непрерывном экономическом росте, технологических усовершенствованиях, рационализме и ликвидации предрассудков, «меритократии», наконец, в открытом бесклассовом обществе, где утвердится вера в то, что только люди и человеческая жизнь являются абсолютно священными.

Как видим, перед нами — довольно развернутая социальная утопия, нарисованная с позиций «технократического оптимизма». И хотя в ней присутствуют многие выводы, основанные на реальном анализе тенденций научно-технического прогресса, общий социальный подход оказывается здесь весьма узким и односторонним. Авторы, в сущности, игнорируют происходящие в наши дни коренные социальные перемены в мире, которые, как это очевидно, будут существенно определять перспективы человечества. Они отвлекаются от анализа разнонаправленного действия факторов, определяющих специфику научно-технического прогресса в рамках различных социально-экономических систем — социализма и капитализма. Однако от этих факторов в решающей степени зависит и качество прогнозов, а именно: являются они реалистическими, научными или же утопическими, абстрактно-дедуктивными.

Надо сказать, что сциентистские и технократические концепции, прокламирующие, по существу, «новое жречество», пронизывают сегодня многие, в основном официально разрабатываемые и финансируемые, проекты, обращенные в будущее, которые строятся на почве «истеблишмента» и в которых даже не возникает вопроса о возможности какой-то другой позиции, нежели вера во всемогущество науки и техники. Этот, так сказать, «прагматический» сциентизм и технократизм, который в общем-то даже не дает себе труда формулировать свои позиции теоретически, представляется

119

наиболее опасным, причем он занимает господствующие позиции в капиталистическом обществе ¹.

В отличие от открыто сциентистских и технократических концепций антропологизм, апеллирующий к науке и технике, не отвергает их, как правило, в принципе, но стремится нивелировать их негативный, «дегуманизирующий» характер. Подобная «критика науки» имеет давние традиции. Так, М. Хайдеггер², ставя целью укрепить определенные философские предпосылки освобождения от техно-

логического детерминизма, поскольку будущее технической цивилизации может мыслиться, как он полагал, только в па-правлении дальнейшей дегуманизации, постулировал некий «поворот» — обращение человека к самому себе, стихийное возникновение новой духовной атмосферы, в которой он смог бы по-новому взглянуть на самого себя, на характер своих связей со всем сущим, в том числе и на смысл и значение техники. В противном случае, согласно Хайдеггеру, ее стремительное движение приведет человека к катастрофе. Поэтому надо освободиться от «техницистской интерпретации» мышления и дополнить этот «нелогицистский» рационализм интуицией художника, соединить мудрость и поэзию, осознать единую онтологическую основу техники и искусства.

Эта линия «критики науки» была продолжена в экзистенциалистских концепциях, а также представителями Франкфуртской школы, особенно такими, как Г. Маркузе и Ю. Хабермас. В противовес сциентистским и технократическим концепциям, в которых утверждается, в сущности, что развитие науки и техники означает «закат идеологии», представители Франкфуртской школы видят в научно-технической революции переход к новой идеологии, которая называется ими «технической рациональностью». Они тоже по-своему абсолютизируют науку и технику, противопоставляя их другим сторонам социальной действительности и занимая в ряде случаев откровенно антисциентистские позиции (Г. Маркузе и др.) 3. Господство «технической рациональности», подчи-

' Многообразные и сложные проблемы, возникающие в науке в связи с ее социальным статусом, спецификой положения ученых в обществе, проанализированы в книге: *Мотрошилова И. В.* Наука и ученые в условиях современного капитализма (Философско-социологическое исследование). М., 1976.

2 *Heidegger M.* *Ober den Humanismus.* Frankfurt a/M., 1947. См. об этом: *Тавризян Г. М.* «Метатехническое» обоснование сущности техники М. Хайдеггером.— *Вопросы философии*, 1971, № 12.

3 См. об этом: *Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки)*. М., 1978; *Федотова Р. Г.* Критика социокультурных ориентации в современной буржуазной философии. Сциентизм и антисциентизм. М., 1981.

120

няющее себе всю общественную жизнь, предопределено якобы самим понятием «технический разум». Г. Маркузе в книге «Одномерный человек», имеющей характерный подзаголовок «Очерки по идеологии прогрессирующего индустриального общества», пишет: «В медиуме техники культура, политика, экономика сливаются во всеохватывающую систему, которая поглощает или отвергает все альтернативы... Техническая рациональность становится политической рациональностью» 1. Таким образом, утверждается, что «не применение техники, а техника сама по себе есть господство (над природой и над людьми), господство методическое, рассчитанное и научно вычисленное» 2. Научно-технический прогресс, пронизывая все сферы современного «индустриального» общества, создает определенный тип мышления и поведения, который, согласно Маркузе, позволяет характеризовать их носителя как человека «одномерного».

«Одномерность», таким образом, оказывается, по Маркузе, результатом господства в обществе «технической рациональности», приводящей к утрате политических и идеологических требований, нивелированию потребностей и пр. Иначе говоря, это абсолютизированный сциентизм и технократизм, однако остается под вопросом реальность его абсолютного господства в современном капиталистическом обществе, противоречия которого, как известно, определяются главным образом отношениями собственности. Маркузе, однако, «проскальзывает» мимо этого основного противоречия, указывающего и на реальные социальные силы, способные уничтожить капиталистические общественные отношения. Он устремляется к «природе человека», покидая, в сущности, сферу истинной социальной жизни. Сциентизму и технократизму противопоставляется их видимый антипод — антропологизм, причем потребности человека, определяемые как «новые», выводятся из фрейдистского «инстинкта

жизни», освобождение которого создает «новую чувственность», способную якобы революционизировать современное общество.

Этот биологизаторский вариант антропологизма предлагает, следовательно, снятие господства «технической рациональности» и соответствующей ему «одномерности» человека путем «антропологической революции», трактуемой как «революция сознания», как высвобождение подсознания и создание «новой чувственности», реализуемой в ходе поли-

' *Marcuse A. Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft. Neuwied — Berlin, 1967.*

2 *Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologies». Frankfurt a/M., 1969, S. 49.*

121

тической практики. Таким образом, «новая чувственность» порождает, по Маркузе, «нового человека», который создает «новую мораль», «новый язык», «новую науку», «новую технику» и в итоге — «новое общество». В этой «новой антропологии» все — «новое», и только ее утопизм и антинаучность остаются старыми, традиционными для всех вариантов антропологизма, делающего ставку в критике сциентизма и технократизма не на социальные факторы, а на абстрактно понимаемую «природу человека». В итоге решение проблемы снятия господства «технической рациональности» и преодоления «одномерности» человека оказывается леворадикальной утопией, «идеологией бунта», по не реальной задачей социальной практики.

Пытаясь найти выход из этого теоретического и практического тупика, другой представитель Франкфуртской школы — Ю. Хабермас стремится разрешить противоречие между научно-техническим прогрессом и потребностями человека, противопоставляя господству «технической рациональности» гипотетическую возможность единства развития науки и техники и потребностей человека, достижения — путем ряда реформ системы управления — их соответствия с «обобщающими интересами, индивидов»¹. Эта реформистская программа, не предполагающая качественных социальных изменений как предпосылку «гуманизации» науки и техники, разумеется, представляет собой в лучшем случае лишь очередную утопию, чисто умозрительную попытку сгладить крайности «технократического оптимизма» и сциентизма.

Провозглашенная Г. Маркузе «антропологическая революция» как «бунт против технократии» имела, разумеется, определенные объективные основания в действительности капиталистического общества, а лежавший в ее основе антисциентизм отталкивался от критики реальных тенденций сциентизма и технократизма. Однако попытки позитивного решения проблемы были весьма далеки от реальных потребностей общества и могли вдохновить лишь всякого рода левозэкстремистские движения, которым присущи романтически-утопические иллюзии и абсолютизированный негативизм, в том числе и в отношении современной науки и техники. На этой основе под аптисциентистскими лозунгами все больше развивается так называемая «критика науки», прибегающая порой к апокалипсическим пророчествам и заклинаниям, делающая негативное отношение к науке и технике своим

' *Habermas J. Legitimationsprobleme in Spatkapitalismus. Frankfurt a/M., 1973, S.129.*

122

принципом и основой решения проблемы человека. Сторонники этих концепций эксплуатируют мифологические представления о так называемой «демонии» науки, утверждая, что она способна угрожать человеку, поскольку является некой враждебной для жизни силой, которая все более выходит из подчинения и начинает существовать как бы самостоятельно. Обвинения в адрес науки и техники,

создающих якобы лишь иллюзию могущества человека, ставшего на самом деле рабом индустрии, разрушающих естественную среду, порождающих деградацию культуры и нравственности и, наконец, угрозу уничтожения человечества, смыкаются, как правило, с концепциями, рассматривающими любые формы научно-технического прогресса, независимо от его социальных условий, как враждебные «целостной личности», ее развитию. Провозглашая культ человека, объявляя идеалом неотчужденную, «аутентичную» личность, сторонники таких концепций пытаются создать видимость, будто есть какой-то другой путь, обеспечивающий будущее всего человечества и всестороннее развитие каждого индивида и при этом не связанный со все более ускоряющимся и преобразующим все сферы бытия людей прогрессом науки и техники, основывающимся на справедливых и разумных общественных отношениях.

Выступать против подобных концепций — не значит, конечно, закрывать глаза на тот факт, что сегодня научно-технический прогресс развивается во многих случаях односторонне, порождая и негативные явления. Однако нельзя не видеть, что эти явления могут быть преодолены в будущем только с помощью науки и техники, развивающихся в достойных человека социальных условиях. Не научно-технический прогресс сам по себе порождает негативные явления, а недостаточное развитие науки и техники вширь и вглубь, их деформация, отклонение от гуманистической цели, вызываемое не соответствующими этой цели социальными факторами.

Между тем романтическая «критика науки», обращающаяся больше к эмоциям, чем к разуму человека, не учитывает этого решающего обстоятельства. Ее призыв ликвидировать «деформации», которым подверглись человек и его культура в результате научно-технического прогресса и индустриализации, восстановить «многомерность» и «целостность» человека как альтернативу его «одномерности» (Г. Маркузе) связывается, в сущности, с утопическими надеждами на некоторые сдвиги в самой культуре, в сознании, морали человека.

123

Сходные в своей мировоззренческой основе позиции занимают и те мыслители, которые связывают все современные противоречия научно-технического прогресса с «незавершенностью» природы, «несовершенством» человека — наполовину животного, наполовину бога, творца. Яркий, хотя и ложный в своей основе, романтически-утопический протест против уродливых форм капиталистического применения науки, облеченный, правда, во всеобщую форму, содержался, в частности, в нашумевшей в свое время книге Ч. Рейха «Молодая поросль Америки»¹. Призывая к созданию «контркультуры», противопоставляемой им официальной буржуазной культуре, Рейх связывал свои надежды прежде всего с появлением нового, более совершенного типа человека, сознание которого утверждает приоритет нематериальных ценностей. Революция, о которой Рейх говорил как о перспективе американского общества, рассматривалась им как торжество высшего разума, созидающего новое, более гуманное общество и нового, освобожденного человека — «целостную» и «ответственную» личность. Внутренним результатом поведения этой личности должны быть гуманистические ценности, основанные на «новой чувственности», существенно отличающейся от ее отчужденно-рационализированного типа, проявляющегося в господствующей культуре.

В этом обращении Рейха к индивиду, к внутреннему миру отдельной личности содержится, разумеется, определенный протест против того антигуманного общества, которое подавляет личность, нивелирует ее и делает «одномерной». Однако здесь проявляется и непонимание неразрывной связи личности и общества, того факта, что именно изменение общества является ключом к духовному освобождению и развитию личности.

Подобные концепции человека в его отношении к современному научно-техническому прогрессу уводят нередко в сторону от научного решения данного вопроса, от выяснения действительных противоречий, заключенных в классово антагонистических социальных условиях функционирования науки. В этих концепциях акцентируется внимание на некоторых явлениях, сопутствующих научно-техническому прогрессу, причем они изображаются как «всеобщие» и «фатальные», а будущее моде-

лируется зачастую по имеющимся негативным образцам и утверждается как неизбежная и роковая судьба человеческого рода.

' *Reich Ch. A. The Greening of America*. N. Y., 1970.

124

Весьма рельефно такой подход выражается в концепции «контркультуры», в частности в той ее интерпретации, которая содержится в работах профессора истории культуры Калифорнийского университета (США) Т. Роззак. Так, в своей книге «Личность — планета: творческая дезинтеграция индустриального общества» Т. Роззак стремится показать, «как нужды планеты и нужды личности стали неразрывными и вместе начали воздействовать на основные социальные институты общества с силой глубоко разрушительной, но несущей в себе надежду на культурное обновление» ¹. При этом акцент делается именно на личности, на декларации ее суверенного права на открытие «Я», своего собственного смысла жизни, личностного символа перед лицом беды или смерти. Роззак видит угрозу личности в равной мере как со стороны капиталистического индивидуалистического своекорыстия и личной выгоды, так и со стороны «воинствующего классового сознания, которое политизирует личность вплоть до ее ликвидации» ².

Конечно, такой подход не может оказаться позитивным, и это обесценивает также попытки автора использовать зависимость «личность — планета» в качестве основного показателя (индикатора) «здоровой экономической и экологической политики». Роззак занимает при этом откровенно анти-сциентистские позиции, делая именно науку ответственной за «подавление личности». Он обвиняет в этом и марксистский гуманизм, поскольку тот не порывает «ни с культурным господством науки, ни с императивом высокоиндустриальной интеграции, а поэтому... не может защитить пробуждающуюся индивидуальность личности» ³.

К «новой человеческой личности» (по Роззаку, «не индивидуалистической и не коллективистской») ведет «политика, которая переросла бы современную завороченность наукой и нужду в индустриальном развитии» ⁴. Однако что это означает реально, автор не определяет, говоря лишь о необходимости «духовного измерения жизни» в «духе мистического анархизма» Толстого, Уитмена, Ганди и др. Роззак и здесь обрушивается на марксизм, который, апеллируя к пауке, якобы принципиально отказывается признать свободу, творчество и трансцендентную устремленность личности. В итоге своих рассуждений Роззак приходит к выводу, что

' *Roszak T. Person — Planet, the Creative Disintegration of Industrial Society*. N. Y., 1979, p. XIX. 2 Ibid , p 31.

3 Ibid., p. 117.

4 Ibid., p. 119.

125

мир нуждается... в новом монашестве, в новом типе монастырской жизни, который помог бы ему выжить в условиях надвигающейся социальной неопределенности и экономического хаоса.

Таков закономерный результат антинаучной утопии и «открытия своего «Я» в целях спасения планеты» ¹, который предлагает миру теоретик «контркультуры». Вряд ли можно было ожидать чего-либо более основательного от этих романтически-утопических построений, в которых в крайне абстрактной форме рассматриваются процессы развития науки и техники в их отношении к человеку, да и сам человек, его сущность и развитие. Это глубоко вскрыл в свое время К. Маркс, который отметил: «Так

же как смешно тосковать по этой первоначальной полноте индивида, так же смешно верить в необходимость остановиться на нынешней полной опустошенности. Выше противоположности по отношению к этому романтическому взгляду буржуазный взгляд никогда не поднимался, и потому этот романтический взгляд, как правомерная противоположность, будет сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины» 2.

Предвидение Маркса подтвердилось той эволюцией, которую претерпела идеология леворадикальных «критиков науки», в частности «новых левых», в ее взаимодействии с буржуазно-технократическими концепциями. Вывод Маркса полностью относится и к так называемым «новым философам» и «новым правым» во Франции, получившим в последнее время благодаря стараниям буржуазной прессы, радио, телевидения чрезвычайную популярность на Западе. «Новые философы», вступившие на широкую общественную арену во второй половине 70-х годов,— наследники «новых левых», но разочарованные в их политических методах и перенесшие свои основные усилия в сферу культуры, в ко горой якобы зреют тоталитаризм и авторитаризм, подавляющие человека. Выступая против гуманистической культуры в целом, «новые философы» объявляют себя противниками гуманизма, который, по их мнению, является «наукой о господстве», причем имеется в виду прежде всего и главным образом марксистский гуманизм. Эклектически соединяя элементы структурализма с его порой подчеркнутым сциентизмом и экзистенциализма, принципиально враждебного позитивной науности, «новые философы» утверждают, что человек в его традиционной гуманистической трактовке умер. На его место они

¹ Roszak T Person — Planet: the Creative Disintegration of Industrial Society, p. 321.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 105—106.

126

ставят фрейдистско-структуралистскую модель человека, где «Я» сводится, по сути, к желанию, проявление и «десексуализация» которого дает якобы свободу.

Что же касается взглядов «новых правых», впервые привлечших к себе общественное внимание в конце 70-х годов, после выхода в свет работ А. де Бенуа, М. Понятовского, Л. Поведя и др.¹, то они также в своей концепции человека апеллируют к современной науке, в частности к биологии и генетике, к этологии и др., однако лишь для того, чтобы доказать решающую роль «принципа различия» и необходимость создания «мыслящей и активной элиты», «новой аристократии», которая якобы сможет «возродить Запад», решить угрожающие ему глобальные проблемы. В своеобразном манифесте «Майастра»² (по имени легендарной птицы, дающей людям мужество и волю в часы тяжелых испытаний), «новые правые» утверждают, что главное—это новые стимулы к жизни и идеалы, за которые можно умереть, а все остальное носит чисто технический характер. Они исходят из всеобщего «кризиса идеологии», в том числе и марксизма, с которым они хотят «порвать позитивно», т. е. путем «научного» противопоставления ему своих альтернативных решений основных проблем (включая глобальные).

Этой цели служит и создание «новой» философской антропологии, которая по форме хотя и опирается на данные биологии, в частности на тезис о генетической обусловленности способностей человека, однако фактически извращает их в социобиологическом духе. Следует отметить, что под влиянием критики этой концепции ряд «новых правых» были вынуждены несколько изменить свои позиции. Открещиваясь от обвинений в социальном дарвинизме, «биологическом материализме» и редуccionизме, они утверждают теперь, что человек—это «открытое миру», «неориентированное» существо, он создает себя сам и что вообще они «отвергают любой детерминизм, откуда бы он ни шел — от биологии, расы, класса, экономики, пола, структуры или какой-либо метафизической божественности. Они определяют человека как единственный источник разума во Вселенной, в которой случайность — не что иное, как другое название не-

' Правда, уже в 1967 г. во Франции была создана «Группа по исследованию европейской цивилизации» (ГРЭС), фактически выражавшая то, что вошло в понятие «новые правые». Ее генеральный секретарь (с 1978 г.) П. Вьяль сформулировал основные идеи этой группы в книге «За культурное возрождение. Слово берет ГРЭС» (*Vial P. Pour une renaissance culturelle. Le G.R.E.C.E. prend la parole. P., 1979*).

2 Maiastra: Renaissance de l'Occident? P., 1979.

127

обходимости»¹. Они выступают при этом за «право на различие», за возвращение народов «к их собственным корням», против «экономизма» (приписывая его марксизму), за замену способа жизни смыслом жизни и т. п.

Немало в этих декларациях и такого, что вызвано уродливой формой капиталистической цивилизации и направлено против нее. Но ложными являются попытки распространить все это и на мир социализма, на марксистское учение об обществе и о месте человека в нем. И здесь, что называется, крайности сходятся: «новые левые» через «новых философов» прокладывают путь «новым правым», которые заменяют туманные заклинания о «культурной революции», призванной развенчать научный рационализм и гуманизм, а заодно и самого человека, недвусмысленной программой утверждения «новой аристократии» и «возвращения к корням», открытой критикой марксизма и его учения о человеке, о коммунистической цивилизации.

Эти мысленные конструкции, апеллирующие во многих случаях к науке и «разоблачающие» ее, делающие человека центром пересечения всех проблем, но низводящие его до уровня простой чувственности, разумеется, антигуманны по самому существу своему и не дают человеку действительной надежды на будущее. Они лишают его возможности найти ясные, продуманные ответы и на вопросы о реальных связях человека с развитием науки. В определенном смысле они пытаются отбросить назад человеческую мысль, так как проповедуют старые предрассудки, к которым, казалось бы, уже нет возврата.

В качестве философско-социологического подтекста многих современных концепций, касающихся человека и его будущего в связи с научно-техническим прогрессом, выступает, как мы видели, либо абсолютизация науки, объективного знания (сциентизм), либо противопоставляемый науке культ абстрактного человека (антропологизм). Эта альтернатива сциентизма и антропологизма берет свое начало в особенностях возникновения и развития европейской науки в ее отношении к человеку как объекту познания. Однако не всегда эта альтернатива выдерживается в «чистом» виде.

Так, в философской антропологии Тейяра де Шардена паук признается не только как средство, но и как цель, что означает научно построенное общество будущего, в котором наука служит человеку. Тейяр протестует против всякого

¹ *Benoist A. de, Marmin M, Vial P. Voilà ce quo nous pensons vraiment. P., 1980, p. 33.*

128

иного — милитаристского, своекорыстного и пр. — использования науки. Более того, он считает, что вообще наука используется пока неадекватно — лишь как «новый способ более легко получить те же самые старые вещи — землю и хлеб». Но тем самым «мы запрягаем Пегаса в плуг. И Пегас хиреет, если только, закусив удила, не понесется вместе с плугом. Наступит момент — он необходимо должен наступить, — когда человек, понуждаемый очевидным несоответствием упряжки, признает, что наука для него не побочное занятие, а существенная форма деятельности, фактически естественный

выход, открытый для избытка сил, постоянно высвобождаемых машиной»¹. Это, разумеется, глубокая мысль, и, хотя Тейяр не вскрывает социальной сущности науки, он ясно показывает ее сущностное предназначение, ее высокую гуманистическую функцию. Человечество, по Тейяру, неизбежно идет «к человеческой эре науки», и «эта эра будет в высшей степени эрой науки о человеке — познающий человек заметит наконец, что человек как «предмет познания» — это ключ ко всей науке о природе», в нем, полагает Тейяр, «резюмируется все, что мы познаем...»².

Подобный гуманистический подход (выражающийся, правда, в весьма общей, с социально-политической точки зрения, форме) стал знаменем и целью деятельности созданной в 1960 г. международной организации «Институт жизни».

Этот институт ориентируется на «глобальное изучение вопросов человеческого существования», с тем чтобы выработать «программу действий для всего человечества». Для этого предлагается разработать концепцию «коэволюции» человека и его культуры (включая научно-технический прогресс) с биосферой, укреплять связи и развивать обмен мнениями между учеными и людьми различных профессий и положения, в том числе между политическими и общественными руководителями. Акцентирование на человеческих параметрах науки и техники провозглашается задачей любого исследования и последующих рекомендаций.

Проблема науки в ее отношении к человеку затрагивается и во многих социально-реформистских утопиях. Одна из разновидностей подобных утопий ярко представлена в широко известной книге А. Тоффлера «Шок будущего»³. Считая, что в большинстве трудов о будущем звучит «безличная металлическая нота», автор стремится уделить основное внимание «личностному», или человеческому, аспекту завтраш-

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека, с. 274.

² Там же, с. 275.

³ Toffler A. Future Shock. N. Y.. 1971.

него дня. Главным здесь для Тоффлера оказывается рассмотрение духовно-психологического состояния, названного им «болезнью изменения», «шоком будущего» («футурошоком») и возникающего в результате столкновения человека с постоянным ускорением темпов жизни. Необходимо, полагает Тоффлер, изменить отношение к будущему, лучше понять ту роль, которую оно играет в настоящем. Он предлагает поэтому новую, с его точки зрения, общую теорию адаптации — приспособления человеческой натуры к переменам, «подготовки людей к будущему».

Тоффлер весьма детально описывает последствия «супериндустриальной революции», определяя пределы приспособляемости человека к ускоряющимся переменам и анализируя стратегию, помогающую ему выжить в таких условиях. Рассматривая в физическом аспекте «шок будущего» как реакцию человеческого организма на избыточную стимуляцию, Тоффлер полагает, что для изучения этого феномена необходимо мобилизовать знания из таких областей науки, как психология, неврология, теория коммуникаций и эндокринология. Ускорение темпа научных, технических и социальных перемен, полагает он, нарушает биологическую и химическую стабильность человеческой расы. Это не обязательно плохо: изменение не просто необходимо для жизни, оно есть сама жизнь, а жизнь, считает Тоффлер, есть приспособление. Однако человек в конечном счете остается тем же, чем он был вначале, — биосистемой с ограниченной способностью изменения. И когда эта способность уже недостаточна, происходит, по Тоффлеру, шок от столкновения с будущим. Он может оказаться результатом психологической перегрузки, избыточной стимуляции, «бомбардировки» органов чувств, информационной перегрузки, следствием стресса, вызванного необходимостью принимать решения, и т. п.

Гордиев узел в сети причин, вызывающих ускорение темпа перемен,— это, считает Тоффлер, научно-технический прогресс; возможно даже, что это именно тот узел, который лежит в основе всех сплетений сети. Поэтому, заключает он, как бы ни старались отдельные индивиды упорядочить темп своей жизни, какие бы психологические костыли мы им ни предлагали, как бы ни изменяли систему образования, общество в целом не сможет вырваться из тисков развившего бешеную скорость научно-технического прогресса, пока мы не перейдем к сознательному управлению им. Мы не можем и не должны останавливать научно-технический прогресс с помощью стоп-крана. Только романтические глупцы, считает Тоффлер, болтают о возврате к «природному состоянию».

130

Ставя вопрос об «укрощении техники», Тоффлер выступает как против технократов, так и против технофобов. Он считает, что проблемы развития науки и техники нельзя решать лишь как сугубо научно-технические проблемы; это проблемы политические, и они касаются нас более непосредственно, чем большинство поверхностных политических вопросов, занимающих нас сегодня.

Напрасно было бы, однако, искать у Тоффлера научного ответа на вопрос о том, какие социальные механизмы могут одновременно способствовать как развитию и углублению научно-технического прогресса, так и его разумному регулированию на благо человека и общества. Тоффлер считает в одинаковой мере устарелыми и существующую в западных странах «систему, основанную на экономической выгоде», и жесткую государственную централизацию, якобы имеющую место в социалистических странах. «Мы являемся свидетелями общего кризиса индустриализма,— заявляет Тоффлер,— кризиса, стирающего грани между капитализмом и коммунизмом советского типа»¹. Для «супериндустриального общества», о котором говорит Тоффлер, нужна какая-то иная структура. Какая же? На этот вопрос он не дает ясного ответа. Однако из контекста его рассуждений о «гуманизации планирования», об искусстве и политике футуризма, который способен, по его мнению, предвидеть будущее, о необходимости «совершить революцию» в самом определении наших социальных целей и т. п. можно ясно заключить, что Тоффлер, по существу, имеет в виду все то же капиталистическое общество, только несколько реформированное и более приспособленное к быстрым переменам, вызываемым научно-техническим прогрессом. Что же касается призыва не просто преодолеть технократизм и заменить его «более гуманным», «более дальновидным и демократическим планированием», а подчинить сам процесс эволюции сознательному руководству человека, предвидеть будущее и планировать его, то он остается благим пожеланием, Очередной утопией, которая оказывает воздействие больше на настоящее, чем на действительное будущее.

Это со всей очевидностью проявляется и в новой книге Тоффлера «Третья волна»², в которой он пытается осмыслить в глобальных масштабах социальные и политические последствия научно-технической революции, а также говорит о некой «новой цивилизации», возникающей на «третьей

¹ *Toffler A. The Eco-spasm. Report, 1975, N 7.*

² *Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980.*

131

волне», связанной с современной НТР. Однако и здесь речь идет лишь о реформированном варианте того же капиталистического общества, основные черты которого отчетливо просматриваются во всех рассматриваемых Тоффлером сферах «новой цивилизации»: «техносфере» (включая энергетическую базу, производство и распределение), «социосфере» (семья, система образования, господствующий тип предприятия) и «инфосфере» (сфера информации). Переход к этой «цивилизации третьей волны» Тоффлер связывает не с революционными процессами, а со «многими тысячами новаций и коллизий

на самых различных уровнях... Все зависит,— считает он,— от гибкости и ума современных элит, субэлит и суперэлит»¹.

Подобный подход весьма распространен в современной футурологической литературе. Он не может, разумеется, явиться основой реальных действий, обеспечивающих будущее, благоприятное для развития человека и человечества. Однако в его рамках, хотя и в непоследовательной форме, вскрываются зачастую многие реальные противоречия современного капиталистического способа функционирования науки в ее отношении к человеку.

Это относится в какой-то мере и к идеям, изложенным, в частности, В. Феркиссом в книге «Технологический человек:

миф и реальность»², где в философской форме рассматриваются судьбы человека в век науки и техники. В. Феркисс говорит о грядущей «экзистенциальной революции», т. е. о таком самопреобразовании человечества, которое приведет его к зре нового, «технологического человека». Этот тип человека будет радикальным образом отличаться от современного «индустриального человека», который задал тон «индустриальной цивилизации» с ее, как пишет Феркисс, производством крупного масштаба и потреблением материальных товаров, отчуждением от природы и борьбой с природой, подавлением инстинктов ради игры или размышления и направленностью прежде всего в сторону конкуренции и войны. Эту цивилизацию, полагает Феркисс, вызвали к жизни христианство, особенно в его пуританских формах, наука и дарвинизм в сочетании с элементарными страстями.

Довольно трудно понять, как можно сочетать эти разнородные явления, хотя нельзя отказать Феркиссу в остроте критического взгляда на буржуазную цивилизацию и ее пороки. Однако предлагаемый им выход очень туманен.

¹ *Toffler A. The Third Wave*, p. 438.

² *Ferkiss V. Technological Man. The Myth and the Reality*. N. Y., 1970.

132

Что означает «экзистенциальная революция»? Анализируя предвидения «социологических пророков» (З. Бжезинский, А. Этциони и др.), Феркисс в общем не соглашается с ними, находя более основательными предсказания «экзистенциальных пророков» (Б. Скиннер, А. Кларк, Р. Лапдерс, П. Тейяр де Шарден), полагающих, что человек находится на пороге нового века, в котором он получает новую власть над собой и окружающей его средой, и это радикальным образом изменяет весь характер и смысл человеческого существования. Именно в этом и заключается суть «экзистенциальной революции», которая, как считает Феркисс, принесет человечеству психологический шок и поставит перед ним практические проблемы в неведомом дотоле масштабе.

Феркисс рассматривает целый ряд вопросов, относящихся к «экзистенциальной революции»: это и расширение окружающей среды человека (освоение космоса, Мирового океана и т. д.); и изменение экономической жизни, прежде всего трудовой деятельности (автоматизация, применение компьютеров и др.); и появление новых биологических и фармакологических средств, способных, не разрушая ни самого человека, ни его личность, прямо воздействовать на его волю; и значительное увеличение — с помощью электроники — возможностей централизованного надзора и социального контроля со стороны правящих групп; и, наконец, изменение биологической природы и психики человека с помощью биологических средств, в частности генетической инженерии. Но это еще не все. Помимо чисто научных существуют и другие факторы, приводящие человечество на порог «экзистенциальной революции», и один из них—это рост народонаселения.

«За поверхностью цивилизации XX века,— пишет Феркисс,— отчетливо слышен грохот, и земной шар уже приходит в движение»¹. Это идет «экзистенциальная революция», что знаменует создание

«технологического человека», который, правда, пока еще больше миф, чем реальность, поскольку в обществе господствует буржуазный человек, не способный справиться с этой революцией. Что касается «технологического человека», то он, «по определению», овладевает, согласно Феркиссу, новым подходом к миру науки и техники, которые, в свою очередь, обеспечат стандарты ценностей для будущей цивилизации. Именно «по определению» — каких-либо реальных, практических путей Феркисс не указывает. Он, правда, уделяет много внимания конструированию «новой

¹ *Ferkiss V. Technological Man. The Myth and the Reality*, p. 115.

133

философии», включающей «новый натурализм», «новый холизм», «новый имманентизм» — в общем, все «новое», хотя, как это видно, с весьма старым содержанием. На основе этой «новой философии», полагает Феркисс, следует выработать некоторые этические нормы, которые станут основой политики, делающей возможным выживание человека в новых условиях, что приведет к переориентации человеческой культуры.

Отвергая путь «замены», как он пишет, капиталистических «режимов» социалистическими, Феркисс признается в итоге, что, хотя «новая философия» включает новые формы принятия решений и требуются новые социальные и политические институты, способные перевести эти формы в политику и практику, с тем чтобы образование, экономика, внутренние и международные политические режимы стали орудиями, с помощью которых «технологический человек» будет развивать свое самосознание и проявлять свои способности, не очень ясно, какая именно политика наилучшим образом может справиться с кризисом, созданным «экзистенциальной революцией». Частично так и должно быть, считает Феркисс, поскольку будущее всегда остается открытым, пока человек остается человеком. Вряд ли, однако, такая философская мудрость может вдохновить кого-либо, да Феркисс, наверное, и не претендовал на это, хотя совершенно очевидно, что и самого себя он считает одним из «экзистенциальных пророков».

Как видим, сциентистские, технократические и антисциентистские концепции, внешне по-разному решающие вопросы, относящиеся к социальным и человеческим аспектам научно-технической революции и тем самым к будущему человеческой цивилизации и самого человека, приводят к некоторым сходным результатам. Все они в той или иной степени оказываются очередными утопиями, мифами на футурологической основе. Эти внешне несхожие футурологические мифы, становясь сенсацией, бестселлером, проникают в научно-фантастическую и просто фантастическую литературу Запада, кино, телевидение. Они эпатажируют неразвитое сознание и вкусы людей, поучают, пугают, обнадеживают или просто развлекают.

Однако при всей кажущейся калейдоскопичности футуро-логических прогнозов, получивших распространение на Западе, они выполняют единую социальную и идеологическую роль. Есть определенная логика и в том, какие именно из них выдвигаются в данный момент на передний план, что им противостоит в качестве мнимой альтернативы, а на самом деле

134

лишь дополняет их. Логика эта определяется объективными и субъективными факторами общественного развития в их связи с научно-техническим прогрессом, глобальными проблемами современности. И она объясняет, в частности, почему концепции «технократического оптимизма», делающего основную ставку на научно-технический прогресс (Ж. Фурастье, Д. Белл, А. Тоффлер и др.), так легко уживаются на Западе с «разочарованием в прогрессе» (Р. Арон), с антисциентистской «критикой науки» (Ч. Рейх и др.), «технологическим пессимизмом» (Г. Маркузе), абстрактными идеями «гуманизации науки» (Ю. Хабермас). Все эти построения имеют единую цель: доказать, что научно-

технический прогресс и обострение глобальных проблем ставят человечество — независимо от существующих социальных систем — перед общей перспективой выживания, в результате чего якобы исчезают различия между капитализмом и социализмом.

В этой ситуации перед марксистами, обращающимися к будущему человечества, встает огромной важности гуманистическая задача: оправдать, т. е. теоретически объяснить, не только науку и технику, но и самого человека (а это значит раскрыть их истинную сущность). Дело, однако, не только в этом. В настоящее время появилась настоятельная необходимость в позитивной научной программе, определяющей в соответствии с сущностью науки и человека тенденции их развития в будущем. Выдвинуть такую программу нелегко и непросто, а убедить в ее истинности всех, кто так или иначе занят этими вопросами, — дело еще более трудное, требующее большого времени и терпеливого диалога.

Поиск в этом направлении должен исходить из научно обоснованного «комплекса идей», и его мы находим именно в марксистско-ленинской теории научно-технической революции и человека как ее субъекта и объекта. Преимущества этой теории заключаются в том, что она позволяет не только правильно объяснять развитие науки и техники, но и *управлять* ими. Нередко можно встретиться с утверждениями, что управление научно-техническим прогрессом либо вообще невозможно, либо оно дает отрицательные результаты, поскольку подавляет свободу научных исследований и тем самым тормозит развитие науки и техники¹. Однако подобные

¹ Подобные взгляды высказывались и на XVI Всемирном философском конгрессе (Дюссельдорф, ФРГ, 1978 г.), где на отдельном пленарном заседании и в соответствующих секциях обсуждалась тема «Овладение научно-техническим прогрессом» (см.: Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. XVI Всемирный философский конгресс. М., 1981).

135

абстрактно-всеобщие заключения могут делаться лишь в том случае, если наука и техника рассматриваются в отрыве от социальных условий их функционирования и той *гуманистической ориентации*, которой определяется их развитие, в частности, в перспективе коммунизма. Что это означает и какие ближайшие и отдаленные последствия имеет для самой науки?

3. Наука для человека, человек—«мера всех наук»: на пути к новому типу науки, глобализация научных проблем и их решения, необходимость мыслить и действовать по-новому, новый этос науки будущего

С точки зрения марксистско-ленинской концепции науки как социального института, несводимого лишь к сфере чистого и изолированного от других человеческих факторов познания, истинная сущность науки, оставаясь неизменно глубоко гуманистической, может затемняться и даже извращаться в одних социальных условиях и все более полно раскрываться в других, соответствующих ей. Будучи вообще тесно связанной в своем возникновении и развитии с индустриальным производством, современная наука, становящаяся непосредственной производительной силой, находит свою адекватную реализацию в такой перспективе развития социальных условий, которая соответствует и высшему уровню научно-технического развития, и полному и всестороннему развитию человека, т. е. в перспективе коммунистической. Поэтому все другие социальные формы функционирования науки могут рассматриваться лишь как ограниченные в своем содержании этапы ее становления, каких бы выдающихся результатов она при этом ни добивалась в конкретном познании, в отдельных специальных дисциплинах.

Так предстает с позиций марксизма тенденция развития науки как социального института. Имеется, однако, и определенная внутренняя логика развития самого научного познания, неотвратимо ведущая его по пути все большей реализации сущностных сил науки. Чрезвычайно характерно с этой точки зрения то обстоятельство, что в современной науке — не только в обществоведении, но и в ес-

тестовзнании — происходит значительная переориентация проблематики. Причем, как уже отмечалось, именно проблемы человека, его развития, связанного не только с социальными, но и с биологическими, психологическими и генетическими факторами, все более выдвигаются сейчас на передний план.

136

Научно-технический прогресс сталкивается сегодня с необходимостью и возможностью принципиального изменения взаимоотношений человека и техники, с тем чтобы не только обеспечить приспособление машины к человеку, но и активно формировать способности самого человека применительно к развитию техники. Эта проблема решается в рамках инженерной психологии и новой науки — эргономики, изучающей возможности и особенности человека, которые выявляются в процессе трудовой деятельности и использование которых позволяет повысить эффективность труда и вместе с тем содействовать всестороннему духовному и физическому развитию человека.

Принципиально новые возможности для человека открываются со вступлением науки в «век биологии», начало которому положено развитием молекулярной биологии и генетики (в частности, генетики человека), биокибернетики и других биологических дисциплин. Заметное «переключение» науки на человека открывает огромные возможности эффективной адаптации его к новым условиям среды. В этом направлении уже получены существенные результаты как в социалистических, так и в капиталистических странах. Но если социализм ставит и решает проблемы человека практически и теоретически как необходимое условие общественного развития и как его цель, реализующуюся в коммунистической перспективе, то капитализм лишь *вынужден* заниматься этими проблемами. Теперь уже ясно, что от того, какой общественный строй лучше сможет решить человеческие проблемы в условиях научно-технической революции, в конечном счете зависит его успех среди миллионов трудящихся всего мира. Именно это и дает нам возможность оптимистически смотреть в будущее, так как опыт, историческая практика свидетельствуют, что только на путях социализма и коммунизма возможно действительное решение проблем человека.

Наука выступает как основной рычаг решения этих проблем, и поэтому, независимо от непосредственных побудительных мотивов, которые различны при социализме и капитализме, она идет по пути все большего соединения с человеком, хотя во многих случаях направляется и против него, обслуживая, в частности, военно-промышленный комплекс. При капитализме, писал Маркс, «имеет место *эксплуатация науки*, теоретического прогресса человечества»¹. Это порождает новые противоречия социальной формы функционирования современной науки, в которой, несмотря на успехи в

¹ Маркс К., Энгельс Ф, Соч., т. 47, с. 554.

137

служении человеку, усугубляется отчуждение от него, обостряется, как мы видели, альтернатива сциентизма и антропологизма, получают значительное распространение элитарно-технократические концепции и дополняющие их леворадикальные, романтически-утопические идеи, содержащие «критику науки» как мировоззренческий принцип.

И все же процессы гуманизации науки развиваются вширь и вглубь, приобретая глобальные масштабы. Вместе с тем и сама наука все в большей степени обращается ко всему комплексу глобальных проблем цивилизации и человека. *Прогнозирование научно-технического прогресса, будущего науки* уже сегодня не может не включать эти проблемы как основные и главные. Они находят свое отражение и в той конкретной прогностической работе, которая ведется, в частности, в нашей стране в рамках комплексной программы научно-технического и социально-экономического развития до 2000 года и далее. XXVI съезд КПСС, наметивший основные направления экономического и социального

развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года, поставил перед наукой новые задачи, обращенные не только в сегодняшний день, но и в перспективу. При этом все большее значение приобретает анализ социальных последствий научно-технической революции, ее влияния на человека, его социальную и природную среду.

XXVI съезд КПСС, определив основные направления социально-экономического и духовного развития нашего общества на период до 1990 г., подчеркнул возрастающее значение научно-технического прогресса как основы и главного рычага продвижения вперед всего дела коммунистического строительства. На съезде подчеркивалось, что строительство нового общества без науки просто немыслимо. Это полностью относится и к «большой науке», фундаментом которой являются естествознание, обществоведение, науки о человеке. Взаимодействие этих сфер познания в органическом единстве с практикой — материальным производством, духовным творчеством, воспитанием нового человека — становится сейчас главной задачей.

Такое широкое понимание философских и социальных связей и отношений науки (включая естествознание) с человеком и обществом имеет, как мы видели, солидное обоснование и стало традицией в марксизме. Творчески развивая эту традицию, марксисты выявляют и исследуют сегодня новые проблемы, имеющие комплексный характер и требующие соответствующего подхода к их решению. Комплексный подход, учитывающий взаимодействие общественных, естествен-

138

ных, технических наук, тесную связь теории с практикой, с интересами человека, все больше, становится одной из главных отличительных особенностей развития науки в современных условиях.

Все больше ученых во всем мире начинает остро осознавать глубокое родство естественнонаучного и гуманитарного знания. И то и другое знание дает нам примеры высших достижений человеческого ума и духа. Естественники и гуманитарии, представители различных научных дисциплин должны продолжать развивать плодотворное сотрудничество во имя познания действительности в интересах человека. Иначе неизбежно пострадает человеческая культура в целом. Сегодня важно не только провозглашать, но и реализовать практически идею единства и взаимодействия наук, всей гуманистической культуры¹.

Именно на пути всестороннего и глубокого анализа комплексных, в том числе глобальных, проблем видятся новые направления развития науки многими выдающимися учеными современности, обращающимися к перспективам научно-тех-

¹ Этой цели служит, в частности, и созданный в 1980 г. Научный совет при Президиуме АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники. Главной его задачей является координация деятельности научно-исследовательских учреждений, более тесная увязка ее с целями общественного развития СССР и других стран социалистического содружества, с научным освещением вопросов глобального характера, а также философское осмысление стоящих перед естественными, общественными и техническими науками проблем в их единстве и взаимосвязи. К ним относятся: исследование роли науки как социального института в условиях НТР, места и роли науки в современном обществе, в системе культуры, методологических проблем организации управления наукой, проблемы социальной ответственности ученых, нравственных факторов научной деятельности, социально-психологических проблем научного и научно-технического творчества; исследование взаимосвязи человека, науки и техники, влияния НТР на развитие человека, анализ философско-психологических аспектов роли человека в процессе труда и человеческих потребностей, изучение проблемы гармонического развития личности, гуманистических аспектов НТР, анализ философских и социальных аспектов взаимоотношений человека и среды его обитания; разработка с позиций материалистической диалектики системного подхода к изучению глобальных проблем человечества, их социальных аспектов, роли науки и техники в их решении, принципов глобального моделирования; исследование будущего человечества, соотношения тенденций развертывания НТР и перспектив развития в усло-

виях противоположных общественных систем — социализма и капитализма, разработка методологических предпосылок и принципов моделирования, поискового и нормативного прогнозирования научно-технического прогресса, критика буржуазных футурологических концепций.

139

пического прогресса¹. Так, П. Л. Капица привлек внимание к проблемам, называемым сейчас глобальными, еще в своей речи «Будущее науки» на Международном симпозиуме по планированию науки в 1959 г. В ней представлен широкий спектр проблем и задач науки, многие из которых остаются актуальными не только сегодня и в ближайшей перспективе, но и выходят за рамки нашего столетия. Интересны размышления ученого о постоянном увеличении в будущем числа людей, занятых творческим научным трудом (до 50% жизнедеятельного населения). Много нового содержится в его прогнозах, относящихся к научным открытиям будущего, к возникновению новых областей науки. Речь идет не только о физике, хотя ей, разумеется, уделено здесь первостепенное внимание, но и о проблемах, связанных с выходом в космическое пространство, управлением термоядерной реакцией, прямым превращением химической энергии в механическую, как это имеет место в мускульных процессах животных и человека. В этой связи представляет большой интерес акцентирование на научно-методических проблемах будущего; много интересного содержится и в постановке П. Л. Капицей проблем будущего биологических наук, в частности генетики, перед которой открываются перспективы овладения методом контролирования направленных мутаций и др. Затрагиваются и общественные науки, развивающиеся на основе исторического материализма².

Рассматривая глобальные научные проблемы ближайшего будущего в своем выступлении на встрече ученых в редакции журнала «Вопросы философии» (1972 г.), П. Л. Капица выделил три основных аспекта этих проблем: 1) технико-экономический, связанный с истощением природных ресурсов земного шара; 2) экономический, связанный с биологическим равновесием человека и живой природы при глобальном загрязнении окружающей среды; 3) социально-политический, поскольку все эти проблемы связаны с необходимостью их решения в масштабе всего человечества³. Такой подход позволил ему критически отнестись к появившимся тогда первым докладом Римскому клубу и увидеть, в

¹ См.: Семенов Н. Н. Наука и общество. М., 1973; Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. М., 1981; Будущее науки. Международный ежегодник, вып. 1—14; Technology and the Future. Soviet Scientists' Analysis of the Problems and Prospects for the Development of Science and Technology and Their Role in Society. Oxford etc., 1980;

см. также: Scientific Research and Social Goals. Towards a New Development Model. Oxford etc., 1982.

² См.: Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика, с. 419.

³ См. там же, с. 422.

140

частности, все значение социально-политических факторов, недооцениваемых в этих докладах. Это явилось существенным вкладом в разработку общей марксистско-ленинской концепции глобальных проблем.

Особенно важно, что рассмотрение социально-политических аспектов глобальных проблем П. Л. Капица связывает с проблематикой мира и разоружения, а это зачастую, как мы знаем, обходится многими западными авторами; его взор обращен в будущее, в близкую и отдаленную перспективу развития науки и всей человеческой цивилизации.

Большой интерес вызывают прогнозы, выраженные в такой оригинальной форме, как описание неизвестного, лежащего за пределами нашего знания, которые были собраны в «Энциклопедии неведения»¹. Известные ученые попытались поставить в ней новые проблемы, обращенные в будущее науки, и это касается также многих глобальных проблем, которые рассматриваются под углом зрения будущего человеческой цивилизации и человека как творца ее.

Таким образом, будущее науки неизбежно связывается теперь с человеком и обществом, причем наука во все большей степени создает новую исследовательскую ситуацию, когда человек рассматривается в системе научно-технического прогресса уже не только как его субъект или объект, но в их диалектическом взаимодействии. Взаимосвязь и взаимодействие этих двух сторон единого процесса — субъектно-объектных человеческих отношений научно-технического прогресса — составляют основу такого понимания, которое переводит осмысление проблемы в целом как бы в новую плоскость: оно уже не ограничивается однолинейным и однонаправленным анализом изолированного воздействия человека на процессы научно-технического прогресса либо влияния этих процессов (характеризуемых со знаком плюс или минус) на человека.

Такое понимание взаимодействия процессов научно-технического прогресса и человека предполагает активную его адаптацию не только в виде социальных реакций, изменяющих (смягчающих или снимающих) отрицательное воздействие некоторых явлений научно-технического прогресса на биологию, психику и генетику человека, а также на природную среду, в которой он существует. Чисто эмоциональное отношение к этим явлениям, маскируемое порой «антисциентистской», «гуманистической» терминологией, утверждает

¹ The Encyclopedia of Ignorance. Everything you ever wanted to know about the unknown. Oxford etc., 1978.

141

социальный подход к ним лишь в виде фразы, лишенной действительного содержания. Однако наивысшая социальность адаптационных реакций человека на процессы научно-технического прогресса состоит как раз в обратном — в обращении к самим этим процессам с целью их более интенсивного и всестороннего развития в интересах человека.

Очерченный выше подход, учитывающий внутреннюю логику развития науки по пути самореализации ее как гуманистической общественной силы, служащей человеку и являющейся сферой раскрытия его творческих возможностей, имеет, помимо всего прочего, еще одно важное преимущество, а именно: он позволяет показать, что некоторые отрицательные аспекты научно-технического прогресса, устранение которых иногда непосредственно связывается сегодня с радикальными преобразованиями в социальной сфере, по-видимому, могут быть сглажены (хотя и не устранены полностью) за счет развития самого же научно-технического прогресса. Как и в случае реализации новых возможностей прогресса производительных сил, это создает известную «самоиндукцию», распространяющуюся на все более широкие сферы человеческого существования. Мы должны быть готовы к новым, неожиданным последствиям этой «самоиндукции» и уметь четко отличать некоторые из них, присущие самому научно-техническому прогрессу, от социальных в узком смысле этого слова, т. е. прямо детерминированных теми или иными общественными условиями.

Наука как особая форма человеческой деятельности стремится к воссоединению с непосредственным субъектом этой деятельности — человеком, и этот процесс ее *гуманизации* проявляется в том, что наука из общественно отчужденной все больше становится «человечески измеримой», т. е. соотносимой с человеческими качествами и потребностями, выражаемыми не только, так сказать, в конечном счете — в виде социальных целей и результатов, — но и непосредственно. Достигается это на пути все большего усиления роли человека как субъекта научной деятельности (могущество технических средств познания хотя и возрастает, но уже теряет то «демоническое» значение, которое придавалось ему на первых этапах научно-технической революции). Кроме того, наука все более властно

вторгается не только в социальную, но и в индивидуальную (порой интимную) жизнь человека, существенно преобразуя ее, подчиняя новым, не известным ранее стандартам и структурам. В результате наука становится еще более зависимой от общества, но вместе с тем эта связь как бы индивидуализируется, приобретает

142

личностный характер, во многом теряя свои анонимно-отчужденные формы.

Это все шире и глубже осознается учеными, что проявилось в ряде международных исследовательских проектов (например, в проекте ЮНЕСКО «Наука и человеческие потребности» и др.). Гуманистические аспекты научно-технического развития нашли отражение в документах и докладах второй Всемирной конференции ЮНЕСКО по политике в области культуры (Мехико, июль—август 1982 г.). Как справедливо подчеркивают А. Данзен и И. Пригожин, «наука должна быть теснее связана с чисто человеческими ценностями. Тогда смысл науки выйдет за сугубо технические рамки и будет возможно понять человека во всей его сложности вместе с его потребностью в социальной стабильности и жаждой личной свободы»¹.

При этом возникают заново или предельно обостряются старые, традиционные нравственно-гуманистические, этические проблемы науки. Все отчетливее проявляется понимание того неопровержимого факта, что если не будет в геометрической прогрессии возрастать социальная ответственность ученых, роль нравственного, этического начала в науке, то и сама наука не сможет развиваться даже в прогрессии арифметической.

Взросшее самосознание ученых проявляется сегодня в разных формах. Оно получило яркое выражение, например, в Пагуошском движении, начало которому положил знаменитый манифест Рассела — Эйнштейна, в многочисленных выступлениях ученых против подготовки новой мировой войны, за разоружение. Превращение современной науки в развитый социальный институт и громадная общественная значимость практических применений научного прогресса и его последствий не могут не толкать ученых на путь активной и организованной общественной деятельности. Резко возросло чувство моральной и гуманистической ответственности ученых за свое собственное дело и его социальные последствия, поэтому и развились определенные формы их общественного действия, затрагивающие общие условия существования науки и самого общественного строя, с которым она связана.

Реальная картина здесь достаточно сложна. Хотя значительная часть научно-технической интеллигенции капиталистических стран и относится по своему социальному и материальному положению к лицам наемного труда, она в то же

¹ Данзен А., Пригожин И. Какая наука нам нужна? — Курьер ЮНЕСКО, март 1982 г.

143

время по своему сознанию еще чувствует себя отделенной, в частности от рабочего класса, многими традиционными барьерами и предрассудками, заражена индивидуализмом, пассивностью и политическим индифферентизмом. Антикапиталистическая ее организованность находится в еще неразвитом состоянии и затрудняется как традиционной буржуазно-либеральной идеологией, так и настойчивым стремлением монополистического капитала использовать ее в качестве орудия своей власти — стремлением, прикрываемым различного рода технократическими и элитарными теориями и использующим связи, происхождение, привычку к буржуазному образу жизни многих ученых. Однако ученые, как и прогрессивная интеллигенция Запада в целом, с каждым днем все больше убеждаются во враждебности капитализма культуре, гуманистической науке и прогрессу человечества, так как капитализм расточает громадную массу энергии и средств на военные цели и вместе с тем оказыва-

ется неспособным использовать научно-технический прогресс для блага всего народа. Многие ученые приходят к осознанию необходимости социальных преобразований именно через гуманистическое неприятие капиталистического строя, основанного на бездушной власти денег и корыстных интересах, через демократические, антимилитаристские убеждения, через опыт сложных и мучительных социально-психологических проблем и коллизий, порождаемых буржуазным строем.

Профессиональная гордость и достоинство ученых, стремление к творческому труду, демократизм науки, индивидуальные авторские права на открытия и изобретения, навыки рациональной и точной организации деятельности, иными словами, все те требования и принципы, которые на каждом шагу ущемляются капитализмом и подрываются фактами противоречий и несправедливостей капиталистического общества, его стихийности и иррациональности,— все это убеждает прогрессивных ученых, что лишь в единстве со всеми трудящимися они могут отстаивать свою творческую индивидуальность. В свою очередь борьба за утверждение творческой индивидуальности, за создание условий, соответствующих внутренним потребностям развития современной науки, не может не переплетаться с борьбой трудящихся против монополий, за демократическое развитие общества.

Важнейшей целью демократической борьбы научно-технической интеллигенции является демилитаризация науки, сохранение и упрочение мира. Это вопрос всех вопросов современности. Роль ученых в его решении неизмеримо велика. На XXVI съезде КПСС было выдвинуто предложение создать

144

авторитетный международный комитет с участием виднейших ученых из различных стран, задачей которого было бы довести до сознания народов правду о том, к каким губительным последствиям для всего человечества привела бы ядерная война, показать жизненную необходимость предотвращения ядерной катастрофы. В эту глубоко гуманную деятельность вовлекаются все более широкие массы «обеспокоенных» ученых во всем мире. Об этом свидетельствуют, в частности, интенсивно развивающиеся антивоенные выступления ученых-медиков, показывающих, к каким катастрофическим для человека и человечества последствиям может привести ядерная война в современных условиях.

Такие выводы, разумеется, оказывают определенное воздействие на мировое общественное мнение. Поэтому, говоря о деятельности ученых, направленной на исследование глобальных проблем (прежде всего проблем мира и разоружения, человека и его будущего), следует иметь в виду, что речь здесь идет не только об их моральной ответственности за результаты применения науки, но и о таких акциях, которые прямо и непосредственно влияют на мировую политику, на судьбы человеческой цивилизации.

Конечно, было бы ошибочно преувеличивать это влияние и не видеть те социальные и политические трудности и проблемы, которые мешают адекватной реализации гуманистической сущности науки. Кроме того, и среди самой научно-технической интеллигенции наблюдается большая неоднородность, объясняемая не только сугубо социально-экономическими причинами, но и различиями в отношении даже к вопросу о военном применении результатов науки, о месте и роли ученых в борьбе за мир. Как известно, среди части ученых капиталистических стран имеют место настроения пассивности, нежелание участвовать в движениях, носящих политическую окраску, а то и просто активная поддержка агрессивных планов милитаристов. Большую роль играют здесь нередко меркантильные и престижные соображения, желание добиться успеха любой ценой, даже если путь к нему не является этичным или вообще чреват большими опасностями для общества.

Таким образом, картина здесь весьма неоднозначная, и это заставляет более реалистично оценивать в целом решение проблемы, касающейся социально-этической и гуманистической ответственности ученых. И все же путь здесь только один: содействовать самостоятельным поискам ученых и поддерживать их этические решения, которые на Западе зачастую подавляются влиянием массовой пропаганды, стереоти-

нами «массового сознания». Важно развивать сознание ответственности деятелей науки за будущее человека и человеческой цивилизации, критический подход ко всему, что может привести ее к катастрофе. Мы переживаем трудный и опасный период истории человеческой цивилизации, когда под угрозой находится само ее существование. Человек может оказаться и неразумным, и негуманным, хотя и всемогущим, если силу его измерять в «единицах разрушения», а не созидания. Конечно, сегодня решающую роль играют сила и влияние идей социализма и коммунизма, их практический, в том числе нравственный, пример. Это — главное, что дает человеку и человечеству надежду на будущее, хотя и не снимает, разумеется, вопроса о том, быть ему или не быть. Надо надеяться, что минует это трудное и опасное время и, несмотря на все несовершенство человеческой цивилизации, созданной с помощью науки, человечество устремится вперед — к истине и добру, которые для нас сливаются с коммунистической перспективой. Разумеется, одной надежды здесь мало, нужны соответствующие действия, вдохновляемые новыми идеями, новым пониманием науки и гуманизма, которое дает марксизм, его философия.

В историческом манифесте Рассела — Эйнштейна говорилось в свое время: чтобы сохранить жизнь на нашей планете, мы, как «представители рода человеческого», должны научиться мыслить по-новому и предпринять практические шаги, исключая войну и гонку вооружений. Отсюда и берет начало знаменитое Пагуошское движение ученых. Отмечая его 20-летие, академик М. А. Марков поставил вопрос:

«Научились ли мы мыслить по-новому?» ' Однозначный ответ на этот вопрос не был дан, и его, по-видимому, нельзя дать и сегодня. Можно говорить об известном продвижении вперед, но остается много нерешенных проблем и возникли новые, еще более сложные и острые. К их числу относятся и те проблемы, которые принято называть глобальными.

Научно-технический прогресс в его связи с развитием человека и общества как раз и является одной из таких проблем. Сегодня мы наблюдаем все большую глобализацию и внутри самой науки (это проявляется в междисциплинарном синтезе, взаимодействии и интеграции наук), и в ее социальном развитии, включая социально-этические и гуманистические «параметры». И здесь также стоит проблема «научиться мыслить по-новому». Это означает переход в глобальном мас-

' Марков М. А. Научились ли мы мыслить по-новому? — Вопросы философии, 1977, № 8.

штабе к новому этосу и новому гуманизму, которые теоретически выражаются марксизмом и практически реализуются в процессе построения новой, коммунистической цивилизации и соответствующем ей типе науки. Поэтому дальнейшее развитие науки связано с преобразованиями не только в сфере ее теории и методологии, но и в сфере ее отношения к человеку: оно предполагает такую структуру, в которой наука — ценности — гуманизм будут находиться в диалектическом единстве и взаимодействии. Это и будет тот новый тип науки, который сегодня видится, может быть, больше как идеал или цель.

Новый этос науки и новый гуманизм предполагают такую структуру науки, которая сделала бы своим центром человека, его свободное и всестороннее развитие; они включают все более ясное ощущение человеком самого себя как неразрывной частью человечества, связи индивида с тем, что Л. Н. Толстой называл «роевой жизнью», высокие идеалы человечности как антитезы эгоизма и фанатизма во всех их формах. В связи с этим приобретает все большее значение такое понимание гуманизма в его отношении к науке, которое акцентирует на его антифанатизме и антиавторитаризме, утверждает право личности на *свободу*, научного творчества и *ответственность* ученых перед исти-

ной и человеком. Именно в этом своем значении новый этос и новый гуманизм окажут наибольшее стимулирующее воздействие на науку и деятельность ученых в условиях обострения глобальных проблем и вступления человечества в «царство свободы» — коммунизм.

Имея в виду эту перспективу исторического развития, можно сказать, перефразируя известное изречение Протагора, что именно *человек*, его всестороннее и свободное развитие является мерилom социального прогресса и *мерой всех наук*. Только такая гуманистическая ориентация создает прочную основу его будущего и человеческой культуры в целом. Последняя имеет и более широкое значение, так как гуманизм связан не только с наукой. И с этой точки зрения в равной мере опасны как абсолютизация значения науки в жизни человека и человечества, в развитии гуманистической культуры будущего, так и попытки принизить науку, а то и попросту «развенчать» ее, представить в качестве антигуманной силы. Подлинный свой смысл наука приобретает лишь в связи с другими формами человеческой деятельности, образующими материальную и духовную культуру человечества.

Культуре не нужна, конечно, «фаустовская сделка» с наукой, «демон» которой отнюдь не требует отдать ему челове-

147

ческую душу, совесть и свободу человека. Нравственные, гуманистические основы науки и всей человеческой культуры приобретают сегодня все большее значение и сохраняют его в будущем, так как без этого возможны только мрак бескультурия и небытия, духовный и физический крах человечества. Предвидение будущего в этом плане означает, следовательно, главным образом определение социально-этических, гуманистических альтернатив. Это закономерно в условиях, когда возникли требующие своего решения глобальные проблемы, как закономерно и то, что именно коммунистическая перспектива, исходящая из необходимости гуманистического, нравственного прогресса как духовной основы любого продвижения вперед, оказывается спасением для человечества, его культуры, его цивилизации.

Это в равной мере относится ко всем сферам жизнедеятельности человека и его будущему как биосоциального существа и социально активной личности. Попытаемся проследить это, обращаясь к другим аспектам проблемы человека и его будущего, и прежде всего к экологии человека и демографическим перспективам человечества, к его взаимодействию с природой и родом человеческим, его ростом и развитием, которые весьма существенно связаны не только друг с другом, но и с общими процессами научно-технической революции, судьбами человеческой цивилизации в современных условиях.

Глава третья

ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА И РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ:

ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РОСТА

Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны: до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга.

К. Маркс и Ф. Энгельс

И пусть у гробового входа Младая будет жизнь
играть, И равнодушная природа Красою вечною
сиять.

А. С. Пушкин

Отмеченная К. Марксом и Ф. Энгельсом взаимообусловленность развития природы и человечества касается не только социальной стороны истории людей, но и их развития как рода человеческого, объединяющего в некоторую целостность человеческие индивиды в их природно-биологическом и биосоциальном существовании. Таким образом, на основе социальных отношений как сущностной детерминанты на нашей планете сложилась новая и неповторимая целостность: человек — природа — род человеческий, и поэтому, обращаясь к перспективам человека, мы должны проанализировать не только тенденции развития отдельных частей этой целостности, но и формы их взаимодействия сегодня и в будущем.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 19.

149

---

1. Человек и природа: исторические формы взаимодействия и современные противоречия. Ресурсы природы и род человеческий: социальная сущность, тенденции, пределы и последствия роста

В рассматриваемой нами целостности: человек — природа — род человеческий существенную роль играют вопросы экологии, взаимодействия человека и общества в целом с природной средой ¹. Как складывается это взаимодействие сегодня и какое влияние оказывает на него научно-технический прогресс? В каком направлении будет развиваться экологическая ситуация завтра и чего следует ожидать от нее человеку? Как можно повлиять на благоприятное развитие экологических процессов и устранить неблагоприятные тенденции? Эти вопросы, разумеется, весьма существенно определяют перспективы человека. Современная экологическая ситуация, поставившая их перед человечеством, требует безотлагательного ответа на них.

Разные, а порой противоположные и даже взаимоисключающие ответы даются на эти вопросы современными учеными, и соответственно разные практические действия предлагаются ими. Такое положение вполне объяснимо, но вряд ли целесообразно, если оценивать его с точки зрения коренных интересов современного человечества. Это повышает ответственность ученых и их обязанность найти более или менее однозначную постановку экологической проблемы, раскрыть научное понимание ее сущности и взаимосвязей, ее причин и следствий. Необходимо поэтому внимательно рассмотреть и ведущиеся вокруг нее дискуссии. Вместе с тем главное — это четко обозначить марксистскую концепцию экологической проблемы, открывающую благоприятную перспективу человечеству, реальным практическим действиям, которые могут быть предприняты на этой основе.

Вся жизнь и развитие человека протекает в определенной среде обитания, которая является взаимодействующей с ним частью природы, да и сам он в известном смысле — часть и порождение великой «матери-природы». «Человек,— писал Маркс,— *живет* природой. Это значит, что природа есть его

¹ Понятие «экология» (от греч. «ойкос» — дом, жилище и «логос» — наука) возникло первоначально (термин введен Э. Геккелем) для обозначения специальной биологической науки об организмах «у себя дома», т. е. о взаимоотношении организмов и среды их обитания. В настоящее время это понятие распространяется и на человека, поэтому мы можем говорить об экологии человека, социальной экологии и пр.

150

тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» *. И далее: «...общество есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы» 2. Зависимость человека от природы существует, как оказалось, наряду с обратной зависимостью природы от человека. Научно-техническая революция и вызванное ею интенсивное индустриальное развитие продемонстрировали это со всей очевидностью.

«Тело человека» уже не может ограничиваться его биологическими параметрами, а включает также и то, что ранее воспринималось как «внешняя природа». Человек в своем природно-биологическом качестве — это теперь, строго говоря, не просто «часть» природы, а ее органический элемент, находящийся во взаимодействии с другими элементами и частями, составляющими некоторое диалектически противоречивое единство, целостность. В этом смысле человек скорее орган такого целого, и он доказал это, может быть, пока в большей степени деструктивной функцией в природе как в своем «теле». *Деятельность* человека (прежде всего производственная) — вот то, что создало возможность его обратного, в том числе и негативного, воздействия на природу. И если следовать Марксу, последнее должно восприниматься именно как неразумное разрушение своего «тела», т. е. как *самоуничтожение*. И это, к сожалению, отнюдь не метафорическое преувеличение. В настоящее время взаимодействие общества и природы, человека и среды его обитания, составляющее существо экологической проблемы, в результате бурного роста промышленного производства во всем мире, происходящего на базе многоотходной технологии, достигло таких предельных форм, когда встал вопрос об угрозе самому существованию человечества вследствие истощения природных ресурсов и опасного для жизни человека загрязнения среды его обитания³.

Все более интенсивно потребляя природные ресурсы с помощью колоссально возрастающих по своей мощи технических средств, человечество в прогрессирующей форме улучшало условия развития своей цивилизации и своего роста как биологического вида *Homo sapiens*. Однако, «завоевывая»

^{*} Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 92.

² Там же, с. 118.

³ См.: Царфис П. Г. Действие природных факторов на человека. М., 1982.

151

природу, человечество в значительной мере подорвало естественные основы собственной жизнедеятельности.

Достаточно привести здесь некоторые цифры и факты, которые наглядно покажут эту противоречивость развития человеческой цивилизации в ее взаимодействии с природой. Известно, что за последние 100 лет человечество увеличило в тысячу раз энергетические ресурсы; в течение истекших 35 лет произошло удвоение индустриальной и сельскохозяйственной продукции. Общий объем товаров и услуг в развитых странах удваивается теперь каждые 15 лет, и наблюдается тенденция к сокращению срока удвоения. Однако соответственно удваивается и количество отходов хозяйственной деятельности, засоряющих и отравляющих атмосферу, водоемы, почву. Общественное производство, взяв от природы 100 единиц вещества, использует 3—4, а 96 единиц выбрасывает в природу в виде отравляющих веществ и отходов. В расчете на каждого жителя индустриально развитых стран ежегодно извлекается около 30 тонн вещества, из них лишь 1—1,5 % принимает форму потребляемого продукта, а остальное составляют отходы, обладающие нередко весьма вредоносными свойствами для природы в целом.

Все это создало напряженную и во многих случаях кризисную ситуацию во взаимодействии человека с природой, чреватую большими опасностями для будущего человеческой цивилизации. Это наглядно обнаруживается, например, при рассмотрении проблем природных ресурсов, энергетики, продовольствия, качества окружающей среды в ее связи с дальнейшим индустриальным развитием в мире и ростом народонаселения. Едва ли есть смысл приводить здесь и дальше многочисленные и ставшие хорошо известными из научной и научно-популярной литературы цифры и факты, относящиеся к этой проблеме. К тому же они весьма неоднозначны.

И все же, если следовать данным официальных научных организаций и экспертов, то будущее человеческой цивилизации в этом плане предстает как весьма напряженное. Многие невозобновляемые природные ресурсы близки к исчерпанию, запасы обычного энергетического сырья быстро сокращаются. Между тем потребление энергии в мире непрерывно растет (в 1950 г. человечеству потребовалось 2,7 млрд. тонн условного топлива, в 1975 г. — уже 9 млрд. тонн, в настоящее время — около 10 млрд. тонн, а в 2000 г. потребуется 18—23 млрд. тонн). Растет также глобальное загрязнение биосферы, *объемы* которого достигли угрожающих масштабов. В результате деятельности человека, в особенности в по-

152

следние десятилетия, в дикой природе исчезли многие виды животных и растений. Не менее тревожно неуклонное падение численности и сокращение ареалов других видов ¹. Трагично то, что за последние 500 лет при участии человека было истреблено до 2/3 покрывающих Землю лесов.

Одним из непосредственно ощутимых и чрезвычайно негативных для настоящего и будущего человека и рода человеческого обстоятельств является обострение продовольственной проблемы в мире, ведущее к недоеданию и голоду миллионов людей. Численность голодающих в мире составляет почти 0,5 млрд. человек, т. е. практически каждый девятый житель Земли голодает, а в целом от хронического голода и неполноценного питания страдает свыше 1 млрд. человек, из них свыше 200 млн. детей. Ежегодно от голода умирает 30—40 млн. человек, из них до 17 млн. детей.

Между тем рост народонаселения в мире (особенно в экономически слаборазвитых регионах мира) продолжает идти весьма высокими темпами. И хотя, по оптимальным демографическим прогнозам экспертов ООН, в 80-е годы начнется снижение средних темпов прироста населения (в общем с 1,8% в настоящее время до 1,5% в конце века, а в развивающихся странах — с 2,2 до 1,8% и в развитых странах — с 0,74 до 0,55%), тем не менее к 2000 г. оно возрастет на 2,26 млрд. человек, т. е. на 50%, и составит 6,35 млрд. человек. При этом почти 90% прироста населения придется на развивающиеся страны, где население будет расти в четыре раза быстрее, чем в странах развитых. В результате к 2000 г., при сохранении существующих различий в уровне жизни, в недостаточно обеспеченных регионах будет жить около 80% населения планеты, тогда как в 1950 г. в них жило 68%. Однако после 2075 г. и в этих регионах ожидаются низкие темпы прироста населения, а общая стабилизация его численности во всем мире на уровне 11—12 млрд. человек предполагается после 2100 года. В то же время, согласно другим расчетам, на Земле может нормально жить около 40—50 млрд. человек, если производство продуктов питания повсюду достигнет уровня индустриально развитых стран. Однако как будет при этом обстоять дело с загрязнением природной среды и истощением энергетических ресурсов, не достигнут ли они катастрофических пределов?

¹ См.: Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. Красная книга. Дикая природа в опасности. М., 1976; Красная книга СССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. М., 1978.

153

Вот поистине «гамлетовский вопрос», все более остро встающий перед современным человечеством, с той лишь разницей, что решение — быть или не быть — не зависит всецело от самого человечества: оно связано также и с объективными процессами природы, которая может с легкостью и равнодушием (вспомним пушкинские строки о том, как будет «равнодушная природа красною вечною сиять») уничтожить то, что она сама же с таким трудом и видимой «заинтересованностью» создала, — жизнь, человеческий разум. Впрочем, совсем не до лирики, когда речь идет о перспективах человека в демографическом плане, и ведь не природа сама по себе решает судьбы человечества.

Таким образом, мы видим, что прогнозы будущего, включая в качестве основных такие переменные факторы, как рост производства, истощение природных ресурсов и увеличение загрязнения окружающей среды, учитывают и те изменения, которые происходят в динамике народонаселения, в численности людей на Земле. Демографические процессы, таким образом, становятся существенным элементом общих прогнозов, касающихся будущего человека и человечества в его взаимосвязи и взаимодействии с природой. Однако они могут иметь реальную силу лишь в том случае, если исходят из научной методологии, из научного понимания сущности этих процессов. И это связано прежде всего с общей концепцией взаимодействия человека и природы, его противоречий и кризисов.

В связи с обострением экологической и демографической проблем некоторые западные теоретики говорят сегодня о надвигающемся *глобальном* кризисе, который якобы в одинаковой степени угрожает всем странам, независимо от их социального устройства, причем этот кризис они связывают лишь с ростом промышленного производства, научно-технической революцией, вообще главным образом с технологической стороной взаимоотношений человека и природы.

Действительно, как мы видели, последние десятилетия, на которые приходится развитие научно-технической революции, принесли человечеству не только небывалое прогрессивное изменение его производительных сил, но и столь же небывалое обострение, в частности, экологической проблемы, заставляющее всерьез задуматься о пределах исчерпаемости природных ресурсов и возможностях восстановительных процессов природы противостоять стихийным последствиям человеческой деятельности. Однако вызывает ли сам по себе научно-технический прогресс и применение его достижений разрушение природной среды, истощение природных ресур-

154

сов и ухудшение условий человеческого существования? Или же все эти негативные последствия обусловлены конкретными методами и формами воздействия на природу, формами использования достижений науки и техники, тесно связанными с конкретной общественной системой, которая и определяет направления и формы развития науки и техники, всех производительных сил, а следовательно, и формы и методы воздействия на природу?

Научный ответ на эти вопросы мы находим в марксистской концепции, раскрывающей сущность взаимодействия природы и общества, которое по-разному осуществляется в разные исторические эпохи и в разных общественно-экономических формациях. Марксистский подход к экологической проблеме дает возможность увидеть, с одной стороны, ее комплексный и глобальный характер, а с другой — ее происхождение и сущность в конкретном социальном контексте, в связи с более общими процессами общественного развития, роста современного производства, научно-технического и культурного прогресса¹. В противовес неумеренному «тех-

¹ К настоящему времени учеными-марксистами, в том числе советскими, создана огромная литература по этой проблеме, простое перечисление которой весьма затруднительно. Отмечу лишь наиболее фундаментальные работы самых последних лет: *Анучин В. А.* Основы природопользования. М., 1978; *Биола Ги.* Марксизм и окружающая среда. М., 1975; *Будыко М. И.* Глобальная экология. М., 1977; *Галеева А. М., Курок М. Л.* Методологические аспекты взаимодействия общества и природы. М., 1978; *Гирусов Э. В.* Система: «общество — природа». М., 1977; *Колбаса в О. С.* Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982; *Кравченко И. И.* Экологическая проблема в современ-

ных теориях общественного развития. М., 1982; *Лантев И. Д.* Экологические проблемы. Социально-политический и идеологический аспекты. М., 1982; *Лось В. А.* Человек и природа. М., 1978; *Лукашев В. К., Лукашев К. И.* Научные основы окружающей среды. М., 1980; *Мамедов Н. М.* Экологическая проблема и технические науки (Философско-методологические аспекты). Баку, 1982; *Моисеев Н. Н.* Человек, среда, общество. М., 1982; *Никитин Д. П., Новиков Ю. В.* Окружающая среда и человек. М., 1980; *Новиков Г. А.* Основы общей экологии и охрана природы. Л., 1979; НТР, человек, его природная и социальная среда. Л., 1977; Основы природопользования. Минск, 1980; Проблемы оптимизации в экологии. М., 1978; Разрушение природной среды. Экологический кризис империализма. М., 1981; *Реймерс Н. Ф., Яблоков А. В.* Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы. М., 1982; Социализм и охрана окружающей среды. М., 1979; Социально-экономические проблемы природопользования. Л., 1978; Социальные проблемы экологии и современность. М., 1978; Социальные аспекты экологических проблем. М., 1982; Сырьевой кризис современного капитализма (Мирохозяйственные аспекты). М., 1980; Управление природной средой. М., 1979; *Федоров Е. К.* Экологический кризис и социальный прогресс. М., 1977; Ценностные аспекты науки и экология. М., 1981; Человек и природа.

155

нократическому оптимизму», равно как и «экологическому пессимизму», этот подход утверждает позиции разумного реализма как в теоретическом, так и в практическом отношении, ориентирует на научно обоснованные действия, широкую международную кооперацию ученых, на международное сотрудничество стран с разным социально-экономическим устройством в решении экологической проблемы.

Анализ взаимодействия человека и среды его обитания, общества и природы является давней традицией в истории научной и философской мысли, но марксизм, наследуя данную традицию, подошел принципиально по-новому к решению этой проблемы, создав тем самым собственную традицию ее научного исследования, которая творчески развивается в современных условиях. Согласно марксизму, диалектически противоречивое единство, взаимодействие общества и природы, человека и среды его обитания обеспечивается материальным производством. «Труд,— писал К. Маркс,— есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»¹. Именно благодаря этому обмену веществ достигается единство человека и природы, ее преобразование и приспособление ее к потребностям человека, создание «второй природы» — искусственной среды обитания человека, обусловленной особенностями его культуры и социальной организации. Тем самым марксизм указывает и метод решения возникающих здесь противоречий: он состоит в анализе социальных факторов, в учете особенностей производства, обусловленного этими факторами.

И как бы ни отличалась современная экологическая ситуация в мире от той, которая существовала во времена Маркса, его понимание, его метод, его подход к решению проблемы взаимодействия общества и природы оказываются и сегодня чрезвычайно актуальными и эффективными. На их основе в современных марксистских исследованиях и дискус-

М., 1980; Экология и общество. София, 1980; см. также: *Дажо Р.* Основы экологии. М., 1975; *Детри Ж.* Атмосфера должна быть чистой. М., 1973; *Коммонер Б.* Замыкающийся круг. Л., 1974; *Одум Ю.* Основы экологии. М., 1975; *Одум Г., Одум Э.* Энергетический кризис человека и природы. М., 1978; *Рифлекс Р.* Основы общей экологии. М., 1979; *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977; *Смит Р. Л.* Наш дом планета Земля. Полемические очерки об экологии человека. М., 1982; *Уолтворт.* Нарушенная земля. М., 1979; *Уорд Б., Дюбо Р.* Земля только одна. М., 1975; *Уорк К., Уорнес С.* Загрязнение воздуха. М., 1980, и др. .

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 188.

сиях по вопросам взаимодействия человека и природы были определены основные группы проблем, составляющие предмет социальной экологии, и принципиальные пути подхода к ним, формы и методы их теоретического и практического разрешения.

Для марксистского научного анализа экологической проблемы характерно выявление ее связей с различными сторонами общественного бытия и обращение к вопросам большого социального и гуманистического звучания. Кроме чисто научного (познавательного) и технологического, а также социально-экономического, политического (в том числе международно-правового) аспектов мы видим также большое значение социальных, культурных, идеологических, этико-гуманистических и, наконец, эстетических аспектов экологической проблемы, которые и образуют ее содержание как проблемы комплексной. Каждый из этих аспектов, в свою очередь, является большой и самостоятельной проблемой, решаемой в специальных исследованиях. Однако между ними существует определенная взаимосвязь, иерархическая соподчиненность, которая и определяет стратегию исследования и научного разрешения экологической проблемы в целом. При этом глубокое осмысление экологической проблемы предполагает ее анализ с мировоззренческих и методологических позиций научной философии, роль которой в межнаучной кооперации непрерывно повышается. Не возрождая иллюзий нерасчлененного познания античности, философия стимулирует взаимодействие широкого круга наук, в процессе которого важное место занимает и междисциплинарное их объединение в целях исследования проблемы взаимодействия человека и природы.

Тем самым определяется принципиальная отправная точка для гуманистического анализа и решения экологической проблемы. Такой подход позволяет избежать одностороннего, поверхностного понимания этой проблемы, когда она рассматривается в природофильских понятиях, не соотнесенных с социальной действительностью, а выводы из анализа и предполагаемые решения носят реакционно-утопический, односторонне запретительный характер. Подобные руссоистские концепции в конечном счете антигуманистичны, поскольку предполагают необходимость в интересах сохранения природы в ее естественной данности ограничить культурный прогресс человечества.

Однако научный подход отвергает и идею главенства активного, творческого человека — «демиурга», стоящего над враждебной ему и косной природой, которую предстоит пре-

образовать в целесообразной практике. Это извращенное понимание человеческой свободы реализуется в экономико-производственном стереотипе, который в условиях научно-технической революции несовместим с масштабом и способами человеческой практики в природе и становится одним из источников экологической опасности. Для антитехницистских интерпретаций экологической проблемы характерны попытки рассматривать этот стереотип как следствие использования самих достижений науки и техники в процессе взаимодействия человека с природой, как неизбежное зло научно-технической цивилизации. В действительности же, несмотря на то что большинство опасных дисгармоний в этом процессе связано именно с научно-техническим образом воздействия на природу, они обусловлены социальными механизмами того общественного образования, в котором впервые реализовались исторически, а именно капиталистической общественно-экономической формации с господствующими в ней частнособственническими отношениями и погоней за прибылью, что деформирует естественное отношение человека к человеку и общества в целом — к природе.

Следовательно, хотя сама научно-техническая революция создает определенные предпосылки для разработки системы оптимальных технологических мероприятий, с помощью которых можно регулировать возрастающий поток различного рода воздействий на природу, в процессе складывания такой системы научно обоснованной экологической политики обнаруживается внутренняя, органиче-

ская ее зависимость от социально-политических условий, от общемировоззренческих и культурных установок, тот факт, что она не сводится к «экологической инженерии». Поскольку экологическая проблема представляет собой проблему социальную, хотя и порождается непосредственно техническими средствами, она может получить свое всестороннее решение только в результате фундаментальной социальной трансформации, призванной обеспечить осуществление экономических, производственных, социально-культурных и аксиологических сдвигов, необходимых для устранения экологической опасности, т. е., согласно марксистскому подходу, лишь в результате всеобщего социального переустройства, связанного с ликвидацией частной собственности на средства производства и классовых антагонизмов. Только на этой преобразованной социальной основе смогут проявиться в общечеловеческом масштабе позитивные технологические методы полного преодоления тех антагонистических экологических противоречий, которые несет с собой научно-техническая революция в условиях ка-

158

питалистической системы. Этот процесс начинается и протекает не после завершения каких-либо этапов развития человечества (таких, как социальная, научно-техническая революция), а наряду с ними и становится такой же органической составной частью социального прогресса, как и революция в науке и технике.

Однако переход от одной системы ценностей — буржуазно-индивидуалистической к другой — социалистической, коллективистской происходит не мгновенно, не автоматически и не сразу после законодательного акта, отменяющего частную собственность на средства производства. Более того, сам принцип коллективизма, деформируясь под воздействием неизжитых прежних установок, способен порождать превратные представления об обезличенности новых отношений собственности. Представление об анонимности этих отношений, утрата индивидом ощущения личного участия и личной заинтересованности в общем деле могут привести к безответственности, последствия которой в сфере взаимодействия человека с окружающей средой оказываются подчас весьма тяжелыми.

Таким образом, раскрыть сущность экологической проблемы можно лишь на пути единства научного и социального подходов, а это означает выявление внутренней противоречивости взаимодействия общества и природы, которая обнаруживается прежде всего в том, что в ходе развития материального производства происходит, с одной стороны, все большее «освобождение» человека от непосредственной зависимости от стихийных сил природы, а с другой — все более тесное единение его с природой, освоение человеком расширяющегося круга веществ и видов энергии, интенсивное вовлечение их в сферу его жизнедеятельности. Однако этот процесс реализуется на разных уровнях, и диалектический подход к нему означает отказ от метафизического разрыва и противопоставления не только общества и природы, но и способа производства, техники, технологии и тех социально-экономических форм, в которых они существуют в действительности, в реальном движении истории.

Поэтому диалектический подход отвергает такой ответ на экологические вопросы современности, который сводится лишь к оценке и выбору определенных технологических мер гармонизации взаимодействия человека и природы. Узость такого подхода все больше осознается в настоящее время даже теми учеными, которые далеки от марксистско-ленинской концепции общества в его связи с природой. Все больше осознается и то, что невозможно сохранить «естественное

159

равновесие» процессов в биосфере лишь путем их консервации. Целенаправленное преобразование природы, оптимизация биосферы на основе дальнейшего научно-технического прогресса — вот путь, ведущий к гармонизации взаимодействия природы и человека.

Диалектический метод предполагает углубление и конкретизацию этой идеи и поэтому с неизбежностью требует не просто анализа тех социальных форм, в которых осуществляется исторически взаимодействие человека с окружающей средой, но и их конкретной характеристики в рамках определенных общественно-экономических формаций. Такой подход оказывается камнем преткновения для многих западных моделей и проектов решения экологической проблемы, абсолютизирующих ее глобальный характер и трактующих его как нечто надсоциальное, наднациональное. Между тем глобальный характер экологической проблемы приводит к тому, что в ее решении сталкиваются интересы различных общественных групп, социальных институтов, отдельных стран, регионов, социально-экономических систем. Она становится поэтому объектом острой политической и идеологической борьбы, столкновения разных мировоззренческих установок. Дело касается не только понимания сущности экологической проблемы и путей ее разрешения, но и того, какое будущее ожидает человека в его взаимодействии с природой.

Экологические предпосылки будущего находятся, однако, как мы видели, в неразрывной связи с более широким комплексом социальных и естественнонаучных проблем, включая такую, как взаимодействие человека не только с внешней средой, его окружающей, но и с самим человечеством, частью которого он является как представитель вида *Homo sapiens*. Возникающие здесь демографические процессы — это та реальность, без анализа которой невозможно рассмотрение перспектив человека.

Человек един со всем человечеством — эта истина, может быть, никогда не осознавалась так остро, как в наши дни. Един и в жизни своей, и в смерти. А потому не может быть будущего у человека в отрыве от судеб всего человечества, и общая судьба человечества неотделима от каждого человека:

она является и его судьбой. Э. Хемингуэй поставил в качестве эпиграфа к своему роману «По ком звонит колокол» следующие слова английского поэта Джона Донна: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смочит край Мыса или разрушит Замок твой или Друга тво-

160

его; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

Не может быть будущего у человека в отрыве от роста и развития всего человечества. Но как происходит этот рост и развитие? Каковы здесь законы и тенденции, что ждет род человеческий в будущем?

Обращаясь к этому сложному комплексу вопросов, марксистская демографическая наука исходит из того, что народонаселение — как воспроизводящая совокупность людей — представляет собой результат и условие общественного развития¹. Будучи социальным явлением, народонаселение в своем росте и развитии тесно связано с господствующими в обществе экономическими взаимоотношениями, с характером разделения труда, формами собственности, классовой структурой общества. Как отмечал К. Маркс, «население — это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся...»². В качестве таких основ и выступает, по Марксу, «богатая совокупность многочисленных определений и отношений»³,

¹ Кроме основополагающих работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина см.: Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980; Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы. М., 1978; Вондарская Г. А. Рождаемость в СССР. М., 1977; Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976; Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975; Брук С. И. Население мира. М., 1981; Вален-тей Д. И. Теория и политика народонаселения. М., 1967; Венец-кий И. Г. Статистические

методы в демографии. М., 1976; *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976; Он же. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982; *Гузеватый Я. Н.* Демографический аспект современных проблем развивающихся стран. Предварительная программа и тезисы научной конференции. М., 1979; Демографические модели. М., 1977; Законы и закономерности развития народонаселения. М., 1976; *Reauia. А. Я.* Демографическая политика в СССР. М., 1981; Метод демографических связей. М., 1972; Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974; Население развивающихся стран. М., 1976; Население и окружающая среда. М., 1975; Население мира: вчера, сегодня, завтра. М., 1980; Основы народонаселения. М., 1977; *Рябушкин Т. В., Галицкая Р. А.* Динамика и структура населения в социалистическом обществе. М., 1979; *Стещенко В. С.* Демография в современном мире. М., 1978; Он же. Изучение воспроизводства народонаселения. Киев, 1982. О том, как разрабатываются демографические проблемы на Западе, см.: Проблемы народонаселения. М., 1982; *Соей А.* Общая теория населения. М., 1977, т. 1 и 2; *Леей Л., Андерсон Л.* Народонаселение, окружающая среда, качество жизни. М., 1979, и др.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 36—37.

3 См. там же, с. 37.

161

в число которых входят экономические, политические, национальные, культурные, религиозные, этнические, семейные и прочие связи.

Марксизм подчеркивает ведущую роль в демографических процессах экономических отношений, уровня развития производительных сил, способа производства¹, но он отнюдь не сводит их только к этим отношениям, как утверждают некоторые его противники. В свое время Ф. Энгельс, опровергая подобные домыслы, отмечал, что «согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *е конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу... Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» 2.

Марксизм рассматривает демографические процессы во всем многообразии «моментов, участвующих во взаимодействии», подчеркивая вместе с тем роль главного — экономического фактора. Соответственно демографическая проблема как комплексная, интегральная научно расчленяется, и в ней выделяются разные аспекты, разные стороны, которые изучаются специальными научными дисциплинами.

Прежде всего в общей теории народонаселения вычленяются ее общесоциологические, социально-философские и политэкономические основания и аспекты. Речь идет об исследовании демографических процессов с точки зрения закономерностей общей теории общественного развития, исторического движения, разделения труда, отношений собственности, разделения общества на классы и т. д. Учитываются также характер и особенности социальных отношений, степень

¹ К. Маркс считал, что «при различных общественных способах производства существуют различные законы возрастания населения и перенаселения... Эти различные законы следует просто свести к различным видам отношения к условиям производства или, что касается живого индивида, к условиям его воспроизводства как члена общества, ибо он работает и присваивает только в обществе» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 101).

развития и формы демократии, положение и права личности, уровень ее духовного развития, влияние идеологических, правовых, моральных норм и установлений. Что касается политэкономического аспекта, то он составляет стержень социальных отношений в широком смысле, определяя демографические процессы через производственные отношения, способ производства и т. д. Он обуславливает и экономику народонаселения в более узком смысле, включая материальные затраты на воспитание, подготовку к труду, охрану здоровья, социальное обеспечение и т. п.

В сложном комплексе различных аспектов демографической проблемы современная наука вычленяет также природно-географические, экономические, этнографические, социально-психологические, социально-гигиенические, наконец, генетические аспекты. Разумеется, каждый из них весьма важен при рассмотрении будущего человека в демографическом плане. Это и делает демографические прогнозы весьма проблематичными, так как в них требуется учитывать огромное количество самых различных факторов, многие из которых имеют объективно случайный характер, подвержены постоянным, часто непредсказуемым, изменениям. Закономерности, вскрываемые демографической наукой, оказываются поэтому чаще всего статистическими, вероятностными, как и всюду, где дело касается совокупности, ансамбля разнородных факторов и явлений. Тем не менее, используя методы математической статистики, демография уже сегодня оказывается способной к научному прогнозированию тенденций развития народонаселения, являющемуся теоретической основой эффективной демографической политики.

Однако демография — развивающаяся наука, в которой в процессе становления находятся еще очень многие и весьма существенные разделы. Например, согласно Марксу, освобождение человека от всех «естественных связей» и становление развитой человеческой индивидуальности происходит одновременно с возникновением наиболее развитых общественных (всеобщих) связей¹. К сожалению, диалектика взаимодействия индивидуального и всеобщего в современном демографическом процессе понята еще недостаточно. Между тем преодоление «традиционности», свойственной культурам всех докапиталистических обществ, и переход от жестко детерминированного поведения к свободе индивидуального выбора, охватывающей все стороны человеческой жизни, в корне меняют и механизм, регулирующий воспроизводство

¹ См.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 18,

населения. При этом совершенно по-новому ставится и вопрос о взаимодействии личности и общества в демографическом процессе.

Оценивая характер этих изменений, многие исследователи полагают, что в отличие от ранних этапов истории, когда главную роль в производстве играли такие характеристики населения, как численность, возраст, пол, в современных условиях, когда решающей в производстве оказывается профессиональная, образовательная структура населения, совершается качественный скачок, называемый иногда демографическим переходом или даже демографической революцией. Отличительной особенностью этого процесса является, в частности, преодоление некоего параллелизма демографического и социально-экономического развития, который существовал в прошлом. Например, «демографический взрыв» в развивающихся странах показал, что быстрое развитие экономики не приводит автоматически к сокращению роста населения, поскольку население слишком сильно связано еще с традиционным жизненным укладом и поэтому в смысле культуры, положения женщин и т. п. в равной степени не подготовлено ни к внутрисемейному регулированию рождаемости, ни к эффективной

работе в современной промышленности. Элементы этого противоречия можно видеть во многих развивающихся странах. И, конечно, для марксистов неприемлемо «решение» этого противоречия с позиций, для которых, как правило, характерен исключительный акцент на биологических или экономических сторонах демографических явлений при игнорировании более широкого круга социальных аспектов.

Проблема роста населения отнюдь не является специфической только для развивающихся стран. И в индустриально развитых странах те или иные темпы роста населения оказывают существенное влияние на экономику, систему образования, социальную структуру, ставят сложные проблемы, связанные с перераспределением рабочей силы по отраслям хозяйства, изменениями в ее профессионально-квалификационном, возрастном и половом составе, улучшением подготовки и переподготовки кадров, регулированием процессов урбанизации, и многие другие. Конечно, и здесь должен учитываться весь спектр социальных аспектов демографической проблемы.

Это не значит, разумеется, что тем самым недооцениваются биологические факторы, а также те последствия, к которым ведут небывалые в истории миграционные процессы и происходящее в результате этих процессов перемешивание

164

человеческих популяций. Те действительно научные рекомендации, которые может предложить современная генетика человека, несомненно, будут оказывать самое серьезное влияние на демографическую политику различных стран мира.

Снижение смертности и рождаемости не могло пройти без последствий для человека и человечества как биологического вида. Смертность в молодых возрастах играла на протяжении длительного периода истории роль фактора естественного отбора, теперь же она почти утратила эту роль. Каковы последствия этих изменений? Сейчас в развитых странах наблюдается повышение смертности в старших возрастах, что связано, как полагают многие ученые, с «искусственным» (благодаря успехам медицины) выживанием менее жизнеспособных в детских возрастах. По-видимому, имеют биологическое значение и такие факторы, как изменение возраста, в котором женщина приносит потомство, частота беременностей, то обстоятельство, что в населении резко возрастает доля первенцев, и т. д.

Тугой узел проблем возникает в результате соединения демографических изменений с другими изменениями в современной жизни, в частности затрагивающими молодежь. Акселерация физического и интеллектуального развития, с одной стороны, и более позднее достижение социальной зрелости, с другой, создают такой этап в жизни человека, когда он уже готов к половой жизни, но еще не готов к семейной. Существующие социальные нормы и социальные институты охраняют возникающий при этом вакуум, а жизнь стихийно стремится к его заполнению. Расширение основы для добрачной половой жизни, разумеется, существенно влияет на изменение половой морали, на переосмысление самой концепции человеческой семьи. Какое-то решение этой коллизии дает, по-видимому, происходящее в развитых странах омоложение брачности, но вряд ли можно свести только к этому решение вопроса в целом.

Наконец, еще одна возникающая здесь проблема — «третий возраст» и общество. Переход к новым уровням рождаемости и смертности приводит к постарению населения, к значительному увеличению в нем доли пожилых людей. Постарение это, по-видимому, необратимо, человечество никогда не вернется к своей прежней возрастной структуре. Этот чисто количественный сдвиг не может не повлиять, однако, на изменение места пожилых людей в жизни общества. Данная проблема имеет два аспекта. Один из них связан со сложностью адаптации пожилых в условиях «послетрудового» существования к утрате престижа, уменьшению дохода, отсут-

165

ствию занятий и т. п. Другой аспект — влияние возрастающей массы людей старших поколений на всю общественную жизнь в условиях ее огромного динамизма. Проблема эта остро поставлена современным общественным развитием и ждет серьезного исследования, без которого невозможен выбор правильной социальной стратегии.

К сожалению, обсуждение многих из перечисленных здесь проблем приобретает подчас совершенно излишний оттенок сенсационности. Наверное, в какой-то мере без этого не обойтись, поскольку демографические проблемы имеют жизненно важное значение для всех и так или иначе касаются каждого из живущих на Земле. Все же, наверное, следовало бы по возможности избегать этого, ориентируясь на трезвый *на-учный* анализ и *научные* дискуссии, которые идут во всем мире и в которых активно участвуют приверженцы самых разных демографических концепций, в том числе ученые-марксисты. Обращение к этим дискуссиям позволяет полнее и более разносторонне представить сущность демографических процессов, тенденции их развития, точнее оценить их возможные социальные последствия и влияние на перспективы человека.

Как уже говорилось ранее, мы будем рассматривать демографические проблемы и дискуссии вокруг них в связи с обсуждением вопросов, относящихся к взаимодействию человека и природы, что позволит точнее зафиксировать и оценить разные подходы к анализу динамики интересующей нас целостности: человек — природа — род человеческий.

2, Дилемма, стоящая перед человечеством? Дискуссии о будущем природы и человечества, путях и методах гармонизации их взаимодействия и роста: алармизм, технократизм и неоруссоизм; неомальтузианство, демографический нигилизм и абстрактно-утопический оптимизм

Кризисная ситуация во взаимодействии природы, общества и рода человеческого, рост которого, не связанный зачастую прямо с экономическим развитием, приводит к ухудшению общей динамики этой целостности, обострению продовольственной и других глобальных проблем, обуславливает порождение в капиталистических странах новых социальных катаклизмов, являющихся следствием и вместе с тем дополнительным индикатором общего кризиса капитализма на современном этапе его развития и в той перспективе, ко-

---

торая еще «отмерена» ему историей¹. Это находит по большей части весьма превратное идеологическое и философское отражение в буржуазном сознании, порождает сложный спектр воззрений, прогнозов и проектов, касающихся путей и методов преодоления кризисных явлений во взаимодействии природы и рода человеческого, диспропорций в его росте. Как и в отношении связи научно-технического прогресса с человеком, его потребностями и его будущим, здесь также сталкиваются между собой, а зачастую взаимно дополняют друг друга пессимистические алармистские и оптимистические технократические воззрения, неомальтузианские проекты, демографический нигилизм и абстрактно-гуманистический оптимизм.

Невозможно даже перечислить все варианты и оттенки мысли, содержащиеся в западных немарксистских концепциях, которые касаются вопроса о будущем природы и рода человеческого в их взаимодействии². И все же некоторые основные концепции и подходы следует отметить, так как без этого нельзя более или менее четко обозначить перспективы человека в его взаимосвязи с природой и родом человеческим. Следует указать и на определенную эволюцию в трактовке экологических и демографических проблем, которая наблюдается в западной мысли, в частности на переход от первоначального алармизма в отношении современного состояния и будущего природы и человека к выдвижению разного рода технократических проектов, а в последние годы — все больше социальных утопий. Определенную эволюцию претерпели и подходы к проблеме будущего в демографических аспектах.

«Взрыв» интереса к экологическим и демографическим прогнозам, устойчиво нараставший в течение ряда лет, приходится в основном па 70-е годы. Именно в это время четко оформились и основные концепции немарксистской экологической и демографической мысли Запада. И это не случайно, так как 70-е годы в наибольшей степени обозначили кризисный характер взаимодействия человека с природой и ростом человечества.

¹ См. об этом: *Арбатов А. А., Шикай А. Ф.* Обострение сырьевой проблемы и международные отношения. М., 1981; *Бартов В. Ф.* Современный капитализм и природа. М., 1976; *Гудожник Г. С.* НТР и экологический кризис. М., 1975; *Жирицкий А. К.* Экологический кризис и антимонополистическая борьба. М., 1979; *Маклярский Б. М.* Экологический бумеранг: классовые аспекты проблемы охраны окружающей среды. М., 1980. и др.

² См. об этом: *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы. М., 1978; *Федоров Е. К.* Экологический кризис и социальный прогресс. М., 1977, и др.

167

Отсюда и различные проекты преодоления этого кризиса, экстраполяция его характеристик на будущее, которое якобы является однотипным для всего человечества, независимо от социального устройства в той или иной стране.

На эти же годы приходится и рост усилий в развитых капиталистических странах по решению проблемы ресурсов, энергетики, охраны окружающей среды и пр. И хотя расходы на эти цели достигали порой внушительных размеров, они не дали желаемых результатов. Это вызвало широкую волну протестов, породило многочисленные массовые движения, которые не всегда руководствовались научными взглядами и пониманием своих целей и задач, вдохновляясь порой романтически-утопической программой своеобразного неоруссоизма. Им противостояли и продолжают по сию пору не только апологетические концепции «технократического оптимизма», но и утопические построения реформистского типа.

Характерным — в социальном плане — является подход к экологической проблеме, который на методологической основе «технократического оптимизма» развивают в своей книге «Следующие 200 лет» Г. Кан с соавторами¹. Выступая противниками пессимистических прогнозов, авторы выводят свое решение экологической проблемы в «постиндустриальном обществе» непосредственно из анализа научно-технических возможностей, которые, как справедливо они считают, будут непрерывно возрастать. Однако вряд ли обоснован тот оптимизм, который проявляют Г. Кан с соавторами, когда они касаются этой стороны дела, не учитывая препятствий, заключенных в частнособственнической природе капиталистического общества.

Это относится и к их демографическим прогнозам. Авторы решительно выступают против неомальтузианского тезиса о росте населения, опережающем обеспечение продовольствием, в результате чего голод становится якобы роковой судьбой человечества. Они подвергают критике концепцию «нулевого роста» и исследуют «сценарии», в которых предусматривается постепенное снижение темпов роста населения и его стабилизация на уровне 15 млрд. человек с одновременным опережающим ростом обеспечения продовольствием за счет научно-технического и экономического развития, приводящего к «супер-» и «постиндустриальной» экономике.

Авторы предусматривают в будущем строительство океанических плавучих и подводных промышленных комплексов на Земле, миграцию людей в космос и т. п. Но главное —

¹ *Kahn H., Brown W., Martel L.* The Next 200 Years. N. Y. 1976.

168

они возлагают надежду на экономический и демографический «переход», на то, что «бедные» страны станут «богатыми», не анализируя, правда, конкретных социально-экономических причин и факторов, обуславливающих этот «переход», и делая основную ставку на научно-техническую и экономическую сторону проблемы, беря за «образец» «западную цивилизацию», т. е. капиталистическое общество, хотя они, как и другие буржуазные футурологи, уже не утверждают, что оно не нуждается в определенных преобразованиях, реформах, не затрагивающих, однако, его существа.

Это со всей отчетливостью обнаруживается и в некоторых «региональных» прогнозах, например в отношении Западной Европы, что наглядно проявилось, в частности, в изданном в 1977 г. в Лондоне коллективном исследовании «Европе 2000», осуществленном под руководством профессора П. Холла группой ученых-экспертов комиссии Европейского культурного фонда под названием «План Европы в 2000 году». В нем авторы связывают будущее Западной Европы с решением ряда глобальных проблем, прежде всего таких, как проблемы охраны окружающей среды, экономии природных ресурсов, энергетическая, роста народонаселения и обеспечения его пищевыми ресурсами, урбанизации и др. Решение этих проблем авторы видят в переходе от отчуждения, от существующей политико-экономической рациональности к новой, культурной рациональности, при которой люди будут рассматриваться не как средство достижения абстрактных целей, а как цель сама по себе. В сущности говоря, тем самым признается, правда в абстрактной форме, полная несостоятельность основы основ капиталистической цивилизации, хотя авторы и не делают такого вывода. Они предлагают лишь некоторую «аккомодацию культуры и цивилизации друг к другу», акцентируя на научно-технологических, производственных изменениях и этических сдвигах.

Такой ограниченный подход характерен и для глобальных моделей и прогнозов Римского клуба, включая последние, которые, как на это уже обращалось внимание, хотя и учитывают в той или иной мере роль социально-экономических факторов в решении глобальных проблем, в том числе экологической и демографической, используют системный анализ, математическое моделирование, однако акцент в них делается главным образом на сфере морали, нравственности, на изменении «качества человека» и пр.¹ Кроме того, в них

¹ Подробнее об этом см. в первом издании книги, а также в кн.: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981.

169

содержится ряд просчетов в самой методике исследования¹. Их общей мировоззренческой основой оказывается алармизм, оторванный от реализма, а потому и получающий такие различные социальные выражения, начиная от гуманистического утопизма и кончая реакционными политическими выводами. Это в равной мере относится и к экологическим и демографическим прогнозам, рассматриваемым как в их взаимосвязи, так и в отдельности.

Серьезность, в частности, экологической угрозы, нависшей над человечеством, глобальный и комплексный характер проблем экологии человека дают обильную пищу для пессимистических, порой весьма мрачных прогнозов, которые в последние годы в изобилии появляются в научной и околону научной литературе. Особенностью многих из таких прогнозов, свидетельствующей о некотором «экошоковом» (если перефразировать понятие Тоффлера «футурошок») состоянии их авторов, является чисто негативный подход, а также, как мы видели, абстрактное рассмотрение будущего в своеобразном «социальном вакууме», поскольку не учитываются реально существующие в мире социально-экономические структуры, в условиях которых могут реализоваться те или иные предположения и проекты.

Вместе с тем в отличие от создателей откровенно апологетических концепций буржуазного технократизма или его реформированных вариантов ученые и публицисты, занимающие либерально-

гуманистические позиции в вопросе об экологической угрозе, в ряде случаев остро вскрывают противоречия капиталистической цивилизации, привлекая внимание к проблемам, требующим для своего разрешения глубоких социальных изменений.

Пессимистический, алармистский характер имеет целое направление в западной литературе, связанное, в частности, с уже упоминавшейся нами «критикой науки». Его сторонники склонны порой, говоря об экологическом кризисе западной цивилизации, переносить это явление на человечество в целом. Они призывают поэтому к отказу от всех существовавших до сих пор ценностей, к выдвиганию на первый план экологической проблемы и созданию «экологизированной культуры».

Характерно при этом, что подобные концепции исходят теперь не только от сторонников «контркультуры»,двигающихся от алармистского негативизма к утопическому конст-

' См. об этом: *Геловани В. А., Пионтковский А. А., Юрченко В. В.* Моделирование глобальных систем. М., 1975; *Федоров Е. К.* Экологический кризис и социальный прогресс. М., 1977,

170

руктивизму, но и от тех, кто еще недавно разделял технократические иллюзии «экологической инженерии». Теперь они все больше приходят к становящимся общими для этих крайних направлений идеям антропологического, абстрактно-гуманистического типа, в которых делается акцент на необходимость перемен в сознании человека как условие решения экологической проблемы в целом. В этом движении «утопического экологизма» принимают сегодня участие и ряд крупных ученых, видящих недостатки «чистого» технологизма¹.

Попытка подойти к решению экологической проблемы с учетом ее социально-экономических аспектов, рассматриваемых в абстрактно-утопическом духе, отчетливо проявляется, в частности, в фундаментальном труде Ф. Сен-Марка «Социализация природы», вышедшем в Париже в 1971 г.² Однако в нем наряду с интереснейшими данными и наблюдениями специального характера отчетливо обнаруживаются противоречия и непоследовательность буржуазно-реформистского подхода, при котором критика отдельных сторон капитализма сочетается с общей апологетикой капиталистической системы, а также проявляются тенденции экологического утопизма руссоистского типа³. В другой своей книге—«Прогресс или упадок человека?»⁴ Сен-Марк говорит о необходимости создать некое «гуманистическое общество» как альтернативу «материалистическому обществу». Приоритетное значение в этом новом обществе получит не материальная сторона жизни людей, а их духовные запросы и показатели «коллективного счастья» (свободы, дружбы, красоты, здоровья и т. п.), развивающиеся в условиях «экологической экономики». Как этого достичь реально, автор, в сущности, не говорит, но он считает, что путь к гуманистическому обществу ведет через отказ не только от многих «ценностей» капитализма, но и от ряда «марксистских догм» и предполагает «соединение социализма и демократии».

Эта либерально-реформистская утопия, типичная для Запада, характеризует новый этап поисков выхода из кризисной ситуации, созданной капитализмом в отношениях человека с природой и родом человеческим. Развитие экологического движения уже не ограничивается собственными рамками, однако выход за их пределы сопровождается утопиче-

' См. например: *Weizsacker C.* Wage in der Gefahr. Munchen, 1976.

2 См.: *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977.

3 Эта позиция Сен-Марка была подвергнута основательной критике французским марксистом Ги Биола в книге «Марксизм и окружающая среда» (М., 1975).

4 *Saint-Marc Ph.* Progres on declin de l'homme? P., 1978.

скими построениями, апеллирующими в основном к сознанию и морали людей.

С этим связано и нечто новое в самом понимании на Западе сущности экологической проблемы, в поисках выхода из надвигающегося экологического кризиса. Показательна в данном плане коллективная работа «Историческая экология. Очерки об окружающей среде и социальных изменениях»¹, в которой делается попытка осознать социальные истоки экологического кризиса. Авторы исходят из того, что основные условия нашей жизни, в том числе и особенности социальных систем, находятся в прямой зависимости от окружающей среды. Организация экономики, технология, культура, политика и другие социальные институты рассматриваются ими в связи со специфическими природными условиями, уровнем их разработанности и эксплуатации. Убежденность во взаимосвязи природной среды и социальной жизни является, считают авторы, всеобщей, однако конкретные формы этой взаимосвязи до сих пор изучены недостаточно, что ограничивает способность человека реагировать на изменения среды и регулировать ее взаимоотношения с социумом.

Понимание современных проблем окружающей среды, по их мнению, должно основываться на знании экологической истории, хотя изучение истории экологических кризисов не может снабдить нас однозначным алгоритмом действия в кризисных ситуациях. В целом возможны три основные реакции социума на экологический кризис: 1) общество пытается упрочить основную социальную структуру за счет 'усиленной эксплуатации окружающей среды, введения новой технологии; 2) общество встает на путь изменения некоторых из своих институтов, особенно способствующих усилению экологического кризиса; 3) избирается компромиссное решение, представляющее собой некоторую комбинацию первых двух способов. Выбору оптимального варианта и должно способствовать знание прошлых ситуаций и культурно-исторических теорий окружающей среды.

Однако, считают авторы, знания, полученные из изучения истории экологических кризисов, не дают оснований для особого оптимизма. Действия общества обуславливаются определенной идеологией, которая включает в себя систему социальных ценностей, базирующихся на определенном отношении общества к окружающей среде. Изменение, хотя

¹ Historical ecology. Essays on environment and social change. Ed, by L. Bilky. N. Y.—L., 1980.

бы частичное, форм этого отношения может поставить под угрозу само существование данного, общества, т. е. привести к социальному и политическому хаосу. Отказавшись же от радикального изменения своих социальных принципов и ценностей, общество ограничивает свои возможности действенным образом реагировать на требования, предъявляемые назревшим экологическим кризисом. Таким образом, возникает сложная ситуация, в которой любое решение ставит под угрозу устоявшиеся социальные институты. Одно, по мнению авторов, ясно: нельзя найти оптимальное решение экологического кризиса, идя на поводу у технократических теорий, которые не принимают во внимание реальных требований определенной социальной структуры.

Последующая расшифровка природы кризисов, предпринимаемая в отдельных статьях сборника, показывает, что большинство авторов усматривает их причины в неконтролируемом росте населения, порождающем нехватку пищи, необеспеченность водными и энергетическими ресурсами. В этом отношении современный экологический кризис повторяет прошлые, также вызванные тем, что растущее население сталкивалось с голодом. Однако современный кризис окружающей среды имеет специфические черты, поскольку он возник в высокоиндустриальном обществе, наложившем на него свой отпечаток (нехватка энергетических и минеральных ресурсов; тот факт, что органические отходы, выделяемые в наши экосистемы, превышают их способность очищаться, в результате чего

возникает проблема загрязнения среды, неизвестная в прежних культурах; отрицательное влияние современного производства на флору и фауну планеты; наконец, социальные последствия современного экологического кризиса, связанные прежде всего с урбанизацией).

В итоге авторы приходят к выводу о ложности технократических иллюзий. Они заявляют, что вера во всемогущество науки и технологии, вошедшая в плоть и кровь западного общества, мешает ему реально представить размеры надвигающегося кризиса и его экологические и социальные последствия. Образованная часть населения не сознает, что наука не обладает и не может обладать абсолютной истиной относительно универсума, а располагает только частичными знаниями: ученые рассматривают природу с позиций своей профессиональной специализации, фрагментарно и не в силах достичь целостного видения природы. Технология же в большинстве случаев сильно отстает от науки и пользуется устаревшими теориями. Кроме того, ученые не обладают реаль-

173

ной властью и не в состоянии изменить институты и коллективное сознание того общества, к которому они принадлежат. Таким образом, отмечают авторы, возникает конфликтная ситуация: с одной стороны, достижения науки обусловлены социумом, а с другой — происходит экстраполяция ее результатов на общество. Решить этот конфликт очень сложно, но необходимо, если человек хочет отрегулировать свои отношения с природой и избежать трагических последствий надвигающегося экологического кризиса.

Авторы, однако, не предлагают каких-либо реальных решений, да они и не могут сделать этого, поскольку избегают конкретного анализа социальных отношений как основы и источника экологического кризиса при капитализме. По этому же пути, но выдвигая разного рода утопические предложения, идут и другие западные экологи.

Интересно то, какое осознание находят в их трудах сменяющие друг друга и конкурирующие между собой направления буржуазной экологической мысли. Так, по мнению Э. Леги, автора книги «Качество будущего: к гуманистической экологии»¹, современная экология, претендующая на исчерпывающее понимание перспектив человечества и берущая на себя смелость предлагать альтернативные модели общества, еще далека от полноценного истолкования фактов, связанных с экологической угрозой. Терминологический и методологический арсенал экологии весьма ограничен, а попытки практической реализации разрабатываемых ею программ, призванных служить охране окружающей среды, показывают, что сознательное вмешательство в сложившиеся отношения между обществом и природой, хотя и имеет целью спасение исчезающих видов животных и растений или сохранение природных ареалов от разрушительного воздействия культуры, оказывается, как правило, чревато неожиданными, порой весьма тягостными последствиями для среды.

Автор полагает, что в настоящее время перед человечеством стоит задача найти новые, в том числе и психологические, формы интеграции человека в экосистему, прежде всего в ту, которая составляет его нынешнее окружение в повседневной жизни. Это означает, что на смену дискредитировавшей себя «старой» экологии, оказавшейся неспособной создать модель цивилизации будущего, должна прийти новая, «гуманистическая экология», в центре внимания кото-

¹ *Lcgiiie E. La qualite de l'avenir: pour une ecologie humaniste. P., 1979.*

174

рой будет стоять человек с его проблемами. Союз науки о среде с науками о человеке должен развиваться, по мнению Э. Леги, в трех направлениях: 1) применение принципов экологии к человеческому окружению, к формированию нового образа жизни, помогающего людям противостоять агрессии

современного мира; 2) содействие многообразию и противодействие чересчур упрощенным формам планирования; 3) воспитание нового взгляда на мир.

«Гуманистическая экология» признает важность конкретного гуманизма повседневной жизни, его тесную связь с человеческим будущим, необходимость конкретного понимания человека, но предлагаемые ею меры, касающиеся, в частности, улучшения условий труда, утопичны, не выходят за рамки капиталистических отношений и призваны лишь реформировать их в «гуманистическом» направлении.

Подобные абстрактно-гуманистические призывы к «разрыву с Левиафаном», поиски «альтернативных решений» становятся сегодня одним из главных направлений экологической мысли на Западе, причем акценты в этих «решениях» перемещаются все более в сферу морали, личностных отношений. Это отчетливо было выражено Т. Роззаком в его уже упоминавшейся книге «Личность — планета: творческая дезинтеграция индустриального общества». Здесь делается попытка найти пути преодоления пороков индустриализма (по мнению автора, не только капиталистического) в экологической сфере путем установления прямой связи «личность — планета». Это предполагает отказ от традиционных форм политической борьбы, утверждение планетарного это-са через этос открытия «Я», личный пример, интимное общение.

Такого рода духовно-эсхатологический подход к экологической проблеме, предполагающий радикальный разрыв с господствующими ценностями современного индустриализма, утверждает утопическое видение перспектив как некий принцип, призванный контролировать природно-биологический жизненный базис человека. При этом, поскольку причина экологического кризиса якобы «трансцендентна политико-экономической системе», только «новая утопия» получает практическую ценность, состоящую в возможности подвергать проверке воздействие человека на окружающую среду, однако лишь там, где «сознание людей развивается синхронно»¹.

¹ Probst U. Polit-Ökologie: zwischen Sozial-politik und Utopia. Frankfurt a/M., 1980, S. 102, 106.

175

Теоретические выкладки утопического типа в последние годы получают весьма заметное практическое направление, обосновываемое теоретически в «альтернативных движениях», отвергающих как капитализм, так и социализм (поскольку они являются якобы лишь двумя разновидностями современного индустриального общества) в качестве образцов будущего человечества и утверждающих разного рода *практически реализуемые* утопии, в которых делаются попытки гармонизации взаимодействия человека и природы. Примером может служить концепция «радикального экологического материализма», в которой ставится цель «экологического превращения» общественной жизни планеты в «новый мировой порядок, основывающийся на экоэнергетических принципах»¹, причем его достижение мыслится как реализация в социальной жизни и международной сфере «ключевого экологического принципа» — принципа выживания. Социальными силами, которые могли бы взяться за создание «нового мирового порядка», объявляются различные инициативные гражданские движения: экологическое, противники использования атомной энергии, «зеленые» и т. п.

Эти движения в последние годы непрерывно растут и характеризуются очень большой теоретической и политической неоднородностью, начиная от «экосоциализма» и кончая «экофашизмом», эксплуатирующим некоторые реакционно-романтические тенденции консервативного типа. Поскольку во многих случаях они противопоставляют себя традиционным политическим партиям, включая коммунистические и рабочие, их социальный состав весьма неоднороден, однако членами различных экологических обществ являются преимущественно представители средних слоев населения. Их стратегия — «революция корней травы», т. е. деятельность, рассчитанная на длительную работу в массах, постепенное преобразование их сознания и поведения, включая экологическое.

Все большее развитие получают, однако, и попытки утвердить новый, «экологизированный» стиль жизни как путь к «более человеческому обществу» в форме создания разного рода общин и поселений, в которых могла бы практически реализоваться идея «деиндустриализации». Возникают на Западе и «новые коммуны», призванные «изменить общество, радикально изменив самого себя», в том числе и в отношении к природно-биологическим факторам жизни чело-

' Zeilentin G. Abschied von Leviathan: Ökologische Aufklärung über Politische Alternativen. Hamburg, 1979, S. 181.

176

века. В них проповедуется отказ от традиционных ценностей, а достижения цивилизации во многих случаях не отвергаются полностью, но говорится о необходимости «индустриализма с человеческим лицом». В целом ряде создаваемых на этой основе общин, рекламируемых в качестве «живых моделей будущего», цементирующей идеей оказываются религиозно-мистические представления, «молодежные религии». Они исходят из социального и экологического утопизма, прикрывающего бессилие мысли и бесперспективность поисков, не ориентированных на научное понимание социальной сущности экологической проблемы и реальный подход к ее решению на путях социалистического и коммунистического преобразования общественно-экономических отношений и самого человека, его сознания и поведения. Но только такой подход, как это становится все очевиднее, открывает реальный выход из той сложной ситуации, в которой оказалось человечество в результате обострения противоречий во взаимодействии человека и природы, приведшего к угрозе экологического кризиса на Западе. Марксистская мысль во всем мире демонстрирует свою плодотворность и эффективность. Марксисты принимают деятельное участие в дискуссиях по этим животрепещущим вопросам, привлекающим все большее внимание мировой общественности, правительств, международных организаций.

Большую активность в этом отношении проявляют, особенно в последние годы, ученые социалистических стран, отстаивающие и развивающие марксистскую концепцию экологической проблемы. Дискуссии по этой проблеме получили здесь широкий размах, например, в начале и середине 70-х годов. Они имели весьма большой общественный резонанс и дали ощутимый практический эффект. В частности, в журнале «Вопросы философии» такие дискуссии состоялись в 1972 и 1974 гг. в рамках «круглого стола», посвященного теме «Человек и среда его обитания», а также теме «Наука и глобальные проблемы современности»¹, и в сериях статей, опубликованных в последующие годы. Эти дискуссии дали импульс для углубленного исследования социально-философских аспектов экологической проблемы, результаты которого нашли отражение во многих монографиях и сборниках, упоминавшихся ранее. Новым шагом вперед явилось и обсуждение проблемы «Человек, общество и природа в век НТР» на III Всесоюзном совещании по философским вопро-

¹ См.: Вопросы философии, 1973, № 1—4; 1974, № 8—11. Обзор указанных дискуссий см. в первом издании этой книги (с. 140—143).

177

сам современного естествознания (доклады и выступления А. В. Сидоренко, Е. К. Федорова, Н. Н. Моисеева и др.)¹.

Существенную роль играет анализ взаимосвязей экологической проблемы с процессами роста народонаселения в мире. Мы уже отмечали, что многие западные немарксистские концепции именно в «демографическом взрыве» усматривают истоки экологического кризиса, с чем вряд ли можно согласиться. Поэтому так важен и здесь научный подход, без которого невозможно определение перспектив человека в его взаимодействии с природой и родом человеческим.

Научный подход к демографическим аспектам будущего человека и человечества сталкивается в своем утверждении и развитии с целым потоком взаимоисключающих концепций, решений и предложений, многие из которых, несмотря на их явно ненаучный и даже антинаучный характер, обладают чрезвычайной живучестью. Это относится в первую очередь к мальтузианству. Родоначальник этого направления английский священник Т. Мальтус еще в 1798 г. выступил со своей нашедшейся работой «Опыт о законе народонаселения», и с тех пор мальтузианство, модифицируясь в зависимости от исторических условий и степени развития науки, не сходит с исторической и научной сцены.

В своей работе Мальтус утверждал, будто им открыт источник и причина всех человеческих бедствий — «естественный закон абсолютного перенаселения», действующий «во все времена и при всевозможных условиях, в которых жил или продолжает жить человек»². Согласно этому «закону», рост народонаселения совершается якобы таким образом, что если он не сдерживается какими-либо препятствиями, то население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в геометрической прогрессии, тогда как средства существования никогда, даже при наиболее благоприятных условиях применения человеческого труда, не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии. Поэтому, делал вывод Мальтус, человек, появившийся на свет, уже занятый другими людьми, не имеет никакого права требовать для себя какого-нибудь пропитания, ибо он совершенно лишний. На великом пиршестве природы для него нет прибора. Природа приказывает ему удалиться, и она сама принимает меры к тому, чтобы ее приказание было приведено в исполнение: из «разумного человеколюбия» она устраняет

² См.: Диалектика в науках о природе и человеке. Труды III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М., 1983, т. 4.

² Мальтус. Опыт о законе народонаселения. СПб., 1868, т. 1, с. 472.

178

«непрощенных гостей», всех вновь пришедших к столу, за которым все места уже заняты.

Мальтус и его современные последователи — неомальтузианцы — предлагают не противиться этому «вечному закону природы», а, наоборот, помогать его наиболее «гармоническому» осуществлению. Как известно, сам Мальтус рекомендовал человечеству позаботиться о сокращении чрезмерной, по его мнению, рождаемости путем полового воздержания. Современные мальтузианцы идут в этом отношении гораздо дальше их духовного отца: они предлагают не ограничиваться «нравственными» факторами, а широко использовать в целях искусственного сокращения населения земного шара войны, болезни, стерилизацию лиц, «неполноценных в генетическом отношении», умерщвление престарелых, регулирование рождаемости при помощи «разрешительных удостоверений» и т. п.

Современные мальтузианцы опираются в первую очередь на ложные социологические концепции социального дарвинизма, расизма, геополитики и т. п. Переноса законы природы на общественную жизнь, они рассуждают, например, о том, что причиной войн является извечный закон «борьбы за существование», действующий якобы в человеческом обществе, извечная борьба «высших» и «низших» рас; на свет вытаскивается -подновленная фашистская концепция «жизненного пространства» (геополитика) и т. п. Так, один из американских генетиков, Р. Кук, в своей печально известной книге «Людская плодовитость—современная дилемма», пугая мир «жуткой проблемой перенаселения», сокрушается по поводу того, что в связи с прогрессом науки и медицины ослабла «борьба за существование», которая, по его мнению, извечно присуща человеческому обществу. Это привело к «генетической эрозии» человечества, так как стали выживать и оставлять потомство «неполноценные в генетическом отношении» люди. Такую же геростратову славу получили и книги В. Фогта «Путь к населению», «Люди! Угроза существованию» и др. А неомальтузианская книга П. Эрлиха «Демографическая бомба»¹, вышедшая впервые в свет в 1968 г., к 1970 г. выдержала 13 изданий общим тиражом более 2 млн. экземпляров. В ней автор предлагает принять «решительные меры» по ограничению роста народонаселения, сократив его вначале до 1—2 млрд. человек, а затем — до 500 млн.

Иногда полагают, что подобного рода неомальтузианские концепции — в основном дело прошлого. Однако это далеко

' Ehrlich P. R. The Population Bomb. N. Y., 1968.

179

не так. Просто современное неомальтузианство, учитывая исторический опыт, маскируется более умело и тщательно, чем ранее. Подчас оно даже облекается в гуманистическую терминологию, но его суть от этого не меняется¹.

К сожалению, подобные идеи защищают порой довольно крупные ученые — не демографы, а специалисты других областей науки. Так, французский биолог Ж. Моно, рассматривая в своей книге «Случайность и необходимость»² возникновение человека как мыслящего существа и бегло обозначая основные этапы духовной и физической эволюции человечества, утверждает, что в начале этой эволюции одним из основных ее факторов был отбор на основе внутривидовой борьбы, выражавшейся, в частности, в войнах между расами и племенами. По его мнению, воздействие отбора содействовало распространению рас, «более одаренных разумом, воображением, волей, самолюбием». Моно заранее соглашается с возможной критикой этой, как он сам считает, «упрощенной схемы». Однако он исходит из того, что культурная эволюция человека влияла не только на его физическую эволюцию, но и на эволюцию генома (т. е. совокупность генов), пока не привела к полному ее обособлению. В современном обществе отбор если и сохраняется, то он, с сожалением констатирует Моно, не благоприятствует «выживанию наиболее способного» (статистика обнаруживает несоответствие между коэффициентами интеллекта и средним числом детей). По его мнению, это представляет опасность, так как самый высокий генетический потенциал может сосредоточиться в рамках все более суживающегося круга лиц. Моно считает, что попытки с помощью молекулярно-биологического вмешательства в геном защитить человеческий род от угрожающей ему деградации, обогатить наследственность человека новыми свойствами являются тщетными:

микроскопический уровень генома не допускает в настоящее время и, как он полагает, никогда не допустит возможности подобных манипуляций. Только строгий и планомерный отбор — вот что, по его мнению, спасет человечество, даст ему возможность «улучшить» свой генетический потенциал.

¹ Убедительная и яркая критика мальтузианства и попыток его «обоснования» с позиций евгеники и «научного расизма», апеллирующего к генетике, теории естественного отбора и др., содержится в книге прогрессивного американского публициста А. Чейза «В наследство от Мальтуса. Социальные издержки современного научного расизма» (*Chase A. The Legacy of Maltus. The Social Costs of the New Scientific Racism*. N. Y., 1977).

² *Monod J. Le hasard et la necessite*. P., 1970.

180

Сходные позиции занимает в этих вопросах и английский биолог Дж. Хаксли. В книге «Кризис гуманизма» в главе «Проблемы мировой популяции» он рассуждает об «избыточном» населении, которое, по его мнению, представляет большую опасность, чем атомная война, поскольку с демографическим взрывом связаны новые войны. «...Требование жизненного пространства,— пишет Хаксли,— повторялось многократно. Оно было оправданием агрессивных войн. Мы видим это в Германии, Италии, Японии... Это требование будет серьезной угрозой миру, если население земного шара будет расти таким же темпом и впредь»¹. Далее он утверждает, что перенаселенность мира с определенностью ведет «к авторитарным режимам, к поддержке различных форм диктатуры, к деградации человеческой личности и человеческого общества в целом»². В своей аргументации Хаксли ссылается на

Мальтуса с его «законом» роста народонаселения, признавая эту теорию «классической», все больше доказывающей свою актуальность и жизненность.

С реабилитацией Мальтуса выступает также Ж. Пажес. В книге «Контроль над рождаемостью во Франции и за границей»³ она стремится защитить Мальтуса от... социалистов и марксистов. Пажес связывает возникновение мальтузианства с Великой французской революцией и видит в Мальтусе носителя «новой цивилизации». Более того, автор считает, что идеологию неомальтузианства, как отражение нашей цивилизации, следует закрепить в законодательном порядке.

С иными целями и в ином плане обращается к этим проблемам Э. Майр, который стремится последовательно проводить гуманистический «принцип равенства», понимая под ним «равное положение перед законом и равный статус в общественных отношениях людей, независимо от генетических различий»⁴. Трактую свободу как «равенство возможностей» и их разнообразие, а также терпимость по отношению к тем, «кто не соответствует стандартам», Майр демонстрирует, однако, абстрактность того гуманизма, который он защищает. Ранее уже говорилось о том, какое значение имеет конкретный социальный контекст, в котором *реально* воплощается гуманистический «принцип равенства».

³ *Huxley J. The Human Crisis. University of Washington Press, 1965, p. 70.*

² *Ibid., p. 99.*

³ *Pages J. La controle des naissances en France et a l'etranger. P., 1971.*

⁴ *Майр Э. Человек как биологический вид.— Природа, 1974, № 2, с. 38.*

181

Тем не менее представляется весьма убедительной мысль Майра о том, что генетическая обусловленность интеллекта и связь его с плодовитостью — явления статистические, с чрезвычайно слабыми корреляциями и что наблюдающаяся в настоящее время низкая плодовитость людей с высоким интеллектом обусловлена не биологически, а социально — планированием размера семьи. При этом трактовка Майром социальных факторов и в данном случае крайне абстрактна и во многом утопична. Она сводится лишь к рассуждениям о налоговой политике, о ряде административных правил и правительственных законов, направленных, как считает Майр, «против наиболее одаренных членов общества»¹. Призывая в связи с этим бороться за «разумную популяционную политику», он соглашается с теми, кто предлагает вычеркнуть право неограниченного размножения из списка свобод человека². Однако все дело в том, кто будет проводить эту «разумную политику» и на какой социальной основе. Стоит задуматься и над тем, не приведет ли эта политика в условиях общества, разделенного на антагонистические классы, к еще большей узурпации привилегий и по этой линии.

Майр не обсуждает подобные вопросы, и именно это, на мой взгляд, приводит его к почти апокалипсическим заключениям о якобы грозящей человечеству катастрофе перенаселения. Но хотя он и не указывает на эффективные меры ее предотвращения, его позиция весьма далека от мальтузианского или неомальтузианского «решения» демографической проблемы, в котором ложной, антинаучной является уже сама основа — «естественный закон абсолютного перенаселения». Факты показывают, что уже имеющихся на земном шаре средств существования вполне достаточно для того, чтобы прокормить население гораздо более многочисленное, чем ныне существующее. В свое время К. А. Тимирязев, отвечая Мальтусу, утверждавшему, что якобы на «великом пиршестве природы» нет места «лишним людям», замечал:

«А сколько блюд получают заседающие за этой трапезой и не справедливее ли было бы, прежде чем отлучать кого-нибудь от участия в ней, озаботиться о возможно равномерном распределении имеющихся яств? А затем возникает второй вопрос: точно ли на этой трапезе выставлены все яства, которые может доставить человеку природа?»

Эти вопросы затрагивают самую суть мальтузианства; научный ответ на них оказывается убийственным для этой

' *Майр Э.* Человек как биологический вид, — *Природа*, 1974, № 2, с. 42.

2 См. там же, с. 43.

182

лжетеории. Дело в том, что те реальные возможности, которые ныне открываются перед человечеством в деле получения средств существования, наталкиваются в ряде стран на препятствия отнюдь не «естественного» характера. Они имеют общественную природу и заключаются в частнособственническом, эксплуататорском характере господствующего в этих странах способа производства, при котором развитие средств производства определяется отнюдь не действительными потребностями людей, а их платежеспособным спросом, той прибылью, которую получает собственник средств производства от изготовления того или иного продукта. Голод и нищета трудящихся объясняются, следовательно, общественными причинами, а не «вечным», «естественным законом», о котором говорят мальтузианцы, не естественным недостатком пищи.

К. Маркс писал, что «для Мальтуса характерна *глубокая низость* мысли», и это проявляется, в частности, «в тех *полных оглядок*, а не *безоглядно смелых*, выводах, которые он делает из научных предпосылок» 1. Эта «низость мысли» обнаруживается со всей очевидностью, когда мы рассматриваем современное положение с проблемами продовольствия в мире и сравниваем данные о потреблении в развитых капиталистических странах и странах развивающихся, находившихся ранее в колониальной зависимости от них. Характерно, что и здесь современные мальтузианцы пытаются доказать истинность «закона Мальтуса», объясняя именно с его помощью экономические трудности, возникающие якобы в результате «демографического взрыва». Они игнорируют причины, связанные с уровнем социально-экономического развития. Поэтому и предлагаемые ими меры устранения этих трудностей сводятся к чисто демографическим — искусственному сокращению рождаемости путем стерилизации, медицинской пропаганды и пр. Но, как писал В. И. Ленин, «одно дело — свобода медицинской пропаганды и охрана азбучных демократических прав гражданина и гражданки. Другое дело — социальное учение неомальтузианства. Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества» 2.

Марксизм ведет последовательную борьбу против этого «реакционного и трусливого учения» во всех его социальных

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 122.

2 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 257.

183

аспектах и приложениях, в частности при объяснении мнимой проблемы «лишних людей». К. Маркс в «Капитале» показал ложность тезиса об «абсолютном перенаселении», за которым скрывается существующее при капитализме относительное перенаселение, наличие огромного числа полностью и частично безработных, «резервной армии труда», которая с развитием производства и техники и ростом производительности труда все более увеличивается, создавая тем самым возможность еще большего усиления эксплуатации рабочих. Маркс доказал, что речь здесь идет не о каком-то «вечном» законе народонаселения, а о таком, который присущ лишь капитализму. С изменением общественно-

го устройства и ликвидацией частнособственнических производственных отношений изменяется и закон народонаселения.

Социалистическая система хозяйства исключает не только абсолютное перенаселение (которого нет и при капитализме), но и перенаселение относительное. Развитие производства при социализме не приводит к образованию «лишних» (не занятых в производстве) людей, так как высвобождающиеся в связи с техническим прогрессом производители всегда находят себе применение в других областях производства, которое непрерывно расширяется, имея целью максимальное удовлетворение растущих потребностей трудящихся. Следовательно, социалистическое общество имеет свои, специфические законы народонаселения, которые все более полно проявляются по мере его продвижения к коммунизму. Пессимистическим прогнозам буржуазных апологетов — мальтузианцев социализм противопоставляет картину, полную оптимизма и веры в будущее.

Этот оптимизм, связанный с утверждением реального гуманизма, не имеет, однако, ничего общего с абстрактно-гуманистическим утопизмом и «демографическим нигилизмом», которые вообще не видят проблемы в росте народонаселения, полагая, что все «образуется» само собой, независимо от наших усилий. Проблема роста народонаселения, конечно, существует, и надо быть поистине слепым, чтобы не видеть всей ее остроты. Но это отнюдь не дает оснований быть пессимистом и тем более мизантропом. Поэтому мы и не можем принять мальтузианские «рецепты» ее решения, а должны активно позаботиться о создании таких условий, которые благоприятствовали бы полноценной и счастливой жизни новых поколений людей.

Это не значит, конечно, что рост народонаселения должен отдаваться на волю случая. Но надо разумно подойти к этому вопросу с учетом реальностей, существующих в современном

184

мире, а не исходить только из абстрактных предположений, как это имеет место, в частности, во многих западных демографических моделях будущего.

Сведение демографической проблемы по преимуществу к ее моральному аспекту отчетливо обнаруживается, например, в работе американского социолога Р. Л. Шинна «Население и человеческое достоинство»¹, где автор прямо заявляет, что «демографический взрыв» — это проблема моральная, и ставит вопрос о необходимости пересмотра этических традиций, престижных символов, политических мероприятий и семейных традиций, о замещении старой этики новой.

Такая абстрактно-гуманистическая постановка демографической проблемы свойственна и ряду докладов Римскому клубу, в том числе работам А. Печчеи. В его последней книге «100 страниц для будущего» много говорится о «демографическом взрыве» и «перенаселении» как о причинах обострения всех других глобальных проблем современного человечества. По его мнению, «необузданный» рост численности населения в мире является «наиболее мучительной» проблемой, источником нищеты и страданий. Это — «раковые метастазы» человечества, так как рост народонаселения сопровождается «взрывом потребления и индивидуальных претензий»². Однако предлагаемый им «выход» вряд ли, как мы видели, может принести человечеству реальное решение демографической проблемы, так как он не связывается с необходимостью коренных социальных изменений, о которых говорят марксисты.

Этот вывод становится в настоящее время все более распространенным среди тех, кто обращается к проблеме народонаселения. К нему неизбежно приходит всякий объективный исследователь, стремящийся научно углубить и конкретизировать свой анализ, отмежеваться от мальтузианских и иных абстрактно-схематических концепций. При этом марксизм никому не навязывает своих положений, к нему приходят, как бы сложен, противоречив и долог ни был этот путь. Да и сам он постоянно в пути, в движении, в развитии.

Это наглядно обнаруживается, в частности, в тех дискуссиях, которые ведутся среди ученых-марксистов, в том числе и вокруг демографической проблемы. Одна из таких дискуссий, организованная журналом «Вопросы философии», была специально посвящена социально-философским проблемам

' *Shinn R. L. Population and Dignity of Man.*— In: *Dimensions of the Environmental Crisis*. N. Y., 1971.

2 *Peccei A.* 100 pages pour l'avenir, p. 46.

165

демографии и вызвала большой научный и общественный резонанс, который вполне соответствовал ее значению¹.

В заключение этой дискуссии было подчеркнуто, что проведение разумной демографической политики в отношении человечества в целом предполагает установление разумного общественного строя в глобальном масштабе. Пока этого нет, наши демографические установки должны быть дифференцированными. Проблемы народонаселения находят свое специфическое выражение в рамках каждого региона, каждой страны. Ученые, исследующие закономерности демографических процессов, не могут не считаться с тем, что сейчас невозможно построение единой идеальной модели, что существует определенная реальность, из которой следует исходить:

человечество расколото на социалистический и капиталистический миры, в которых действуют специфические закономерности народонаселения. Свои закономерности присущи и развивающимся странам. Нельзя не учитывать существенных изменений и самих демографических установок, которые зависят от социального и экономического развития общества.

В рассуждениях современных демографов, в ряде выступлений за «круглым столом» журнала «Вопросы философии», когда речь заходила об экономической сфере, вопрос ставился так: рождаются люди, а есть ли у них достаточное количество питания, одежды, чтобы просто выжить? Это элементарная демографическая установка. Мы не можем от нее абстрагироваться, но и не можем исходить только из нее. У нас есть и другие установки, связанные с теми принципами, которые утверждает теория научного коммунизма. Согласно этим принципам, развитие производства, направленное главным образом на удовлетворение материальных человеческих потребностей, является целью лишь на известной стадии развития общества, в том числе и социалистического, а в условиях коммунизма ставится цель всестороннего и свободного развития человека. Именно такова объективная направленность исторического развития. Следовательно, в перспективе удовлетворение элементарных материальных потребностей перестанет быть основным критерием для наших демографических установок. Есть высшая демографическая установка, о которой мы должны думать. Демографическое регулирование необходимо в конечном счете не только для того, чтобы люди не умирали от голода; человек есть нечто большее, чем только потребляющее существо, и это обязательно следует учитывать в наших размышлениях.

¹ См.: *Вопросы философии*, 1974, № 9 и 11; 1975, № 1. Обзор этой дискуссии см. в первом издании книги (с. 183—186).

186

В своих демографических построениях мы должны стремиться к тому, чтобы человек не был сведен просто к «дето-рождающему инструменту», чтобы не исчезла личность. Демография — это такая наука, которая не может абстрагироваться от богатейшего комплекса многообразных отношений и связей, существующих между людьми. Поэтому перед демографами стоят очень сложные задачи, го-

раздо более сложные, чем создание, в сущности, новой науки, обладающее всем инструментарием, всеми методами, которыми может быть вооружена современная наука. Демография должна включить в себя и другие аспекты, другие подходы, учитывающие, что речь идет о человеке как чрезвычайно сложном существе, для которого деторождение — это не просто биологическая потребность. Оно тесно связано с человеческой любовью, с очень сложными инстинктами, с глубокими духовными переживаниями, без которых невозможно представить себе современного культурного, развитого человека и без которых многие люди не могут представить себе жизни, принять ее как высшую ценность. Ведь порождая новую жизнь, каждый культурный, развитой человек берет на себя определенную ответственность и думает о том, в какой мир он вводит это новое, родное ему существо. Весь этот комплекс необычных для «строгой» науки проблем должен быть обязательно учтен, и, может быть, здесь в наибольшей степени необходим контакт специалистов-демографов с философами.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что позиции ученых-марксистов, несмотря на неоднозначность, приводящую порой к острым дискуссиям, со всей очевидностью очерчивают такой подход к проблеме народонаселения и его регулирования, который органично соединяет в себе научные и гуманистические аспекты. Только в слитности научного и гуманистического подходов вопрос о регулировании роста народонаселения может быть переведен в плоскость конкретной демографической политики¹. Это в равной мере относится и к регулированию процессов взаимодействия и роста всей интересующей нас целостности: человек — природа — род человеческий. Определение путей гармонизации взаимодействия и роста этой целостности — важная задача науки и социальной практики. Здесь также необходим комплексный подход, позволяющий свести воедино разные аспекты экологической и демографической проблем, исходя из той динамики, которую

¹ Необходимость ценностных (качественных) подходов к определению целей демографической политики подчеркивается в кн.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

187

они приобретают в ходе исторического развития и в связи с перспективами человека. Только на этой основе возможна разработка реальных практических мер, обеспечивающих будущее человека, природы и рода человеческого, долговременной научной и социальной стратегии гармонизации их взаимодействия и роста. Именно такая стратегия предлагается марксизмом и постепенно воплощается в развивающемся опыте социалистического природопользования и демографического регулирования. Рассмотрим это более конкретно с учетом международных, глобальных аспектов данной проблемы и акцентируя главным образом на ее социально-философских и мировоззренческих сторонах, ближе всего относящихся к человеку и его перспективам.

3. Научная и социальная стратегия, обеспечивающая будущее человека, природы и рода человеческого: экологическое и демографическое регулирование, образование и воспитание; экология—мировоззрение—культура; человек—семья—общество сегодня и в будущем

Новая стратегия отношения человека к природе формируется в русле научно-технической цивилизации как определенная коррекция ее развития. Такое теоретическое решение не несет печати руссоистских и натурофобских утопий и позволяет в достаточной степени учитывать специфику природного в социальном и соотношении социальной и природной действительности. Эта стратегия строится на согласовании извечных целей человеческой практики, реального блага, которое человек получает в результате воздействия на природу, с вечными законами природы и тем неизбежным злом, которое падает на человека, когда эти законы им пренебрегаются. Процесс преобразования природной среды, если он направляется сознательно, с учетом законов природы, сложных взаимоотношений в биогеоценозах и всех возможных побочных и отдаленных последствий, если в его основе лежит всесторонний научный анализ, являющийся результатом длительного, упорного труда, а не беспочвенные проекты,— такой процесс преобразования природной среды может и должен привести к благоденствию человека на Земле.

Переход к стратегии рационального взаимодействия с природой возможен только при достаточно глубоком осознании функции человека и его практики в современной эволюции природы. Соответствующие теоретические модели должны быть основаны на том, что человек и его материальное

188

производство превратились в настоящее время в мощный фактор изменения природы; если воздействие человека на природу и в дальнейшем будет осуществляться как, по существу, стихийное и не будет в должной степени регулироваться, то в перспективе оно может привести к нарушению природного равновесия и к губительной для всего живого катастрофе. Поэтому принципиальное решение должно, по-видимому, состоять в переходе к стратегии воздействия на природу, учитывающей необходимость сохранения и поддержания динамического природного равновесия. Пути такого перехода мыслятся марксистами в связи с социалистической и коммунистической перспективой человечества. На этом пути решаются и проблемы, связанные с демографическим регулированием, ростом народонаселения, который также должен находиться в гармоническом единстве с экономическим развитием, решением продовольственной проблемы, рядом важных и сложных преобразований в социальной сфере, в мировоззрении и культуре людей, в образовании и воспитании, в области семейно-брачных отношений и т. д.

Существенное значение для решения комплекса проблем, относящихся к разработке и реализации долговременной стратегии гармонизации взаимодействия человека, природы и рода человеческого, имеют и те новые возможности, которые открывает перед человечеством наука, научно-технический прогресс. Это касается прежде всего экологической ориентированности развития науки, научно-технического прогресса, которая проявляется как в поисках новых решений глобальных проблем (ресурсов, энергетики, продовольствия, борьбы с загрязнением биосферы и т. п.), так и в экологизации современной науки в целом¹, при которой экологический подход оказывается общенаучным и его применение в отдельных научных дисциплинах становится необходимым элементом современного мышления. Охватывая не только естественные науки, но и их технологическое применение — сферу технических наук, а через них — практику промышленного производства, экологический подход в максимальной степени способствует такой их качественной перестройке, которая в состоянии обеспечить, по крайней мере в научно-технических аспектах, решение экологической проблемы, гармонизацию взаимодействия человека и природы.

На это направлены сейчас основные усилия современной науки, открывающей новые перспективы перед человечеством. Причем в этот процесс во все большей степени включа-

¹ См. об этом: *Герасимов И. П.* Методологические проблемы экологизации современной науки. — Вопросы философии, 1978, № 11.

189

ются не только естественные и технические науки, но и науки общественные, прежде всего экономические, правовые, философские, педагогические, культурологические и др. Последнее очень важно, так как позволяет более разносторонне определить научную и социальную стратегию гармонизации взаимодействия человека и природы, имеющую многоаспектный и многофакторный характер и связанную со многими сторонами жизнедеятельности человека и его будущего.

Конечно, здесь возникает и много дискуссионных вопросов. За последнее десятилетие экологические представления, понятия, концепции прочно вошли в обиход ученых — представителей самых различных отраслей общественных, естественных и технических наук. Появляются все новые экологические дисциплины. Между тем возникает вопрос о том, каковы перспективы развития этого явления, получившего название «экологизации» наук. Что может означать практически, например, все-

общая «экологизация» наук? Мыслимо ли полное подчинение развития, прогресса всех наук одной-единственной задаче, а именно правильному взаимодействию общества с природой?

Безусловно, поиски путей решения экологической проблемы ведут к дальнейшему углублению и расширению научных исследований, к комплексному охвату возникающих задач. Однако интегрирующие тенденции в науке проявляются не только в экологическом контексте подхода к глобальным проблемам человечества. Более того, экологический подход вряд ли можно представить себе в роли единственного «интегратора» всех наук. И хотя для решения самой экологической проблемы, разумеется, необходимо взаимодействие наук, его усиление, это не означает, что тем самым все взаимодействующие науки «экологизируются». Весь вопрос в том, что понимать под «экологизацией» и можем ли мы ее абсолютизировать. По сути дела, учет экологического фактора продиктован прежде всего потребностями человека. Человек, его потребности — вот что в конечном итоге является целью гармонизации взаимоотношений общества с природой. Поэтому приходится с некоторой настороженностью воспринимать само понятие «экологизация», так как возникает сомнение: а не уходим ли мы от человека, рассуждая таким образом? Не рассматриваем ли мы природу односторонне, в отрыве от человека? Ведь «природа, взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*»¹. Поэтому недостаточно, на мой взгляд, давать оценки

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 172.

190

тому или иному явлению, исходя только из того, как это скажется на природе, потому что в конечном итоге мы ищем ответ на главный вопрос: как это скажется на самом человеке и на его взаимодействии с природой. В этом смысле и сама природа оценивается в зависимости от потребностей человека.

Такая позиция, как представляется, более универсальна и в большей мере соответствует тенденциям, имеющим сейчас место в жизни и в науке. Поэтому не просто экологизация, а *гуманизация* науки в наибольшей степени будет способствовать и решению экологических проблем. Наука, научно-технический прогресс в целом должны быть в большей мере сориентированы в зависимости от потребностей человека?», в том числе и от потребности во взаимодействии с природой.

Экстраполируя современные проблемы на будущее, наука вычленяет сегодня как основное, главное в этой сфере обеспечение ресурсами и энергией, а также продовольствием все увеличивающегося населения нашей планеты. Горький парадокс заключается, однако, в том, что это—лишь малая часть тех усилий и средств, которые тратятся на подготовку к войне. И тем не менее именно здесь проходят основные линии научно-технического прогресса в его устремленности в перспективу третьего тысячелетия и далее, когда на Земле возникнет и будет углубляться острый дефицит невозобновляемых природных ресурсов, обычных источников энергии (прежде всего нефти, угля и т. д.). Усилия ученых во всем мире направлены сейчас на поиски новых источников энергии, создание новых искусственных материалов, заменяющих природные.

Большое значение в этой связи приобретают научные исследования и первые практические испытания установок, основанных на использовании солнечной энергии, ветра, геотермальных вод и т. п., а главное — развитие атомной энергетики, в особенности овладение управляемой термоядерной реакцией, что позволит в будущем кардинально решить энергетическую проблему, откроет для людей неисчерпаемые источники энергии¹. Все более возрастающую роль будет играть и такое новое направление научно-технического прогресса, как биотехнология, в особенности в разработке методов получения энергии с помощью моделирования и промышленного воспроизведения принципов работы живой клетки, процессов мускульной деятельности и т. п.

¹ См. об этом: Семенов Н. Н. Наука и общество. М., 1973; Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. М., 1981; Александров А. П. Атомная энергетика и научно-технический прогресс. М., 1978.

Здесь нет необходимости вдаваться в подробности, важно лишь подчеркнуть, что научно-технический прогресс в *принципе* может не только отвести угрозу энергетического кризиса, но и создать все необходимые возможности для полноценной жизнедеятельности и прогрессивного развития человечества. Все дело в социальных условиях реализации этих возможностей на благо человека и человечества.

Особенно очевидным это становится, когда мы обращаемся к продовольственной проблеме в мире. Острота ее прямо обуславливается не только экономическим развитием, но и несбалансированным ростом народонаселения, также требующим регулирования, исходя из потребностей и перспектив человека ¹. Какие же научно-технологические возможности разрешения этой острейшей глобальной проблемы открываются в будущем?

Разумеется, на первом месте здесь стоит проблема наиболее эффективного использования традиционного способа получения пищевых продуктов с помощью растениеводства, животноводства, птицеводства, рыболовства и пр. В дальнейшем все больше будет повышаться урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность животноводства и т. д. Однако этот традиционный путь ведет к удорожанию пищевой продукции, к сокращению реальных ресурсов белка. Кроме того, увеличиваются неблагоприятные воздействия на биосферу. Как известно, в настоящее время пахотные угодья всего мира занимают 1,5 млрд. гектаров, однако человечество теряет ежегодно 6—7 млн. гектаров, причем около 90% потерь происходит из-за эрозии почв. Предполагается, что к 2000 г. будет освоено еще 300 млн. гектаров, но из-за эрозии общего увеличения площади пахотных угодий мира не произойдет. Кроме того, резко снижается биологическая продуктивность освоенных человеком земель, развивается процесс опустынивания (пустыни занимают 10% суши, и половина этой площади имеет антропогенное происхождение). Сельскохозяйственные отходы загрязняют биосферу больше, чем все другие, вместе взятые. Большой вред природе наносят фосфорные и калийные удобрения, пестициды и гербициды.

И хотя сегодня с имеющихся пахотных земель человечество получает 88—90% продовольствия, расчеты, принимающие во внимание рост народонаселения, показывают, что решения мировой продовольственной проблемы традиционный путь дать не может даже в отдаленной перспективе. Об этом говорят и результаты «зеленой революции», а также «революции

¹ См. об этом: Мировая продовольственная проблема. Библиографический справочник. М., 1980.

обогащения пищи», вселявшие еще недавно оптимистические надежды. Поэтому, обращаясь к перспективам третьего тысячелетия и далее, наука ищет новые пути получения продуктов питания для растущего населения мира с помощью нетрадиционных методов ¹.

Как считают некоторые ученые, переход к производству искусственных продуктов питания в мировом масштабе будет по своему значению равен введению земледелия более 6000 лет назад и окажет могучее воздействие на развитие человеческой цивилизации. Речь идет при этом не только о получении новых искусственно синтезируемых белковых пищевых продуктов из исходных материалов, непригодных для пищи человека, о колоссальных возможностях, связанных с использованием Мирового океана, и пр., но и о моделировании и промышленном воспроизведении процессов биосинтеза непосредственно из неорганических элементов (абиотический путь производства пищи). Новые возможности в этом плане откроет перед человечеством биотехнология, а также методы генной инженерии.

Вместе с тем ясно, что реализация этих новых возможностей науки, научно-технического прогресса может иметь место лишь в соответствующих социальных условиях, максимально благоприятствующих и общей гармонизации взаимодействия человека, природы и рода человеческого. Экстраполируя закономерности современного научно-технического развития на будущее, следует поэтому ясно видеть и соответствующий «социальный контекст», в котором они могут максимально проявляться.

Дело касается прежде всего общих принципов, лежащих в основе научной и социальной стратегии гармонизации взаимодействия человека и природы. С точки зрения марксизма, это означает создание здоровой жизненной среды *для человека*, социальные и природные параметры которой обеспечивали бы максимум возможностей для его развития. Марксистская наука считает разумную организацию среды одним из условий формирования человека нового типа. Соответственно этому под экологическим развитием понимается процесс рационального преобразования (формирования) окружающей среды в интересах человека. Максимальное соответствие сформированной таким образом естественной среды жизненным потребностям людей — основная цель экологически сбалансированной стратегии развития, принципиальные основы

' См. об этом: *Толстогузов В. Б.* Искусственные продукты питания. Новый путь получения пищи и его перспективы. Научные основы производства. М., 1978.

193

которой формируются и реализуются в процессе социалистического и коммунистического строительства.

Этот вывод является сегодня результатом не только теоретического анализа, но и обобщения практики социализма¹. Он подкрепляется в последние годы целой системой законодательных установлений, которые призваны обеспечить рациональное использование природных ресурсов, решение энергетической и продовольственной проблем, эффективную природоохранную деятельность, в частности охрану атмосферного воздуха, животного мира нашей страны и т. д.² Новые импульсы этой деятельности, обеспечивающей будущее человека, природы и рода человеческого, гармонизацию их взаимодействия, дали решения XXVI съезда КПСС, в которых намечена широкая программа работы в этой области на период до 1990 г.

Многое здесь предстоит сделать и многое преодолеть, так как проблемы эти имеют много аспектов, связанных не только с характером социально-экономических отношений в обществе, но и с его экономическими возможностями, социокультурным развитием, ценностными установками, наконец, со многими качествами, относящимися непосредственно к личности, к каждому человеку. И эти качества очень часто оказывают существенное влияние на реализацию общих принципов, которые ведь не действуют автоматически, а реализуются через деятельность отдельных людей и коллективов, их руководителей и т. д. Это относится и к проблеме охраны окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. У нас много делается в этом отношении, приняты прекрасные законы, но, к сожалению, они не всегда выполняются, причем особенно недопустимо, когда их нарушение осуществляется предприятиями и государственными органами, а не только отдельными людьми. Наверное, здесь нужен более строгий юридический, а главное — общественный контроль.

Охрана природы, как на это постоянно обращается внимание Коммунистической партией и Советским государством, не может быть успешной без широкого общественного движения, которое хотя и разветвляется у нас, но, видимо, еще

¹. Более подробно об этом см.: *Леонтьева А. В.* Правовые основы сотрудничества социалистических стран по охране окружающей среды. М., 1982; Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды (Опыт социалистических стран). М., 1979; Социализм и охрана окружающей среды. М., 1979; *Фролов И. Т.* Экологические проблемы НТР и их разрешение При социализме. М., 1976.

недостаточно. Много еще надо сделать и в области экологического образования и воспитания людей, особенно молодежи, которой предстоит жить в весьма напряженной экологической ситуации. Не следует драматизировать положение в этой области, но надо видеть и те реальные трудности, которые у нас имеются, и не думать, что их можно преодолеть сразу, с помощью каких-то универсальных директивных решений. Экологическое воспитание, рост экологической культуры, тесно связанной с общим развитием человека, потребуют определенного времени, которое, однако, не должно быть слишком длительным, так как экологическая ситуация ухудшается, и общественность должна знать об этом и делать все для того, чтобы наши дети и внуки не обвиняли нас в том, что мы неразумно, а подчас даже варварски обращались с природой. Необходимо сделать все для того, чтобы этого ни в коем случае не произошло!

Развитию экологического образования и воспитания, соединенного с практической деятельностью по гармонизации взаимодействия между человеком и природой, в последнее время уделяется все больше внимания, причем в это благородное и перспективное дело включаются не только школы и вузы, но и разнообразные общественные организации, система партийной и комсомольской учебы¹. Наша страна, как и другие социалистические страны, активно участвует в реализации Международной программы по природоохранному просвещению, проводимой ЮНЕСКО и ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде), во всех мероприятиях по экологическому образованию и воспитанию, которые осуществляются международными организациями.

Разумеется, это относится не только к экологическому образованию и воспитанию, но и ко всему комплексу мер, призванных способствовать решению проблемы гармонизации взаимодействия человека и природы в глобальном масштабе². Это, в первую очередь касается участия нашей страны в решении экологической проблемы в рамках СЭВ. Именно Советскому Союзу принадлежит инициатива представления в ООН документа «Об исторической ответственности

¹ См.: Проблемы природоохранного просвещения. Новосибирск, 1980; Тупыця Ю. Ю. Эколого-экономическая эффективность природо-пользования (гл. 4, § 4.- Образование). М., 1988; Галеева А. М., Луг рок М. Л. В семинарах по проблемам экологии. М., 1980, и др.

² В защиту" Земли. Основные документы по окружающей среде, принятые на симпозиумах в Фуне и Кокойоке и конференции в Стокгольме. М., 1981; Ефремов Ю. К., Хозин Г. С. Всемирная стратегия охраны природы. М., 1981; Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982, и др.

сти государств за сохранение природы земли для нынешних и будущих поколений» (1981 г.). Принятие этого документа — закономерный результат той заботы, которую проявляет социализм по отношению к настоящему и будущему нашей планеты. Тем самым он не только провозглашает общие принципы, но и указывает тот конкретный путь, который может привести к гармонизации взаимодействия человека и природы в глобальном масштабе.

Природа нашей планеты представляет собой комплексное, взаимосвязанное целое. Поэтому всякое изъятие отдельных ее элементов в сферу частной деятельности неизбежно вступает в противоречие с окружающей средой. С марксистской точки зрения только общественная собственность на естественные и социальные условия производства позволяет развивать его таким образом, чтобы освоение природных ресурсов или преобразование природных систем не сопровождалось деградацией окру-

жающей среды. Такое развитие является оптимальным и в том смысле, что предполагает удовлетворение разумных потребностей человека, т. е. комплекса потребностей, удовлетворение которых необходимо для всестороннего развития его способностей и задатков. Наконец, такое развитие наиболее предпочтительно еще и потому, что позволяет быстро и эффективно устранить исходное экономическое неравенство между странами. Это подтверждается опытом развития Советского Союза и стран мировой социалистической системы.

Опыт социалистического ведения хозяйства наглядно демонстрирует преимущества комплексного подхода к экологической проблеме, позволяющего вырабатывать такую стратегию развития, которая не приводила бы к опасному разрушению среды и истощению ее ресурсов. *Экологически* целесообразное развитие совпадает, следовательно, с развитием *социально* целесообразным, ведущим человечество к такой общественной организации, которая имеет целью гармоничное отношение человека к человеку и человека к природе.

Взаимодействие человека и природы представляет собой одну из важных сфер, где предстоит соединить достижения-научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. Для решения этой задачи требуется не только дальнейшее развитие науки и техники, но и всемерное совершенствование экономико-производственной структуры, применение комплексного, системного подхода, позволяющего избегать нанесения экологического ущерба одним отраслям со стороны других, ухудшения экологической ситуации в целом. Необходима и постепенная перестройка

196

производства на качественно новой основе, создание производственных комплексов, исключающих нерациональные потери ценных видов сырья и разрушение природной среды побочными продуктами производства.

Научно-техническая революция, органически соединяемая с преимуществами социализма, создает предпосылки для проведения в жизнь технологических мероприятий, обеспечивающих не только сокращение загрязнения окружающей среды, сохранение природы, но и прогрессивное улучшение ее, оптимизацию биосферы. Разумеется, это требует больших материальных и трудовых затрат, которые будут производиться постепенно, возрастая по мере дальнейшего продвижения социалистического общества к коммунизму. История, подчеркивал Ф. Энгельс, движется к «примирению человечества с природой и с самим собой»¹. Окончательно оно придет к этому «примирению» лишь в итоге обновления своей жизни на коммунистических началах.

Такова перспектива и таково, следовательно, необходимое условие разработки позитивной научной и социальной стратегии решения этой важной проблемы и ее практической реализации в глобальных масштабах. Как писал академик

В. И. Вернадский, посвятивший всю свою жизнь исследованию проблемы взаимодействия человека и природы, перед человечеством, «перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого»². Только на этом пути создается природная предпосылка будущего человеческой цивилизации. и самого человека.

Имея в виду это будущее, когда человек активно и сознательно, на научной и гуманистической основе строит взаимодействие с природной средой в интересах всего человечества, К. Маркс писал, что «ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»³.

Движение вперед, изменение мира и человека — его производственной, трудовой деятельности, образа жизни, сознания — вот перспектива «снятия» дилеммы, стоящей перед человечеством. Современный человек должен развивать гар-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 551.

2 Вернадский В. И. Биосфера (Избранные труды по биогеохимии). М., 1967, с. 356.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

197

монические отношения с природой, понимать процессы ее развития и разумно их использовать, способствуя обогащению, очеловечению, гуманизации природы, о чем говорил Маркс.

Это предполагает целый комплекс качественных изменений, затрагивающих не только экономику и социальную сферу общества, но и его мировоззренческий базис и человеческую культуру в целом, ценностные ориентации и нравственные основы существования человека в природе¹. Известно, что в своем возникновении человеческое сознание в отношении к природе исходило главным образом из представления о необходимости «завоевания» ее, «покорения» сил природы. Этот мировоззренческий стереотип, имеющий вековую историю и еще не преодоленный сегодня, должен постепенно меняться; соответственным образом в мировоззрении людей должно все больше утверждаться убеждение в том, что современный человек не может ставить себя в отношении к природе в положение «завоевателя», не заботящегося о последствиях своей деятельности². Однако это зависит от основного и главного — от решения ряда социальных, международно-правовых, политических и культурных проблем.

В этой связи правомерна постановка вопроса о необходимости выработки новой «экологической культуры», «экологической этики» и даже «экологической цивилизации», чем и представляется нам коммунизм, поскольку гармоническое отношение человека к природе выступает в коммунистическом обществе как существенный элемент гармонического развития самого человека.

Гармонизируя общее взаимодействие человека и природы на широкой научной, социальной, гуманистической основе,

¹ См.: Ценностные аспекты науки и проблемы экологии. М., 1981. ² Интересно отметить, что еще в конце прошлого века на это указывал русский философ-идеалист В. С. Соловьев, согласно которому «возможно тройное отношение человека к внешней природе: страдательное подчинение ей в том виде, как она существует, затем деятельная борьба с нею, покорение ее и пользование ею, как безразличным орудием, и, наконец, утверждение ее идеального состояния — того, *чем, она должна стать через человека*» (Собр. соч., СПб., 1903, т. 7, с. 359). Безусловно нормальным и окончательным он признавал только третье отношение (см.: Вопросы философии, 1978, № 3, с. 135—136). (*Гармония, это когда в природе человек находит соответствие своей душе*), — писал М. М. Пришвин. Он призывал быть милостивым к природе и охранять ее, считая, что «сам человек тем только и человек, что соединяет в себе все, что есть в природе, расставляет эти свои части на места, и когда это верно приходится—все на места—то достигается нечто новое в жизни, называемое по-разному: культурой, прогрессом, творчеством, и тогда вся природа включается в человека» (Дорога к другу. Дневники. Л., 1982, с. 39, 48).

198

общество будущего гармонизирует и рост самого человечества методами, адекватными этой основе. Исходя из этого, марксисты и другие прогрессивные ученые высказываются уже сегодня за активную и эффективную демографическую политику, за сознательное управление демографическими процессами. При этом подчеркивается, что такая политика, хотя она и сопряжена с определенными ограничениями свободы и права личности на большое число детей, не должна унижать человеческое достоинство. Как метко заметил Р. Л. Шинн в своей книге «Население и человеческое достоинство», нужно найти какое-то лекарство, но оно не должно быть хуже самой болезни.

Разработка принципиальных основ и конкретных методов реализации демографической политики существенно зависит, разумеется, от того, как вообще понимается проблема народонаселения, ее связь с особенностями общественного устройства тех или иных стран, господствующей в них идеологией, традициями и пр. И здесь марксистский подход, опирающийся на практику и политику реального социализма, открывает принципиально новые пути. XXV и XXVI съезды КПСС, выдвинув разработку эффективной демографической политики как задачу целого комплекса наук и практики ближайших десятилетий, ориентировали исследователей на системный, комплексный анализ процессов развития народонаселения. Разработка эффективной демографической политики стимулирует научный поиск и дискуссии, в ходе которых подвергаются обсуждению прежде всего вопросы, связанные с определением непосредственного объекта демографической политики: являются ли этим объектом сами процессы рождаемости, смертности, брачности, разводимости и т. п., или же они должны рассматриваться лишь как производное от всего комплекса условий труда и жизни людей, изменение которого приводит в итоге и к изменению демографических процессов? Многие советские демографы рассматривают этот вопрос как ключевой в демографической политике в целом¹.

¹ См.: Демографическая политика. Киев, 1982; Демографические процессы в социалистическом обществе. М., 1981; Демографическая ситуация в СССР. М., 1976; Демографы думают, спорят, советуют. М., 1981; *Валентей Д. И.* Проблемы управления процессами развития народонаселения. — Визироев-фвлаевфи», 197в, № 2; *Вишинецкий А. Г.* Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982; *Кеаша А. Я.* Демографическая политика в СССР. М., 1981; *Литвинова Г. И.* Право и демографические процессы в СССР. М., 1981; Основы управления развитием народонаселения. М., 1982; *Переведенцев В. И.* 270 миллионов. М., 1982; *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974, и др.

199

На основе научных принципов демографической политики, выдвинутых XXVI съездом КПСС, сразу же после съезда было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» и другие решения Коммунистической партии и Советского государства, которые явились практической реализацией этих принципов.

На сходной основе осуществляется демографическая политика и в других социалистических странах. Тем самым развиваются и совершенствуются общие принципы социалистической демографической политики, которые, разумеется, имеют специфические формы в отдельных социалистических странах, что определяется историческими особенностями этих стран, условиями их социально-экономического развития, традициями культуры и образа жизни¹.

Существуют, однако, и более широкие связи демографических проблем не только в национальном или региональном, но и в глобальном масштабе. Поэтому в социалистических странах придается огромное значение международным аспектам решения этих проблем.

Советский Союз и другие социалистические страны активно участвуют в международных организациях, занимающихся проблемами народонаселения, и поддерживают все, что способствует прогрессу человечества в данной области, в частности деятельность ООН в области народонаселения².

В настоящее время решение демографических проблем в мире складывается весьма неоднозначно, и наряду с позитивными моментами здесь существует и ряд трудностей. Это видно из докладов генерального секретаря ООН, которые представляются Генеральной Ассамблее каждые два года. Как отмечалось в докладе XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН за 1981 г., чем ближе конец XX века, тем больше доказательств того, что в развивающихся странах происходит снижение рождаемости и что тенденция к снижению темпов роста народонаселения мира сохраняется. Пока это снижение невелико, однако оно имеет постоянный характер. И все же во многих развивающихся странах по-прежнему будет сохраняться значительный прирост народонаселения,

¹ См. об этом: Демографические процессы в социалистическом обществе на примере европейских стран — членов СЭВ. М., 1981. См. также первое издание книги (с. 192—193).

² См.: Международные проблемы народонаселения. М., 1981. См. также первое издание книги (с. 193—196).

200

который является одним из основных факторов, определяющих настоящее и будущее человечества ¹.

Наряду со снижением рождаемости в развивающихся странах, одной из главных особенностей современной демографической ситуации является продолжающееся снижение рождаемости в странах развитых. В докладе отмечается, что в течение 70-х годов в большинстве развитых стран Запада постепенно снизилось число законных браков (в расчете на 1000 человек). Практически во всех развитых странах, по которым имеются данные за период после 1970 г., отмечается тенденция к более позднему заключению законных браков. Отчасти это объясняется тем, что в последние годы на Западе происходят существенные перемены в отношении людей к законному браку. В настоящее время женщины вступают в брак в более позднем возрасте, но законному браку предшествует период сожительства или консенсуального брака, начинающийся с возраста ниже того уровня, который лишь несколько лет назад почти везде считался средним возрастом вступления в законный брак. Эти перемены объясняются, в частности, серьезным изменением роли и положения женщин в обществе, широкой доступностью эффективных противозачаточных средств и значительно возросшей приемлемостью не только сожительства, но и воспитания детей вне законного брака.

Как отмечается далее в докладе, большинство правительств стало рассматривать проблемы, возникающие в связи с положением в области народонаселения, наряду с основными факторами успеха национальных планов развития. При этом признается, что демографические проблемы не ограничиваются темпами роста населения, а включают также неравномерное его распределение в рамках отдельных стран и между странами. Большее внимание стало уделяться вопросам рождаемости. Признание государствами значения народонаселения и его связи с экономическим и социальным развитием сопровождается растущей осведомленностью о возможных международных последствиях национальной демографической политики.

В наиболее передовых государствах, отмечается в докладе ООН, существует система компенсации расходов, связанных с воспитанием детей, или предоставления пособий на семью; некоторые из этих мер объясняются не только целями

¹ См.: Проблемы народонаселения. Современная демографическая ситуация в развивающихся странах. М., 1982; см. также: Сазонова Н. В. Основные направления деятельности ООН в области народонаселения развивающихся стран. М., 1981.

20!

социальной справедливости, но и целями поддержания или повышения уровня рождаемости. В ряде восточноевропейских стран в целях разрешения противоречий между активной деятельностью и материнством не только приняты юридические меры или нормы, обеспечивающие матерям возможность продолжать учебу или повышать свою профессиональную квалификацию, но и внедрена система оплачиваемых отпусков по уходу за детьми.

Из 126 развивающихся стран 38 проводят политику, направленную на сокращение рождаемости. Основные направления этой политики включают комплекс мер, имеющих целью обслуживание по вопросам регулирования размеров семьи и поощрение родителей к ограничению числа детей. Здесь практикуются меры как правового, так и технического характера.

В последние годы, по данным ООН, был осуществлен ряд мер, касающихся предоставления услуг по урегулированию размеров семьи. Сюда относится включение соответствующих программ в деятельность служб здравоохранения и их переориентация на традиционные или современные общины, особенно деревни, кварталы и предприятия. Эти меры включают широкое использование вспомогательного медицинского персонала, а также продажу противозачаточных средств через современную или традиционную торговую сеть. Наибольшее значение приобрели экономические меры поощрения или разубеждения, определяющие спрос на услуги по регулированию рождаемости, предоставляемые отдельным лицам и основным общинам.

Среди законодательных мер, оказывающих существенное влияние на уровень рождаемости, можно отметить изменение возраста вступления в брак женщин. После проведения Всемирной конференции по народонаселению (1974 г.) резко возрос интерес к влиянию на такие социально-экономические факторы, определяющие уровень рождаемости, как образование, здравоохранение, трудоустройство, распределение доходов, положение женщин, аграрная реформа. Планы развития, принятые странами, проводящими политику ограничения рождаемости, свидетельствуют о том, что прилагавшиеся в этих областях усилия осуществлялись в большинстве случаев для достижения демографических *целей*. Таковы итоговые выводы доклада о демографическом положении в мире в 1981 г.

Как видим, положение это весьма сложное. Прослеживание тенденций роста народонаселения хотя и свидетельствует об усилении попыток его гармонизации, однако не дает ос-

202

нований для оптимистических выводов. Здесь появились новые проблемы, выходящие за рамки чисто демографических отношений и затрагивающие многогранный комплекс социально-экономических связей, традиций культуры, межличностного общения и т. п. Рассмотрение демографической проблемы как глобальной позволяет вместе с тем увидеть многогранный спектр острых и сложных вопросов конкретной политики в отдельных странах и в мире в целом. В разных странах и регионах мира они решаются по-разному, но важно, что в целом происходит процесс интернационализации многих демографических явлений, наблюдаются тенденции к выработке и проведению общей стратегии по гармонизации роста рода человеческого. Эти тенденции и указывают на то, каким он будет в своей перспективе.

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что, обращаясь к будущему рода человеческого, мы должны быть предельно осторожными, стремясь решать только те вопросы, которые не терпят отлагательства, и воздерживаясь от всего, что могло бы обернуться во вред будущему. В свое время Ф. Энгельс, рассматривая абстрактную возможность такого численного роста человечества, который вызовет необходимость положить этому росту предел, заметил: «...если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений»¹.

И это произойдет здесь, на нашей Земле, а не в каких-либо инопланетных поселениях, к чему якобы неизбежно вынуждено будет прибегнуть в будущем человечество вследствие своего количественного роста. Ведь допуская эту последнюю возможность, мы не можем отрицать первую и, признавая способность человечества в будущем заселять другие планеты, не вправе считать его неспособным к чему-то более достижимому — разумно решать свои дела «у себя дома», регулируя в случае необходимости свою численность. И конечно же делаться это будет не в каких-то человеческих инкубаторах, предназначенных для выращивания людей с заранее заданными характеристиками, как это изображено, например, в социально-фантастическом романе О. Хаксли «Прекрасный новый мир».

Отвергая всякого рода утопические построения, следует подчеркнуть, что лишь постепенное прогрессивное развитие общества и отдельной личности может в исторической

' Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 124.

203

перспективе привести к разумному решению демографической проблемы в формах, во многом еще неведомых нам сегодня, но достойных человека и того общества, которое он сам создаст. Человек и человечество станут тогда действительно неразделимыми, и благо каждого человека будет находиться в гармонии с благом всего человечества, как и цели человечества — в гармонии с целями каждого человека. А это и есть истинная свобода, которая и в отношении демографического поведения выступает как осознанная необходимость. Не бездушные «детопроизводящие» существа, а живые, любящие и любимые люди — женщины и мужчины — будут участвовать в реализации этой свободы и необходимости, порождая себе подобных и даже более совершенных — своих детей, которые пронесут через века и тысячелетия не только их гены, но и самое главное — социальные, человеческие качества. Это наложит свой отпечаток и на те общественные формы, в которых соединяются свободные люди и рождают новых людей, прежде всего, на семью.

Современная семья имеет многогранные социальные функции, подчас качественно различные в разных мировых общественных системах¹. Семейно-брачные отношения имеют, однако, и некоторые общечеловеческие, глобальные особенности, исторически сложившиеся в ходе развития цивилизации, культуры и самого человека. К ним относится в первую очередь все то, что связано с индивидуальным, интимным чувством любви между мужчиной и женщиной, с рождением и воспитанием детей. В этом отношении семья оказывается «точкой пересечения» индивидуального и общественного, а человеческая любовь — показателем и фактором социально-культурного развития общества и самого человека, того, «в какой мере человек стал для себя родовым существом, стал для себя человеком и мыслит себя таковым... В какой мере потребность человека стала человеческой потребностью, т. е. в какой мере другой человек в качестве человека стал для него потребностью...»²

Любовь между мужчиной и женщиной, любовь родителей к детям и детей к родителям в тех ее формах, которые существуют сегодня, — результат длительного экономического, социокультурного и личностного развития человечества. А это развитие неразрывно связано с развитием семьи, которое идет через все большее насыщение любви социокультурной значимостью, через преодоление неравноправия жен-

¹ См.: Брак и семья. Демографический аспект. М., 1975; Семья и общество. М., 1982; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979, и др. ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 115—116.

204

щины и превращение семьи из хозяйственной и социальной «ячейки» в средоточие интимных, индивидуальных, личностных отношений между женщиной и мужчиной, между родителями и детьми.

Эти тенденции, обозначающие будущее триады: человек — семья — общество, реально утверждаются социализмом, его развитием по пути к коммунизму. Согласно Конституции СССР, семья находится под защитой государства. Брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины; супруги полностью равноправны в семейных отношениях.

Мы знаем, однако, что и при социализме в области семейно-брачных отношений существует немало сложных и подчас болезненных проблем. Эти проблемы серьезно исследуются наукой и широко обсуждаются в обществе. Многие из них порождены недостаточным экономическим развитием, другие коренятся в недостатках культурного развития людей, в традициях и стереотипах сознания и поведения, унаследованных от прошлого. Однако непреложным остается тот факт, что именно социализм претворяет в жизнь новые социальные формы отношений между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, формы, которым принадлежит будущее.

Сегодня на Западе можно встретить немало всякого рода «проекций в будущее», которые либо экстраполируют в перспективу традиционные формы буржуазной семьи со всеми ее «патриархальными» чертами (как тот «якорь», который нужен человеку для того, чтобы спастись), либо говорят о неизбежности ее отмирания в результате «сексуальной революции». Некоторые идеологи «контркультуры», бывшие еще недавно приверженцами этой последней концепции, сегодня выдвигают идею о том, что, напротив, должна развиться «новая семья», роль которой существенно изменится: вместо того чтобы социализировать человека, она станет «персонализировать» общество (Т. Роззак). Более того, предполагается, что такая семья возродит домашнюю экономику, возвратит труд в семью, обеспечив тем самым ее экономическую независимость. Только на этом пути возможно якобы «примирение с планетой».

Подобные утопии далеки, однако, от реальности. Историческое развитие цивилизации, тесно связанное с научно-техническим, экономическим и социокультурным прогрессом, развитием личности, идет по пути утверждения тех форм семейно-брачных отношений, которые складываются при социализме и приобретают общечеловеческие, глобальные черты. Это — отношения все большей социокультурной насы-

205

щенности любви между женщиной и мужчиной, утверждения на этой основе новой, коммунистической семьи, в которой и любовь между родителями и детьми приобретет еще большую эмоциональную окраску, а сам процесс воспитания будет отражением той гармонии между личностью и обществом, которая является необходимым условием коммунистического общества.

Будущее в этом плане представляется как процесс все большего *культивирования человеческой любви* во всех ее проявлениях, включая семейно-брачные, развитие ее социокультурных и нравственных основ, в том числе в проявлениях человеческой сексуальности, половой любви и репродуктивного поведения. И этот процесс будет, по-видимому, получать все более благородные формы еще и потому, что изменится сам человек — не только нравственно, но и физически. А главное — исчезнут извращающие все и вся отношения социального неравенства между женщиной и мужчиной и возрастет тем самым значение привлекающих их друг к другу природно-биологических и индивидуальных различий.

Так мыслятся некоторые процессы гармонизации взаимодействия интересующей нас целостности: человек — природа — род человеческий. Конечно, их можно было рассмотреть здесь лишь в самом общем, социально-философском плане, ориентируясь в основном на то, как они влияют на перспективы человека. Обратимся теперь непосредственно к будущему человека как, с одной стороны, природно-биологического индивида, представителя вида *Homo sapiens*, а с другой — как неповторимой, творчески активной личности. Какие перспективы открываются перед человеком в этих двух взаимосвязанных между собой аспектах? Что ждет его впереди, на рубеже третьего тысячелетия и далее? К чему он должен готовиться уже сейчас как к некоторой неизбежности и что должен предотвратить, а

что создать заново, чтобы не только сохранить, но и усовершенствовать себя как личность и тем самым обеспечить прогрессивное развитие человечества сегодня и в будущем?

Глава четвертая

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ИНДИВИДА И ЛИЧНОСТИ:

НОВЫЕ РЕЗЕРВЫ И ФОРМЫ ЖИЗНИ,

РАЗВИТИЕ БОГАТСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ КАК САМОЦЕЛЬ

...Призвание, назначение, задача всякого человека — всесторонне развивать все свои способности...

К. Маркс и Ф. Энгельс

Исследует человек жизнь только для того, чтобы она была лучше. Так и исследовали жизнь люди, подвигающие вперед человечество, но рядом с этими истинными учителями и благодетелями человечества всегда были и теперь есть рассудители, покидающие цель рассуждения.

Л. Н. Толстой

Философская направленность и логика анализа вопросов, относящихся к будущему человека, требуют рассмотрения его в единстве социальной сущности и природно-биологического существования, которое, как известно, и само определяется общественными условиями. Вместе с тем это предполагает, во-первых, строгое различие понятий *индивида* и *личности* и, во-вторых, учет их диалектической взаимосвязи, что вытекает из методологических предпосылок марксистского понимания человека, изложенных в первой главе. Таким образом, мы будем исходить из того, что, с одной стороны, индивид — это природно-биологическая часть рода человеческого, соотносимая именно с ним по генотипическим и фенотипическим признакам, онтогенетическому и филогенетическому развитию, а личность — результат социального развития индивида в процессе онтогенеза, часть общественного целого. С другой стороны, учитывая диалектику социального и биологического в человеке, опосредствованно и преобразование его под влиянием общественных факторов, мы не можем ограничивать человеческий индивид чисто природно-биологическими (генотипическими

и пр.) характеристиками, а личность человека, ее становление и развитие, ее деятельность в обществе представлять в виде чистого «сгустка социума», отделяя ее полностью от влияния этих характеристик, которые по крайней мере определяют индивидуальность личности.

Мы увидим далее, какое важное методологическое значение имеет такое понимание индивида и личности, особенно для критического анализа проектов «конструирования» человека будущего путем перестройки его биологической природы. Обратимся вначале именно к этой проблеме, приобретающей сегодня большое философское, социальное и идейно-политическое звучание. Рассмотрим, в частности, какие действительные предпосылки создаются здесь наукой, обращающейся к анализу новых резервов и форм жизни человека сегодня и в будущем, к исследованию его биологии и генетики, возможностей его психофизиологического развития.

1. Перспективы человека в «век биологии»: новые пути познания и практики—генная инженерия и биотехнология, генетика человека и новая медицина, резервы мозга и «искусственный интеллект», эргономика и психофизиологическое развитие человека

Изучение особенностей биологической природы человека в разных его аспектах, охватываемых зачастую общим понятием биологии человека ¹, имеет целью выявить его природно-биологическое своеобразие, эволюцию, рост и конституцию, типы нервной деятельности, индивидуально-психофизиологические различия, законы биологического регулирования и жизненного ритма, генетическую структуру человеческих популяций, закономерности их изменчивости, процессы, определяющие адаптацию человека, здоровье и болезни, старение и смерть². С этим связаны и вопросы о продлении

¹ См.: Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М., 1979; Малиновский А. А. Биология человека. М., 1972; Сержантов В. Ф. Философские проблемы биологии человека. Л., 1974, и др.

² См.: Клиорин А. И., Чтецов В. П. Биологические проблемы учения о конституциях человека. Л., 1979; Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979; Налимов Г. А., Карпов Б. А., Зеленкин В. В. Специфические законы биологического регулирования. Л., 1981; Моисеева Н. И., Сысуев В. М. Временная среда и биологические ритмы. Л., 1981; Бочков Н. П. Генетика человека. Наследственность и патология. М., 1978; Проблемы генетической психофизиологии. М., 1978; Стреляу Я. Роль темперамента в психическом развитии. М., 1982, и др.

208

жизни человека, о возможностях естественно-эволюционного или искусственного изменения его биологической природы и пр.

Сможет ли человек в неограниченной исторической перспективе сохранить себя как представителя вида *Homo sapiens*? Не грозит ли ему, как утверждают многие современные футурологи, биологическое, генетическое вырождение? Может быть, следует уже сейчас принять какие-то меры, чтобы предотвратить это? Наконец, можно ли без ущерба для природы человека вмешиваться в интимные процессы его биологии и генетики и каковы здесь пределы допустимого вмешательства, да и нужно ли оно вообще?

Вот некоторые из вопросов, которые широко обсуждаются в современной научной литературе, в научно-фантастических, а то и просто фантастических художественных и малохудожественных произведениях. Обратимся к этим нелегким и по большей части дискуссионным вопросам и посмотрим, что в предлагаемых на них ответах имеет прямое отношение к науке и должно быть, следовательно, учтено и что является простой игрой воображения, а то и злонамеренным лженаучным построением, компрометирующим науку и достойным лишь того, чтобы быть отброшенным ею.

Обращаясь к будущему человека в биологическом аспекте, мы не можем пройти мимо такого, может быть не вполне точного, но весьма распространенного среди ученых, понятия, как «век биологии». Что оно означает и что несет с собой, как ставит проблему человека? Иногда понятие «век биологии» трактуется как некоторая метафора, изобретенная науковедами и выражающая их позитивную реакцию на те успехи, которые отмечаются в науке и жизни сегодня и ожидаются завтра. При этом не учитывается, что данное понятие введено в науку в первую очередь рядом биологов и физиков, чтобы подчеркнуть те качественные изменения, которые хотя и происходят в науке уже сегодня, но в основном относятся к будущему, порой весьма отдаленному.

«Век биологии» — это новый этап научно-технического прогресса, в существенной степени обусловленный революцией в биологической науке, которая в результате этого становится, как ранее физика и химия, лидером естествознания и начинает определять основные направления его развития, а также

Биологическая революция уже началась. Каковы ее основные признаки? Это — интенсивное применение методов смежных наук (прежде всего физики, химии, математики) в исследовании живых систем, делающее биологическое знание точным и доказательным; выход биологического познания на молекулярный уровень, что привело, в частности, к созданию и бурному развитию молекулярной биологии; широкое применение в биологическом познании системных подходов, кибернетического моделирования и т. п. В итоге создалась такая исследовательская ситуация, когда другие, смежные с биологией и более развитые пока, науки (прежде всего физика, химия и математика) во все большей степени сосредоточиваются на исследовании процессов жизни и на обслуживании биологии, которая становится одной из центральных в системе наук о природе.

Тенденции эти, реализующиеся в определенных процессах научного познания, и приведут в конце концов к такому его состоянию, которое можно будет охарактеризовать как «век биологии». Однако реализация этих тенденций — сложный процесс. Хотя этот процесс и происходит уже сегодня, сопровождаясь научными открытиями эпохального масштаба, он, видимо, потребует немало времени, в течение которого разовьются и станут доминирующими отмеченные тенденции биологического познания. Как они будут развиваться — это большой и сложный вопрос, ответить на который можно лишь весьма проблематично ¹.

Следует заметить, что в настоящее время весьма распространенными стали всякого рода прогнозы относительно того, когда и какое биологическое открытие произойдет, причем в основном имеется в виду решение уже существующих в науке проблем. Тем самым подтверждаются слова К. Маркса: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» ². Вместе с тем, разумеется, прямая экстраполяция настоящего в будущее ненадежна, в особенности в отношении науки, так как в ней могут создаваться ситуации, принципиально непредсказуемые.

С этими оговорками следует оценивать и те конкретные прогнозы, которые касаются будущих биологических откры-

¹ Подробнее об этом см.: *Фролов И. Т.* Жизнь и познание. М., 1981.

² *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

тий, прямо или косвенно относящихся к человеку. Так, по мнению ряда научных экспертов, после 2000 г. станет понятной химическая основа сложных процессов умственной деятельности, а также будут изучены химические структуры, участвующие в процессе запоминания; будут разработаны методы и лекарственные препараты для улучшения умственных способностей человека, изучен механизм старения и выработаны методы предупреждения старения клеток, синтезированы простейшие живые одноклеточные организмы. Эксперты считают, что уже к 2000 г. будут объяснены с точки зрения молекулярной биологии механизмы передачи звуков и зрительных образов от органов слуха и зрения, созданы эффективные научные методы для предупреждения неожиданных эпидемий, изучено влияние сельскохозяйственных химикатов и промышленных отходов на экологическую систему,

разработаны методы научного предсказания последствий использования таких химических и отходов, разработаны мировые нормы предельно допустимого загрязнения окружающей среды.

По мнению экспертов, еще до 2000 г. будут созданы централизованные системы, предназначенные для наблюдения за здоровьем людей, куда станут стекаться данные о результатах медицинских обследований; закончится разработка эффективных методов выявления носителей наследственных заболеваний в организме человека, и данные соответствующих обследований будут сообщаться в «брачных консультациях». К этому времени будут созданы автоматические диагностические машины, найдены методы предупреждения аллергических реакций, вызываемых лекарственными препаратами, путем определения чувствительности организма к этим препаратам; будут установлены нормы оптимального питания для предупреждения возрастных заболеваний. После 2000 г. будут проводиться операции по исправлению врожденных пороков в период внутриутробного развития зародыша.

Таким образом, в ряду предсказаний, вращающихся в основном вокруг 2000 г., наибольшее место занимают те, которые относятся к развитию молекулярной биологии, растущему влиянию физики и химии, к биологии клеток. Что же касается наиболее фундаментальных общепрологических проблем, включающих в себя, по выражению Ф. Крика, «комплекс взаимодействий»¹, то здесь ученые, как правило,

¹ См.: Крик Ф. Молекулярная биология в 2000 году.—Природа, 1971, № 7, с. 45.

211

предельно осторожны: предполагается, что к 2000 г. эти проблемы будут находиться еще на начальной стадии изучения. Это означает, что «век биологии», о котором сегодня многие ученые говорят как о ближайшей перспективе или даже как об уже свершившемся факте, вряд ли наступит так скоро, как думают некоторые, ведь он предполагает существенное продвижение именно в решении фундаментальных общепрологических проблем, в создании и развитии единой теории жизни, а самое главное — в непосредственном обслуживании ею человеческой деятельности и самого человека, что потребует качественных изменений характера науки о жизни вообще и человеку в особенности.

Именно исследование процессов жизни в их направленности на человека, его биологическую природу и среду обитания, может быть, в наибольшей степени характеризует то состояние научного развития, которое мы называем «веком биологии». Именно здесь концентрируются главные потенциальные возможности научно-технического прогресса, степень и формы реализации которых, естественно, определяются социальными факторами. Уже сегодня это проявляется в невиданном ранее прогрессе медицины и здравоохранения, в поисках методов регулирования биосферы и биогеоценозов, в успехах на пути к овладению законами направленного изменения наследственности. Все это открывает поистине фантастические перспективы, и сейчас просто невозможно представить себе тот новый мир, который будет создан человеком, владеющим тайной жизни и умеющим не только поддерживать или уничтожать, но и создавать ее.

Биологический этап научно-технической революции, предпосылки которого уже сегодня обнаруживаются все более отчетливо в связи с успехами молекулярной биологии и генетики, биокibernетики и др., означает, следовательно, неуклонное и ускоряющееся «переключение» науки на человека по мере продвижения исследований от низших к высшим уровням организации живых систем. Биологическая природа человека с помощью науки будет все более адаптироваться к новым условиям среды, создаваемым научно-техническим прогрессом. Однако здесь могут обнаружиться и некоторые новые, более сложные и трудные проблемы.

Мы знаем, например, что многие проекты интенсификации, повышения эффективности умственной деятельности человека за счет «растормаживания» более широких систем связей нейронов мозга (в

настоящее время из 14 млрд. нейронов активно участвует в работе только 7%) сталкиваются сегодня с опасностью «рассогласования» целостного функцн-

212

онирования организма, причем неизвестны общие биологические последствия этого вмешательства, и вообще его пределы. С другой стороны, сами умственные способности человека, по крайней мере в виде биологических предпосылок, программируются генетически. Поэтому генетика человека, изучающая взаимодействие наследственности и среды, становится одним из путей, по которому наука в «век биологии» способна осуществлять «обслуживание человека», адаптируя его природу к новым условиям цивилизации и существенно увеличивая его адаптационные возможности.

Уже сегодня генетика может предложить ряд методов, с помощью которых открываются новые пути решения этих проблем. И это — только начало, хотя и очень обнадеживающее, но еще во многом проблематичное, ставящее перед наукой все новые и новые вопросы. И все же нельзя не отметить такое эпохальное открытие, как искусственный синтез гена, воспроизводящего в колонии бактерий точную копию гормона, который вырабатывается гипоталамусом в основании мозга и помогает регулировать деятельность гипофиза, управляющего многими функциями организма. К этой же категории открытий принадлежит и успешное использование искусственных генов для производства гормонов, в частности инсулина, что означает начало нового этапа в изготовлении медикаментов с помощью бактерий.

Практические перспективы использования искусственных генов поставят нас на порог новых форм медицины, позволят расширить адаптационные возможности человека. Это может достигаться, в частности, путем профилактического вмешательства в его наследственность, имеющего целью борьбу с наследственными заболеваниями, заботу об уменьшении груза патологических мутаций и др.

В настоящее время наследственные заболевания весьма распространенное явление (в мире ежегодно рождается все больше детей, пораженных ими). Они физически и морально калечат жизнь многих миллионов людей. Борьба против этих заболеваний и содержание больных с врожденными пороками ложатся тяжелым бременем на человечество. Кроме того, повышение радиоактивного фона на нашей планете, выброс в атмосферу мутагенных химических веществ приводят к значительному увеличению патологических изменений наследственности. Перед человечеством встает задача не только оградить себя от этих отрицательных явлений, но и кое в чем «исправить» свою природу. Генетика в наибольшей степени пригодна для этого, и ее доминирующее положение в науке

213

о жизни будет увеличиваться по мере вступления науки в «век биологии».

Генетика для человека — это все то, что он может получить от науки в результате овладения законами наследственности и изменчивости организмов. Речь идет не только о создании новых, более продуктивных сортов сельскохозяйственных растений, пород животных, штаммов микроорганизмов, но и вообще о переходе к принципиально иному способу получения пищевых продуктов — абиотическим путем¹. Генетика человека — это проникновение² в сокровенные тайны его биологического существования, в результате чего может быть достигнуто большее высвобождение человека из природы, так как при этом он становится в подлинном смысле слова творцом самого себя.

Перспективными в этом плане оказываются направления исследований, получившие название генетической (генной) инженерии, отдаленная цель которой — получение в лабораторных условиях организмов с новыми, заранее планируемыми наследственными свойствами. Это достигается прямым вмешательством в генетический аппарат организмов путем введения в него извне нового гена или

генов, либо выделенных из другого организма, либо искусственно синтезированных биологическим или химическим путем. Ближайшим этапом генной инженерии применительно к человеку может стать «исправление» действия патологического гена, а в более отдаленной перспективе — замена патологического гена нормальным, что открыло бы новый путь профилактики наследственных заболеваний.

Здесь уже достигнуты первые результаты. Прежде всего это касается разработки методов получения генов вне организма (синтез генов), способов их введения в генетический аппарат (трансгеноз), а также путей адаптации новых генов

¹ Новые данные, показывающие гуманную роль генетики в увеличении благосостояния человечества, были представлены на XIV Международном генетическом конгрессе (Москва, август 1978 г.), проходившем под девизом «Генетика и благосостояние человечества». Этот девиз, как сказал генеральный секретарь конгресса академик Д. К. Беляев, отвечает надеждам людей всего мира и отражает огромные возможности генетики в решении жизненно важных проблем, встающих в настоящее время перед человечеством. Это относится не только к борьбе с наследственными болезнями, но и к новым возможностям генетики обеспечить человечество достаточным количеством продуктов питания, способствовать охране окружающей среды и т. п. Генетика занимает особое место и в комплексе фундаментальных научных исследований, имеющих практическое применение в сельском хозяйстве, в медицине (см.: Генетика и благосостояние человечества. М., 1981).

214

к необычной для них генетической и физиологической среде. Правда, эти результаты имеют еще весьма ограниченное значение и далеки от практического применения в генетике человека. Характерно, однако, что они стали предметом оживленного обсуждения в науке, где по отношению к ним проявляется порой как чрезмерный скептицизм, так и неумеренный оптимизм.

Однако даже самые убежденные скептики не могут не признать сегодня, что генная инженерия — это принципиально новый путь человеческого познания и практики, на котором человек получает возможность активно вмешиваться в дела природы и кое в чем исправлять ее. Необходимо, однако, чтобы это вмешательство и эти пока еще довольно осторожные попытки «исправления» природы не принесли больше вреда, чем пользы, в особенности когда речь пойдет о возможном в будущем применении методов генной инженерии к человеку. Вот почему во всем мире обращается большое внимание на разработку строгих правил, касающихся подобных работ и вообще всего того, что связано с экспериментами на человеке¹. Не всегда и не всюду, к сожалению, эти правила соблюдаются, однако их регулирующая функция (при условии, что этика научного исследования соединяется с социальными факторами и условиями ее реализации) должна непрерывно возрастать по мере расширения научных разработок, обращенных непосредственно к человеку и его будущему.

Прикладное значение генной инженерии особенно велико еще и потому, что она становится новым и мощным источником *биотехнологии*, которая, может быть, в наибольшей степени характеризует в практическом, производственном — промышленном и сельскохозяйственном плане особенности «века биологии». Речь идет о возможности реализации уже высказывавшейся в прошлом идеи широкой и всепроникающей биологизации производства и всей жизни человечества. Эта возможность открывается в связи с новым этапом научно-технической революции, существенно определяющимся успехами биологической науки и их применением в практике. Важность этого направления науки и практики подчеркнута в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии физико-химической биологии и биотехнологии и использовании их достижений в медицине, сельском хозяйстве и промышленности» (1981 г.). Академия наук СССР приняла специальные меры для интенсивного

¹ См. об этом в первом издании книги (с. 222—262).

развития фундаментальных исследований в этой области, ставшей одной из ведущих во всем мире¹.

Биотехнологическое направление в его новых аспектах, связанных с развитием физико-химической молекулярной биологии и геной инженерии, существенно стимулирует также и развитие уже известных науке форм практического применения биологии, в частности микробиологии, успехи которой открывают новые пути производства возобновляемых сырьевых и энергетических ресурсов, новые методы охраны здоровья людей². Биотехнология, прежде всего геной инженерия, делает лишь первые шаги, однако уже нынешние ее успехи (например, в производстве инсулина, интерферона и пр.) могут привести к существенному преобразованию медицинской практики, в частности в лечении как врожденных наследственных заболеваний, так и болезней, вызванных воздействием на человека мутагенных факторов окружающей среды³.

Генетика человека в ее медицинском приложении открывает новые возможности профилактики наследственных заболеваний путем генетического картографирования людей, развертывания широкой сети генетических консультаций, особенно для вступающих в брак и будущих родителей. Здесь, как известно, встречается немало не только предрассудков и проявлений невежества, приводящих к извращению самой идеи генетических консультаций, но и преднамеренных попыток использования этой идеи в реакционных, расистских целях. Конечно, человечество сумеет преодолеть все эти наслоения, развивая свою культуру и в данной сфере, основывая ее на высоких нравственных принципах уважения личности, гуманизма и разумного сочетания интересов каждого отдельного человека и общества в целом⁴.

¹ См.: Овчинников Ю. А. Итоги и перспективы развития химических и биологических наук в СССР.— Советская наука. Итоги и перспективы. М., 1982.

² См.: Заварзин Г. А. Микробиология двадцать первому веку. М., 1981.

³ См.: Берг Р. Л., Давиденков С. П. Наследственность и наследственные болезни человека. Л., 1971; Бочков Н. П. Генетика человека. Наследственность и патология. М., 1978.

⁴ См. об этом: Тимаков В. Д., Бочков Н. П. Социальные проблемы генетики человека. Общество и здоровье человека. М., 1973; Фролов И. Т., Пастушный С. А. Менделизм и философские проблемы современной генетики. М., 1976; Дитль Г.-М, Газе Г., Кранхольд Г.-Г. Генетика человека в социалистическом обществе. Философско-этические и социальные проблемы. М., 1981; Пастушный С. А. Генетика как объект философского анализа. М., 1981; Бочков Н. П. Методологические и социальные вопросы современной генетики человека.— Вопросы философии, 1981, № 1.

Проблемы генетики человека, их социально-философские и этико-гуманистические аспекты широко обсуждаются сегодня во всем мире. Огромное внимание уделяется этому в научной литературе, касающейся будущего человека. Проблемы биологии, и прежде всего генетики человека, в их футурологических аспектах стали предметом специального рассмотрения и в трудах ряда советских ученых¹.

Сама логика многих современных биологических исследований приводит науку к весьма сложным и деликатным человеческим проблемам, для которых, по крайней мере сегодня, трудно найти какое-либо однозначное решение. С другой стороны, появляются тенденции такой интерпретации новых проблем, относящихся к биологии и генетике человека, которая требует основательной критики вследствие явной опасности этих исследований для человечества, его будущего.

Речь идет прежде всего о всякого рода проектах радикальной перестройки природы человека, в частности его генотипа, о таком вмешательстве в функционирование его мозга и психики, которое привело бы, в сущности, к возникновению «нового вида», существенно отличающегося от вида *Homo sapiens*, к созданию «сверхчеловека», наделенного «сверхмозгом» и необычайными умственными и психическими способностями, которыми обладают только гении и всякого рода «экстрасенсы». Возможна ли такая перестройка, диктуется ли она реальными потребностями человека и к каким последствиям для рода человеческого она может привести? Вот вопросы, которые здесь неизбежно возникают. Вместе с тем они являются следствием и более общих актуальных для современного человечества проблем адаптации его к условиям существования, изменившимся под влиянием научно-технической революции и вызванных ею факторов.

Крупные сдвиги в экономике и повседневной жизни людей, происшедшие за последние десятилетия, настоятельно ставят вопрос о влиянии изменений условий жизни на биологические и психические особенности человека. Социальное развитие по отношению к биологии человека не всегда и не во всем приводит к благоприятным результатам. Обсуждение и учет негативных последствий воздействия некоторых социальных факторов на человеческий организм — одна из

¹ Бочков Н. П. Прогресс общества и генетика человека. М., 1971; Дубинин П. П. Генетика и будущее человечества. М., 1971; Пехов А. П. Социальные проблемы генетики. М., 1975; Фролов И. Т. Перспективы человека. — Вопросы философии, 1975, № 7—8; Он же. Men — Genetics — Ethics. — In: Dialectics and Humanism, 1976, № 3—4, и др.

217

важнейших проблем современной науки. Поэтому весьма актуальной становится в этих условиях проблема адаптации человека к окружающей среде.

Биологическая адаптация человека понимается в настоящее время предельно широко и не сводится только к сохранению биологического гомеостаза, т. е. к достижению устойчивого равновесия и саморегуляции живого организма в изменяющихся условиях среды¹. Существуют также и активные формы поддержания гомеостаза через специфически человеческую деятельность — социальную и техническую. В итоге оказывается, что для человека адаптация охватывает широкий круг факторов биологического и социального характера, причем последние подчиняют себе во многих случаях первые. Это ставит большие задачи и проблемы не только перед биологией человека, но и перед социологией, психологией и педагогикой, теорией нравственного воспитания и научной организацией труда.

Человек будущего, безусловно, необычайно расширит свои адаптационные возможности с помощью самых разнообразных средств, включая фармакологию и психотерапию, и это даст ему возможность полноценно и без ущерба для здоровья действовать в самых сложных, подчас экстремальных условиях. Уже сегодня получены серьезные данные, которые свидетельствуют о новых, неизвестных ранее резервах биологической природы человека и его психофизиологических возможностях. «Биологическое оснащение» человека ярко обнаруживает свою универсальность. Человек как «венец природы» должен высвободить и новые резервы своей биологической природы, направляя их по пути гармонизации с социальными, психическими и нравственными силами, которые он пока еще не научился прочно удерживать в гомеостатическом состоянии.

Это касается, например, так называемых стрессовых состояний, а также всякого рода психических аномалий, возникающих в экстремальных условиях эмоциональной напряженности и т. п.² В настоящее время разрабатываются разнообразные методы, с помощью которых можно было бы бороться с болезнетворным эффектом этих состояний и добиваться достижения требуемого гомеостатического равновесия.

¹ См.: Философские проблемы теории адаптации. М., 1975; Человек и среда. М., 1975; Меерсон Ф. 3. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1981, и др.

Однако это — в основном дело будущего. Науке предстоит разгадать еще немало таинственных свойств биологической природы человека. И самая большая загадка — это человеческий мозг, психика как комплекс сознания и инстинктов, человеческий интеллект. Поиски в этой сфере дадут, по видимому, самые впечатляющие научные результаты в «век биологии».

Изучение деятельности мозга — одна из сложнейших проблем современной науки. Она непосредственно связана с общим решением вопроса о соотношении биологического и социального в развитии человека и определением как путей и методов активного влияния на интеллектуальную деятельность, сознание и психику человека, так и их допустимых — с социально-этической и гуманистической точек зрения — пределов и форм. Современная нейрофизиология находится в процессе бурного роста, который, по мнению некоторых ученых, в ближайшие полстолетия приведет к решению главных вопросов, поставленных наукой о мозге на протяжении многих веков ее развития. Это касается изучения деятельности мозга не только на клеточном и молекулярном уровнях, но и на целостном, предполагающем исследование системных связей и взаимодействий¹. Фундаментальное значение имеют здесь, идеи и подходы И. П. Павлова, развитые с учетом современных данных науки о мозге П. К. Анохиным в его теории функциональных систем, согласно которой системообразующую роль в деятельности системы и ее приспособлении к новым условиям играет результат, функционально определяющий формирование органа, в данном случае — мозга человека².

Универсальная организация мозга человека, определяющая уже на молекулярном уровне специфическую способность нервных клеток к системному функционированию, обеспечивает возможность высшей нервной деятельности человека, психических процессов, проявлений интеллекта, сознания. Организация мозга в существенной степени зависит также от наследственных детерминант, и поэтому в науке

¹ См. об этом: Ата-Мурадова Ф. А. Развивающийся мозг: системный анализ. М., 1980; Шустин Н. А. Системная деятельность мозга. Л., 1980; Батуев А. С. Высшие интегративные системы мозга. Л., 1981, и др.

² См.: Анохин, П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968; Он же. Теория функциональной системы и ее место в построении теоретической биологии. — Эволюция темпов индивидуального развития животных. М., 1977; Он же. Узловые вопросы функциональной системы. М., 1980, и др.

ставится задача расшифровки нейрофизиологического кода психических явлений¹, решение которой будет способствовать более эффективному использованию резервов мозга. Здесь возникает много сложных проблем, как естественнонаучных, так и социально-этических. Многие ученые, признавая допустимость искусственного влияния на работу мозга (химические стимуляторы, электрические воздействия и т. п.), выражают серьезные опасения по поводу тех отрицательных последствий, которые могут возникнуть в этой связи, и озабочены тем, как их следует избежать. По мнению П. К. Анохина, «если когда-то состоятся попытки сделать интеллектуальные способности продуктом химических и обучающих лабораторий, то вполне может случиться так, что при последующем развитии науки с более высокого ее уровня мы увидим, что внесли в мозг человека необратимые изменения, которые, к несчастью, уже нельзя будет устранить»².

Поэтому, очевидно, задача заключается в том, чтобы для повышения активности интеллекта эффективнее использовать уже имеющиеся ресурсы мозга, которые пока заключены в его неведомых тайниках³. Говоря же о будущем совершенствовании деятельности человеческого мозга, следует иметь в виду, что наука еще не дала ответа на вопрос о том, не появятся ли новые резервы и ресурсы мозга в ходе естественной эволюции определенных его участков. Как считает Ф. А. Ата-Мурадова, «возникает следующий вопрос: не продолжается ли в настоящее время эволюция тех участков генома *Homo sapiens*, которые определили неожиданную роль гностических областей и связанных с ними знаковых систем? Почему стремительно взлетающее вверх увеличение объема мозга на решающем этапе антропогенеза от австралопитека до *Homo sapiens* должно внезапно остановиться? Существуют ли факторы, которые могут затормозить эту ярко выраженную эволюционную тенденцию, возникшую сравнительно недавно, мощно и неотступно прокладывая себе дорогу к вершинам прогресса?»⁴

4. Ответ на эти вопросы позволил бы

³ См.: *Бехтерева Н. П.* Возможности и пределы искусственного воздействия на психику человека.— Научно-техническая революция и человек. М., 1977; *Дубровский Д. И.* Информация, сознание и мозг. М., 1980; Системный подход к психофизиологической проблеме. М., 1982; *Нейрофизиологические механизмы поведения.* М., 1982, и др.

² *Анохин П. К.* Изучение деятельности мозга и будущее человека.— Научно-техническая революция и человек. М., 1977, с. 155.

³ См.: *Воронин Л. Г.* Постигая тайны мозга.— Научно-техническая революция и человек.

⁴ *Ата-Мурадова Ф. А.* Развивающийся мозг; системный анализ, с. 292.

220

прогнозировать будущее развитие психофизиологических, интеллектуальных и эмоциональных возможностей и способностей человека.

Сейчас трудно более или менее точно сказать, в каком направлении и, главное, какими методами будет осуществляться это развитие. По-видимому, это будет не какой-то один метод — естественный или искусственный,— а метод комплексный. Х. Дельгадо полагает, что уже существующие методы можно разбить на две группы: 1) физические и химические воздействия, приводящие к изменению нейрофизиологической активности; 2) положительное или отрицательное подкрепление, основанное на сенсорных связях индивида с окружением, в основном с другими людьми как источниками стимулов (подпороговая стимуляция, выработка условных рефлексов, общественные методы принуждения, психотерапия, гипноз, лишение сенсорной информации и ее направленность и т. п.)¹. По его мнению, «тот факт, что человеческий мозг учится влиять на свой собственный материальный и функциональный субстрат, следует рассматривать не как глупую попытку изменить «космический порядок» или «божью волю», а просто как появление нового механизма, возникшего в ходе эволюционного процесса». Человек «совершенствует новый и самый полезный механизм гомеостаза, который в будущем, возможно, назовут «психостатом», понимая под этим разумную адаптацию нервного аппарата для поддержания психической стабильности вопреки внешним и внутренним воздействиям. Эволюционный процесс должен способствовать развитию этого механизма, который, несомненно, имеет огромную ценность для выживания в современном мире напряжения и конфликтов. Однако эволюция — процесс слишком медленный, и если мы поймем решающее значение этого нового направления развития, то, быть может, мы сумеем способствовать обратному воздействию разума на его собственную материальную основу — физиологию мозга»².

Такое «обратное воздействие разума» мы видим, в частности, и в тех новых направлениях и формах соединения нейрофизиологических исследований с техническими и даже поведенческими науками, которые дают в последние десятилетия биокibernетика и эргономика, научная программа, преду-

смагивающая создание «искусственного интеллекта», и развитие психологии. Мы еще вернемся к дискуссиям по многим

¹ См.: *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. М., 1971, с. 242.

² Там же, с. 240.

221

из этих проблем. Здесь нас интересуют лишь футурологические аспекты, относящиеся к будущему биологии, генетики и психики человека. И в данной связи следует отметить, что все эти новые направления открывают, по мнению ученых, новые возможности и резервы развития человека.

Кибернетическое моделирование нейрофизиологических механизмов человека и их техническое воспроизведение в ЭВМ с целью создать искусственный интеллект, который мог бы выполнять неограниченно широкий круг функций естественного интеллекта, разумеется, также открывают новые пути «обратного воздействия разума». Здесь еще много неясных и дискуссионных проблем, касающихся, в частности, исходных определений интеллекта и разума, что находит даже чисто внешнее выражение в том, берутся эти слова в кавычки или нет¹. Дело, разумеется, не в этом формальном признаке, а в существе вопроса, так как одни ученые вообще отрицают возможность создания «искусственного интеллекта» и тем более разума, а другие, напротив, видя в нем здесь неограниченные перспективы ².

Несомненно одно: биокибернетические исследования будут способствовать существенному расширению интеллектуальных и психофизиологических возможностей человека и получают еще *более* широкое применение в медицине будущего, в эргономике — науке, комплексно изучающей человека в определенных условиях деятельности, связанной с использованием технических средств ³.

Анализ психофизиологических явлений в экстремальных условиях высокого нервно-эмоционального напряжения, в частности при управлении техникой⁴, обнаруживает не только

¹ См.: *Эндрю А. М.* Мозг и вычислительная машина. М., 1967; *Слейгл Дж.* Искусственный интеллект. Подход на основе эвристического программирования. М., 1973; *Арбиб М.* Метафорический мозг. М., 1976; «Искусственный интеллект» и психология. М., 1976; Управление, информация, интеллект. М., 1976; *Уинстол П.* Искусственный интеллект. М., 1980; Кибернетика. Неограниченные возможности и возможные ограничения. Перспективы развития. М., 1981, и др.

² См.: Социально-философские проблемы «человеко-машинных» систем. Круглый стол «Вопросов философии», 1979, № 3 и 4; см. также: Прогресс биологической и медицинской кибернетики. М., 1974.

³ См.: *Зинченко В. П., Мунипов В. П.* Основы эргономики. М., 1979; *Зигель А, Вольф Дж.* Модели группового поведения в системе «человек — машин»». М., 1973; Эргономика. Труды ВНИИТЭ. М., 1976, вып. 10; Психофизиологические проблемы взаимной адаптации человека и машины в системах управления. М., 1980; *Смолян Г. Л.* Человек и компьютер. М., 1981.

⁴ См.: *Ломов Б. Ф.* Человек и техника. Л., 1965; *Леонов А. А., Лебедев С. И.* Психологические особенности деятельности космонавтов. М., 1971, и др.

222

большие и еще мало изученные возможности человека, но и существенные индивидуально-психологические различия между людьми. Учет этих различий, изучение общих психофизиологиче-

ских явлений, возникающих во взаимодействии человека с комплексом факторов, которые сопутствуют его деятельности,— один из основных путей не только психофизиологической адаптации человека, но и развития у него соответствующих способностей. Так, эргономика, используя данные и методы биологии, физиологии, психологии, технических и социально-экономических наук и обращаясь к человеку как субъекту деятельности, прежде всего трудовой, выявляет его резервы и творческие возможности, включая высшие проявления психики. Тем самым она выполняет глубоко гуманную роль, так как, по справедливому замечанию Х. Дельгадо, «управление гигантскими силами, вызванными к жизни человеком, требует развития определенных психических свойств, способных направить разум не только на покорение природы, но и на то, чтобы сделать цивилизованной психику человека»¹.

Еще большее значение приобретут в связи с этим психологические исследования, в частности те, в основе которых лежит изучение не только нейрофизиологических предпосылок психики, но прежде всего широкой системной взаимосвязи ее социальных механизмов в контексте человеческой деятельности. Психология будущего приобретет на известной стадии «века биологии» доминирующее значение, так как она в наибольшей степени конкретизирует и объединяет комплекс наук, изучающих человека, в частности, в аспекте его природно-биологического существования, а также в высших проявлениях его творческой деятельности. Высказывается даже предположение, что психология будущего, учитывающая всю многогранную сложность человека, исследующая, в частности, «человека природы» и «человека культуры» в их взаимосвязи и взаимодействии, в конечном счете трансформируется в новый вид антропологии, включающей в себя и философско-политический контекст проблемы, ее ценностные аспекты, а также соединяющей теоретические и эксперимен-

¹ Дельгадо Х. Мозг и сознание, с. 250.

2 См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946; Он же. Принципы и пути развития психологии. М., 1959; Он же. Проблемы общей психологии. М., 1973; Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики; Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1966; Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973, и др.

223

тальные исследования с практической сферой деятельности'. Сбудется ли это предсказание, покажет время, однако развивающееся уже сегодня комплексное исследование психики человека дает серьезные основания для подобных прогнозов.

Резюмируя сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что успехи современной науки в исследовании биологии, генетики и психики человека не только позволяют ему лучше адаптироваться к новым факторам природной и искусственной среды, чрезвычайно изменившимся под влиянием научно-технической революции, социальных преобразований и пр., но и открывают перед ним перспективу активного преобразования своей биологической природы применительно к новым задачам в сфере познания и практики во всех проявлениях его жизни как свободного и гармонически развитого существа.

Изменится ли при этом его физический облик и в каком направлении? Не придет ли на смену *Homo sapiens* какой-то «сверхчеловек», во всех отношениях отличающийся от современного? Не возникнут ли какие-то новые формы человеческого существования, соединенного с биокибернетическими устройствами,— своеобразные «биокиборги»? Не вступит ли человечество в новую стадию своей эволюции, на которой человек будет создаваться в значительной мере искусственно — как «фабрикуемый» с помощью генной инженерии и биокибернетики «сверхчеловек», обладающий экстрасенсорными и экстраинтеллектуальными качествами,— *Homo sapientissimus*?

Эти и другие вопросы не являются надуманными, и к подобным предположениям и проектам обращаются не только фантасты, но также и серьезные ученые. Научные прогнозы о человеке будущего

сопровожаются зачастую разного рода утопиями, которые апеллируют к науке и пытаются опереться на экстраполяции, исходящие из ее современных достижений, обращая их в будущее. Необходимо поэтому критически проанализировать подобные утопии, а также рассмотреть дискуссии, которые ведутся в современной науке вокруг вопросов, касающихся биологии, генетики и психики человека будущего. Это позволит, как я думаю, научно преодолеть весьма распространенные еще биологизаторские подходы и более отчетливо поставить вопросы, относящиеся к перспективам развития человека как индивида и личности.

¹ См.: *Фресс П.* О психологии будущего.—Психологический журнал, 1981, № 3, т. 2.

224

---

2. Научные прогнозы и утопические проекты перестройки биологической природы человека: «фабрикуемый сверхчеловек» — *Homo sapientissimus* или «биокиборг»—*Machina sapiens*? Дискуссии о неоевгенике и будущем биокибернетики; проблема бессознательного, психоанализ и парapsихология: мифы и реальность. *Homo sapiens et humanus*—человек будущего

Идея искусственного конструирования человека, т. е. своеобразной «гомоинженерии», делающей человека равным если уж не самому господу богу, то по крайней мере его антиподу — демону, существует, наверное, столько же времени, сколько и сам человек с его способностью к фантазиям, грезам, мифам, да и к научному прогнозированию также. В науке она возникла вначале как смутное, смешанное еще с до-научными мифами ощущение зарождающейся силы и могущества научной мысли, как устремленная в будущее фантазия и вместе с тем как опасение грядущей «демонии» науки. Вспомним Гёте и его «Фауста», где он вывел нового «героя», Гомункула — созданного Вагнером с помощью Мефистофеля лабораторного «двойника» человека. Правда, уже Гомункул сознает, что ему надо еще «поставить точку над i», т. е. «доделаться», чтобы в полной мере стать человеком. И Гёте замечает в связи с этим, что такие существа, как Гомункул, еще не омрачены и не ограничены законченным воплощением в человека.

Но уже у Мэри Шелли в ее романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» конструирование человекоподобного монстра получило все те негативные последствия, которые и сегодня сопровождают многие утопические проекты выведения «нового человека» с помощью науки. О. Хаксли в своем нашумевшем романе «Прекрасный новый мир» довел до абсурда эту идею, которая, однако, до сих пор продолжает смущать умы отнюдь не только писателей-фантастов, но и ученых, апеллирующих, в частности, к евгенике и ее новым вариантам, связанным с попыткой использовать методы генной инженерии в целях «конструирования» человека, способы клонального размножения и т. п.

Как известно, термин «евгеника» (от греческого *eugenes* — хорошего рода) был предложен в 1869 г. Ф. Гальтоном в книге «Наследственность таланта, его законы и последствия», где автор, во-первых, показал, что наследственность человека, как и любого другого живого существа, подчиняется тем же законам генетики, а во-вторых, поставил задачу улучшения наследственности человечества с помощью уве-

225

личения и селекции полезных качеств и уменьшения или устранения вредных. Поскольку частота последних коррелировала с частотой близкородственных браков, ограничение таких браков, медико-биологическое консультирование и т. п. способствуют снижению возможностей для проявления вред-нон наследственности. Это является целью «негативной» евгеники, совпадающей во многом с тем, чем сегодня занимается медицинская генетика. Что же касается евгеники «позитивной», то она ставит перед собой более широкие цели:

выведение «нового человека» путем селекции генотипов, полученных в потомстве людей, обладающих выдающимися умственными или физическими качествами. Это направление евгеники было использовано (иногда вопреки гуманным намерениям его сторонников) разного рода реакционерами и расистами, в особенности теоретиками и практиками фашистской «расовой гигиены» и геноцида.

Подобная дискредитация идей евгеники, разумеется, не могла не привести к ее банкротству, хотя во многих случаях она опиралась на ряд научно обоснованных предположений и авторитет крупных ученых, известных своими гуманистическими взглядами (Н. К. Кольцов, Г. Мёллер, Дж. Б. С. Холдейн, Дж. Хаксли и др.). Правда, основной постулат «классической» евгеники — о возможности направленного выведения путем селекции людей с выдающимися интеллектуальными способностями — был опровергнут современной генетикой, а также наукой о человеке и его индивидуальном и историческом развитии. Это заставило многих сторонников евгеники пересмотреть некоторые ее первоначальные догмы и больше обращаться, в частности, к социальным факторам развития человека. Тем не менее основные ее положения оставались неизменными.

Интересна с этой точки зрения эволюция евгенической мысли в нашей стране. К сожалению, она часто искажается, а потому заслуживает, как я думаю, хотя бы беглого рассмотрения¹. Евгеническое движение в России, возникшее давно, организационно оформилось лишь в 1920 г., когда под председательством Н. К. Кольцова было создано в Москве Русское евгеническое общество. Вскоре при его же активном участии организуется «Русский евгенический журнал» (издано 7 томов). Второй центр возник в 1921 г. в Петрограде, где Ю. А. Филипченко организовал Бюро по евгенике, став

¹ Подробнее об этом см.: *Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф.* Николай Константинович Кольцов. М., 1975; *Медведев Н. Н.* Юрий Александрович Филипченко. М., 1978; *Пастушный С. А.* Генетика как объект философского анализа. М., 1981.

226

шее основой отделения Русского евгенического общества. Бюро имело свой печатный орган «Известия Бюро по евгенике при Российской Академии наук». Наибольший интерес для нашего исследования представляют первые три выпуска (1922, 1924, 1925 гг.). Наконец, еще одним учреждением, занимавшимся евгеникой, был Медико-биологический институт (с 1935 г. — Медико-генетический) под руководством С. Г. Левита, который условно можно назвать третьим центром, так как изучавшиеся здесь генетика человека и медицинская генетика являлись в то время составными частями евгеники. Каждый из этих центров решал свои специфические задачи. Так, для коллектива, возглавлявшегося Н. К. Кольцовым, было характерно стремление к изучению наследственности человека не только в норме, но и в патологии. Особый интерес ц сегодня представляет оригинальная программа генетического анализа психических свойств человека¹. Генетики во главе с Ю. А. Филипченко считали главной задачей анализ генетики одаренности посредством анкетного обследования ученых, представителей искусства и студентов, а также разработку системы евгенических советов для вступающих в брак². Программой третьего центра предусматривалось дальнейшее совершенствование близнецового метода для более глубокого исследования механизма взаимодействия генетических и средовых (социальных) факторов в онтогенезе человека, изучение генетики ряда заболеваний (сахарный диабет, дальтонизм, аллергия, гипертония, язвенная болезнь и др.), анализ потомства от браков между родственниками³. С Медико-генетическим институтом плодотворно сотрудничали иностранные генетики-антифашисты — такие, как Дж. Б. С. Холдейн, Л. Хогбен, Г. Мёллер, Г. Дальберг и др.

Оценивая евгеническое движение в нашей стране в целом, отметим весьма существенное обстоятельство: во всех указанных выше программах речь шла главным образом о решении сугубо научных задач. Сложившаяся ситуация так была охарактеризована Н. К. Кольцовым: «Пока евгеническое движение еще очень молодо и занимается главным

¹ См.: *Кольцов Н. К.* Генетический анализ психических особенностей человека. — Русский евгенический журнал, 1923, т. 1, вып. 3—4.

2 Программа Бюро по евгенике изложена в популярной брошюре Ю. А. Филипченко «Что такое евгеника?» (Петроград, 1921).

3 Основное содержание этой программы опубликовано в «Медико-биологическом журнале» (1929, вып. 5) в статьях С. Г. Левита и А. С. Серебровского. См.: *Левит С. Г.* Генетика и патология (в связи с современным кризисом медицины); *Серебровский А. С.* Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе,

227

образом изучением наследственности и изменчивости человека. Но оно поставило великую задачу — совершенствовать человеческую природу. Выполнение этой задачи будет величайшим чудом из всех чудесных достижений науки. Но пути практического разрешения этого вопроса трудны, работа рассчитана на столетия, и к ней надо подготовиться задолго при сознательном участии всего населения» 1.

Демократичность, сознательное отношение к использованию законов наследственности и изменчивости человека с целью охраны и улучшения здоровья последующих поколений — важная черта русской евгенической мысли. О том, насколько большое значение придавалось пропаганде генетического (евгенического) знания среди широких кругов населения, свидетельствует программа Бюро по евгенике, опубликованная Ю. А. Филипченко, где, в частности, говорится:

«Если... евгенические идеи получают достаточно широкое распространение, если они получают широкий доступ в школу, где складывается мировоззрение каждого человека, то отношение к этим вопросам станет иным и можно надеяться, что человечество выработает совершенно сознательно ряд обязательных для себя законов в этой области без применения каких-либо суровых мер. Повторяем: важно знать, а всякое знание неизбежно дает плоды, так что в области евгеники все дело сводится к знанию и к распространению этого знания» 2.

Нетрудно заметить, что эти высказывания во многом, созвучны с евгеническими взглядами основоположника евгеники Ф. Гальтона, который полагал, что евгеническое движение должно пройти три этапа. На первом из них речь должна идти лишь о познании законов наследственности и изменчивости человека и теоретической разработке комплекса мероприятий, направленных на улучшение человеческого рода. Второй этап должен носить практический характер, здесь евгенические мероприятия приобретут статус законов. После того как люди проникнутся сознанием необходимости руководствоваться в повседневной жизни евгеническими правилами и отпадет надобность в законах, наступит третий этап, когда евгенический энтузиазм станет «евангелием будущего человечества».

Как известно, тезис Ф. Гальтона о «евгенической религии» был поддержан Н. К. Кольцовым, который писал: «Обрисованная таким образом, евгеника есть религия. Культурное человечество всегда жило религией — идеалом, может

' *Кольцов Н. Н.* Чудесные достижения науки. М., 1927, с. 28.

2 *Филипченко Ю. А.* Что такое евгеника? Пг., 1921, с. 27.

228

быть, далеким, неясным, и сообразно с этим идеалом строило свою жизнь, решало вопросы о добре и зле... Евгеника поставила себе высокий идеал, который также достоин того, чтобы дать смысл жизни и подвигнуть человека на жертвы и самоограничения: создать путем сознательной работы многих

поколений высший тип человека, могучего царя природы и творца жизни... Евгеника — религия будущего, и она ждет своих пророков»¹.

Можно констатировать, что зарождавшаяся в России евгеническая мысль формировалась под сильным влиянием идей Ф. Гальтона. Это касается прежде всего кардинального вопроса евгеники — евгенического идеала и путей его достижения, отношения к «негативной» и «позитивной» евгенике, к вопросу о наследовании психических и интеллектуальных качеств человека, к идее вырождения и к вопросу о социальном статусе евгеники. Однако в дальнейшем евгеническая мысль в нашей стране сильно эволюционировала, пройдя за короткий промежуток времени весьма сложный и противоречивый путь оригинального развития, что объясняется рядом причин научного, идеологического и практического характера.

Изменение взглядов евгеников у нас оказалось в значительной мере связано с прогрессом знаний в области генетики человека, которая составляла научную основу евгеники. Так, разработка С. С. Четвериковым принципов популяционной генетики и использование их при анализе человеческой популяции позволили научно обосновать неэффективность мероприятий «негативной» евгеники (в частности, стерилизации), а также поставить под сомнение возможность выработки евгенического идеала. Отход от узких автогенетических позиций и признание существенной роли средовых факторов в проявлении наследуемого признака позволили показать, что с наследственными болезнями можно бороться на онтогенетическом уровне посредством создания таких условий, при которых дефектный ген проявлял бы свое действие минимально. Начиная интенсивно развиваться область медицинской генетики. С помощью усовершенствованных методов исследования хромосом и культивирования лейкоцитов советские генетики заложили фундамент анализа хромосомного комплекса человека и близко подошли к пониманию его значения для диагностики обширного круга наследственных болезней, вызываемых хромосомными аномалиями.

¹ *Кольцов Н. К.* Улучшение человеческой породы.— Русский евгенический журнал, 1922, т. 1, вып. 1, с. 273.

229

Совместная плодотворная работа генетиков, психологов и медиков показала, что человек принципиально отличается от животного типом наследования таких специфических качеств, как психика, интеллект, формирование которых в значительной мере зависит от социальных факторов. Вместе с тем сотрудничество в евгеническом движении ученых разных специальностей способствовало пониманию сложной структуры евгеники, ее глубокой внутренней дифференцированности на биологические, медицинские и общественные дисциплины, дальнейшее развитие которых почти ничего не оставило от собственного предмета евгеники.

Научный прогресс, новые общественно-экономические условия, возникшие в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, способствовали изживанию евгеники как общей науки о человеке и его будущем. Эта задача стала решаться на строго научной основе генетикой человека, антропологией, медицинской генетикой и — что крайне важно подчеркнуть — общественными науками и социальной практикой. Особенно сильный удар по евгенике был нанесен марксистско-ленинской концепцией формирования нового человека, основывающейся на диалектическом и историческом материализме, теории научного коммунизма, коммунистическом реальном гуманизме и нравственности. Это и понятно, ибо нормативная сторона евгеники, ее социальная компонента была представлена утопическим пониманием общественных явлений, биологизаторской трактовкой сущности человека и абстрактным гуманистическим идеалом его будущего.

Естественно, что все это не могло не повлиять на эволюцию взглядов представителей евгеники в нашей стране, прежде всего Н. К. Кольцова и А. С. Серебровского, которые во многом критически оценивали социальные позиции и выводы «классической» евгеники. Так, Н. К. Кольцов существенно изменил свои позиции в вопросе о возможности оценки качеств людей с евгенической точки зрения.

В статье «Генетический анализ психических способностей человека» он подчеркивал, что «величайшей и наиболее ценной особенностью человеческой расы является именно огромное разнообразие ее генотипов, обеспечивающих прогрессивную эволюцию человека при самых разнообразных случайностях ее неведомого нам будущего»¹. Эта точка зрения существенно отличалась от высказывавшейся им ранее идеи о наличии в человеческих популяциях какой-то евгенически наиболее ценной груп-

¹ Русский евгенический журнал, 1924, т. 1, вып. 3—4, с. 307.

230

пы. Наиболее отчетливо эта новая точка зрения была выражена в статье Н. К. Кольцова «Родословные наших выдвиженцев»¹, где он писал о происхождении А. М. Горького, Л. М. Леонова, Ф. И. Шляпина, С. А. Есенина и др.

Таким образом, как справедливо отмечал П. Ф. Рокицкий, «можно сказать, что Н. К. Кольцов был «умеренным» евгеником, правильно оценивавшим роль внешних условий, признававшим возможности преодоления недостатков, определяемых генотипом, с помощью соответствующих условий воспитания и ухода. Он не впал в те преувеличения, до которых дошли некоторые сторонники евгеники, предлагавшие применение искусственного осеменения спермой людей, признанных наиболее полноценными с евгенической точки зрения. Самые идеи такого рода были чужды духу гуманизма, который был свойствен Н. К. Кольцову»². Вместе с тем в этих вопросах у него сохранялись и многие ошибочные идеи, вытекавшие из переоценки роли биологических факторов в социальных явлениях, в развитии человека.

Во многом сходные, хотя подчас и существенно отличающиеся, идеи в отношении крайностей евгеники высказывались А. С. Серебровским. Так, он считал просто анекдотическим вывод Ф. Гальтона о том, что рождение ребенка в семье, принадлежащей к привилегированным классам, может в некоторых случаях оцениваться в 1000 раз выше, чем появление ребенка в семье рабочего. Прежде всего А. С. Серебровский ставил под сомнение научную основу подобного заключения. «Мы должны категорически утверждать,— писал он,— что наши знания в области генетики человека, в области наследственности тех или иных ценных свойств человека еще... настолько отрывочны, что мы ни в коем случае не можем выдавать за точные научные выводы разговоры о том, что известный класс лучше другого по своим наследственным свойствам»³. И хотя есть факты, указывающие на неравномерность рассеивания элементов одаренности во всем человечестве, однако, подчеркивал А. С. Серебровский, этого явно недостаточно для евгенической оценки таких крупных групп общества, как классы. А поэтому «утверждение вроде того, что группа интеллигенции или группа буржуазии является солью земли, а все остальное — подножье, навоз, на котором соль земли должна цвести, настолько нелепо, что только

¹ Русский евгенический журнал, 1926, т. 4, вып. 3—4.

² Рокицкий П. Ф. Научные воззрения Н. К. Кольцова,— Вопросы философии, 1972, № 7, с. 99.

³ Под знаменем марксизма, 1926, № 3, с. 113.

231

классовое ослепление не позволяет видеть этого тем, кто это утверждает»¹. Отсекая реакционные идеи евгеники, он одновременно обращал внимание на реальные проблемы эволюции человека: что происходит с биологической природой человека, какие генетические процессы совершаются в человеческой популяции при отсутствии естественного отбора, каковы последствия мутагенеза для генофонда человечества?

И все же, несмотря на умение отсеять реакционные буржуазные выводы из евгенических построений, А. С. Серебровскому не всегда удавалось избежать неточных формулировок и ошибок. При этом нельзя не считаться с тем фактом, что, акцентируя внимание на биологическом подходе к проблемам завтрашнего дня человечества, он тем не менее очень часто ссылаясь на социальные факторы. Так, он отмечал, что если действительно элементы художественного и научного творчества и организационной деятельности человека «покоятся на наследственной базе, то мы вправе рассматривать совокупность этих генов, которые создают в человеческом обществе талантливых выдающихся людей, или, наоборот, идиотов, как национальное богатство, *генофонд*, из которого страна черпает своих людей» 2.

Что касается центрального тезиса евгеники, т. е. положения о различной ценности групп населения, то к нему А. С. Серебровский относился достаточно осторожно. «Я повторяю,— подчеркивал он,— что здесь мы еще настолько слабы знанием, что постановка таких вопросов оказывается еще совершенно преждевременной» 3. В связи с этим он подвергал резкой критике те евгенические программы, которые в изобилии появлялись тогда в капиталистических странах⁴. Вместе с тем А. С. Серебровский разделял ошибочную идею о возможности перенесения некоторых технических приемов по улучшению наследственности животных на человека (искусственное осеменение). При этом он исходил из необоснованных предположений об отмирании семьи и исчезновении брака. Однако критика данной точки зрения и социально-политические условия, в которых жил и работал А. С. Серебров-

¹ Под знаменем марксизма, 1926, X» 3, с. 114.

² Там же, с. 116.

³ Там же, с. 115.

⁴ См.: *Серебровский А. С.* Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе.— Труды кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте. М., 1929, вып. 1.

ский, способствовали тому, что и эта ошибка была им осознана ¹.

Давая обобщенную оценку взглядам лидеров евгенического движения в нашей стране, нельзя не согласиться с выводами Н. П. Бочкова, который писал: «Их работы не лишены определенного упрощенчества, а иногда и противоречий, особенно работы П. К. Кольцова. Однако на фоне подобных исследований в других странах, в период наивысшего расцвета евгеники, подходы наших ученых отличались прогрессивной направленностью, более строгим научным характером и демократической интерпретацией результатов. Так, Н. К. Кольцов и Ю. А. Филиппенко правильно поставили вопрос о значении социальной среды в реализации индивидуальных способностей. Они указывали на наличие в народе огромного фонда наследственных дарований, не проявившихся в дореволюционное время из-за отсутствия соответствующих условий. Они полностью отвергали насильственный путь улучшения природы человека» 2.

Примерно с этих же позиций и в эти же годы с активной пропагандой евгенических идей выступал и Г. Мёллер, несколько лет проработавший в нашей стране. Этот крупный ученый, внесший значительный вклад в развитие генетики, объявил «крестовый поход» в пользу евгенических мер, которые, по его мнению, призваны спасти человечество от генетической катастрофы. Первоначально он предлагал ввести контроль за размножением людей и отбор для улучшения генофонда человечества, а затем — искусственное осеменение женщин с использованием консервированной спермы от выдающихся мужчин, для чего предполагалось создание специальных банков. Особенно отчетливо эта идея была выражена в книге Г. Мёллера «Из ночи: взгляд биолога в будущее». На Втором Международном конгрессе по генетике человека (1961 г.) он развил эту идею в концепции «зародышевого выбо-

ра», замечая, правда, что он не гарантирует здесь полного эффекта, так как проявление признаков человека зависит и

' Правда, порой эта критика переходила грань компетентности и имела отрицательные последствия, на что указывают Д. К. Беляев и П. Ф. Рокицкий: «К сожалению, резкая и подчас неквалифицированная критика евгеники и развернувшаяся вокруг этого шумная кампания, выходящая за рамки науки, одновременно ударили и по постановке проблем наследственности человека в целом, что привело и полному свертыванию исследований по генетике человека в СССР на достаточно большой период времени» {Беляев Д. К., Рокицкий П. Ф. О некоторых методологических проблемах в развитии советской генетики.— Вопросы философии, 1977, № 3, с. 143). 2 Бочков Н. П. Генетика человека, с. 18.

233

от социального окружения и развития'. «Только предстоящая революция в нашей экономической системе,— заявлял Г. Мёллер,— поставит нас в ситуацию, когда мы сможем верно судить с истинно общественной точки зрения, какие характеристики человека являются лучшими... Таким образом, это зависит от нас самих: если мы хотим, чтобы евгеника функционировала, мы должны работать для этого единственно возможным сейчас образом — направить все наши усилия на то, чтобы устранить кошмары старого, измученного общества» 2.

Как видим, Г. Мёллер связывал проведение евгенических идей с определенными социально-экономическими изменениями капиталистического общества. Тем не менее уже чисто научный аспект этих идей встретил возражения у ряда видных генетиков (Т. Добжанский, Дж. Бидл, Б. Гласе и др.). Однако у евгеники нашлось и много сторонников среди современных ученых, причем некоторые из них от теоретической поддержки ее идей перешли к практике. Этому немало способствовала энергичная деятельность друга Г. Мёллера — американского бизнесмена Р. Грэма, создавшего банк для хранения спермы и выявившего женщин, согласившихся участвовать в эксперименте по созданию «суперлюдей». Тем самым, кроме всего прочего, Р. Грэм оказал медвежью услугу неоевгеническому проекту Г. Мёллера, умершего в 1967 г.

Сегодня подобные проекты зачастую связываются с возможностями применения к человеку методов генной инженерии, клонирования и т. п. Вместе с тем неоевгенические идеи, даже если они и принимаются в принципе, получают в наши дни во многих случаях новые обоснования и формы реализации, включающие ряд существенных условий. Любопытные данные и заключения, касающиеся угрозы «генетического вырождения» человечества и необходимости в связи с этим принятия евгенических мер, приводятся, например, в сводном обзоре «Биология и будущее человека» 3, в котором характеризуются основные направления развития наук о жизни, в том числе в связи с будущим человека. Авторы обзора считают, что, несмотря на сложность динамики генетической популяции, вмешательство в нее возможно. Правда, они видят здесь и большие трудности. Хотя человек потенциально способен к селекции своей собственной генетической

' *Mailer G. Means and Aims in Human Genetic Betterment.*— In: *Ethical Issues in Modern Medicine*. California, 1977, p. 60—64.

2 Цит. по: *Golding M. P. Ethical Issues in Biological Engineering.*— In: *Ethical Issues in Modern Medicine*, p. 72.

3 *Biology and the Future of Man*. N. Y.— L.— Toronto, 1970. Подробнее об этом см. в моей книге: *Прогресс науки и будущее человека*. М., 1975.

234

конструкции, он еще не использует эту возможность. Селекция — жестокий процесс. Чтобы достичь быстрого прогресса, размножение должно быть ограничено теми, кто обладает генотипами с желаемыми чертами. Но кто решит, что желанно? Какая генотипическая и фенотипическая изменчивость будет оптимальна в человеческом обществе? Кто отважится препятствовать большинству мужчин и женщин производить потомство, ограничивая эту активность только элитарной группой? И кому общество вверит такое решение?

Можем ли мы ожидать таких изменений в позициях всего общества, которые приведут к тому, что оно решит признать необходимым самоконтроль за человеческой эволюцией ценой отказа от удовлетворения личных желаний большинства людей продлить себя в своих детях? Крайне мало вероятно, полагают авторы, что такие изменения в позициях общества произойдут скоро. Будущее человека, однако, может продлиться неопределенно длительное время, достаточное не только для обдумывания этих возможностей, но и для их активного использования.

Нет сомнений, утверждают авторы, что многие различия умственных, поведенческих и социальных черт могут быть объяснены качественными различиями в негенетических факторах, таких, как здоровье и сила, интеллектуальное развитие или его отсутствие, благоприятная или неблагоприятная среда, а также условия раннего периода жизни. Главная задача, стоящая перед человечеством, — понять: эти негенетические факторы действуют таким образом, что каждый индивид реализует свою генетическую потенцию наиболее полно. В то же время, хотя характеристика неизменяемых генотипов тем самым может быть расширена, интенсивное изучение существующей генетической изменчивости, получение со временем более глубоких знаний относительно генофонда и генетического объема популяций сделает возможным создание реалистических планов контроля за биологической структурой человека.

Будущее человека получит огромные возможности вероятнее всего благодаря использованию изменчивости генофонда, а не стандартизации некоторой формы *Ношо сарпиенс*. И хотя подобная стандартизация может стать осуществимой, мы, заявляют авторы, отвергаем отвратительную мысль о выведении подгрупп людей, специфически приспособленных к исполнению различных заданий, — это было бы, возможно, высокоэффективное, но очень плохое общество. Если однажды человек примет ответственность за свою осознанную возможность контролировать свою собственную генетиче-

235

скую судьбу, его выбор между различными планами должен основываться на глубоко обоснованном суждении. Если человек начнет контролировать свою собственную эволюцию, он должен ясно представлять себе те определенные ценности, к реализации которых будут приложены его усилия.

Перед нами, таким образом, гуманистическая позиция, которая хотя и не определяет конкретные социальные условия своей реализации, однако отвергает безответственные манипуляторские идеи, возрождаемые сегодня в рамках так называемой неоевгеники. Необходимость большего учета социальных условий при обсуждении возможностей реализации тех или иных проектов, связанных с реконструкцией генетики человека, отчетливо выражается и рядом английских ученых, рассматривающих эту проблематику¹. Они даже полагают желательным запрещение некоторых типов исследований в этой области, так как существует возможность использования их во вред человечеству. Многие считают, что само знание здесь потенциально так опасно, что его вообще не следует делать широкодоступным. В отношении евгеники заявляется, что в цивилизации, где личность свята, евгенические процедуры неэтичны. Отмечается, что много усилий было сделано для того, чтобы ввести в практику евгеническую стерилизацию, но с точки зрения генетической структуры популяции эти усилия ни к чему не привели. Первая трудность состоит здесь в том, что наиболее типичные наследственные болезни рецессивны, т. е. до времени скрыты, и носители генов, вызывающих эти болезни, широко распространены в человеческой популяции. Устранение ненормальных генов не имеет смысла, так как природная селекция предотвращает их воспроизведение в любом случае. Вторая трудность состоит в том, что вместо утраченных ненормальных генов в популяции возникают новые мутации.

Идея Ф. Гальтона, пишут авторы, состояла в том, чтобы увеличить скорость генетических изменений человека в некоторых направлениях путем евгеники так же, как это делает природная селекция, только более гуманно и эффективно. Генетическая инженерия, однако, не имеет таких чистых специфических целей. Например, идея о производстве большого количества детей от одного выдающегося индивида весьма опасна, так как любой диктатор, обладающий властью, но не выдающийся генетически, может широко распространить свои гены. Это опасно и потому, что мы еще не обладаем достаточными знаниями по генетике гениев. Обсуждается, одна-

' The Social Impact of Modern Biology. L., 1970.

236

ко, другой путь, когда генетическое знание может служить гуманным целям и в то же время способствовать изменениям в евгеническом направлении. Имеются в виду медицинские аспекты, которые можно назвать фенотипической инженерией (например, Польза от знания генетики крови, от генетических консультаций). Все важные этические проблемы сводятся здесь к тому, что мать всегда должна учитывать информацию, даваемую генетикой.

Далее английскими учеными затрагивается проблема этичности евгенического направления. Они считают, что здесь нет причин для тревоги, ибо, коль скоро генетическая болезнь становится распространенной, она перестает быть генетическим риском. Ведь утрата волос человеческим телом — это своеобразная болезнь, которую люди компенсируют тем, что носят одежду, без которой они умерли бы от холода. Это говорит только о том, что в одной сфере условия жизни могут быть недостаточными, а в другой — достаточными, и поэтому мы можем рассуждать о нуждах будущей цивилизации лишь приблизительно. Цель генетической инженерии логически сводится к созданию человеческой расы, в высшей степени приспособленной к окружающей среде. Это может означать создание в будущем людей, специфически приспособленных к жизни на Луне или в других частях Вселенной. Ясно, что в настоящее время невозможно предвидеть такие нужды.

Подобные взгляды, касающиеся возможного применения методов генной инженерии в целях реконструкции гено типа человека, получают все большее распространение среди ученых. Так формируются новые направления евгеники, сторонники которых пытаются использовать последние достижения современной генетики. Здесь можно назвать таких ученых, как Э. А. Карлсон, Б. Д. Дэвис, Дж. Ледерберг и др.¹ «Призрак евгеники» связывается иногда не только с современными генетическими исследованиями, но, как это ни парадоксально, и с... идеей революции и создания нового человека², хотя очевидно, что они не имеют между собой ничего общего.

Неоевгеника, как и вообще всякие евгенические проекты, в значительной степени пытается найти научную и эмоционально-личностную опору в идее «всепоглощающей» заботы о человеке и человечестве, их достоинстве и свободе, их будущем. Предполагается при этом, что человек, подвергшийся воздействию евгенических мер («позитивной» евгеники), будет лучше соответствовать своей сущности. Он, если восполь-

¹ См. об этом: Керимова А. Д. Социально-этические проблемы генетики человека.— Вопросы философии, 1980, № 5.

² Frankel Ch. The Spectre of Eugenics.— Commentary. N. Y., 1974, vol. 57, N 3.

237

зеваться классификацией Г. Мёллера, будет обладать в физическом отношении более крепким здоровьем, в умственном — более сильным, глубоким и творческим интеллектом, в моральном — боль-

шей теплотой, более искренним сочувствием к людям и коллективистскими наклонностями, в отношении восприятия — более богатым пониманием и более адекватным его выражением.

Характерно, что неоевгеника делает больший, чем это было в старой евгенике, упор на *средства* реализации своих проектов, на их моральность, нравственную допустимость. Речь идет, как правило, о «благородной человеческой форме евгенизма» (П. Тейяр де Шарден), которая должна применяться постепенно, в перспективе столетий, и на добровольной основе. При этом позиции крайнего сциентизма, социал-биологизма, защищаемые рядом современных неоевгеников, подвергаются довольно основательной критике, так сказать, «изнутри». Подобная критика имеет, разумеется, большое значение в борьбе против неоевгеники, поскольку она определяется соображениями гуманизма, общего понимания социальной ответственности ученых. Можно сказать даже, что она в какой-то мере типична для многих современных ученых ¹.

Таким образом, и в западной науке наряду с откровенными сторонниками неоевгеники и всяческих иных направлений, якобы открывающих пути к новому, «фабрикуемому сверхчеловеку», имеется много ученых, проявляющих трезвый, реалистический подход к делу, предлагающих учитывать не только имеющиеся научно-технические возможности, но и важные социально-этические аспекты данной проблемы. Правда, и некоторые сторонники евгеники пытаются в отдельных случаях реализовать методологию «сбалансированного» социал-биологизма, с помощью которой евгенические проекты создания «идеального человека» соединяются с социальными, в том числе и социалистического типа. Это, как мы видели, было отчетливо выражено Н. К. Кольцовым, А. С. Серебровским, а также Г. Мёллером, который полагал, что программы планируемой евгеники дают возможность, направляя эволюцию человека, добиться «неограниченного прогресса генетической конституции человека, соответствующего его культурному прогрессу и упрочивающего культурный прогресс и, в свою очередь, упрочивающегося последним так, что последовательное взаимовлияние того и другого будет, видимо, бесконечным» ². В некоторых аспектах эта пози-

¹ См. об этом в первом издании книги (с. 238—240), *2 Milder G. Studies in Genetics. N. Y., 1962, p. 500,*

ция Мёллера близка точке зрения ряда ученых, отстаивающих и сегодня идею создания «социалистической евгеники».

Однако марксисты не могут принять идеи неоевгеники даже в «облагороженном» виде. И не только потому, что эти идеи скомпрометировали себя в прошлом. Марксистско-ленинское учение о человеке и путях его развития не нуждается в такого рода «дополнении», так как включает в себя научные — в том числе связанные с использованием достижений генетики — результаты исследования человека. Это учение ориентирует на решение задачи формирования нового человека как *социальной* по самому своему существу, и лишь с таких позиций оно обращается к биологии, прежде всего к генетике, все более расширяющей сегодня сферу прямого «обслуживания» человека, его здоровья, его развития.

Что же касается неоевгенических проектов создания «идеального человека», то они несостоятельны прежде всего в научном, теоретическом отношении, так как односторонне определяют «идеал человека», опираясь при этом на весьма еще ограниченные знания генетики человека, на ложные идеи прямой связи генетической основы человека с его умственными и вообще духовными качествами. Эти проекты порочны в социальном плане, так как ориентируют не на общественные факторы изменения человека, а на чисто генетические; не случайно подобные планы берутся на вооружение расистской идеологией, теорией и практикой геноцида. Ноевгенические проекты демонстрируют свой дезориентирующий характер также в философско-мировоззренческом и методологическом отношении, ибо извращенно представляют сущность человека и его место в мире, его роль как предпосылки и продукта истории, односторонне ориентируются на социал-биологизм. Эти проекты достойны всяческого осуждения с гуманистических позиций, потому что покушаются на суверенность и непо-

вторимое своеобразие личности, санкционируя сциентистские, манипуляторские подходы к ней. Наконец, неоевгенические проекты должны быть отброшены по морально-этическим, нравственным соображениям, так как их реализация несет угрозу человечеству, ставит под сомнение основные ценности человеческого существования, такие, как любовь, родительские чувства и т.д.

Это не значит, конечно, что вообще, в принципе невозможно и нежелательно какое бы то ни было активное вмешательство в наследственность человека и что даже в отдаленном будущем перед человечеством не откроется реальная перспектива изменения в желаемом направлении его биологической природы. Однако следует четко отличать научную

239

возможность от реальной практики, которая не может руководствоваться абстрактными предположениями и требует конкретного определения социальных условий реализации той или иной идеи. В современных же условиях неоевгенические проекты объективно могут играть и действительно играют только реакционную социальную роль. Их реализация означала бы, по моему глубокому убеждению, генетическую катастрофу для человечества, гораздо более опасную, чем та, которую рисует неоевгеника и от которой она обещает нас спасти.

Отвергая неоевгенику по чисто научным, а также социальным, философским, гуманистическим и этическим соображениям, мы не можем вместе с тем не видеть те реальные перспективы человека в биологическом плане, которые открываются, в частности, в связи с исследованием проблем генетики человека, медицинской генетики, получившим интенсивное развитие в последние годы, особенно в результате успехов генетической (генной) инженерии. Эти исследования, которые не имеют ничего общего с неоевгеникой, ставят новые, порой не менее сложные проблемы. Отсюда ясно, как важно видеть социальные аспекты генетико-антропологических исследований, их гуманистическую направленность, исключая сциентистские, манипуляторские подходы к человеку и исходящую из уважения его свободы и уникальности как неповторимой «совокупности всех общественных отношений» (К. Маркс), как глубоко индивидуализированного в биологическом, генетическом отношении представителя рода человеческого.

Эти проблемы в последние годы широко обсуждаются в советской генетической и философской литературе. Они явились предметом ряда дискуссий, в том числе за «круглым столом» журнала «Вопросы философии»¹, получили разностороннее освещение в работах советских и зарубежных авторов, в том числе в статье В. Д. Тимакова и Н. П. Бочкова «Социальные проблемы генетики человека»². Большой и фундаментальный по своему значению материал не только критического характера, но, главное, и позитивно освещающий проблему биологии и будущего человека, содержится в коллективной моно-

¹ См.: Вопросы философии, 1970, № 7, 8; 1971, № 12. См. об этом в первом издании книги (с. 209—213).

² См.: Вопросы философии, 1973, № 6. Хотелось бы обратить внимание и на популярную, но довольно обоснованную научно (хотя во многом и спорную) книгу Л. Е. Этингена «Человек будущего: облик, структура, форма» (М., 1976), где высказывается мысль об эволюции человека в будущем — в том числе направленной — путем своего рода искусственного отбора.

240

графии ученых социалистических стран «Общество и здоровье человека»¹. Здесь в целостном виде сформулированы основные подходы к этой проблеме с марксистско-ленинских позиций. Эти подхо-

ды противопоставляются антинаучным, в том числе евгеническим, концепциям и прогнозам будущего человека в «век биологии», о которых уже говорилось.

Анализируя методологические, социальные и идеологические проблемы генетики человека, авторы отвергают евгенические проекты, содержащиеся, в частности, в работах Г. Р. Тейлора «Биологическая бомба замедленного действия» (1969 г.), Ф. Вагнера «Разведение людей» (1969 г.), Р. Кауфмана «Человекоделатели» (1964 г.), Т. Рего «Люди по мерке» (1967 г.) и др., и вместе с тем ставят гуманистические задачи лечения и профилактики наследственных болезней человека. Они различают три сферы воздействия на механизмы наследственности человека: 1) евгенику, т. е. учет комбинации генов, имеющих в генном составе популяции, и тем самым предотвращение генных комбинаций, приводящих к наследственным болезням; 2) «генетическое инженерное дело», т. е. направленное изменение генетического субстрата; 3) евфенику², т. е. сознательный контроль и модификацию функций генов, имеющих в том или ином организме, с тем чтобы получить улучшенный фенотип. Они справедливо подчеркивают, что разработка и применение методов направленного изменения генетического субстрата — дело неопределенного будущего. Однако развитие евфеники, по их мнению, является актуальной необходимостью и имеет целью обеспечить компенсацию генетических дефектов обмена веществ, что приведет страдающих ими людей к фенотипическому здоровью. Авторы выступают также за широкое внедрение медико-генетических консультаций в вопросах брака. Подчеркивая важность генетических проблем для будущего человека, они пишут: «Прогресс современной генетики все больше приближает нас к периоду проникновения в патологическую наследственность человека, т. е. к планомерной профилактике наследственных болезней, которую можно образно назвать «хирургией» генов, т. е. заменой патологического гена нормальным. Все будущие методы профилактики наследственных болезней снимут многие спорные вопросы, существовавшие ранее»³.

¹ Общество и здоровье человека. М., 1973.

² Этот термин был впервые в 1929 г. употреблен Н. К. Кольцовым, однако в другом значении: как улучшение фенотипических свойств человека путем воздействия среды — социальной гигиены, физической культуры и воспитания.

³ Общество и здоровье человека, с. 111.

241

Рассмотренные проблемы не исчерпывают, по мнению авторов, всего значения генетики в будущем. Прогресс в генетике человека позволит, считают они, полнее разобраться в индивидуальном богатстве каждого человека. Эволюция современного человека как биологического вида за время его существования не могла существенно изменить его генетической природы: для этого нужны другие временные параметры. Однако в социальном смысле человечество эволюционировало все нарастающими темпами. «Можно видеть, что генетическая пластичность человека не тормозит социального прогресса, и для совершенствования человека нет биологических препятствий. Надо только знать биологию человека и умело раскрывать его индивидуальные способности»¹ — таков основной вывод, который следует из анализа проблем генетики человека в связи с его будущим.

Достаточен ли он для объяснения проблемы в целом? Какие новые возможности и опасности здесь открываются? К этим вопросам мы еще вернемся. Теперь же попытаемся подвести некоторый, так сказать, предварительный итог дискуссиям, касающимся будущего человека в «век биологии».

Как мы видели, подобные дискуссии ведутся в основном вокруг оценки «совершенства» или «несовершенства» человеческой природы, причем решение вопроса о возможности и допустимости изменения ее, как правило, прямо связано с теми позициями, которые занимают в ходе обсуждения более общей проблемы о соотношении социальных и биологических факторов развития человека. Здесь остро сталкиваются крайне пессимистические и оптимистические подходы, имеющие порой весьма различную философскую и научную основу. Немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс, напри-

мер, прямо заявил, что «человек стоит перед альтернативой: либо гибель человечества, либо изменение человека»². Английский философ и биолог А. Кестлер стремится подвести под этот тезис биологическую базу, утверждая, что человек --«ошибка эволюции» и что природа наделила его рядом отрицательных, детерминированных генетически признаков, которые имеют решающее значение для его социального поведения и которые необходимо устранить генетическими методами.

Основной постулат евгенизма, какие бы формы он ни принимал, базируется именно на этом. Однако его нельзя сме-

¹ Общество и здоровье человека, с. 112.

² *Jaspers K. Philosophic und Welt. Munchen, 1963, S. 133.*

242

шивать с тем, что рассматривается сегодня как перспектива генетической (генной) инженерии. Если евгеника говорит о необходимости улучшения человеческой природы путем селекции и скрещивания на уровне человеческих популяций, то в генетической (генной) инженерии речь идет о вмешательстве в деятельность аппарата наследственности на уровне макромолекул и клеток. Ее задача (по крайней мере в обозримом будущем) значительно уже, чем создание организмов с заранее запланированным, «улучшенным» набором генетических признаков.

Есть ряд оснований предполагать, что вообще эта задача, которую ставит перед собой «позитивная» евгеника, не будет актуальной ни с научной, ни с социальной точек зрения по крайней мере еще очень длительное время, так как человечество может успешно развиваться и на имеющейся генетической основе. Когда же эта задача станет актуальной, человечество найдет достойные формы ее решения и будут выработаны разумные, благородные, гуманные способы практического применения науки о прогрессивном изменении наследственности человека (будет ли эта наука называться евгеникой или нет, другой вопрос).

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Ш. Ауэрбах о том, что среди генетиков «имеются, однако, и такие, которые мечтают о бодром новом мире, в котором человечество будет разделено на генетически отличные касты: ничтожное меньшинство, с высоким умственным развитием, большой силой воли, может быть, способностью наслаждаться духовными ценностями, и массу людей с низким уровнем умственного развития... Для многих и для меня такая перспектива отвратительна. Мы должны надеяться, что, когда будут разработаны эффективные средства позитивной евгеники, применять их будут мудрые и гуманные люди или коллективы людей»¹.

Это предупреждение Ш. Ауэрбах звучит очень актуально, поскольку неоевгенические проекты все больше проникают в литературу о человеке и его будущем в биологическом плане. Так, американский футуролог А. Тоффлер в своей уже упоминавшейся Книге «Третья волна» ставит вопрос: не попробовать ли нам совершить биологическую перестройку людей в соответствии с профессиональными требованиями,— скажем, создавать пилотов с более быстрой реакцией или сборщиков, не реагирующих на монотонную сборку у конвейера? К сожалению, как мы видели, не только он поднима-

¹ *Ауэрбах Ш. Генетика. М., 1966, с. 126—127.*

243

ет такой вопрос. Однако, по мнению многих ученых, все это имеет только реакционное значение и способно лишь скомпрометировать науку. Ведь, помимо всего прочего, то, что возможно, не значит еще необходимо, реально и гуманно. В условиях «расколотого мира» всякая возможность изменяю-

щего воздействия на человека крайне опасна, и ее реализация способна принести людям лишь новые беды. Кроме того, и сама наука находится где-то в самом начале познания человека, и то, что мы знаем, неизмеримо меньше того, чего мы еще не знаем. Здесь непоправимый вред может принести не только злой умысел, но и невежество — сциентистски самодовольное, а потому очень опасное.

Что касается будущего, причем весьма отдаленного, то в этой области, как я думаю, предстоят крупнейшие события — может быть, самые крупные за всю историю науки, которая вступит тем самым в «век человека», когда вся мощь научного знания обратится к человеку как своему главному объекту. Но для этого нужны соответствующие разуму и гуманности социальные условия, которые породят и новый этос науки. И на этой стадии, может быть, придет осознание уникальности человека разумного и гуманного, а какие выводы последуют из этого — судить не нам. Во всяком случае реализация проектов изменения биологической природы человека возможна лишь на завершающей стадии «века биологии» и при достижении социальной однородности человечества на основе коммунистических принципов. Именно это и позволит решать в будущем проблемы его биологического совершенствования в соответствии с тем идеалом, который создавался человеком на протяжении истории в мифах и утопиях и который он утвердит в будущем как результат синтеза науки и искусства, разума, добра и красоты.

Такой мировоззренческий и социальный подход, учитывающий многообразные гуманистические аспекты проблемы, следует, по-видимому, распространить не только на неоевгенические проекты «фабрикуемого сверхчеловека» путем его генетического «конструирования», но и на любые проекты качественной перделки биологической природы человека с помощью «медицинской инженерии» и т. п., создания *Homo sapientissimus* — «человека разумнейшего» — путем искусственных методов воздействия на психику, конструирования «биокиборга» — *Machina sapiens*, — в котором бы органично объединялись биологические качества человека и «искусственный разум», силы его «подсознания» и «экстрасенсорность» с биокибернетическими устройствами и т. п. Здесь также научные прогнозы и предположения сталкиваются с раз-

244

нообразными утопиями и вненаучными спекуляциями, требующими демистификации и рационального объяснения. Научное познание обнаруживает и многие новые тайны человека, его биологической индивидуальности, его психики, которые требуют объективного анализа.

Потенциальные возможности изменения человеческой индивидуальности с помощью генетических методов, пересадки или регенерации органов¹, нейрохирургии или нейрофармакологии ставят перед наукой и обществом в острой форме вопрос о гарантиях сохранности будущих поколений. Для этого необходимо установить допустимые пределы манипулирования основным генетическим материалом человека как биологического вида, вообще всякого воздействия на его индивидуальные качества. Этому, однако, не способствуют тот ажиотаж и та сенсационность, с которыми зачастую преподносятся многие биологические и медицинские открытия последних лет на Западе. Достаточно вспомнить, например, о том, сколько домыслов было порождено по поводу экспериментов с трансплантацией человеческой яйцеклетки, оплодотворенной в искусственной среде, и удачного рождения первого «ребенка из реторты»². И все же, разумеется, нельзя игнорировать те реальные и подчас очень сложные проблемы, которые здесь возникают и требуют, как считают многие ученые, существенного «переворота в мышлении», новых этических и законодательных установлений, обеспечивающих четкое определение границы между допустимым и недопустимым вмешательством в сферу этических, семейных и интимных отношений. Эти проблемы обостряются в связи с опасностью манипуляторских подходов к экспериментам с искусственно полученными эмбрионами человека.

Множество тонких и сложных этических проблем возникает при трансплантации органов, а также в таком случае «экспериментирования» на человеке, как криогенизация, т. е. замораживание безнадежно больных людей с надеждой на их последующее оживление и лечение, когда медицина научится это делать. Во всех этих случаях врачи-экспериментаторы оказываются перед дилеммой: либо неми-

нуемая смерть пациента, либо надежда на выздоровление. До каких пределов возможно, например, углубляться в область переса-

¹ См.: Мур Ф. История пересадки органов. М., 1978; Мэттсон П. Регенерация — настоящее и будущее. М., 1982.

2 По данным обзора Р. Дж. Эдвардса (Физиологическая лаборатория Кембриджского университета, Англия) по искусственному оплодотворению человеческих яйцеклеток, в 1981 г. ожидалось рождение 15—20 таких детей, причем половина из них — в Англии.

245

док тканей и органов, да и этична ли вообще трансплантация тканей и органов человека? Ведь это — единственная в своем роде область хирургии, где допускается сознательное отступление от принципов, на которых зиждется терапевтическое и хирургическое лечение: не вреди и помогай больному помогать самому себе. Медицина всегда исходила из того, что недопустимо приносить в жертву благополучие человека, а между тем изъятие тканей и органов у здорового донора понижает, а то и разрушает совсем его иммунную защиту. Здесь возникает и такая этическая и общечеловеческая проблема, как определение смерти: медики считают теперь «носителем жизни» мозг, а отнюдь не сердце, как ранее, и смерть человека устанавливается в зависимости от прекращения нейрологической деятельности. Однако, по мнению ряда ученых, это может приводить к тому, что врач будет заботиться скорее не о продлении жизни пациента, а об использовании его органов для пересадки, пока они «свежие». Кроме того, уже сейчас открывается возможность осуществления в будущем пересадок мозгового вещества у человека. В случае экспериментов на животных это вещество берется у утробного плода. А где оно будет добываться для пересадки человеку?

Вопросы эти не простые и не легкие, и не случайно они стали предметом серьезной озабоченности мировой общественности. Так, Всемирная организация здравоохранения во исполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1968 г. «Защита человеческой личности и физической и интеллектуальной неприкосновенности в свете прогресса биологии, медицины и биохимии» подготовила в 1970 г. специальный документ «Права человека и здравоохранение в условиях прогресса биологии и медицины», в котором, в частности, рассматривается и вопрос о пересадке органов и тканей. В документе анализируются подходы и условия, при которых такие операции могут быть научно и этически мотивированы.

В связи с этим современная наука ставит в очень острой форме вопросы, относящиеся к медицинской этике, деонтологии ¹, устанавливающей морально-нравственные принципы и обязательства, подобные знаменитой «клятве Гиппократова». Хорошо сказал об этом великий гуманист Альберт Швейцер:

«Этична только абсолютная и всеобщая целесообразность сохранения и развития жизни, на что и направлена этика благоговения перед жизнью. Любая другая необходимость или

¹ См.: Билибин А. Ф., Царегородцев Г. И. О клиническом мышлении (Философско-деонтологический очерк). М., 1973.

246

целесообразность не этична, а есть более или менее необходимая необходимость или более или менее целесообразная целесообразность. В конфликте между сохранением моей жизни и уничтожением других жизней или нанесением им вреда я никогда не могу соединить этическое и необходимое в относительно этическом, а должен выбирать между этическим и необходимым, и в случае, если я намерен выбрать последнее, я должен отдавать себе отчет в том, что беру на себя вину в нанесении вреда

другой жизни. Равным образом я не должен полагать, что в конфликте между личной и надличной ответственностью я могу компенсировать в относительно этическом этическое и целесообразное или вообще подавить этическое целесообразным,— я могу лишь сделать выбор между членами этой альтернативы. Если я под давлением надличной ответственности отдам предпочтение целесообразному, то окажусь виновным в нарушении морали благоговения перед жизнью» 1.

Последовательное проведение в жизнь этих этических принципов, а во многих случаях и законодательное их закрепление, как это имеет место в случае экспериментирования на человеке, конечно, являются важнейшей задачей человечества. Речь должна идти, следовательно, не только об использовании научно-технических возможностей, например, в случае пересадки органов и пр., но главное — о том, какие реальные пределы их использования устанавливаются обществом, ставящим на первое место сохранение человеческой индивидуальности, свободы и прав человека. Это в особенности касается любых манипуляций с мозгом и психикой человека, его сознанием и поведением, которые могут привести к «кризису идентичности», т. е. к утрате человеком представления о своем месте в обществе, о самооценности собственной личности².

О том, какие чудовищные формы может принимать манипуляторство с мозгом и психикой человека, убедительно и ярко рассказано С. Чавкином, который приводит многочисленные примеры насильственного изменения психики, сознания и индивидуальности человека в США, причем в основе этих действий лежит ложная теория о том, что якобы не поддающееся контролю поведение объясняется либо причинами генетического порядка, либо дефектами нервной системы³. Автор разоблачает приерженцев «генетического детерминиз-

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, с. 322.

² См. об этом; *Энгельгардт В. А.* Наука, техника, гуманизм.-Вопросы философии, 1980, № 7.

³ См.: *Чавкин С.* Похитители разума. М., 1981.

217

ма» и показывает, как реализуется их концепция в опытах над душевнобольными, заключенными, детьми. Ужасающие последствия этого манипулирования делают психи хирургию и другие методы искусственного воздействия на личность частью аппарата насилия, подавления свободомыслия и протеста против капиталистических порядков¹.

В более широком плане об этом идет речь и в книге В. Пакарда «Формовщики людей»². По словам автора, «формовка людей» охватывает все: манипулирование их поведением с помощью установленных наукой точных приемов, манипулирование их настроением, радикальные методы манипулирования воспроизводством человека как биологического вида, манипулирование человеческой личностью, мозгом и его функциями, генетическими особенностями и свойствами, продолжительностью жизни и органами человеческого тела, манипулирование ситуациями, в которых мы принимаем решения, манипулирование, лишаящее нас возможности уединиться, манипулирование уникальным характером человека как биологической особи. «Восхищение перед экспериментом, как таковым, намного опережает наше моральное воображение»,— заявил один философ-этик. Именно это и порождает стремление манипулировать всем и вся. Преклонение перед экспериментом взяло верх и над нашей способностью определять целесообразность исследования в долгосрочной перспективе еще до начала экспериментирования. Потенциальные возможности манипулирования человеком настолько велики, что мы обязаны, делает вывод Пакард, раньше или позже взять на себя социальную ответственность за это.

Разумеется, это не означает, что отбрасывается сама идея изменяющего воздействия на мозг и психику человека в благотворном для него направлении, о чем уже шла речь. Эмоции здесь так же вредны, как и отсутствие социальной, ответственности. Однако вряд ли можно сегодня в условиях капита-

лизма, ожесточенной борьбы прогрессивных и реакционных сил выдвигать эту идею как актуальную, так как ее реализация неминуемо оказалась бы еще одним коварным и отвратительным средством этой борьбы.

' Нельзя без содрогания и боли читать книгу У. Арнольда о трагической судьбе известной американской актрисы Фрэнсис Фармер, которая была подвергнута такому «лечению», приведшему к утрате индивидуальности, причем оно было организовано по политическим, идеологическим мотивам (см.: Иностранная литература, 1982, № 3).

2 Packard V. The People Shapers. N. Y., 1979. Фрагменты из этой книги опубликованы в журнале «Иностранная литература» (1981, № 12). См. там же статью В. Молчанова «Колонизаторы мозга, или Угроза виократии».

248

Касаясь вопроса о правомочности психирургии, Всемирная организация здравоохранения в уже упоминавшемся документе «Права человека и здравоохранение в условиях прогресса биологии и медицины» подчеркнула, что психирургия ставит одну из наиболее трудных проблем биоэтического характера. Кроме того, неясны научные возможности и последствия психирургического вмешательства, которое, по мнению ряда его сторонников, хотя и допустимо, но только при исключительных хронических заболеваниях, как «метод последнего прибежища» (Х. Миллер). В документе констатируется, что большое число противников психирургии не признают ни при каких обстоятельствах хирургических манипуляций на мозге по поводу чисто поведенческих отклонений неизвестного происхождения. В связи с этим делается вывод, что, поскольку имеются широкие разногласия по поводу правомочности применения психирургии, а также ввиду неопределенности исхода лечения и отсутствия твердой теоретической основы, необходимо продолжить исследования, чтобы дать оценку данному методу лечения.

Следует подчеркнуть, что речь идет в данном случае только о *лечении*, и тем не менее проявляется самое серьезное беспокойство. Что же говорить тогда о проектах активного вмешательства в деятельность мозга с целью изменить его и создать Homo sapientissimus, когда в этом случае еще более очевидно «отсутствие твердой теоретической основы»? Кроме того, как остроумно заметил Ж. Лежен, «чтобы создать человека более умного, чем мы, мы уже должны быть умнее, чем мы можем быть». По его мнению, нельзя «с помощью трюков генной инженерии» создать «суперчеловечество». Что же касается медицины, то она «более скромна, но намного более эффективна. В течение последующих лет будет эффективно побеждена не только умственная слабость, но и множество неопределенных болезней, которые хотя и незначительно, но ухудшают эффективность умственной деятельности. Здесь генетики сыграют выдающуюся роль в служении психическому здоровью человечества. Только тесный союз сердца и разума спасет когда-нибудь человеческий ум»¹.

Прекрасные слова и поистине гуманистический подход к проблеме! Они полностью применимы ко всякой научной программе, имеющей целью психофизиологическое развитие человека, интенсификацию его интеллектуальной деятельности — как с помощью естественных или искусственных

¹ Лежен Ж. Генетика и психическое здоровье.— Генетика и благосостояние человечества, с. 92.

249

форм воздействия на его мозг и психику¹, так и путем разработки технических средств, моделирующих отдельные функции интеллектуальной деятельности, что проявляется, в частности, в попытках создания «искусственного интеллекта».

Выше уже говорилось о дискуссиях в связи с этим вопросом и отмечалось, что, по мнению ряда ученых, в решении проблемы «искусственного интеллекта» имеется много упрощений; как они считают, без воссоздания психических механизмов человеческого интеллекта инженеры будут работать не над воссозданием мышления человека, а над воплощением своих упрощенных представлений о нем. Развитие биокibernетики, открывая все новые возможности моделирования интеллекта, обнаруживает и возможные ограничения². Так, по мнению В. М. Глушкова и Ю. М. Каныгина, «человек ставит перед собой задачу максимально приблизить ЭВМ и их системы по сложности и разнообразию функций к интеллекту. При этом ясно, что машины могут имитировать человеческий мозг в тех областях и таких масштабах, которые поддаются алгоритмизации и программированию. Но эти области и масштабы быстро расширяются — мы не натолкнулись здесь пока на какие-то ощутимые жесткие преграды»³. Однако это не означает, что таких пределов вообще нет. Хотя ЭВМ берет на себя выполнение не только сенсорных, но и мыслительных, «исконно человеческих» операций, приближаясь к воспроизведению высших функций человеческого мозга, но, как отмечают авторы, «во-первых, никто не ставит задачу создать искусственный интеллект уровня интеллекта Достоевского или Эйнштейна, во-вторых, нельзя не учитывать быстрый прогресс кибернетики и электронной техники»⁴. Вместе с тем авторы видят определенный «порог сложности», связанный с общественной природой интеллекта, поскольку человек является продуктом не только биологической, но и социальной эволюции. «Социальная составляющая» интеллекта обуславливается волей и мотивацией, а также «коллективистской» природой процесса познания, что делает человека

1 Интересные, хотя и не бесспорные, данные, касающиеся биосоциальных факторов повышения умственной деятельности человека, собраны В. П. Эфроимсоном, который сообщил о них в ряде своих публикаций.

2 Это хорошо подчеркнуто, например, в самом названии сборника дискуссионных статей, вышедшего под редакцией академика Б. Н. Петрова, — «Кибернетика. Неограниченные возможности и возможные ограничения. Перспективы развития» {М., 1981).

3 Там же, с. 146—147,

4 Там же, с. 147.

250

«системой с практически бесконечным числом степеней свободы»¹.

Разумеется, что «исконно человеческие» особенности деятельности мозга детерминируются не только этим: сложнейший мир психики и сознания человека, его нравственные и эстетические переживания вряд ли можно оторвать от общего процесса, обуславливающего проявления человеческого разума. Какие новые возможности видятся здесь с точки зрения перспектив биокibernетики? Н. М. Амосов, касаясь прогнозов, относящихся к «будущей кибернетике в будущей медицине», не только полагает возможным создание «творческого искусственного разума», но и рассматривает те потенциальные угрозы, которые могут исходить от него для человека. С этой точки зрения «существует еще более далекая перспектива изменения биологии человека, возможность неограниченного возрастания его интеллекта путем симбиоза с Искусственным Разумом»².

Речь идет, следовательно, о перспективе создания того, что я называю «биокиборгом», причем, в отличие от Н. М. Амосова, считающего, что «о реальности этого пока говорить рано, хотя в принципе это возможно»³, не только фантасты, но и некоторые серьезные ученые настроены более оптимистично, хотя, может быть, и не столь реалистично. Так, согласно прогнозу американского исследовательского центра по прогнозированию «РЭНД-корпорейшн», сделанному в 1972 г., демонстрация симбиоза «человек — машина», повышающего интеллектуальные возможности человека путем прямого взаимодействия мозга и ЭВМ, произойдет уже в 2012 г. В. М. Глушков считал, что добиться полного симбиоза человека и машины ученые смогут к 2020 г.⁴

Более того, по мнению ряда ученых (Дж. Бернала, Г. Си-борга и др.), со временем будет решена задача передачи мыслей непосредственно от одного мозга к другому без помощи слов — и не только мыслей, но и эмоций, воспоминаний... Но это уже прогнозы «третьего или четвертого эшелона», выходящие за временные рамки, принятые нами как пределы научного определения перспектив человека.

Есть, однако, в этом вопросе и нечто такое, что уже сегодня приобретает большую актуальность для исследования

¹ Кибернетика. Неограниченные возможности и возможные ограничения. Перспективы развития, с. 150.

2 Прогресс биологической и медицинской кибернетики, с. 154,

3 Там же.

4 См.: Кибернетика. Неограниченные возможности и возможные ограничения. Перспективы развития, с. 180 и 182.

251

человеческого интеллекта, психофизиологических феноменов, механизмов запоминания¹, интуиции², бессознательного³, разнообразных форм человеческой чувствительности, которые получают различную интерпретацию в современной науке, сопровождающуюся порой всякого рода мифами и антинаучными домыслами, как это имеет место, в частности, в психоанализе, парапсихологии и т. п. Повидимому, мы находимся в начале нового пути исследования неведомых сил человеческого интеллекта, психофизиологических феноменов, исследования, требующего новых научных методов и нового способа мышления.

Это относится, в частности, к проблеме бессознательного, выявленной еще в глубокой древности, но не получившей пока полного научного объяснения. З. Фрейд в своей теории психического аппарата, состоящего, по его мнению, из трех систем: сознательной, подсознательной и бессознательной, включал в последнюю инстинктивные представления, «вытесненные переживания», проявляющиеся как стихийные силы созидания и разрушения, сексуальности и агрессии, жизни и смерти. Психоаналитическая концепция Фрейда и его последователей, открывшая путь к лечению многих невротических заболеваний, не дает, однако, удовлетворительного объяснения самой проблемы бессознательного, а в своих общетеоретических и философских обобщениях вообще, как известно, покидает почву науки. Это относится и к различным неопрейдистским и экзистенциалистским трактовкам бессознательного⁴.

Научное понимание бессознательного, развиваемое на основе сеченовско-павловского учения о нервизме и работ таких психологов, как Л. С. Выготский, Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейн, Ж. Пиаже, А. Н. Леонтьев, Ф. В. Бассин и др., позволяет вскрыть социально-личностные и психофизиоло-

¹ См.: Вейн А. М., Каменецкая Б. И. Память человека. М., 1973.

2 См.; Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1963; Пономарев Я. А. Психика и интуиция. М., 1967.

3 См.: Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. М., 1968; Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972; Бессознательное: природа, функции и методы исследования. Тбилиси, 1978, т. 1—4; Бойко А. И. Проблема бессознательного в философии и конкретных науках. Киев, 1978; Шерозия А. Е. К проблеме сознания и бессознательного психического. Тбилиси, 1973; Он же. Психика, сознание, бессознательное. Тбилиси, 1979, и др.

4 См.: Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М., 1968; Курцын И. Т. Критика фрейдизма в медицине и физиологии. М.—Л., 1965; Елеман К. Б., Брюно П., Сэе Л. Марксистская критика психофрейдизма. М., 1977; Дейбин В. М. Психоанализ и философия неопрейдизма. М., 1977,

252

гические механизмы этого сложного явления, играющего большую роль в формировании и поведения личности, в творческой (в частности, научной и художественной) деятельности человека, в разнообразных проявлениях его психофизиологической активности. Разработке этой проблемы будут, по-видимому, способствовать и попытки моделирования и технического воспроизведения определенных фрагментов бессознательного, усиливающего способность человека постигать окружающий мир и наслаждаться им. Однако главное здесь—это исследование новых резервов «естественных» форм жизни, заключенных в психофизиологии человека, деятельности его мозга, в сенсорных механизмах, саморегуляции — вообще изучение всех тех сил, которые во многом еще загадочным образом обеспечивают жизнедеятельность человеческого организма и прежде всего активность его психики.

В этой связи следует сделать несколько замечаний о перспективах так называемой парапсихологии, вокруг которой на протяжении многих лет, особенно в последние годы, был поднят большой ажиотаж и которая преподносится зачастую как новый путь к неведомым явлениям человеческой психики, овладение которым — чуть ли не основная задача современного и будущего человечества¹.

Как известно, парапсихология относит свою область исследований к формам чувствительности, которые обеспечивают способы приема информации, не объяснимые деятельностью известных органов чувств; исследуются также соответствующие формы воздействия живого существа на физические явления, происходящие вне организма, без посредства мышечных усилий (желанием, мысленным воздействием и пр.)². К формам чувствительности, которые имеют в виду парапсихологи, относятся телепатия, ясновидение и пр., а к формам воздействия — психокинез, психофотография, парамедицина и др.

Хотя в настоящее время во всем мире существует множество организаций, изучающих парапсихологические явления, и прежде всего экстрасенсорные восприятия, специализированных изданий и т. п., основной проблемой остается проблема достоверности парапсихологических исследований. Отбрасывая явно шарлатанские и мистические спекуляции парапсихологов, вызывающие сенсационные разоблачения, все же, как считают специалисты, надо признать, что, «по-види-

¹ См. Библиографию работ по парапсихологии в кн.: *Schreiber H. Worterbuch des Parapsychologie. Munchen, 1976.*

² См.: Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 212.

253

мому, некоторые из так называемых парапсихологических феноменов действительно имеют место. Однако признать их существование мешает неизвестность канала передачи информации или воздействия. Основные надежды и усилия сосредоточены сейчас на изучении электромагнитного поля организмов как средства биологической связи и носителя информации. Эти исследования выполняются на насекомых, животных и человеке, но многие авторы в последние годы, по крайней мере внешне, не связывают свою работу с парапсихологией. Физическая основа этих явлений пока не обнаружена¹.

Отсюда следует вывод о том, что, поскольку понятием парапсихологии объединяются, с одной стороны, «сверхъестественные» феномены, а с другой — явления, реально существующие, но еще не получившие удовлетворительного научного психологического и физиологического объяснения, первые требуют разоблачения и демистификации, а вторые — изучения с помощью психологических, физиологических, биофизических, медицинских и других методов. Только по этому пути можно надеяться раскрыть истинную природу явлений, описываемых парапсихологией, и еще многих неразгаданных тайн человеческой психики.

Что даст это человечеству, какие новые силы будут приведены им в действие и как это повлияет на жизнь и будущее человека, трудно предвидеть. Да и нужно ли пытаться делать это сейчас, когда мы находимся лишь в самом начале пути к новым неведомым тайнам? Как мудро отметил «отец кибернетики» Н. Винер, самая большая ошибка предсказаний — это чересчур узкое проецирование в будущее сегодняшних возможностей науки. Поэтому постараемся избежать этой ошибки и будем надеяться только, что разгадка новых тайн человеческой психики послужит на благо человека, сделает его еще более могущественным, более разумным, более гуманным.

Если говорить о современности, то задача науки, как я ее понимаю, заключается в том, чтобы не только исследовать новые возможности человека, в частности относящиеся к его психофизиологическому развитию, но и избегать опасных для него направлений экспериментирования, а также демистифицировать всяческие спекуляции и домыслы, сопутствующие научному поиску. Это касается как неоевгенических и

' Зинченко В. П., Леонтьев А. Н., Ломов Б. Ф., Лурия А. Р. Парапсихология; фикция или реальность? — Вопросы философии, 1973, № 9, с.135.

254

биокибернетических утопий, так и парапсихологических представлений, когда они объявляются «недоступными» объективному анализу, сопровождаются идеалистическими и даже мистическими, подчас шарлатанскими интерпретациями. Следует вспомнить в связи с этим мудрые слова Ч. Дарвина: «Невежеству удастся внушить доверие чаще, чем знанию, и обыкновенно не те, которые знают много, а те, которые знают мало, всегда громче кричат, что та или другая задача никогда не будет решена наукой» 1.

Самая большая загадка биологии, генетики и психофизиологии человека заключается в целостной деятельности всех его внутренних сил, качественно детерминированной социальными факторами, составляющими его сущность. «Внутренний мир» человека обуславливается многими «системными силами», возникающими в результате взаимодействия известных нам и неизвестных пока явлений. В разное время и в разных учениях — идеалистических и материалистических — они назывались по-разному: «энтелехия» (Аристотель, Г. Дриш и др.), «жизненная сила» или «душа» (некоторые виталисты, Ф. Шеллинг и др.), «жизненный порыв» (А. Бергсон), «холос» (Дж. Смэтс), «эквивиналитет» (Л. Бер-таланфи), «системные силы» (Э. С. Бауэр), «интегрон» (Ф. Жакоб) 2, наконец, «биополе» (А. Г. Гурвич) 3 и ряд современных интерпретаторов парапсихологических феноменов). Отсекая идеалистические трактовки целостных, системных сил и взаимодействий живых организмов, включая человека с его психикой, мы не можем не отметить, что, видимо, именно здесь следует искать ключ к материалистическому объяснению «загадочных» для нас психических явлений, бессознательного и пр. Однако это предполагает новый этап развития наук о человеке, в том числе психологии, когда они перейдут к действительно комплексному — целостному и системному исследованию этих явлений.

Объективный научный анализ взаимодействия «системных сил» позволит в будущем раскрыть многие загадки психики и вообще «внутреннего мира» человека, выявить новые резервы его жизни как в биологическом, так и в социальном плане.

Однако это — лишь одна сторона вопроса, связанная с возможностями научного познания. Но есть и другая, не ме-

' Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор.— Полн. собр. соч., т. 2, кн. 1, с. 60.

2 Подробнее об этом см. в моей книге «Жизнь и познание», с. 87—159.

3 См.: Гурвич А. Г. Теория биологического поля. М., 1944.

255

нее важная — специфически человеческая, ценностно-гуманистическая, затрагивающая самые основы и смысл человеческого существования, и ее также следует иметь в виду, обращаясь к перспективам человека.

Как известно, И. П. Павлов высказал предположение о том, что в свое время научный анализ охватит величественными математическими формулами всю высшую нервную деятельность человека. Сейчас такие же предсказания делаются и в отношении его «внутреннего мира» в целом, включая эмоции, инстинкты, сложнейшие нравственные переживания и пр. Однако не является ли все это лишь некой «регулятивной целью», к которой стремится научное познание, но которой вряд ли сможет достичь в обозримом будущем? Да и будет ли оно всегда стремиться к этому? Не поймут ли люди будущего, что они погибнут как люди, если не оставят нечто, что принадлежит только их неповторимой человеческой индивидуальности и не может и не должно переводиться на язык математических формул, как бы это ни было заманчиво для «фабрикуемого человека» — Homo sapientissimus или «биокиборга» — Machina sapiens?

«Душа человека,— замечал Гегель,— велика и обширна, истинный человек носит в себе много богов, и он замыкает в своем сердце все силы, разбросанные в кругу богов; весь Олимп собран в его груди»¹. Но, видимо, не только благородные, а и многие отвратительные порождения прорываются порой на поверхность души человека. И потому его история окрашивается не только светлыми тонами разума и гуманизма, но и черными красками неразумия, бессмысленных проявлений жестокости и низости. Нелепо видеть причину этого в биологической природе человека, но нельзя и игнорировать ее, так как тем самым в какой-то мере мы обезоруживаем себя в борьбе за истинного Человека — человека разумного и гуманного, гармонически развитого в духовном и физическом отношениях.

Выдающийся советский ученый Б. Л. Астауров поистине пророчески сказал: «Надо желать и верить, что по мере того, как человек будет все более рационально вмешиваться в свое окружение и создавать для себя все более совершенную среду жизни, и по мере того, как он начнет находить все более гуманные и эффективные пути совершенствования своей наследственности, порождения зла и тьмы будут отступать перед духами добра и света. Нет никакого сомнения, что в обществе социальной справедливости, обществе, основанном

¹ Гегель. Эстетика. В 4-х т. М., 1968, т. 1, с. 245.

256

на светлых идеалах коммунизма, факторы социальной сферы в процессе своего прямого влияния на реализацию противоречивой наследственности будут благоприятствовать полному расцвету всех его наследственных задатков, которые способствуют развитию черт человечности и альтруизма, и, наоборот, будут подавлять проявления, доставшиеся человеку в наследство от зоологических предков, задатков агрессивности и эгоизма. Следует надеяться, что в результате этого процесса как будущая среда всего человечества, так и будущая его наследственность сольются в гармонию и станут в конце

концов такими, какие нужны для того, чтобы создать подлинно мудрого и гуманного Человека с большой буквы.

К этому должен стремиться высоконравственный человек передового социального строя, человек сегодняшнего и завтрашнего дня. Но при этом он должен твердо помнить, что, хотя его собственный эволюционный прогресс и вступил в социальную фазу, господствующие в окружающей его среде и в его собственном организме законы биологии тем самым ни в коей мере не отменены. Он должен помнить и о том законе природы, с которого мы начали, о том, что каждое его свойство зависит не только от среды, но и от его собственной наследственности и что, становясь господином своей судьбы и беря эволюционный прогресс человечества в свои руки, он должен научиться обращаться не только со своей средой, но и со своей наследственностью крайне заботливо, бережно, мудро и гуманно.

В социальной фазе своей эволюции он должен заслужить себе новое наименование—Человек мудрый и гуманный— *Homo sapiens et humanus*»¹.

Этими словами можно резюмировать рассмотрение вопроса о будущем человека в «век биологии». Однако тем самым мы открываем новую, прямо вытекающую из предшествующего изложения проблему — о том, какие новые черты приобретет «век биологии» в антропологической, так сказать, его стадии и далее — в «век человека», и о том, как в связи с этим ставятся и будут ставиться многие фундаментальные проблемы, относящиеся к развитию индивида и личности. Здесь можно видеть определенную логику, которая объясняется и чисто научными потребностями исследования человека и его будущего, когда абсолютизированный или просто изолированный биологический подход оказывается неэффек-

¹ *Астауров Б. Л.* *Homo sapiens et humanus* — Человек с большой буквы и эволюционная генетика человечности.— *Новый мир*, 1971 № 10, с. 224.

257

тивным, узким и требует диалектического синтеза с социальным, причем социальный подход становится доминирующим, определяющим стратегию научного исследования перспектив человека как индивида и личности.

Превращение «века биологии» в «век человека» предполагает подлинный расцвет наук о человеке — как естественнонаучного, так и социального профиля, причем именно комплексный подход и интеграционные процессы окажутся здесь доминирующими. С этим связано все большее переключение в будущем основной проблематики наук о человеке с индивида в его биосоциальном существовании на личность как воплощение всех сущностных сил человека. Ведь именно в ней сосредоточено все человеческое в человеке, вся тайна его бытия и его будущего, которое оказывается, по Марксу, развитием богатства человеческой природы, выступающим в качестве самоцели. Поэтому в социальном плане «век человека» — это век коммунизма как новой цивилизации, создающей нового человека в качестве результата социального развития, его условия и движущей силы, т. е. также в качестве своей самоцели.

3. Новый человек новой цивилизации: социальный идеал человека будущего и пути к нему — формирование всесторонне и гармонически развитой личности, изменение социальных отношений, трудовой деятельности и образа жизни, сознания и самосознания личности в обществе

Конечно, рассмотреть названные выше вопросы в одном разделе, причем в достаточной мере глубоко и аргументирование, чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Однако я уже оговорил это обстоятельство в самом начале книги, подчеркнув, что в ней будет дана скорее развернутая методологическая постановка главным образом социально-философских вопросов, которая получит свое развитие в последующих публикациях. Кроме того, вряд ли имеет смысл повторять то, что уже сделано

другими, а сделано здесь несравненно больше, чем по остальным философским аспектам проблемы человека и его будущего. Мне хотелось бы поэтому акцентировать внимание лишь на главных, ключевых идеях, вычленив в них в основном то, что прямо и непосредственно связано с рассмотрением перспектив человека.

Прежде всего — о проблеме формирования всесторонне и гармонически развитой личности как социальном идеале но-

256

вого человека новой, коммунистической цивилизации¹. Именно здесь и заключены основные, главные «резервы» и «ресурсы» человека, его развития и его будущего, которые в отличие от биологических поистине неисчерпаемы. Развитие всего богатства человеческой природы, согласно марксизму,— это, следовательно, развитие человека как личности в процессе его материальной и духовной деятельности, общения с другими людьми, обучения, образования и воспитания как освоения и воспроизведения социокультурного опыта человечества, прогресса социальных отношений и образа жизни, сознания и самосознания, нравственного совершенствования.

Марксизм подчеркивает сложность и противоречивость процесса становления личности, и особенно неоднозначность проявлений ее индивидуальности. В связи с этим обращается внимание на отличие «индивида как личности» от «случайного индивида», не имеющего возможности развить свои задатки и способности в жизнедеятельности и образе жизни, соответствующих его сущности, т. е. истинно человеческих, возможных только в условиях коммунизма, который «обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека» 2. Коммунизм открывает реальную перспективу создания «для *всех людей* таких условий жизни, при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими ближними в человеческих отношениях...» 3. Тем самым решается подлинно *обще-*

1 См. об этом: *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967; *Он же.* Открытие «Я». М., 1978; *Михайлов Ф. Т.* Загадка человеческого Я. М., 1976; *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. 1977; *Демин М. В.* Проблемы теории личности (Социально-философский аспект). М., 1977; *Кемеров В. Е.* Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977; Структура морали и личность. М., 1977; *Будева Л. П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978; *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978; *Шульга Н. А.* Классовая типология личности. Киев, 1978; Социальная психология личности. М., 1979; С чего начинается личность. М., 1979; Социализм и личность. М., 1979; *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1980; *Красин А. Н.* Социально-философские проблемы становления коммунистического типа личности. М., 1981; *Мокроносов Г. В., Москаленко А. Т.* Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. Новосибирск, 1981; *Полис А. Ф.* Единство социального и биологического в гармоническом развитии личности. Рига, 1981; Психология формирования и развития личности. М., 1981, и др.

2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 120.

3 Там же, т. 2, с. 554.

259

человеческая задача, и род людской утверждает себя в неограниченной перспективе своего развития.

К. Маркс глубоко исследовал пути, ведущие к этому состоянию общества, которое характеризуется им как истинное «царство свободы», понимаемой в неразрывной связи с необходимостью, с высочайшим уровнем развития материального производства, когда человек освобождается от непосредственного участия в нем. «Царство свободы,— писал он,— начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его (царства необходимости.—*Ред.*) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»¹.

Тем самым в понимание общественного развития вносятся высокие гуманные цели, на которые должны быть ориентированы и материальное производство, и социальные отношения, и культура общества в целом. Благодаря именно этим целям, этому ясно сформулированному марксизмом социальному идеалу общественное развитие в целом предстает как исторический процесс становления и реализации человеческой сущности, превращения индивида в личность и ее дальнейшего совершенствования и обогащения «безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»².

Вместе с тем в этом «абсолютном движении становления» имеются некоторые ориентиры, общие типические черты личности, которые выдвигаются теорией научного коммунизма как некий социальный идеал человека коммунистической цивилизации. Каков этот идеал? Мыслители разных эпох пытались ответить на этот вопрос, и марксизм, наследуя многовековую традицию, создал коммунистический идеал человека будущего, не детализируя, однако, его, так как диалектике — «душе марксизма» — вообще чужды всякого рода утопические построения. Но марксизм делает больше: он дает общетеоретическую основу и метод исследования человека будущего,

¹ Маркс К., Энгельс Ф Соч., т. 25, ч. II, с. 386-387.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 476.

260

опирающийся на анализ реальных тенденций прошлого и современности. В этом смысле мы говорим о коммунистическом идеале человека как о научно установленной цели, как о некотором регулятивном принципе, позволяющем научно определить пути к ней.

Коммунистический идеал человека предстает для нас как результат истории мысли, научный прогноз и художественный образ. В нем объединяются, следовательно, знания, полученные на протяжении веков не только с помощью научного анализа, но и средствами искусства. Цементирующей основой этого взаимодействия науки и искусства всегда была и остается философия.

Еще в мифах и сказаниях доисторических времен создавался идеал человека, качества которого, разумеется, определялись господствовавшей иерархией ценностей. Затем этот идеал находил воплощение в искусстве, в философии. Образ совершенного человека всегда оказывался известной экстраполяцией в перспективу тех его качеств, которые являлись определяющими в утверждавшейся тем или иным мыслителем или художником концепции человека и мира, в котором он живет.

Гармония души и тела, высокое духовное развитие и физическое совершенство человека — лейтмотив античной культуры. Причем, например, для Сократа это означало одновременно быть добродетельным, нравственным и мудрым, знающим человеком. Платон конструировал утопию идеального государства и совершенного человека, исходя из своего общего понимания человека и мира, проблем воспитания, этики, иерархического разделения людей и пр. Для Аристотеля совершенный, или ис-

кусный, человек — это тот, кто, стремясь к высшему благу, прекрасно выполняет разумную деятельность, направляя ее на достижение нравственного совершенства.

Совершенный человек в средневековой европейской философии — это, в сущности, евангелический человек, следующий заповедям христианской морали.

Идеал человека эпохи Возрождения, материалистических философских учений нового времени, французских материалистов XVIII века также, разумеется, определялся общим пониманием того, что такое человек, в чем его назначение и сущность. Этот идеал содержал в себе нечто прямо противоположное тому, что развивалось в идеалистических философских концепциях, в частности в философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, где акцентируются и порой гипертрофируются качества человека как морального, волевого, мысля-

261

щего существа, воспроизводящего в своем сознании теоретическую — философскую и логическую — культуру. Напротив, для Фейербаха отличительные признаки истинно человеческого в человеке — это не только разум и воля, но и сердце. Совершенный человек, по его мнению, обладает силой мышления, силой воли и силой чувства — любви:

Особый пласт истории мысли, обращенной к человеку и его будущему, образуют социальные утопические учения Т. Мора, Т. Кампанеллы, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна. Здесь мы находим зачастую развернутые и детальные характеристики человека будущего, которые при всей их умозрительности, наивности и даже фантастичности содержат и много такого, что вошло впоследствии в коммунистический идеал человека, построенный на научной основе.

Более реалистичными, связанными с практикой освободительной борьбы явились образы «новых людей», созданные революционно-демократической мыслью, в частности русской. Вспомним, какое глубокое воздействие на целые поколения революционеров в России оказали герои романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В этой связи следует сказать, что вообще в деле формирования идеала человека будущего — творческой личности, человека — созидателя и борца — огромная, ни с чем не сравнимая заслуга принадлежит литературе и искусству, начиная с античности и вплоть до наших дней.

Все это наследие аккумулировалось марксизмом уже в период его возникновения. Вместе с тем сам подход марксизма к данной проблеме радикально отличается от всех предшествующих. Превращение социализма из утопии в науку было тесно сопряжено с отказом от самой попытки конструировать образ человека будущего во всех его конкретных деталях. Речь могла идти теперь только о научном определении общих, принципиальных особенностей человека коммунистического общества, обусловленных социально-экономическими и культурно-духовными, ценностными характеристиками этого общества.

Соответственно и коммунистический идеал человека, который создается на основе теории научного коммунизма, уже и сам по себе не является лишь некоторым чисто гипотетическим построением. Дело в том, что экстраполяция в будущее осуществляется марксизмом, исходя из научно обоснованных теоретических и практических предпосылок, в первую очередь из общего понимания *сущности* человека. Это означает, следовательно, что человек будущего, согласно марксистской концепции, представляет собой прежде всего, «совокупность

262

всех общественных отношений», которые характеризуют коммунизм как общественно-экономическую формацию, как новый тип цивилизации.

Человек будущего — это человек разумный и гуманный, пытливый и деятельный, умеющий вместе с тем наслаждаться красотой; это целостная, всесторонне развитая личность, воплощающая идеал подлинного единства сущностных сил человека, его духовного и физического совершенства. И именно как личность, с ее неповторимым своеобразием, уникальностью индивидуального «Я», человек утверждает себя как существо общественное.

Марксизм подчеркивает, что человек может проявить свою индивидуальность и вообще обособиться в качестве индивида только в обществе, только в ходе его прогрессивного развития. Человек, отмечал Маркс, «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»; «чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому...»¹. Становление личности в истории — это и процесс все более полной и адекватной реализации сущностных сил человека, его целостности, это путь к единству человека. Соответственно разные периоды общественно-исторического развития характеризуются и как этапы на пути к этому единству, как процесс преодоления разрыва между сущностью и существованием человека.

Так, известно, что в античности обращение к целостному человеку еще не сопровождалось его различением как индивидуального «Я»; этот процесс начался в европейской цивилизации лишь с эпохи Возрождения. Однако по мере углубления разделения труда, развития частной собственности усиливалось отчуждение человека, его раздробленность, расчлененность. «Вместе с разделением труда,— отмечал Ф. Энгельс,— разделяется и сам человек»². Наряду с «частичным рабочим» развивается социальный тип личности, который может быть охарактеризован как «частичный индивид». Поэтому открытая марксизмом коммунистическая перспектива и утверждалась с самого начала как преодоление отчуждения и раздробленности, расчлененности личности, стремление к единству общего, особенного и единичного, общественного и индивидуального в человеке, формирование всесторонне и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 18,

² Там же, т. 20, с. 303.

гармонически развитой личности. Гуманистический смысл этой перспективы выражается, по Марксу и Энгельсу, в том, чтобы человек и общество поставили под свой контроль «условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам...»¹.

Образ Прометея — защитника и освободителя человечества — таков поэтический и социальный идеал молодого Маркса, который писал, что если каждая утренняя росинка неповторимо блестит всеми цветами радуги, то тем более каждый человек должен неповторимо блистать своими способностями. В исторической перспективе марксизмом утверждается, следовательно, образ человека, наделенного многообразными способностями, творческого, деятельного, активного; это человек с ярко выраженной индивидуальностью — «фаустовский человек», если пользоваться образом из народной немецкой легенды о докторе Фаусте, получившим классическое воплощение в трагедии Гёте.

Сегодня нередко можно услышать, что этот «фаустовский человек» якобы исчерпал свои силы и возможности и что ему на смену должен прийти другой тип человека — пассивно-созерцательного, стремящегося вернуться назад, в «лоно природы» и слиться с ней в некой нерасчлененной гармонии. Только так якобы он может обрести истинную свободу. Однако это противоречило бы самой сущности человека, которая выражается в целесообразной деятельности. Ведь человек «свободен не вслед-

ствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность...» 2. К. Маркс отмечал, что различные общественные функции, преломляющиеся в отдельном человеке,— это главным образом «сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» 3. Более того, «как, само общество производит человека как человека, так и он,— считал Маркс,— производит общество» 4. «...История,— отмечал в свою очередь В. И. Ленин,— вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей» 5.

Это личностное развитие становится в условиях социализма и коммунизма достижением всех, а не какой-то элиты.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 85—86.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145.

3 Там же, т. 23, с. 499.

4 Там же, т. 42, с. 118.

5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

264

Марксистско-ленинская теория не предполагает при этом некий стандарт человека и личности, «равенство способностей или одинаковость физических сил и душевных способностей людей... В этом смысле,— подчеркивал В. И. Ленин,— люди не равны... когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда общественное равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей» ¹.

Однако есть некоторые общие, типические черты личности, которые составляют коммунистический идеал человека будущего. Какие же основные черты, качества включает в себя этот идеал? Прежде всего научное мировоззрение и коммунистическое отношение к труду как основной сфере свободной реализации способностей и дарований, высокую и разностороннюю ориентированность в производственных процессах и подготовку к ним, творческое отношение к своей деятельности. Коммунистический идеал личности предполагает высокий общеобразовательный уровень, общекультурное развитие; он включает в себя ряд социально-нравственных и психологических качеств: дисциплину и самодисциплину в трудовых процессах и за их пределами, четкое следование правилам и нормам коммунистического образа жизни, правильно сформированные потребности, честность, скромность, коллективизм, гражданственность, доброту, принципиальность и смелость, готовность к борьбе и самопожертвованию ради общего дела, общественную активность и ответственность, физическое совершенство и благородство чувств.

Разумеется, перечисленные качества далеко не исчерпывают коммунистический идеал гармонически, всесторонне развитой личности. Пути ее формирования многообразны и сложны, и все новые и новые качества ее открываются в процессе становления коммунистической цивилизации. Поэтому вряд ли сегодня можно предугадать многие неизвестные человеческие ценности, которые завтра приобретут существенное значение в жизни человечества. Однако основные, принципиальные черты и качества коммунистического идеала человека определены марксистско-ленинской теорией, и из них мы исходим в процессе коммунистического воспитания.

Развитие нового общества, задачи, решаемые на современном его этапе, не отменяют эти идеалы, а наполняют их жизненным содержанием, придают им практическую направленность. К тому же люди, наделенные многими качествами, присущими коммунистическому идеалу личности, уже есть,

---

и их много. Пусть не у каждого из них эти качества проявляются в равной мере сильно и ярко, но они свидетельствуют о *реальности* процесса формирования нового человека. Это люди большой творческой, созидательной силы, люди чести, высокой морали и деятельной доброты. Они наследуют и развивают — не через гены, а в социальных формах — все лучшее, что создано человечеством на протяжении истории. Черты этого идеала человека будущего мы находим в людях, не только живущих сегодня, но и живших в прошлом, и они напоминают нам о том, как красив и благороден человек, какими должны быть все люди завтра. Это, по словам А. С. Пушкина, люди с высокой душой: «Они мирят человека с человечеством, как мирит природа человечество с его судьбою». Они воплощают в себе все истинно человеческое в человеке, его *сущностные* силы.

Это со всей силой подчеркивает историческую обусловленность, жизненную силу и перспективность коммунистического идеала человека. Коммунисты с презрением отвергают поэтому старые и новые буржуазные мифы, намеренно искажающие коммунистический идеал человека, приписывающие ему многие отталкивающие черты в духе представлений «казарменного коммунизма» и пр. Коммунистический идеал не имеет с этими домыслами ничего общего, он утверждает истинно гуманистический образ человека во всей полноте его общественных и индивидуальных проявлений; причем он не только не противопоставляется лучшим чертам общечеловеческого идеала, но в исторической перспективе совпадает с ним, как совпадает сама перспектива коммунизма с общей исторической судьбой всего человечества.

Имея перед собой эту цель, эту историческую перспективу, соотнося с нею актуальные задачи современного развития, социалистическое общество строит свою политику как в экономической и социальной областях, так и в сфере формирования нового человека.

Приступая к решению этой всемирно-исторической задачи, марксисты столкнулись с комплексом новых теоретических проблем, связанных с определением конкретных путей и форм воспитания нового человека, с необходимостью преодоления вековых предрассудков и традиций, культурной отсталости и неразвитости, униженности людей труда, которые они унаследовали от прошлого. Практика открыла многое, что оказалось непредвиденным в теории; она столкнулась с трудностями, казавшимися ранее легко преодолимыми. В диалектическом взаимодействии теории и практики и развивалась марксистско-ленинская концепция человека в его связи с об-

---

ществом, идущим по пути к коммунизму, формировался новый человек — продукт этого общественного развития и его главная движущая сила.

Социалистический тип человека не появляется сразу же, на следующий день после революции, и люди, делающие ее, ответственны за адекватность форм реализации избранных и утверждающихся в жизни идеалов. Последнее осуществляется, к сожалению, не всегда, а кроме того, сами эти идеалы, наши представления о новом типе человека не являются застывшими. Напротив, они изменяются, и не всегда только в правильном, адекватном коммунистической перспективе направлении. Возникающие в процессе формирования нового человека при социализме противоречия имеют поэтому как *объективный*, так и *субъективный* характер. Иначе говоря, они связаны, с одной стороны, с противоречиями самой жизни, а с другой — с их отражением в человеческом познании. Конечно, и для теории, и для политики чрезвычайно важно четко различать эти противоречия, так как от этого во многом зависит стратегия и деятельность по формированию нового человека на разных этапах социалистического и коммунистического строительства.

Сегодня для решения этой задачи имеется значительно больше предпосылок, чем было в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции, поскольку коммунистическое общество строят люди, воспитанные в условиях социализма. Вместе с тем она продолжает оставаться исключительно сложной, ибо и сам коммунизм, и темпы научно-технической революции предъявляют новые, невиданные ранее требования к человеку. При этом остается неизменным принципиальный ленинский подход к решению этой задачи: строя новое общество, формировать нового человека и, формируя нового человека, строить новое общество — коммунизм.

Это ставит все новые, более сложные задачи перед непрерывно развивающимся по пути к коммунизму социалистическим обществом. Их реализация означает, что развитое социалистическое общество немислимо без соответствующей личностной структуры: оно предполагает определенный уровень развития человека как одну из главных своих основ и вместе с тем движущих сил коммунистического строительства. В этом проявляется диалектическая взаимообусловленность общественного прогресса в направлении к коммунизму и всестороннего развития человека, личности.

Диалектика формирования нового человека такова, что, с одной стороны, от него зависят все успехи социализма и в

267

экономической, и в социальной, и в культурной областях. С другой стороны, само формирование нового человека объективно обусловлено уровнем производства, характером труда, социальными отношениями и культурным уровнем общества. Такое диалектическое понимание составляет основу стратегии КПСС и Советского государства в социальной сфере и в отношении развития личности. Она получила воплощение в решениях XXVI съезда КПСС, где сформулирована четкая и продуманная программа, предусматривающая развитие социалистических общественных условий реализации сущностных сил человека и его будущего: усиление социальной однородности общества, стирание классовых различий, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, всестороннее развитие и сближение всех наций и народностей СССР, развитие социалистической демократии, социалистического образа жизни людей.

Конечно, здесь еще много нерешенных проблем. Социализм — это длительная стадия общественного развития, на -которой создаются экономические предпосылки новой цивилизации, совершенствуются социально-политические отношения, происходит рост культуры, прогрессивные изменения в образе жизни. Маркс и Энгельс писали, что, «какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами»¹. Это значит, что социалистические отношения создают новые условия связи общественного и личного, при которых исчезает противопоставление личности и общества. Оценка личности по ее делам, совершенным для общества, является неотъемлемым атрибутом социалистического образа жизни. Это, однако, не нивелирует людей, а, наоборот, создает условия для проявления индивидуальности в рамках общества. Социалистический образ жизни как раз и раскрывает естественное стремление человека жить в обществе, так как только здесь он может иметь оптимальные для своего развития условия жизнедеятельности. Социализм все более полно реализует единство всех сфер образа жизни и их гуманистическое содержание.

В условиях социализма, где достигается единство интересов личности и общества, образ жизни приобретает качество целостности. (Однако и при социализме возможно проявление определенных противоречий, приобретающих зачастую весьма острый и даже конфликтный характер. Например, между методами, связанными с необходимостью централизованного управления хозяйством, и максимальной реализацией

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 23.

возможностей свободного и всестороннего развития каждой личности. Это может происходить, в частности, при недостаточном согласовании задач оптимального экономического программирования с ценностно сформулированными целями развития человека и условий его жизнедеятельности. Естественно также существенное различие между формами организации производственно-трудовой и внепроизводственной (условно говоря, бытовой) сфер жизнедеятельности людей. Если для первой характерен трудовой коллектив, то для второй — семья, неформальное общение, хотя природа общественных отношений сотрудничества и товарищеской взаимопомощи делает и здесь основное содержание отношений между людьми качественно общим, коллективистским.

Эта принципиальная особенность социалистического образа жизни накладывает свой отпечаток на все сферы общественной жизни при социализме. В каждую из них вносятся высокие гуманные цели, которые соответственно ориентируют и материальное производство, и социальные отношения, и развитие науки и техники, а также культуры социалистического общества в целом. В диалектическом взаимодействии этих сфер бытия заключена возможность решения проблемы человека — и как главной производительной силы общества, и как социально-активной личности, определяющей будущее общества, в котором она живет и действует.

Основная сфера проявления сущностных сил человека — его труд, и, следовательно, одним из важнейших условий развития человека как работника является преобразование технической основы его трудовой деятельности, повышение ее содержательности, насыщение творческими элементами. Этому способствуют особенности общественного производства в условиях социализма и сама его атмосфера. В свое время Ф. Энгельс отмечал, что «общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их... Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями...»¹

Ныне уже ясны основные черты такого преобразования производства, при котором на долю человека останутся функции управления, а центр тяжести рабочего процесса будет все больше переноситься на подготовительную фазу — конструирование, проектирование, планирование, прогнозирование, что, несомненно, должно быть связано с универсальным

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 335.

269

развитием человека 1. В таких условиях возрастает роль инженерного труда, применение в производстве результатов фундаментальных естественных и технических наук. Эта перспектива вырисовывается все реальнее, хотя структура современного производства обуславливает (и, пожалуй, на весьма длительное время) необходимость иметь работников как высокой, так и низкой квалификации. Исходя из научно обоснованной социально-экономической перспективы и строится политика в области формирования нового человека.

В решении этих проблем основополагающее методологическое значение сохраняют теоретические положения К. Маркса, который писал: «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек» 2.

На первый план в практическом решении этой проблемы выступает систематическая работа по повышению образования и профессиональной квалификации трудящихся, опережающая по своим тем-

пам применение новой техники и технологии. При такой постановке дела будут дополнительно стимулироваться и процессы нарастания научно-технического прогресса. Как показывают подсчеты экономистов, подготовка квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства, образованных и культурных работников материального производства — одна из наиболее выгодных статей приложения материальных ресурсов. Уровень образования и профессиональной квалификации почти всегда прямо определяет успешность трудовой деятельности, выполнение производственных нормативов, повышение качества продукции, участие в рационализации производства.

Еще в конце прошлого века В. И. Ленин писал, что «нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, кото-

' См.: Личность и труд. М., 1965; *Голосов В. Ф.* Труд и человек. Красноярск, 1966; *Чангли И. И.* Труд. М., 1973; *Сиземская И. Н.* Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981.

2 *Марку К; Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 221.

270

рая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания» 1. В современных условиях это положение особенно актуально. В нашей стране в настоящее время развернута сеть учебных заведений, готовящих специалистов, которые призваны сочетать в себе широкие теоретические знания, высокий уровень профессиональной подготовки, способность к самостоятельному повышению своего общего и специального образования.

Дальнейшее повышение уровня образования и культуры, профессионального мастерства работников социалистического производства диктуется необходимостью развивать производство только интенсивными методами, т. е. почти целиком за счет повышения производительности труда. Решающее значение имеет при этом соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. Развитие науки как непосредственной производительной силы социалистического общества является одновременно развитием производительных сил самого человека. «Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства... общество тем самым создаст новую производительную силу» 2,— писал Ф. Энгельс.

Наиболее очевидным результатом современной научно-технической революции, связанной, в частности, с комплексной механизацией и автоматизацией производства, проникающей также и в сферу общественного управления и учета, является все большее сокращение доли живого труда в непосредственном производстве продукции и возрастающее влияние факторов, связанных с уровнем развития и степенью

реализации научно-технических достижений. К. Маркс еще задолго до того, как произошли поистине революционные изменения в производстве, характеризующие современную стадию научно-технического прогресса, ставил производительную силу труда в зависимость «от прогрессирующего

совершенствования *общественных сил труда*, которое обуславливается производством в крупном масштабе, концентрацией капитала, комбинированием труда, разделением труда,

машинами, 'усовершенствованием методов производства, использованием химических и других естественных факторов, сокращением времени и пространства с помощью средств связи и транспорта и всякими другими изобретениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 485.

2 Маркс: К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 308.

271

труду и благодаря которым развивается общественный, или кооперативный, характер труда»¹.

Это означает, что меняются характер и структура самого живого труда. Если тенденция развития материального производства состоит в том, что оно превращается в господство человека над силами природы посредством науки, то трудовая роль человека — развитого субъекта общественного производства — сводится к подготовке общих условий производства, к управлению его процессом и к контролю за ним. Труд этот приобретает определенное научное содержание, которое не лежит теперь исключительно на стороне машин, а должно быть индивидуальным достоянием работника, всесторонне развитой человеческой личности.

Уже сейчас новая техника предъявляет повышенный спрос на лиц, в деятельности которых значителен удельный вес труда умственного. Внешне это выражается в росте численности работников интеллигентного труда. Соотношение умственного и исполнительского физического труда на производстве резко меняется в пользу первого. Объем научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы быстро увеличивается за счет собственно производства. Самые современные и перспективные по своей роли виды производства вообще требуют инженерно-технического и научного труда в качестве преобладающей формы производительного труда. Проецируя эту тенденцию в будущее, многие исследователи приходят к выводу, что в ближайшее столетие необходимое обществу число ученых может составить 20 и более процентов всего взрослого населения.

Характерно, однако, не только увеличение общего объема научного и инженерно-конструкторского труда в структуре материального производства. Важна и все усиливающаяся тенденция к трансформации того труда в массовом производстве, который по-прежнему должен выполняться рабочими в непосредственном контакте с предметом и орудиями труда. Производство, насыщенное под воздействием науки такими элементами, как автоматика и телемеханика, электроника и кибернетика, предъявляет к рабочим небывало высокие требования, соответствующие по своему уровню требованиям, предъявляемым к работникам инженерно-технического и научного труда. Все большая часть энергии рабочих затрачивается в форме умственного труда, предшествующего массовому производству или лежащего вне непосредственной его сферы. Наука, соединяясь с живым трудом,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 128.

272

трансформирует его и порождает новый тип производителя материальных ценностей, сочетающего в себе качества рабочего, инженера и ученого. На передний план в его труде выдвигается активный, изыскательский, творческий момент, поскольку именно шаблонное, рутинное повторение операций, свойственное исполнительскому труду в массовом производстве, все больше передается машинам.

В статье «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин подчеркивал необходимость всемерного развития науки и ее всестороннего использования при социализме, призывая добиваться того, «чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»¹. Это положение легло в основу деятельности Коммунистической партии и Советского государства по развитию производительных сил страны. Используя науку, Советское государство осуществляло перевод производства на новую техническую основу, создавало новую систему организации и управления, обеспечивало условия для полного расцвета всех сил и способностей трудящихся.

Единство науки и производства, союз науки и труда стали важнейшими факторами развития социалистического общества.

Использование достижений научно-технической революции привело к повышению фондовооруженности, машиновооруженности, энерговооруженности труда. Значительно увеличились масштабы внедрения новой техники, и более совершенных технологических процессов. Принципиальные, качественные изменения произошли под влиянием науки в техническом базисе производства в связи с ростом механизации и автоматизации производственных процессов.

Разумеется, здесь необходимы новые существенные сдвиги и даже преобразования, чтобы достичь уровня, соответствующего идеалу коммунистического общества. Это и получило конкретное воплощение в решениях XXVI съезда КПСС, наметившего новые пути реализации этой исторической задачи на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. Последующие постановления ЦК КПСС, прежде всего ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, положения, сформулированные в речи на нем Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, поставили новые задачи в развитии производства, в решении социальных проблем, которые предполагают ускорение научно-технического прогресса, усиление связей науки со всеми сторонами жизни нашего общества.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 45, с. 391.

273

Все это предъявляет новые требования к человеку, повышает роль «человеческого фактора» в материальном производстве, преобразующемся под воздействием научно-технической революции. Ведь самые продуктивные научные идеи, самые совершенные технологические схемы могут не принести должной «отдачи», если для их осуществления не окажется достаточного количества хорошо подготовленных работников или соответствующих организационных структур. Осуществление действительно научной организации труда предполагает в качестве своего условия повышение уже достигнутого уровня развития социалистической трудовой дисциплины, навыков коллективизма, нравственных мотивов трудовой деятельности, а не одних только профессиональных качеств. Точнее говоря, в число необходимых качеств социалистического работника входят его общекультурное и нравственное развитие, социальная активность, политическая сознательность.

Указанные качества, мало поддающиеся количественному учету,— важные факторы повышения трудовой активности работников, их творческого отношения к процессам труда, к интересам коллектива, к целям и задачам общественного производства. Именно эти качества «человеческого фактора» в материальном производстве составляют одно из решающих преимуществ социализма по сравнению с капитализмом. Творческое отношение к труду, соответствующая идейно-нравственная атмосфера в трудовых коллективах, органическое соединение действия материальных и моральных стимулов, наиболее полное использование возможностей социалистического соревнования — все это имеет важное значение и при народнохозяйственном планировании, и при разработке комплексных планов социально-экономического развития предприятий, производственных объединений, городов и сел.

Таким образом, поскольку особенностью современного производства и всей жизни социалистического общества является чрезвычайное усиление роли и удельного веса «человеческого фактора», без развития которого невозможно успешное продвижение вперед, к коммунизму, все общественно значимые проекты, все меры по развитию хозяйства, развертыванию строительства, подъему культуры, организации общественной жизни должны так или иначе включать в себя в качестве органического элемента проблемы человека, учитывать его реальные возможности и запросы, потребности его развития в условиях, при которых становится возможным раскрытие подлинного богатства человеческой природы.

Развитие человека нуждается в такой же основанной на

науке и ее рекомендациях планомерности, какую получают при социализме производство и общественная жизнь в целом.

Эти практически эффективные и глубоко гуманистические идеи нашли воплощение в конкретных решениях, принятых, в частности, XXVI съездом КПСС. Поставив вопрос о создании условий, необходимых для всестороннего развития способностей и творческой активности советских людей, т. е. о развитии главной производительной силы общества, партия выдвигает на передний план наиболее актуальные проблемы развития человека. Они связаны, в частности, с особенностями научно-технической революции и условиями ее соединения с преимуществами социализма, означающими возможность максимального использования ее положительных результатов и сведения к минимуму ее негативных для человека сторон и последствий.

Это принципиальное положение со всей силой подчеркивает социальную и гуманистическую значимость научно-технической революции и науки вообще, ее сущностное предназначение, заключающееся в служении человеку, его материальным и духовным потребностям, в содействии его всестороннему развитию в условиях строительства коммунистического общества. На этой основе развертываются комплексные исследования ученых, которые в союзе с практическими работниками добиваются эффективного решения проблемы развития человека в условиях научно-технической революции, в первую очередь рабочего, занятого непосредственно в сфере производства. Возрастающая роль рабочего класса с особой силой подчеркивает значение и необходимость развития таких его замечательных качеств, как коллективизм, формирующийся в процессе труда, интернационализм, передовые социальные устремления. Именно в условиях современного общества, в условиях научно-технической революции рабочий класс все теснее сближается с другими слоями трудового населения, с крестьянством, с интеллигенцией. Разумеется, что это очень сложный процесс, в ходе которого рабочий класс сам развивается духовно; он выдвигает из своей среды и воспитывает свою интеллигенцию, которая рука об руку работает с ним. Это имеет решающее значение для осмысления всего процесса развития рабочего человека при социализме. Мы не должны, следовательно, абсолютизировать то состояние, в котором сегодня находится рабочий класс. По мере движения к коммунизму рабочий класс изменяется и непрерывно наращивает свою духовную, интеллектуальную силу.

275

Социализм, обеспечивая комплексное — научное и практическое — решение проблемы развития человека в условиях научно-технической революции, создавая для этого все объективные и субъективные предпосылки, реализует тем самым «всеобщий закон общественного производства», согласно которому, по Марксу, тенденция прогресса производительных сил состоит в постепенной замене частичного рабочего «всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»¹. И разумеется, дело здесь не ограничивается повышением профессиональной квалификации, овладением новой техникой, новыми видами труда. Более того, все это — лишь *средства* реализации тех социальных задач, которые ставит перед собой социалистическое общество в целях развития человека. Личность тем богаче духовно, чем шире ее общественные связи. Возможности здесь поистине неограниченны: участие в управлении производством, в работе государственных органов, в других сферах общественной жизни и т. д. Именно всесторонняя активность на благо всего народа отличает человека социалистического общества от тех типов личности, которые были созданы предшествующими историческими эпохами. Это является результатом действия объективных условий социалистического строя и огромной идейно-воспитательной работы государства, общественных организаций, трудовых коллективов.

На одно из первых мест в связи с этим выдвигается комплекс задач, связанных с воспитанием нового, коммунистического сознания и самосознания личности в обществе. XXVI съезд КПСС указал на не-

обходимость перестройки идейно-воспитательной работы. Ее формы должны отвечать современным запросам и потребностям советских людей, а содержание стать более актуальным, что предполагает усиление его научных и философско-мировоззренческих основ. Важную роль здесь играет, в частности, патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся, борьба против любых проявлений национализма и шовинизма. Единый советский народ спаян узами неразрывного интернационального братства. Дружба народов СССР — одно из главных завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в нашей стране. «Нацеливая свою политику на гармоничное сочетание национальных и интернациональных интересов, партия создает такие социальные условия, в которых расцвет, всестороннее развитие каждой нации служат предпосылкой подъема и расцвета все-

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 499.*

276

го нашего братского союза»¹, — отмечалось в докладе Ю. В. Андропова, посвященном 60-й годовщине образования СССР.

Принципы социалистического интернационализма завоевывают себе все больше приверженцев во всем мире. Они стали основой жизни социалистических стран. Объективная социальная база социалистического интернационализма постоянно расширяется, и вместе с тем возрастает его политическое значение, богаче становится его мировоззренческое, социально-нравственное содержание. Процессы интернационализации не стихийные процессы: они планируются и регулируются, как и вся общественная жизнь при социализме. Значение интернационального воспитания, выработки интернационалистского сознания по мере продвижения общества к коммунизму будет все более возрастать.

Коммунистическое воспитание, имеющее целью выработку нового сознания и самосознания личности, предполагает постоянное совершенствование системы народного образования и профессиональной подготовки (что особенно важно в условиях научно-технической революции), общей культуры личности, включая ее ценностные ориентации и установки.

Весьма существенным компонентом нравственного воспитания на современном этапе является борьба против получившей известное распространение философии обывательщины. Мещанство рядится в разные одежды. Оно порой облекается в такие «ультрасовременные» наряды, которые делают его как бы и не мещанством и не обывательщиной, а чем-то вполне «совместимым» с социализмом и научно-технической революцией, прежде всего с тем, что они несут людям в материальном плане. Духовные же требования к человеку остаются при этом в стороне как нечто «излишнее», «не главное». В борьбе с подобными явлениями в социалистическом обществе используется вся совокупность средств воздействия на сознание и поведение человека.

В этой связи актуальной проблемой становится рациональное использование свободного времени. Теория ясно указывает: решающим моментом для развития личности служит не просто количественное увеличение свободного времени трудящихся, а его качество, содержание. Свободное время должно служить всестороннему развитию человека, усилению его творческих способностей, духовному и физическому совершенствованию. В этом направлении в нашей стране предпринимаются большие усилия, и здесь уже достигнуто много положительного. Однако, разумеется, есть еще много

---

¹ *Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. ?S,*

277

сложных проблем, связанных как с еще недостаточным уровнем экономического развития общества, так и с весьма низким порой уровнем культуры, личностного развития отдельных людей. Это отрицательно сказывается на их образе жизни и поведении, приводит к нарушению норм социалистического общежития.

Научно-технический прогресс, повышая культуру производства, создает материальные предпосылки для более рационального использования свободного времени, облегчает приобщение трудящихся к вершинам духовной культуры человечества. И здесь социализм добился выдающихся результатов, о которых теперь знает весь мир. В решении этих задач большую роль играет техника массовых коммуникаций, которая при социализме служит не распространению так называемой массовой культуры — суррогата подлинной культуры, используемого в целях эксплуатации неразвитого восприятия масс, а распространению лучших образцов подлинной, высокой культуры.

В СССР и других социалистических странах проводится огромная работа, связанная с постепенным переходом ко всеобщему среднему образованию, повышением уровня профессионально-технической подготовки, расширением высшего образования населения.

В современных условиях все большее значение приобретает экологическое воспитание человека, т. е. формирование у него определенных норм поведения в отношении к природной среде, стремления к гармонии с ней, к оптимизации биосферы на благо человека. Стереотипы сознания, закрепляющие чисто потребительские и «завоевательские» подходы к природе, все больше будут вытесняться установками, ориентирующими человека на сохранение и разумное культивирование природной среды, регенерационные возможности которой, как оказалось, не являются беспредельными.

Весьма серьезней проблемой (и чем дальше, тем больше) становится демографическое воспитание человека, более четкое осознание им принципов и норм семейно-брачных отношений, обязанностей в отношении рождения и воспитания детей. Без этого невозможно успешное проведение активной демографической политики, необходимость которой, кажется, уже не вызывает сомнений.

В комплексе черт нового человека коммунистического общества определенное место будут занимать, конечно, и научные представления медико-генетического порядка, причем общество обязано культивировать их, заботясь о здоровье народа. В этом направлении уже ведется необходимая работа,

278

с тем чтобы лучше поставить медико-генетическое просвещение среди молодежи (организация сети консультационных пунктов, создание популярных книг по этим проблемам и пр.). На это уже сейчас обращает серьезное внимание, в частности, Академия медицинских наук СССР.

Каждый из перечисленных вопросов требует, разумеется, детального обоснования и разработки конкретных предложений. Это предполагает дальнейшую научно-исследовательскую работу по комплексному изучению проблем коммунистического воспитания. Здесь уже достигнуты определенные результаты.

Разумеется, проблемы воспитания, как они ставятся и решаются сегодня, заставляют многое переосмысливать заново, а ряд наиболее актуальных вопросов выдвинуть на первый план. Это и понятно, так как развитие по пути к коммунизму создает объективные причины для подобной динамики в сфере теории и практики воспитания. И тем не менее сохраняются незыблемыми их стратегические установки и цели, сформулированные марксистско-ленинской наукой.

Весьма важную роль играет здесь исследование не только профессиональной ориентации молодежи, но и ее «культурной ориентации» в самом широком смысле этого слова. Особое значение при этом имеет проблема формирования разумных потребностей молодежи как одна из основных задач воспи-

тания. Анализ данных социологических исследований показывает высокий уровень запросов в сфере личного потребления, причем наблюдается тенденция к постепенному повышению этого уровня. Запросы эти не всегда соответствуют реальным возможностям. Что означает «разумность» потребностей социалистического типа личности, каковы принципы определения критериев этой разумности? К числу таких критериев относится, во-первых, соответствие запросов личности тем объективным возможностям, которыми располагает общество; во-вторых, соответствие потребностей личности и коллектива, что позволяет включать личность в коллектив в качестве его полноправного и активного члена;

в-третьих, то, насколько потребности личности соответствуют ее трудовому вкладу, способностям, насколько эти потребности способствуют всестороннему развитию личности; в-четвертых, соответствие запросов личности тому положению, которое она занимает в сложившейся системе разделения труда, той роли, которую она играет в обществе. Игнорирование этих принципов может способствовать проявлению и развитию потребительского индивидуализма, конкуренции, соперничества, утрате сознания ответственности перед

279

обществом, перед коллективом, разрыву созидательных социальных связей между людьми¹.

Большую роль в системе воспитания молодого поколения играет культурно-эстетическое образование. Подлинный смысл культуры состоит не только в освоении человеком природы или в освоении им культуры, но и в слиянии этих сфер. В этом более глубоком смысле, чем традиционный, культура есть не просто особая сфера деятельности, а сторона, аспект, ядро каждой сферы деятельности. Понятие культуры подразумевает устремленность, желание освоить нечто, постигнуть его, потребность в духовном. Это положение особенно важно для практики эстетического воспитания, формирования внутренней эстетической культуры человека, которую следует связывать не столько с его эстетическими воззрениями, сколько с его эстетическим вкусом. Что же касается эстетического вкуса, то он состоит не в том, какие знания человек получил (хотя это тоже имеет значение), а в том, как он развил в себе внутреннюю возможность подходить к явлениям эстетически, каковы его реальные потребности и способы их удовлетворения, каковы его оценки.

Всестороннее развитие личности предполагает наличие системы воспитания как единства умственного, физического, трудового, политического, эстетического и нравственного воспитания. И подготовить человека к жизни общества, каким оно будет завтра, означает, по-видимому, не только и не столько дать ему определенную общекультурную и профессиональную подготовку. Главное здесь — сформировать деятельную и мыслящую *личность*, способствовать воспитанию у человека определенных нравственных принципов, таких качеств, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, единство слова и дела, уважение к людям и каждому человеку в отдельности и вместе с тем нетерпимость ко всякому злу и его носителям, умение смело и принципиально следовать своей «жизненной линии», высоким идеалам и целям.

Речь идет, следовательно, о *действующей* морали, когда коммунистические принципы нравственности вытекают из потребностей индивида, становятся повседневной нормой его поведения.

Это выдвигает новый комплекс социально-философских и гуманистических проблем, которые требуют отдельного рассмотрения под углом зрения перспектив человека как лично-

¹ См. об этом: Жилина Л. Н., Фролова Н. Т. Проблемы потребления и воспитание личности. М., 1969.

сти в новой, коммунистической цивилизации. И центральной, «осевой» является здесь, конечно, проблема культуры, ее будущего и ее воздействия на развитие личности, с одной стороны, а с другой — зависимость самой культуры от развития и нравственного совершенствования личности, утверждение ее как единой гуманистической культуры будущего человечества.

4. Гуманистическая культура и человек будущего; взаимодействие науки и искусства в познании и развитии богатства человеческой природы; нравственное совершенствование личности и новый гуманизм—реальность и перспектива

Взаимосвязь и взаимозависимость развития человека как личности и культуры человечества не требуют, очевидно, особых доказательств, и речь может идти только о том, как они понимаются и выражаются научно-теоретически и практически-политически. Это, однако, существенно зависит и от того, как понимается сама культура. Отбрасывая ее буржуазные концепции, для которых характерны как откровенно антигуманистические подходы, так и абстрактный неогуманизм¹, нельзя не видеть тем не менее, что и в пределах марксизма встречаются различные определения культуры². Принимаемая здесь концепция культуры кладет в основу такой подход, который связывает воедино исторически активную творческую деятельность человека и его развитие в качестве субъекта этой деятельности³.

Применительно к нашей задаче этот подход позволяет более отчетливо увидеть многие проблемы, связанные как с глобальными процессами культурного прогресса, так и с непосредственными задачами становления и развития личности.

¹ См.: Буржуазные концепции культуры: кризис методологии. Киев, 1980; Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980; Империализм и культура. М., 1981, и др.

² См.: Коммунизм и культура. М., 1966; *Маркарян Г. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969; *Мезкуев В. М.* Культура и история. М., 1977; *Иовчук М. Т., Коган Л. Н.* Советская социалистическая культура: исторический опыт и современные проблемы. М., 1979; Культура в свете философии. Тбилиси, 1979; *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов-на-Дону, 1980; *Злобин Н. С.* Культура и духовное производство. М., 1981; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М., 1981, и др.

³ Эта концепция получила отражение в коллективной работе (с участием автора) «Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития», — Вопросы философии, 1982, № 1 и 2.

Он позволял увидеть, в частности, что, хотя современная культура, вследствие разнонаправленного действия многих классово-антагонистических факторов разорвана, в будущем она должна обрести свою целостность и единство. Углубляющийся при капитализме разрыв между двумя типами культуры — культурой для господствующей элиты и суррогатом ее для масс — «массовой культурой», несомненно, является острой социальной проблемой, которая должна быть решена и уже решается в социалистических странах. Однако сам по себе этот процесс предстает именно как реализация некоторых сущностных характеристик культуры.

Гуманистическая направленность культуры, которая порой подвергается сомнению, все больше утверждается сегодня в том, что она и сама по себе определяется через отношение к человеку, к возможностям его развития в современном мире. Социальные и другие детерминанты культуры всегда так или иначе связаны именно с этим. Вместе с тем процессы интернационализации жизни современного человечества в условиях необходимости решения глобальных проблем ускоряют интеграцию культурного развития. Таким образом, как внутренние факторы развития культуры, выражающиеся во все большей ее гуманизации, так и социально-экономические и другие процессы в целом, развивающиеся в сторону интернационализации, свидетельствуют об усиливающемся взаимодействии

вии культур, их интеграции. Это не противоречит суверенности, самобытности каждой из них; более того, при соответствующих социальных условиях процессы взаимодействия и интеграции могут способствовать этому и в то же время получить для себя новые стимулы. Стратегия культурного развития должна быть построена, по-видимому, с учетом взаимовлияния многих разнонаправленных процессов и факторов, их интеграции в единую систему. Это может быть достигнуто в полной мере лишь в условиях новой, коммунистической цивилизации, сущность которой совпадает с гуманистической сущностью культуры¹.

Такое понимание культурного развития, делающее акценты на его гуманистических, человеческих факторах, все глубже проникает в сознание современного человечества. Это ярко обнаружилось, в частности, на проходившей в середине 1982 г. в г. Мехико второй Всемирной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки

¹ Конкретные контуры этого процесса обозначены в упоминавшейся выше статье «Культура — человек — философия: к проблеме интеграции и развития».

282

и культуры (ЮНЕСКО) по политике в области культуры¹. В представленных ЮНЕСКО материалах «Проблемы и перспективы», в докладах и выступлениях делегатов от 129 стран и около 100 международных организаций², в итоговых документах (прежде всего в «Декларации Мехико по политике в области культуры») гуманистическое понимание культуры подчеркивалось как основное и главное, хотя, разумеется, наполнялось различным мировоззренческим, идейно-политическим и социальным содержанием.

Развитие к единой гуманистической культуре будущего характеризуется, однако, не только социальными детерминантами ³, но и внутренними процессами и тенденциями, связанными со спецификой человеческой деятельности в духовной сфере. И это относится прежде всего к процессам дивергенции и конвергенции «двух культур» — научной и художественной, которые в будущем должны находиться в гармоническом единстве. Такое единство может быть достигнуто во взаимодействии науки и искусства в познании и развитии богатства человеческой природы.

Мы видели, какую роль играет наука в жизни человека и как под воздействием 'социальных факторов и самой логики своего развития она устремляется к сокровенным тайнам человеческого бытия, ставит сложнейшие проблемы этики и гуманизма, ценностной ориентации познания. И все же наука не всесильна; вернее, ее сила не является универсальной, абсолютной. Наука даже в перспективе своего развития вынуждена останавливаться перед рядом загадок духовного мира человека, как неподвластных ей. Разгадать их, как оказывается, можно, но только другими средствами, в частности с помощью искусства.

На протяжении столетий мыслители самых различных направлений пытались приоткрыть завесу над этой интригующей тайной, выяснить, в чем заключается специфика науки и искусства, а также причина неоднократно возникавшего противопоставления их друг другу, какова их соотносительная роль в познании и развитии человека. Единство и взаимодействие, взаимная «дополнительность» науки и искусства в перспективе развития человека — вот основной, главный вывод, который, на мой взгляд, с неизбежностью следует как результат многовековых поисков в истории науки и искусства, в истории философских дискуссий, ведущихся

¹ См.: Курьер ЮНЕСКО, август 1982 г.

² Автор этих строк выступил на конференции с докладом «Культурные аспекты развития».

³ См.: Боноски Ф. Две культуры. М., 1978.

вокруг них. Этот вывод и явится исходным тезисом наших дальнейших размышлений о перспективах человека как всесторонне развитой, целостной личности. Воплощение этого идеала — в гармонии всего человеческого в человеке, и в том числе науки и искусства как основных форм человеческой, деятельности в сфере духа.

А. С. Пушкин говорил: «Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,—то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечногоны»!

Причина этого — в неповторимой оригинальности произведений искусства, их глубоко индивидуализированном характере, обусловленном в конечном счете постоянной обращенностью к человеку. Уникальное единство человека и мира в произведении искусства, «человеческая действительность», познаваемая им, глубоко отличают искусство от науки не только по используемым средствам, но и по самому объекту его, всегда соотносённому с личностью художника, его субъективным мировосприятием, тогда как наука стремится выйти за эти пределы, устремляется к «надчеловеческому», руководствуясь принципом объективности, номотетичности. Поэтому наука стремится и к строгой однозначности восприятия знания человеком, она находит соответствующие средства для этого, свой особый язык (понятия, символы и т. п.), тогда как произведения искусства не имеют такой однозначности: восприятие их, преломляясь через субъективный мир человека, порождает целую гамму глубоко индивидуальных оттенков и тонов, делающих это восприятие необычайно многообразным, хотя и подчиненным определенному направлению, общей теме.

Именно в этом заключается тайна необычайного воздействия искусства на человека, его нравственный мир, образ жизни, поведение. В самом деле, наука не может заполнить человеческую душу полностью, до конца; в противном случае она культивировала бы тем самым односторонность, «одномерность» человека. Обращаясь к искусству, человек выходит за пределы рациональной однозначности; искусство от-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.—Л., 1949, т. 5, с.546.

крывает ему загадочное, не поддающееся рациональному научному познанию, и поэтому человек нуждается в искусстве как органической части того, что заключено в нем самом и в мире, который он познает и которым наслаждается. Об этом хорошо сказал Н. Бор: «Причина, почему искусство может нас обогатить, заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа» ¹. Вспомним также, как глубоко сожалел к концу жизни Ч. Дарвин об утрате высших эстетических вкусов, говоря, что, если бы ему пришлось вновь пережить свою жизнь, он постарался бы сохранить активность тех частей мозга, которые связаны с эстетическими вкусами. «Утрата этих вкусов,— писал он,— равносильна утрате счастья, и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы» ².

Эта постоянная обращенность искусства к «гармониям, недостижимым для систематического анализа», к «эмоциональной стороне нашей природы», к нравственному миру человека приводит к тому, что именно в искусстве в предельно напряженной форме ставятся нравственно-философские, гуманистические проблемы жизни и смерти, добра и зла, свободы и чести человека. А проблемы эти, как

и сам человек, не меняются так быстро, как открытия науки. Они, эти проблемы, в известном смысле «вечны», как вечно и искусство, выражающее их.

Разумеется, искусство отнюдь не превращается тем самым в подсобный инструмент науки, и речь не идет о простой утилизации его достижений ради целей, лежащих лишь вне его. Будучи глубоко социальным явлением, искусство обладает полифункциональностью: оно выполняет активную общественно-преобразующую функцию, выступая как вид человеческой деятельности; ему принадлежит важная познавательная-эвристическая, мировоззренческая функция; оно способно к предвосхищению многого, относящегося к человеку и миру, в котором он живет; поистине неоценима его воспитательная, а также аксиологическая, ценностная функция;

наконец, искусство играет незаменимую роль как средство эстетического наслаждения (гедонистическая функция). Очень выразительно сказал об этом А. Эйнштейн: «Мне лично ощущение высшего счастья дают произведения искусства. В них я черпаю такое духовное блаженство, как ни в какой

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, с. 111.

2 Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). Дневник работы и жизни. М., 1957, с. 148.

285

другой области... Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!»

Можно было бы и дальше приводить многочисленные (разумеется, не всегда бесспорные) высказывания великих ученых, свидетельствующие о том, какое колоссальное значение в их жизни и творчестве имело искусство, то прекрасное и неизведанное, что открывает оно человеку. В свою очередь многие великие писатели и художники постоянно подчеркивали то огромное оплодотворяющее воздействие, которое оказывала на их творчество наука, красота и величие истины, рождаемой в ходе научных исследований и открытий. Так, А. М. Горький, отмечая общие черты творческого процесса в науке и в искусстве, говорил, что «и там, и тут основную роль играют наблюдения, сравнение, изучение; художнику, так же, как ученому, необходимо обладать воображением и догадкой — «интуицией» 2. Впрочем, наверное, можно привести и столько же противоположных — негативных — высказываний с той и с другой стороны. Собственно говоря, подобные высказывания, ни в малой степени не подрывая идею о возможной гармонии истины и красоты, лишь подчеркивают, что здесь есть проблема, которая вряд ли может быть решена однозначно.

Возникнув и сформировавшись из одного корня — трудовой, производственной деятельности людей, наука и искусство в разных формах выражают всеобщую, универсальную способность человека к творчеству, созиданию нового. В древности эта способность представлялась как нерасчлененная, целостная. Последующее развитие привело, с одной стороны, к резкому разделению науки и искусства внутри сферы познания, осуществляемого в логических, рациональных формах (наука) и интуитивных, иррациональных (искусство);

с другой стороны, за искусством вообще не стада признаваться какая-либо познавательная функция. Эти крайности сциентизма, негативно оценивающего возможности искусства, способствовали развитию столь же предельных форм антисциентизма, абсолютизирующих интуитивные, иррациональные акты художественного и всякого иного «озарения», причем именно искусство альтернативно направлялось главным образом против науки³. Этот вид антисциентизма и сегодня по-

¹ См.: Мешковский А. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей картине мира. М., 1922, с. 162.

2 Горький о науке. Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964, с. 40.

3 История этой проблемы начиная с античности и до наших дней кратко резюмирована в первом издании этой книга (см. с. 267—273).

286

лучает весьма широкое поле деятельности, в частности, через различные формы иррационализма, экзистенциалистские концепции и др. Доминирующей, однако, является сциентистская тенденция, поскольку она все больше апеллирует к современной научно-технической революции, которая будто бы способна захватить все и вся и привести к абсолютному торжеству научной и технической рациональности, дегуманизировать и деидеологизировать искусство.

Между тем в представлениях о том, что искусство должно «раствориться» в науке, отказаться от своей гуманистической направленности, таится угроза развитию не только искусства, но и самой науки. Ведь искусство имеет, кроме всего прочего, огромное аксиологическое, ценностно-регулирующее значение, выступая и в форме *эстетики научного познания*, подобно тому как мы говорим о социологии и этике науки.

Поскольку пессимистические прогнозы относительно вытеснения искусства наукой не подтвердились, актуальной стала проблема взаимного обособления науки и искусства, обособления, идущего, как полагают некоторые современные мыслители, вплоть до образования двух самостоятельных культур—«научной» и «художественной». В связи с этим возникает ряд вопросов. Не является ли подобное взаимное обособление науки и искусства одним из вариантов самоотчуждения, саморазрученности человеческой личности? Не преувеличено ли это обособление? Или, может быть, то, что - на первый взгляд кажется расхождением, есть на самом деле не что иное, как внешнее выражение нового типа внутренней связи науки и искусства?

Все эти вопросы остро поставлены в наши дни, в особенности в 60—70-х годах, и именно в таком виде они были сформулированы редакцией журнала «Вопросы философии» в тезисах, открывших дискуссию по проблеме взаимодействия науки и искусства в условиях современной научно-технической революции¹.

Как известно, дискуссия по этой проблеме началась в 1959 г., после того как английский писатель, физик по образованию, Чарльз Сноу выступил в Кембридже (США) с лекцией «Две культуры и научная революция»². Сноу выдвинул концепцию «двух культур», доказывая, что духовный мир и

¹ См.: Вопросы философии, 1975, № 6.

² Snow C. P. The Two Cultures and the Scientific Revolution. N. Y., 1959; эта работа содержится также в сборнике: Snow C. P. Public Affairs. L., 1971 (см.: Сноу Ч. П. Две культуры. Сборник публицистических работ. М., 1973).

287

практическая деятельность западной интеллигенции все явственнее поляризуются, раскалываясь на две противоположные части: на одном полюсе — художественная интеллигенция (называющая себя просто интеллигенцией, как будто другой вообще не существует), на другом — ученые (в основном наиболее яркие их представители в те годы — физики). Их разделяет, считает Сноу, стена непонимания, а иногда даже антипатии и вражды; они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций. Художественная интеллигенция считает, что ученые не представляют себе реальной жизни и им свойствен поверхностный оптимизм, тогда

как ученые склонны считать, что у художественной интеллигенции нет дара провидения, что она проявляет странное равнодушие к участи человечества, ей чуждо все, что имеет отношение к разуму, и т. п.

Ученые, полагает Сноу, представляют новую культуру — не только в интеллектуальном, но и в антропологическом смысле, — культуру, созданную наукой. Художественная интеллигенция продолжает оставаться в рамках «традиционной» культуры, в которой ненаучность едва удерживается на грани антинаучности. Эта поляризация культуры, по мнению Сноу, очевидная потеря для всех нас, в том числе практическая, моральная и творческая потеря, и это, делает он вывод, не только печально, но и трагично, поскольку богатейшие возможности умственной и творческой деятельности пропадают впустую. «Столкновение двух дисциплин, двух систем, двух культур, двух галактик—если не бояться зайти "так далеко! — не может,— считает Сноу,— не высечь творческой искры. Как видно из истории интеллектуального развития человечества, такие искры действительно всегда вспыхивали там, где разрывались привычные связи»¹. Мы по-прежнему возлагаем наши творческие надежды прежде всего на эти вспышки, но сегодня, заключает Сноу, наши надежды повисли, к сожалению, в воздухе.

Сноу отмечает крайне поверхностный характер влияния науки XX века на современное искусство и делает вывод, что она должна быть воспринята искусством как неотъемлемая часть всего нашего интеллектуального опыта и использоваться так же непринужденно, как всякий другой материал. Между тем интеллигенты, в частности писатели, оказались, по мнению Сноу, луддитами по отношению к современной научной революции. С другой стороны, чрезмерно специализированное образование на Западе мешает ученым

¹ Сноу Ч. П. Две культуры, с. 30.

288

иметь широкий диапазон интересов в области духовной и материальной культуры. И здесь Сноу апеллирует к опыту Советского Союза, где эта проблема решается, по его мнению, более успешно.

Нельзя сказать, что в своей книге Сноу объяснил причины возникновения «двух культур»; он понимает, что они достаточно глубоки и сложны: некоторые из них связаны с общими закономерностями исторического развития, другие — с конкретными обстоятельствами истории той или иной страны, третьи — с особенностями внутренней динамики интеллектуальной деятельности людей. Было бы преувеличением сказать также, что Сноу указал пути преодоления поляризации «двух культур»: ведь та или иная система образования является производной от более общих факторов социального развития. Однако он остро поставил многие большие вопросы и привлек к ним общественное внимание.

Книга Сноу породила бурные дискуссии во всем мире. Многие развитые в ней положения вызвали возмущение у части западной интеллигенции (особенно художественной), другие — одобрение. Во всяком случае, она заставила глубоко задуматься над сложнейшими проблемами развития культуры в век научно-технической революции.

Хотя и не в прямой связи с книгой Сноу, но в основном по тем же вопросам и в то же самое время началась дискуссия и в нашей стране; она была открыта газетой «Комсомольская правда» 2 сентября 1959 г. в связи со статьей И. Г. Эренбурга «Ответ на одно письмо». В этой дискуссии, а также в последующих (с 1960 г. и далее) спорах о значении науки и искусства приняли участие как «физики», так и «лирики» — крупные советские ученые, писатели, художники, представители широкой общественности. Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня многое в этих дискуссиях кажется неглубоким, второстепенным, далеким от анализа реальных проблем. И все же это был важный этап общественного воспитания и осознания проблем культуры в условиях научно-технической революции¹.

Последующее развитие было связано с попытками более углубленного научного анализа дискуссионных проблем². И здесь нельзя не обратить внимания на состоявшийся в 1970 г. симпозиум «Научно-технический прогресс и искус-

¹ Подробное рассмотрение этих дискуссий дано в книге Б. С. Мейлаха «На рубеже науки и искусства. Спор о двух сферах познания и творчества» (Л., 1971).

² См.: Содружество паук и тайна творчества. М., 1968.

289

ство»¹. Плодотворной оказалась и дискуссия за «круглым столом» журнала «Вопросы философии», посвященная проблеме взаимодействия науки и искусства в условиях современной научно-технической революции. Живой и содержательный обмен мнениями по вопросу о взаимодействии науки и искусства в условиях научно-технической революции состоялся на совместном заседании за «круглым столом» журналов «Вопросы литературы» и «Вопросы философии» в мае 1976 г.²

В ходе этих дискуссий участвовавшие в них ученые, писатели, деятели искусств подчеркивали, что традиционное противопоставление науки искусству, точных наук — гуманитарным отживает свой век. Математические методы проникают в литературоведение, теорию музыки и т. д. На стыке точных и гуманитарных наук возникают такие «странные» дисциплины, как, скажем, «искусствометрия». Электронные цифровые вычислительные машины «сочиняют» вполне доброкачественную музыку, пишут (довольно еще посредственные) стихи, создают оригинальные образцы декоративного искусства и т. д. На первый взгляд это вторжение точных наук в типично гуманитарные сферы может показаться односторонним. На самом деле это далеко не так. Здесь происходит не одностороннее наступление, а обоюдное проникновение и влияние двух сфер. Именно в «пограничных» сферах наиболее очевидно прослеживаются непосредственные связи искусства с наукой. Так, современное промышленное искусство (как, с другой стороны, и радио, кино, телевидение) было бы невозможно без соответствующего уровня развития технических наук, предопределившего новый этап истории архитектуры и само появление дизайна.

Выясняя те основания, на которых возможно плодотворное взаимодействие науки и искусства, участники дискуссий искали черты общего и специфического в их деятельности, связанные с особенностями тех сторон мира, которые постигаются в науке и искусстве. Так, было отмечено, что совре-

¹ См.: Искусство и научно-технический прогресс. М., 1973. См. также: Влияние научно-технической революции на искусство и нравственность.— Проблемы этики и эстетики. М., 1977, вып. 4; *Гулы-га* А. В. Искусство в век науки. М., 1978.

² См.: Вопросы философии, 1975, № 8 и 10; 1976, № 7, 10, 12; 1977, № 8; Вопросы литературы, 1976, № 11; Материалы этих дискуссий были опубликованы в Италии (*Bassegna sovietica*, 1978, X» 1). Их обзор см. в первом издании книги (с. 276—281). См. также: НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980; Взаимодействие наук при изучении литературы. Л., 1981. Библиография работ на эту тему дана в книге «НТР и проблемы художественной культуры. Сборник обзоров и рефератов ИНИОН» (М., 1981).

290

менная семиотика искусства и семиотика культуры позволяют, с одной стороны, видеть в произведении искусства созданное человеком своеобразное мыслящее устройство, а с другой — взглянуть на культуру как на естественно и исторически сложившийся механизм коллективного разума, обладающий коллективной памятью и способный осуществлять интеллектуальные операции. Это выво-

дит человеческий интеллект из состояния единственности, что представляет собой существенный шаг в развитии науки. Можно надеяться, что наступит момент, когда внимательное исследование явлений искусства и механизмов культуры сделается привычным и для теоретика-кибернетика, и для создателя новых форм техники¹. Глубокая общность науки и искусства определяется тем, что и то и другое есть и познание, и творчество, подчеркивалось в ходе дискуссий. Стремление к познанию и творчеству запрограммировано в человеке генетически, оно является результатом необратимого развития Вселенной в целом, развития Солнечной системы, Земли, эволюционного развития биосферы. Творчество означает свободный выбор пути к некоей цели. Этот выбор возможен и в науке, и в искусстве, вследствие неоднородности Вселенной, вследствие ее упорядоченности в пространстве и времени. Единство науки и искусства — важнейший залог последующего развития культуры. Нужно искать и культивировать то, что объединяет науку и искусство, а не разделяет их. За научно-технической революцией должна последовать новая эпоха Возрождения.

В современных дискуссиях о специфике и взаимодействии науки и искусства со всей силой проявил свою эвристическую эффективность марксистский подход к проблеме согласно которому, только включая научную и художественную деятельность в общий контекст человеческой деятельности, где основой выступает материальное производство, можно правильно понять их соотносительную роль в познании и развитии человека.

Деятельная природа человека, проявляющаяся в изменяющихся на протяжении истории формах человеческой практики, общения, духовной жизни, реализуется в развитии культуры, в том числе научного познания и искусства, которые предстают, следовательно, как разные, но взаимосвязанные содержательно-творческие аспекты человеческой деятельности². С этой точки зрения они являются также и формами развития этой деятельности, а следовательно,

¹ См.: *Фейнберг Е. Л.* Кибернетика, логика, искусство. М., 1981.

² Анализ этой проблемы дан в кн.: *Иванов В. Л.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977.

291

и развития человека как деятельного существа. Маркс отмечал, что «предмет искусства — то же самое происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой»¹.

В настоящее время уже ясно, что попытки до предела «социологизировать» и, так сказать, «онаучить» жизнь потерпели неудачу. Человек как мыслящее и чувствующее существо еще раз доказал, насколько он сложнее тех спциентистски ограниченных представлений о нем, которые когда-либо создавались в прошлом, существуют в настоящем и, наверное, будут создаваться в будущем. *Homo sapiens* — человек разумный, но он весь соткан из противоречий и страстей жизни земной. И только как человек земной он утверждает свою самоценность и вообще представляет какой-либо интерес в космическом плане.

Искусство в присущих ему формах стремится выразить это неповторимое своеобразие человека; оно культивирует глубоко творческое начало во всем — и в постижении истины, и в преобразовании мира «по законам красоты» (К. Маркс). Исторически сложилось так, что именно в искусстве формировалась прежде всего свободная творческая индивидуальность. Пересекаясь с наукой в самой точке ее зарождения (акте творчества), искусство в своих конечных продуктах (в отличие от всеобщей, безличной формы, в которой фиксируются результаты научного поиска) несет на себе отпечаток неповторимой личности его создателя, позволяя тем самым человеку конкретно-чувственно пережить приобщение к творческому процессу. Иными словами, искусство способно занять особое место в развитии творческого потенциала общества.

Открывая внутренний мир личности, искусство приобщает нас к наиболее развитым формам ее жизнедеятельности, к некоему личностному и социальному идеалу. В этом смысле искусство — самая человеческая форма общения и приобщения к вершинам человеческого духа. Переживая произведения искусства, мы приобщаемся к творческому, деятельному началу личности и получаем стимулы, побуждающие следовать ее идеалу.

Искусство отражает жизнь в целостных художественных образах и обращено к целостному человеку, к его «Я» как единому началу, а не к какой-либо односторонне развитой способности. Это не значит, конечно, что тем самым человек может характеризоваться в рамках некой «тотальности» и в

' Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 28.

292

отношении развития своих способностей, в том числе способностей к научному и художественному творчеству. По-видимому, различные стороны человеческой природы при общем их максимальном развитии будут всегда проявляться неодинаково. Это позволяет надеяться, что при всем единстве, гармонии, взаимодействии познавательной, рациональной и художественной, эмоционально-образной деятельности они никогда не достигнут того «слияния», о котором порой говорят теоретики как о некоторой перспективе человека. Ведь различия здесь детерминируются и биологически, поскольку, как установила современная наука о мозге, каждое его полушарие воспринимает мир по-своему: правое — в образно-эмоциональном виде, а левое — в рационально-логическом, и у разных людей деятельность полушарий мозга проявляется по-разному. Будет ли человек стремиться, например генетическими методами, изменить эти природные «пропорции» — судить не нам. Во всяком случае, «человеческое разнообразие», создаваемое в том числе и психофизиологическими, биолого-генетическими различиями людей,— это бесценный капитал, который в будущем, видимо, следует только приумножать '.

Таким образом, способности к научной и художественной деятельности будут не «сливаться», а еще ярче расцветать и глубже интегрироваться, взаимодействовать все в более полнозвучной гармонии. В особенности это относится к искусству, которому зачастую в перспективах человека неправомерно отводится весьма скромная и все уменьшающаяся по своему значению роль. Напротив, его роль в жизни человека будет непрерывно возрастать, и все больше будет повышаться его значение в общем развитии культурных ценностей человечества, в том числе этических, выступающих, как известно, в роли своеобразного регулятора научного познания.

Ценностная ориентация науки и искусства является отражением более общих процессов, затрагивающих человеческую культуру в целом и придающих новую окраску перспективам человека и человечества. Признавая исторический прогресс и, следовательно, вынося определенное ценностное суждение об истории человечества, мы далеки от провиденциального истолкования общественного развития, от абсолютизации тех ценностных установок, с позиций которых человеческий разум произносит свой приговор над историей. «Люди сами делают свою историю,— писал Маркс,— по они

' Интересный опыт многостороннего исследования этих проблем содержится в кн.: *Лилов А. Природа художественного творчества*. М., 1981.

293

ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» '. Это значит, во-первых, что и те ценности, которыми руководствуются люди в своих действиях, являются не чем-то предзаданным истории, а вырабатываются самими людьми. Во-вторых, будучи исторически изменчивыми, эти цен-

ности тем не менее не произвольны в своей изменчивости, но формируются на основе прошлого опыта человечества, традиций, ценностных суждений предшествующих поколений. Тем самым утверждается огромная роль преемственности в процессе материального и духовного развития общества.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей, к которым весьма часто приходят, пытаясь осмыслить соотношение между различными ценностными ориентациями человека, например между стремлением к истине и стремлением к красоте, между утверждением в мире добра и культурной терпимостью и т. д. Одной из таких крайностей являются попытки доказать заранее заданную, абсолютную согласованность тех требований, которые предъявляются к человеческим действиям и поступкам в рамках разнопорядковых ценностных норм. К подобной крайности в равной мере приходят и плоский натурализм, и абсолютный идеализм, пытающийся сконструировать иерархию ценностей, восходящую к некоему внеисторическому идеальному началу. Другая крайность выражается в попытках представить различные ценностные характеристики мира как совершенно не связанные друг с другом, конкурирующие между собой в стремлении стать единственным «категорическим императивом», определяющим человеческое поведение. «Пусть рушится весь мир, но торжествует истина (красота, добро, культура и т. д.)» — такова типичная формула ценностного ригоризма, основанного на гипертрофии лишь одной из существующих у человека ценностных ориентации.

Как видим, обе эти крайности сходятся в одном: и та и другая признают наличие ценностной характеристики, доминирующей над остальными детерминантами человеческого поведения. Многоцветный мир духовных ценностей при этом как бы растворяется (хотя и по разным причинам) в однотонном свете некой высшей, абсолютной ценности. Утверждая, что мир ценностей — результат исторического творчества самого человека, мы не исключаем возможности возникновения противоречий между различными сферами ценност-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119.

294

пой детерминации человеческого поведения, в частности возможности расхождения, рассогласования между требованиями этики и требованиями культуры. Необходимо в равной мере видеть опасность, губительность как нравственного фанатизма, разрушающего культуру, так и культурной всеядности и всепрощенчества. История, особенно история последнего века, дает немало примеров пагубности попыток судить о мире, о направленности человеческой истории с позиции того или иного ценностного принципа, односторонне противопоставленного всему остальному богатству духовной ориентации действий и поступков людей. Однако, отрицая предзаданность гармонии системы ценностных ориентации человека, мы отнюдь не отвергаем такую гармонию как цель духовного творчества, как идеал, к которому люди стремятся в каждый момент своего исторического развития.

По-видимому, сегодня трудно быть «идеалистом», и все же нельзя говорить о принципиальном расхождении современной культуры и этики, поскольку культура по самой своей сути этична, ибо она созидательна, занята созданием духовных общезначимых ценностей и тем самым противостоит энтропийной силе зла, нигилистического и антикультурного по определению. Это, разумеется, не означает, что культура одна может перебороть зло, существующее в мире, но она способна оказать значительную помощь в борьбе с ним. Важно только, чтобы люди культуры научились различать все возможные модификации зла и поняли силу своего единства. Нас объединяет понимание того факта, что высшие духовные ценности создаются всем человечеством, для всего человечества. Достижения в области культуры каждой страны должны вызывать не самодовольство одних и зависть других, а радость и чувство гордости за человека, за его талант, должны не разъединять, а объединять людей. В данном случае имеет смысл напомнить слова Гёте, сказанные им о науке и искусстве: «Как все высокое и благородное, они принадлежат всему миру, и споспешествовать им может только свободное взаимодействие всех современников при постоянном учете того, что осталось нам от прошедшего»¹.

Мы видели, что одним из факторов, противоположных гуманистической культуре, этичности исторического прогресса, развитию целостного, гармоничного человека, некоторые мыслители объявляют научно-технический прогресс. В связи с этим делается и более широкое обобщение о недостаточной сопротивляемости гуманистического сознания, культуры,

' Гёте. Об искусстве. М., 1975, с. 590.

295

человеческого в человеке перед лицом естественнонаучного знания и технической деятельности. Мы являемся свидетелями того, что гуманистическая культура как бы усомнилась в своем призвании: в век могущественного научно-технического знания этическая и эстетическая ориентация представляется зачастую донкихотством.

Однако существует и принципиально иная возможность преодоления конфликтной ситуации, в которую попадает современное гуманистическое сознание. Еще в прошлом веке К. Маркс отказался от заведомо обреченной на провал попытки выработать внутренне непротиворечивую гуманистическую систему мировоззрения и практического поведения. Если конфликтность, возникающая при попытке осмыслить гуманистический принцип саморазвития индивида, культуры, общества, связана не с личными достоинствами и недостатками определенного мыслителя, а с объективно заданной ему духовно-практической ситуацией, то, очевидно, задача человека, находящегося в подобной ситуации, заключается прежде всего в практическом преодолении и перестройке существующей объективной структуры общества.

Поэтому встречающиеся, к сожалению, довольно часто высказывания о дегуманизации человека, о закате личностной культуры, по существу зачеркивающие всю предшествующую гуманистическую традицию культуры и любые реальные практические усилия, направленные на социально-культурный и нравственный прогресс человечества, следует, на мой взгляд, рассматривать не только как ошибочные по существу своему, но и как деяние глубоко безнравственное в современных сложных мировых условиях, ибо, вольно или невольно, логика такого отрицания ведет к сомнению в возможности нравственного существования и совершенствования человека.

В противовес этим представлениям деятели социалистической культуры сознательно объявляют себя наследниками высокого гуманизма прошлого, сторонниками *реального*, коммунистического гуманизма. Коммунистические идеалы были выстраданы человечеством и потому содержат в себе общечеловеческий этический, смысл, который противостоит паническим настроениям пророков «неизбежного самоуничтожения» современной цивилизации и ее культуры. Марксисты связывают будущее человеческой цивилизации с утверждением и развитием культуры по пути ее все углубляющейся *гуманизации*. Культура, подчиняющая свой пафос и этос служению человеку, его свободному и всестороннему развитию,— вот та перспектива, которая способна вдохновлять и побуж-

296

дать 1; действию на социальном и индивидуальном уровнях, к диалогу и согласию во имя этого действия.

Это в небывалой степени повышает воспитательный потенциал культуры, в особенности в сфере нравственности¹. В настоящее время можно констатировать все большее возрастание значения этой сферы жизни человека, что, несомненно, находится во взаимосвязи с ростом и развитием культуры. Гуманистическая культура прошлого дает нам высочайшие образцы нравственно-философских исканий личности (вспомним, например, Л. 1-1. Толстого и Ф. М. Достоевского). Сегодня нравственное совершенствование личности связывается с прогрессивными социальными процессами, с развитием

общества по пути социализма и коммунизма. Эти процессы далеко не бесконфликтны и требуют высоких нравственных принципов, четких и бескомпромиссных решений от личности, активно участвующей в их реализации. Следуя нравственным нормам, человек выполняет свой общественный долг, осознавая свою социальную ответственность. Вместе с тем он свободен, если нормы его нравственности совпадают с передовыми социальными устремлениями, со всем тем, что способствует становлению и развитию истинно человеческих, т. е. коммунистических, отношений между людьми. И тогда человек осознает себя как человек чести, подчиняющий свою жизнь свободно выбираемым им высшим принципам и целям. «Идея детерминизма,— отмечал В. И. Ленин,— устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий» 2.

Нравственная философия человека коммунистического будущего — человека с «высокой душой» — включает все эти основные принципы морали, исходящие из разума, совести, оценки действий человека, и вместе с тем подчеркивает их совпадение с общечеловеческим идеалом, утверждавшимся на протяжении веков в самой жизни и получавшим выражение

¹ См. об этом: *Архангельский Л. М.* Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974; *Он же.* Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. М., 1978; *Крутов Н. Н.* Мораль в действии (О закономерностях влияния морали на поведение личности). М., 1977; *Харчев А. Г., Алексеева В. Г.* Образ жизни, мораль, воспитание. М., 1977; *Структура морали и личность.* М., 1977; *Петропавловский Р. В.* Диалектика прогресса и ее проявление в нравственности. М., 1978, *Управление процессом нравственного воспитания.* М., 1979; *Нравственная культура. Сущность. Содержание. Специфика.* Вильнюс, 1981; *Рувинский Л. И.* Нравственное воспитание личности. М., 1981; *Сухомлинский В. А.* О воспитании. М., 1982.

2 Ленин В. И. Ноли. собр. соч., 1. 1, с. 159.

297

в произведениях философии, литературы и искусства, лучшие из которых всегда были пронизаны высоким нравственным пафосом, любовью к человеку, состраданием к нему и одновременно звали к борьбе за торжество справедливости, разума и гуманизма. И это — одно из самых главных, величайших завоеваний человеческого духа.

Этический пафос, оплодотворенный научным мировоззрением, пафос реального, коммунистического гуманизма, пронизывает самые основы социалистического образа жизни и социалистической культуры, вдохновляет ее и побуждает к развитию, выражая стремление общества и человека к постоянному нравственному совершенствованию, идеалом которого является для нас человек коммунистического будущего.

Этот идеал человека прочерчивает *реальную* перспективу, поскольку он опирается на объективные тенденции исторического развития и является результатом их научного анализа. Вместе с тем он предвосхищает многое из того, над чем билась человеческая мысль на протяжении тысячелетий. И в этом смысле коммунистический идеал человека оказывает *стимулирующее* воздействие на реальную практику сегодняшнего человека, его устремления и поступки. И чем дальше, тем больше человечество будет вдохновляться этим идеалом и все решительнее следовать ему в своем движении «вперед и выше».

Вместе с тем обращение к идеалу не означает ухода от трудностей и сложностей жизни, что делало бы человека беззащитным перед любым серьезным испытанием. Ведь уже само определение идеала предполагает умение видеть его антиподы. Кроме того, наш идеал — это деятельный, творческий человек, который не боится трудностей, смело борется с ними и преодолевает их.

У нас нет антагонизмов в общественных отношениях, но порой, к сожалению, для той или иной личности, причем нередко положительной, конкретная жизненная ситуация может складываться весьма остро, а иногда и трагично. Борьба нового, передового со старым, отжившим не может протекать бесконфликтно. Бывает, к несчастью, что мы несем и неоправданные человеческие утраты, по большей части из-за того, что не приучаем людей смолоду к борьбе с трудностями, к их преодолению. По-видимому, настало время по-новому, а главное — более *реалистично* поставить многие подобные вопросы нравственного воспитания. В том числе и вопросы борьбы против бюрократизма, равнодушия к человеку, доноительства, прикрывающегося иногда принципиальностью, про-

298

тив любых проявлений подлости и низости человеческой, облакающихся зачастую в фарисейские формы и паразитирующих на идеях социализма и коммунизма. Большое значение в этой связи приобретает психологическая подготовка людей. Каждый человек должен иметь необходимые психологические навыки, чтобы во всей полноте проявлять свои способности, уверенно и счастливо жить и трудиться, быть твердым в достижении высоких целей, уметь мужественно преодолевать трудности и удары судьбы.

В общем, проблем в этой сфере много, и нельзя сказать, что они появились только сейчас. Во всяком случае, они должны решаться так, как это необходимо в обществе, девизом которого является: «Все для человека». Если резюмировать, свести воедино все эти проблемы, относящиеся к формированию нового человека, то можно сказать, что главное здесь — целенаправленное и комплексное развитие человека как личности, а это означает рост его культуры в самом широком смысле слова. Наши недостатки в этой сфере, на мой взгляд, основная причина всех других недостатков, в том числе в области экономической. Считается, что в современных условиях наиболее экономически эффективными являются вложения в науку, поскольку они дают колоссальную и все возрастающую народнохозяйственную отдачу. Но кто подсчитал, какая «отдача» может быть от вложений в те сферы, которые непосредственно обслуживают человека и способствуют его развитию? Таким образом, формирование нового человека—это не только «самоцель», но и самое общественно эффективное деяние. Всегда ли, однако, мы помним об этом и не мешают ли нам порой старые стереотипы сознания, исходящие из ложных приоритетов и ценностей?

Как видим, начав с общей постановки проблемы человека, путей ее решения в философско-методологическом плане, мы закономерно подошли к ее социально-политическим, идейно-воспитательным и даже практически-организационным аспектам, хотя их анализ и не является нашей целью. Такая взаимосвязь вопросов, относящихся к человеку и его будущему, мотивирована объективно: и самой жизнью, и логикой познания. Она еще раз свидетельствует о комплексности этой проблемы и необходимости комплексного же ее решения. Это реальность сегодняшнего дня и вместе с тем перспектива, относящаяся ко всей сумме сложнейших философских вопросов о человеке и его будущем.

Будущее человека — это процесс все более полной реализации его сущностных сил, и, следовательно, оно вообще может иметь место лишь в том случае, если человек в своих

299

действиях будет опираться на эти сущностные силы. Истины пауки и гуманистические идеалы, логика познания и законы красоты, свобода и необходимость — все это лишь внешне выражает многие неведомые нам пока процессы роста и развития истинно человеческого в человеке. Ясно одно: его будущее неотделимо от этих процессов, а они прямо обусловлены прогрессом общества в направлении к новой цивилизации — коммунизму, утверждающему и новые формы нравственности, новые принципы гуманизма.

Коммунистический гуманизм, этапом становления которого является его социалистическая форма,— это именно *новый* гуманизм, соответствующий тем новым условиям, в которых оказалось человечество, в частности, в результате обострения глобальных проблем, появления реальной угрозы для самого существования человека и человечества. Сегодня предпринимаются различные попытки выработать такие формы гуманизма, которые учитывали бы эти новые условия, причем преподносится это как открытие «всеобщего», «всемирного» гуманизма (Дж. Хаксли), возникающего на почве «единой всемирной культуры», «нового гуманизма», включающего глобальность, любовь к справедливости и отвращение к насилию (А. Печчеи) и т. п. Однако новой при этом зачастую оказывается только форма, тогда как содержание остается традиционным — по большей части утопическим, абстрактным в том, что касается путей его реализации.

Поэтому, когда мы говорим о новом гуманизме нового человека коммунистической цивилизации, мы имеем в виду научный и реальный гуманизм, который еще в середине прошлого века провозгласил К. Маркс и который развивается сегодня в тесной связи с практикой социализма, перерастающего в коммунизм, с общими закономерностями развития современного человечества, в том числе и в сфере глобальных проблем. И в этом смысле он действительно новый, так как обращен в будущее, причем не только в практическом смысле, но и в теоретическом: развитие науки откроет еще многое в нашем понимании гуманизма, и это обеспечивает марксистскому гуманизму постоянную новизну и привлекательность, жизненную силу и практическую эффективность.

В самом деле, нам говорят сегодня, что новый гуманизм должен включать общечеловеческие и глобальные подходы. Однако, как мы знаем, гуманизм, провозглашенный марксизмом, будучи классовым по своим первоначальным истокам, с самого начала опирался на идею интернациональной общности человечества, которая в будущем, коммунистическом обществе получит свою полную и адекватную реализацию. Он

300

поэтому органично включает в себя и глобальные подходы, переводя их в реальную плоскость конкретной политики, учитывающей наличие в современном мире систем социализма и капитализма, необходимость глубоких социально-экономических, научно-технических и культурных преобразований для построения новой цивилизации, единой для всего человечества,—коммунизма.

Разумеется, еще и сегодня этот гуманизм существует как некоторая цель и идеал, как Надежда. Однако определенные элементы его во все большей мере становятся реальностью мирового развития, и в авангарде идет здесь социализм, впервые не только провозгласивший, но и на деле реализующий гуманистические принципы, включая нравственное совершенствование личности как предпосылку и условие своего развития и будущего всего человечества.

Разделенное сегодня вследствие во многом разнонаправленного действия важнейших факторов его жизнедеятельности (социально-экономических, культурных и пр.), единое в будущем, человечество устремит весь свой творческий потенциал на всестороннее и свободное развитие человека. При этом глобальный характер его деятельности будет выражаться уже прямо и непосредственно, преодолевая все то, что раскалывает современный мир и мир современного человека.

Это и будет реальным утверждением реального, коммунистического гуманизма, ставящего развитие богатства человеческой природы в качестве самоцели. Это будет началом «века человека», длящегося в перспективе, которая не имеет временных границ, заключенных в самом человеке.

О смысле человеческой жизни, эволюции ее продолжительности, смерти и бессмертии человека: научные, социальные и гуманистические аспекты и проблемы; уникальность человека и возможность внеземных форм жизни и разума, ответственность и космическое предназначение человека и человечества; надежда на будущее; перспективы человека — прогресс человечества

...Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы.

Ф. М. Достоевский

Жизнь истинная есть только та, которая продолжает жизнь прошедшую, содействует благу жизни современной и благу жизни будущей.

Л. Н. Толстой

Жизнь — ее [природы] лучшее изобретение;
смерть для нее средство для большей жизни.

И. В. Гёте

Все предшествующее рассмотрение сложнейших философских проблем, относящихся к человеку как индивиду и личности, и его будущему, привело нас к вопросам, которые ясно и просто, но в высшей степени мудро выражены в словах великих людей, взятых мною в качестве эпиграфов к разделу, долженствующему быть по замыслу *заключением* данной работы. И вопросы эти так важны, что они опять как бы возвращают нас к исходному пункту — к выяснению *сущности* человека. Поэтому *вместо* заключения, в котором надлежало бы сделать некоторое *обобщение* всего, что сказано выше о человеке и его будущем, и выводы из него, мы оказываемся перед необходимостью *поста-*

302

новки новых проблем. Вряд ли это является случайным, если иметь в виду такую великую загадку, как человек и его будущее. Но вместе с тем это и есть, может быть, самое главное обобщение и тот вывод, который можно сделать, обращаясь к этой загадке.

Много сложных и трудных проблем открывается перед нами, когда мы пытаемся рассмотреть перспективы человека, его будущее. Обращаясь к комплексу современных наук, мы получаем мощное орудие познания мира не только внешнего, но и внутреннего, проникающее как в далекий и загадочный космос, так и в близкий, но не менее загадочный микрокосмос человеческой индивидуальности, в сокровенные, интимные тайны человеческого «Я» — материальную и духовную его субстанцию. Незведанными во многом путями развивается человеческое познание и в неизмеримо большей степени — самопознание человека, которое сталкивается с ни с чем не сравнимой сложностью своего объекта, остающегося во многом непостижимой тайной. Удивительные и зачастую неожиданные открытия подстерегают нас на этом пути познания и самопознания человека. И высокая степень истинной мудрости необходима для того, чтобы не просто удовлетворять любознательность, но и уметь

удерживаться от соблазна опасной любознательности, когда возникает угроза для человека и его будущего.

Этому и учит философия, постоянно воскресающая на новых стадиях развития науки и искусства любовь к мудрости. Научная философия призывает видеть во всем, что касается человека, значение не только знания самого по себе, но и того, чему оно служит, как оно используется или может быть использовано в настоящем и будущем, т. е. социальные и этические основания знания. Следовательно, в интересующей нас проблеме человека она учит видеть по крайней мере следующие три аспекта: *научный, социальный и гуманистический, нравственно-этический*. Адекватное решение современных проблем человека может быть достигнуто лишь тогда, когда все эти три аспекта будут рассматриваться в единстве с позиций разумного реализма и научного определения перспектив дальнейшего развития человечества. А отсюда становится ясным, что именно прогресс общества — главная, основная предпосылка и условие решения проблемы человека и его будущего. Только социальное и нравственное совершенствование человечества обеспечивает ему продвижение в самопознании и самосовершенствовании, развитии богатства человеческой природы, становящемся самоцелью.

303

Это позволяет правильно поставить и вопрос о самом смысле человеческого существования, о возможностях увеличения продолжительности жизни, о смерти и бессмертии человека, причем не только в их биологических, но и в социально-этических, гуманистических аспектах. Изменяются ли и в каком направлении философские оценки этих проблем и как это скажется на перспективах человека еще и в связи с его выходом в космос и поисками внеземных цивилизаций, как повлияет все это на самосознание личности сегодня и в будущем? Ответ на эти вопросы мы можем получить только с позиций нового, реального гуманизма, обращаясь к научной философии человека. Иначе говоря, при всей важности непосредственного исследования проблем жизни и смерти человека (проектов его перестройки в будущем и т. п., скажем, в рамках биологии) мы не решаем полностью основного вопроса — для чего все это нужно, так как обращаемся только к природно-биологическому существованию человека. Поскольку же человек как общественное существо выходит за рамки такого существования, решение этого кардинального вопроса также должно покидать сферу непосредственного исследования жизни и смерти человека в их биологическом значении и обращаться к философии, где биологический и социальный смысл жизни и смерти человека, его будущего как биосоциального существа получает свое истинное определение в качестве некоторого диалектического единства.

С позиции такого единства и можно, по-видимому, обозначить основные контуры «вечного» вопроса о смысле человеческой жизни, без ответа на который делаются бессмысленными все другие вопросы, относящиеся к человеку, его природно-биологическому и социальному существованию и его будущему. Вопрос этот традиционно находился в поле зрения философии начиная с древнейших времен. Современная наука открыла многое в понимании *биологического* смысла жизни и смерти человека. Она внесла нечто новое и в познание *социального* их смысла, без чего человеческая *их* специфика исчезает, оставаясь тайной во всей ее первозданности. Вне этих полюсов — жизни и смерти — нельзя правильно понять и все то, что связано с проблемой долголетия, увеличения продолжительности жизни до пределов, если верить некоторым ученым, иногда нелепых, исключая разумное чередование индивидуальных жизней в историческом бытии человека и человечества.

Поэтому нужны не только «чисто» научные подходы к этой проблеме, но и философские, то, что Л. Н. Толстой называл мудростью, отказывая в ней науке своего времени. Прав

304

или неправ был этот великий строптивец, никогда не следовавший общепринятым стереотипам мысли, — здесь обсуждать не место, хотя, надо сказать, современная паука во многом отошла или отхо-

дит от той узости мышления, которая и давала основание Л. П. Толстому противопоставлять ей мудрость, особенно в вопросах, обращенных к человеку, его жизни и смерти, его будущему. Однако многие относящиеся сюда важные мировоззренческие, социально-этические и гуманистические проблемы, волнующие каждого человека, по-прежнему еще мало занимают науку. В результате мы оставляем открытой, неудовлетворенной значительную часть жизни человеческого духа, который обращается в своих поисках не обязательно к религии, но и к неким вариантам «научного богоискательства» и пр. Современная наука, открывающая новые резервы и формы жизни в ходе исследования биологии и генетики человека, его психофизиологических возможностей сегодня и в будущем, становится зачастую не только источником знания, но и предметом веры, прикрытой, разумеется, соответствующей научной, порой даже «космической» фразеологией. Поэтому сейчас недостаточно обращаться только к философской мудрости прошлых веков; следует больше уделять внимания фактам и выводам современной науки, осмысливая их с позиций научной философии, тому широкому спектру новых проблем, который здесь возникает. Это и предполагает комплексный подход к изучению человека, его развитию и его будущему.

Такой подход показывает, что решение вопроса о смысле человеческой жизни должно опираться на исследование всей суммы научных, социальных, социально-этических и нравственно-гуманистических проблем, характеризующих различные, по внутренне единые стороны биологического и социального существования человека и его сущность как «совокупность всех общественных отношений» (К. Маркс), его жизнедеятельность и развитие как индивида и личности в общем историческом процессе эволюции жизни и становления разума на Земле и во Вселенной. Акцентирование на какой-либо одной стороне существования человека приводит, как мы видели, к одностороннему и, следовательно, ложному пониманию его сущности, а тем самым — к одностороннему и ложному представлению о смысле человеческой жизни, начиная от идеалистического утверждения неких «абсолютных начал», антропоцентризма, «предустановленной гармонии» и т. п. и кончая вообще отрицанием всякого смысла жизни человека и человечества, как это следует, например, из экстенциалистской философии, а также из ряда пози-

305

тивистских выводов об абсолютной случайности жизни и человека и тем самым об их подлой бессмысленности.

Противостоящая подобным взглядам марксистская концепция смысла человеческой жизни¹ исходит прежде всего из ее самоценности и самоцельности, однако не ограничивается тем, чтобы видеть смысл жизни человека в самой этой жизни, игнорируя вопрос: «Для чего жить?». Эта концепция, как уже отмечалось, органически соединяет научное понимание жизни и человека, исходящее из их объективного основания, с ценностным подходом, получающим также научное, объективное обоснование. Соответственно человеческая жизнь оказывается и не случайной (какой она может представляться для индивида), и не бессмысленной, поскольку индивид и личность рассматриваются не только сами по себе, но и как часть целого — человеческого общества. К. Маркс еще в ранних своих работах отмечал, что «индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»².

«Это понятие (=человек) есть,—по В. И. Ленину,— *стремление* реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя»³. Однако от всех других живых существ человек отличается более всего тем, что на протяжении своей индивидуальной жизни он никогда не достигает «целей» жизни родовой, исторической; в этом смысле он — постоянно не реализуемое адекватно существо. Он не удовлетворяется ситуацией, когда, как говорил К. Маркс, «сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни*»⁴. Эта неудовлетворенность, нереализуемость содержит в себе побудительные причины творческой деятельности, не заключенные в непосредствен-

¹ К сожалению, она мало разрабатывается в специальном философском — научном и ценностном — плане и слабо использует исторический опыт, а также данные современного естествознания и обществоведения. Можно назвать лишь некоторые небольшие по объему работы, имеющие в ряде случаев научно-популярный характер; *Тугаринов В. П.* О смысле жизни. Л., 1961; *Согомонов Ю. В.* О смыс(-)ле жизни. Баку, 1964; *Капранов В.* О смысле жизни. Пермь, 1965; *Панцхаеа И. Д.* Человек, его жизнь и бессмертие. М., 1967; см. также: *Джиоев О. И.* О некоторых типических постановках проблемы смысла жизни в истории философии. — Вопросы философии, 1981, № 10; соответствующие разделы в кн.: *Марксистская этика.* М., 1980.

2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 119.

8 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

4 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 93.

306

ных ее мотивах (материальных и пр.). Именно поэтому, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «призвание, назначение, задача всякого человека — всесторонне развивать все свои способности...»¹.

В этом — смысл жизни отдельной личности, который она реализует через общество, но это в принципе и смысл жизни общества, человечества в целом, который они реализуют, однако, в исторически неоднозначных формах, в зависимости от того, какие непосредственные побудительные цели ставят перед собой и совпадают ли эти цели или нет (а если совпадают, то насколько) с целями развития самого человека. Интересны с этой точки зрения замечания К. Маркса о том, что Рикардо «хочет *производства для производства*, и он *прав*. Возражать на это, как делали сентиментальные противники Рикардо, указанием на то, что производство как таковое не является же самоцелью, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*. Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельных индивидов... (Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые *затушевывают* этот антагонизм, отрицают его.) При таком подходе к вопросу остается непонятным то, что это развитие способностей рода «человек», хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву. Мы не говорим уже о бесплодности подобных назидательных рассуждений, ибо в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*, в чем и состоит сила этих последних, их преимущество»². Маркс подчеркивает при этом, что здесь у Рикардо проявляется научная честность, которая приводит к выявлению как совпадения интересов буржуазии с интересами развития производительности человеческого труда, так и противоречия с этим развитием.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 282.

2 Там же, т. 26, ч. II, с. 123.

307

Эта научная честность, о которой говорил Маркс, и привела его самого к необходимости обоснования такого идеала общества будущего, в котором развитие каждого является условием развития всех

и, следовательно, цели общества и личности совпадают. Совпадение, единство личного и общественного, вернее, их мера, изменяющаяся на разных этапах истории и в разных общественно-экономических формациях, и определяет ценность человеческой жизни. Эта мера, таким образом, не является надличной или надобщественной, но диалектически объединяет цели и смысл жизни личности и общества, а они могут находиться в противоречии в частнособственнических общественно-экономических формациях и все более совпадать в процессе приближения коммунистического будущего. Движение к нему — это постоянное изменение меры личного и общественного; это все более ярко выраженная индивидуализация личности и вместе с тем ее единение с обществом, его целями и смыслом его существования и развития; это, следовательно, постоянная устремленность в будущее, которая придает смысл и ценность человеческой жизни как на индивидуальном, так и на социальном уровне¹.

Такое понимание смысла и ценности человеческой жизни опирается, следовательно, на учение о социальной сущности человека, а потому и здесь социальные факторы не просто опосредствуют и преобразуют биологические, но по большей части «снимают» их. Любые попытки вывести смысл человеческой жизни, исходя из сферы биологического, как бы она ни была важна в жизнедеятельности индивида на уровне инстинктов, подсознания и пр., являются ошибочными в отношении поведения личности, которое определяется социальными, социально-этическими и нравственно-гуманистическими факторами, являющимися его регулятивами. Смысл человеческой жизни, определяемый этими факторами, также приобретает регулятивную функцию, которая играет все более решающую роль по мере личностного и общественного развития человечества в их диалектическом единстве.

Хорошо сказал об этом Л. Н. Толстой: «Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днем, он может рассматривать себя и как члена семьи, и как члена общества, народа, живущего веками, может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечет его разум) рассматривать себя как часть всего

¹ Кстати говоря, именно так можно понимать запись, сделанную А. Блоком в дневнике 24 марта 1912 г.: «Жить можно только будущим», которая перекликается со знаменитыми словами А. С. Пушкина: «Сердце в будущем живет...»

308

бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек должен был сделать и всегда делал по отношению бесконечно малых жизненных явлений, могущих влиять на его поступки, то, что в математике называется интегрированием, т. е. устанавливать, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному по времени и пространству миру, понимая его как одно целое»¹. Определяя значение этого «отношения к целому», Л. Н. Толстой считал, что именно отсюда человек выводит «руководство в своих поступках». «Неизбежно необходимое для живых людей знание,— писал он,— было и есть всегда одно: знание своего назначения в том положении, в котором находит себя человек в этом мире, и в той деятельности или в том воздержании от деятельности, которое вытекает из понимания этого назначения»².

Однако акцентирование на идеальных сторонах мира и сущности человека, на его мышлении, разуме, нравственности приводит в конечном счете к тому, что вопрос о смысле человеческой жизни становится, по существу, ненужным, так как он уже выражен в самом определении человека. Эта мысль была давно осознана в философии. Так, И. Кант писал, что только человек как мыслящее существо, своим разумом сам определяющий себе свои цели, может быть идеалом красоты, пределом совершенства. «О человеке... как моральном существе уже нельзя спрашивать, для чего (*quem in finem*) он существует. Его существование имеет в себе самом высшую цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить всю природу...»³ Надо иметь в виду, правда, что такая спокойная и истинно философская констатация не дается ведь сразу, каждый мыслящий человек ищет свой ответ на вопрос о смысле человеческой жизни как своей жизни и уж затем—родовой. Поиски эти могут быть до

предела эмоционально насыщенными, мучительными, окрашиваться зачастую в трагические тона. Так это было, в частности, в русской истории, где философствование принимало весьма своеобразные формы, как, например, у того же Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.

Немало заблуждений и крайностей содержалось в поисках ответов на вопрос о смысле жизни в трудах этих мыслителей, но следует помнить, в каких тяжелейших социальных условиях проходили эти поиски, которые уже и сами по себе — подвиг, страдание во имя общего блага, во имя всего

¹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 161.

² Там же, т. 40, с. 427.

³ *Кант И.* Соч. В 6-ти т. М., 1966, т. 5, с. 469.

309

того, что является истинно человеческим в человеке, что ведет его вперед в его «абсолютном движении становления» (К. Маркс). Вот почему можно не соглашаться, например, с идеалом, определяющим смысл жизни, как его видел Л. Н. Толстой или Ф. М. Достоевский, но то, что они подчеркивали активное нравственное начало в человеке, — это мы можем принять и сегодня; и если не «сработает» оно в человеке, то тем хуже для него.

Поэтому-то так современно звучит многое из сказанного Ф. М. Достоевским по поводу того, что он презрительно называл «философией среды», считая, что «тут есть одна ошибка, один обман, и в этом обмане много соблазна», поскольку, «делая... человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»¹. И отнюдь не случайно, конечно, великий вопрос: «Для чего жить?» — так предельно обострен у Достоевского и обращен непосредственно к совести человека, особенно когда речь заходит о «переделке всего человечества по новому штату»² в соответствии, в частности, с концепциями социализма и анархизма, как он их представлял себе и как они выявляли себя порой в реальной жизни. Достоевский исследовал жизнь в ее «предельных» формах, на тех ее «изломах», которые как бы обнажают саму суть ее, а потому так остро ставил он вопрос: «Для чего все это?». «Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями моими унавозить кому-то будущую гармонию... а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезками своими к «боженьке»... Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу... *Хотя бы я был и неправ*»³.

Такое иступленное неприятие якобы совершенного общего блага в будущем, если путь к нему и средства его достижения могут противоречить нравственности и человечности, очерчивает нам новые грани в понимании смысла человеческой жизни. И не нужно иметь много воображения, чтобы соотнести все это с нашими сегодняшними заботами и раз-

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30-ти т. Л., 1980, т. 21, с. 17, 16.

² Там же, т. 14, с. 213.

³ Там же, с. 222, 223.

310

мышлениями о будущем человека и человечества, как оно представляется в нравственно-этических, гуманистических аспектах с позиций марксизма и коммунизма. Не потому ли так часто обращаемся мы сегодня к тем полным глубокого смысла нравственным идеям, которые поистине выстрадали наши великие писатели? К ним самим приложимы, следовательно, слова, сказанные Ф. М. Достоевским в его знаменитой речи о А. С. Пушкине: они стоят перед нами как указание и пророчество. Влияние их на жизнь современных людей именно нравственное, и они поэтому — истинные создатели на русской почве основ нравственной философии¹. Разумеется, ограничиваться в данном случае сферой нравственности недостаточно, но и игнорировать ее огромнейшую роль в судьбах человека и человечества нельзя, так как это противоречило бы марксистской постановке проблемы о развитии человека как самоцели.

Было бы бессмысленно прямо заимствовать здесь что-то у Л. Н. Толстого или Ф. М. Достоевского — в марксизме существует собственная традиция научного рассмотрения этих проблем с позиций реального гуманизма. Вместе с тем многие гуманистические идеи русских писателей возбуждают конструктивную работу мысли в направлениях, мало, к сожалению, развивавшихся применительно к анализу проблематики человека и его будущего. Это относится прежде всего к вопросу о *нравственном смысле* человеческой жизни как процесса *совершенствования* ее социальной сущности и духовных оснований. Такой подход распространяется и на экономическую сферу, и на взаимоотношения человека с природой, и на само его биосоциальное существование (продолжительность жизни, возможность ее увеличения, отношение к смерти и бессмертию и т. п.). Здесь также социальная сущность человека обуславливает доминирование нравственных принципов, смысла человеческой жизни как личности, которые подчиняют себе непосредственно биологические факторы и импульсы его существования как индивида.

Глубокая связь вопроса о смысле человеческой жизни с проблемой долголетия, смерти и бессмертия человека прослеживается через всю историю философии и науки, и ее

¹ В. С. Соловьев (прежде всего в «Оправдании добра») попытался придать теоретическое (на религиозно-идеалистической основе) оформление ряду идей о смысле человеческой жизни, созвучных направленности нравственно-философских поисков Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, хотя и существенно отличающихся от них во многих случаях, как отличались эти идеи и в творчестве самих великих писателей,

---

хорошо выразил уже Сенека, сказавший, что важно не то, долго ли, а правильно ли ты ее прожил. Всякая жизнь, хорошо прожитая, есть долгая жизнь, отмечал и Леонардо да Винчи. Эту же мысль подчеркивал и Монтень, говоря, что мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы ее использовали. Ясно, что мера жизни определяется здесь ее человеческой, т. е. социально-личностной и нравственной, формой. Она и может служить исходным пунктом решения сложных проблем, относящихся, в частности, к проектам увеличения продолжительности человеческой жизни.

Сложность этих проблем достигает своих предельных форм именно потому, что в биологическом смысле индивид всегда в некотором отношении лишь *средство* для вида в целом, поскольку именно через приспособительную жизнедеятельность индивида, завершающуюся воспроизведением потомства и смертью, вид обеспечивает свое существование как определенной формы жизни, длящейся в иных, чем для индивида, временных измерениях. Но если в биологическом смысле природа становится «равнодушной», «теряет интерес» к индивиду после завершения им репродуктивного возраста, то для человеческого индивида, *ставшего личностью*, уже не природа, а общество определяет меру и ценность его жизни. И как раз там, где отступается природа, возрастает интерес общества, поскольку развитие личности отдельного человека представляет собой цель и средство существования и развития человечества — и как вида *Homo sapiens*, и как социальной общности, носителя разума и культуры на Земле.

Это диалектическое противоречие является основой и движущей силой эволюции продолжительности человеческой жизни, и оно тем более остро обнаруживает себя в отношении к каждой отдельной личности, которая ведь не перестает быть индивидом, ставшим личностью, но при этом, разумеется, не «избавившимся» от природно-биологических условий и факторов своего существования. Важно здесь и то, что даже в непосредственно биологическом смысле относительное увеличение индивидуальной продолжительности жизни может быть эволюционно связано с повышением устойчивости, надежности прогрессирующего вида¹.

Однако сама по себе продолжительность индивидуальной жизни не является абсолютным критерием устойчивости, надежности живых систем, условием длительности существования вида в определенных условиях среды. Эта длительность,

¹ См. об этом: *Астафьев А. К.* Философские аспекты синтеза понятий в технике и биологии (на примере теории надежности). Л., 1978.

312

или мера жизни вида, проявляется в смене поколений, сопровождающейся старением и смертью индивидов. Причем, как заметил советский ученый И. И. Шмальгаузен, «в ряду животных осуществляется процесс развития все более совершенных и стойких форм индивидуальности... Животные с вполне стойкой активной индивидуальностью размножаются только отдельными половыми клетками. Все остальное тело рано или поздно гибнет. Смерть есть плата за приобретение высшей индивидуальности с длительным существованием... Таким образом, существование индивидуумов всегда ограничено во времени. Если не смерть, то иные причины ведут к потере индивидуальности»¹.

Под высокоразвитой индивидуальностью И. И. Шмальгаузен разумел «ту ее форму, которая характеризуется наибольшей активностью»². Правомерно поэтому распространить эти характеристики и на человека как индивида, представителя вида *Homo sapiens*, хотя в субъективном плане приведенные высказывания наводят на довольно грустные размышления и выводы. Но они перекликаются в какой-то мере с уже упоминавшимися словами К. Маркса о «цене», которой покупается более высокое развитие индивидуальности, и о том, что «в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов», поскольку «интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*». Но на этом аналогия и кончается, так как развитие индивидов как личностей, совпадая при определенных общественных условиях (коммунизм) с «интересами рода», предполагает развитие *каждого* как условие развития всех.

Все это имеет прямое отношение к проблеме продолжительности человеческой жизни, старения и смерти индивида и личности. Проблема эта, волнующая человеческую мысль, наверное, с момента ее зарождения, остается одной из самых больших загадок по сей день, продолжая возбуждать разум и эмоции человека. Существует огромная библиография работ (свыше 60 тыс.), посвященных разным аспектам (биологическим, демографическим, геронтологическим, психологическим и др.) проблемы жизни, старения и смерти человека в их взаимосвязи и взаимообусловленности³, причем социальные и

¹ *Шмальгаузен, И. И.* Проблема смерти и бессмертия. М.—Л., 1926, с. 80.

² Там же, с. 79.

³ См., например, следующие работы по эти темы: *Шмальгаузен И. И.* Проблема смерти и бессмертия. М.—Л., 1926; *Богомолец А. А.* Продление жизни. Киев, 1939; *Френкель З. Г.* Удлинении

313

философские, нравственно-этические и гуманистические аспекты этой проблемы в силу целого ряда причин, о которых речь пойдет далее, приобретают сегодня особо важное значение 1.

В современном мире происходит значительное постарение населения 2. Предполагается, что к 2000 г. численность пожилых людей увеличится до 600 млн. человек. В связи с этим остро встает вопрос о том, чтобы сохранить им активное долголетие, предполагающее участие в труде и жизни общества. Это нашло, в частности, свое отражение в принятых XXVI съездом КПСС Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года, где прямо ставится задача «осуществить систему мер по увеличению продолжительности жизни и трудовой активности людей, укреплению их здоровья» 3. Выполнению этой задачи служит и комплексная научная программа «Про-

жизни и деятельная старость. М.—Л., 1949; Проблемы долголетия. М., 1962; Грмек М. Д. Геронтология — учение о старости и долголетии. М., 1964; Нагорный А. В., Никитин В. Н., Буланкин И. Н. Проблема старения и долголетия. М., 1963; Давыдовский И. В. Геронтология. М., 1966; Чеботарев Д. Ф. Геронтология и современная медицина.— 9-й Международный конгресс геронтологов. Киев, 1972, т. 1; Он же. Здоровье в любом возрасте.— Научно-техническая революция и человек. М., 1977; Фролькис В. В. Старение и биологические возможности организма. М., 1975; Он же. Биологические предпосылки увеличения продолжительности жизни. Киев, 1976; Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978; Брехман И. И. Человек и биологически активные вещества (гл. 2). М., 1980; Дильман В. М. Большие биологические часы (Введение в интегральную медицину). М., 1981; Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М., 1981; Вишневский А. Г. Воспроизводство населения. История, современность, взгляд в будущее (ч. 2). М., 1982; Физиологические механизмы старения. Л., 1982; Курцмен Дж., Гордон Ф. Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни. М., 1982; Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. М., 1982.

¹ Объем литературы, например, по социальной геронтологии, вырос в общей массе социальных исследований с 14% в 1948 г. до 20% в 1968 г. (см.: Александрова М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., 1974). Вряд ли этот рост прекратился в последующие годы. О философских аспектах проблемы см.: Паниха-ва И. Д. Человек, его жизнь и бессмертие. М., 1967; Корольков А. А., Петленко В. П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. М., 1977; Карсаевская Т. В., Шаталов А. Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978, и др.

2 В принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) классификации пожилой возраст охватывает интервал от 61 до 75 лет для мужчин и от 55 до 75 лет для женщин, после чего наступает старость.

3 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 137.

314

дление жизни», в реализации которой участвуют десятки институтов и учреждений нашей страны при координирующей деятельности Института геронтологии Академии медицинских наук СССР. «Полноценная жизнь в старости» — этот девиз стал гуманистической основой ряда направлений деятельности ученых, медицинских работников в мировом масштабе, в частности по линии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Разумеется, его воплощение в жизнь определяется прежде всего социально-экономическими факторами, и здесь социализм имеет неоспоримые преимущества, дающие возможность практической реализации гуманистических установок сегодня и в будущем. Имеются, однако, и проблемы глобального характера, научное решение которых является предпосылкой практической деятельности человечества в вопросах, относящихся к продлению жизни человека. Среди них немалую роль играют и

философские — социально-этические и нравственно-гуманистические — проблемы, тесно связанные с решением вопроса о смысле и ценности человеческой жизни.

Если обратиться к этим проблемам, то мы увидим, что они могут быть правильно поставлены и решены только на основе научного понимания сущности процессов жизни, старения и смерти человека, рассмотрения их в сложном контексте взаимодействия биологических и социальных факторов, определяющих меру жизни, биологическое и социальное время жизнедеятельности индивида и личности, их развитие, включая эволюцию продолжительности жизни. К. Маркс писал, что «процесс жизни человека состоит в прохождении им различных возрастов. Но вместе с тем все возрасты человека существуют бок о бок, будучи распределены между различными индивидами»¹. Это также оказывает существенное влияние на *человеческое* восприятие длительности времени, меры жизни и вместе с тем дает возможность увидеть в диалектическом единстве индивидуальное и историческое, биологическое и социальное время².

Поэтому, когда мы обращаемся к вопросу о продолжительности человеческой жизни, обсуждаем и оцениваем саму возможность ее продления, встает фундаментальной важности вопрос, какое время мы имеем в виду и, соответственно, что мы хотим продлить — биологическое время индивида или же социально-личностное время, которое при всей своей объективности весьма субъективно и измеряется факторами

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 141.

² См.: Багрова Н. Д. Фактор времени в восприятии человеком. Л., 1980; Яковлев В. П. Социальное время. Ростов на-Дону, 1980,

315

принципиально иными, порой чрезвычайно сильно окрашенными эмоционально, психологически, нравственно. Вспомним поэтическое восклицание А. Ахматовой: «...кто нас защитит от ужаса, который был бегом времени когда-то наречен?»

Продление человеческой жизни может ставиться как некоторая научная и социально осознанная цель, и тогда возникает вопрос: *для чего* это необходимо личности и обществу? Но такой вопрос может и не возникать, если сама жизнь принимается как абсолютная и самодостаточная ценность. Наконец, он может стихийно «решаться» в ходе исторического процесса, выражающегося, в частности, в эволюции продолжительности жизни. И он действительно так «решается», что видно, если обратиться к соответствующим историческим и современным демографическим исследованиям.

Так, согласно многим демографическим данным, эволюция продолжительности человеческой жизни происходила на протяжении истории человечества и происходит в наши дни, причем речь идет не о «чисто» биологическом времени, обусловленном генетически (такого никогда не бывает у человека как личности, испытывающей доминирующее влияние социальных факторов), но именно о социальной продолжительности жизни, где условия жизни и среда играют определяющую роль, существенно видоизменяя действие биологических факторов¹. Хотя эти данные не всегда точны и зачастую не совпадают у разных исследователей, они с достаточной полнотой выражают общие закономерности и тенденции, а также их конкретную реализацию в современных развитых (социалистических и капиталистических) и развивающихся странах. Учет социальных факторов позволяет и сам процесс социального старения человека подразделить на нормальное, когда оно происходит естественно, по мере расходования резервов организма, и патологическое, при котором отмечается негативное воздействие социальных факторов на естественно протекающие процессы старения. Поэтому первая и основная задача — свести до минимума причины, приводящие к патологическому социальному старению, — совпадает с более общими социальными задачами по такому переустройству общества, которое обеспечивало бы человеку нормальные человеческие условия существования, включая медицинское обслуживание. Право на здоровье является в социальном плане

' А. Г. Вишневский прослеживает, в частности, разные типы социального управления продолжительностью жизни на разных этапах истории человечества и перспективы снижения смертности на рубеже III тысячелетия и далее (см.: *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество, с. 81—147).

316

исходным и для утверждения права на жизнь, тем более долгую, чем более эффективно реализуются все биологические резервы человека и сводится до минимума патологическое действие факторов раннего социального старения.

Что касается этой стороны вопроса, являющейся основной, главной в современных условиях, то здесь ценностный, гуманистический подход совпадает с социальным. И с чисто гуманистической точки зрения, согласно которой ценность длительной человеческой жизни является самоочевидной, самодостаточной, и с социальной, учитывающей общественную значимость, возрастающую ценность для общества сохранения развитой человеческой индивидуальности, обогащенной знаниями, опытом жизни и мудростью, увеличение нормальной социальной продолжительности жизни за счет ограничения и полного вытеснения в будущем патологического социального старения представляется прогрессивным процессом и для отдельных личностей, и для человеческого общества в целом. Правда, полное достижение этой цели возможно лишь при коммунизме, когда ценность каждой индивидуальной жизни будет полностью совпадать с ценностью жизни общества.

Иное дело — биологическая продолжительность жизни, т. е. ее *видовое время*, эволюционно-генетически закодированное и предполагающее индивидуальное чередование жизней как условие ее исторической длительности. Здесь возникает много новых научных вопросов, обращенных в основном к биологии, но и они не могут рассматриваться в отрыве от вопросов социальных и нравственно-гуманистических, определяемых общим решением проблемы сущности и смысла человеческой жизни, ее продолжительности, смерти и бессмертия человека.

Научная постановка этой проблемы находится в прямой зависимости прежде всего от успехов биологии. Собственно говоря, именно исследование сущности жизни и смерти в общебиологическом плане создавало предпосылки изучения этих процессов у человека, включая биологию старения, геронтологию и пр. Современная постановка многих относящихся сюда вопросов датируется главным образом последарвиновским периодом и тесно связана с эволюционным методом, с помощью которого, как известно, наука о жизни и была, поставлена на вполне научную почву'. Существенный

' История разработки этих проблем в эволюционно-биологическом плане до начала 30-х годов освещена в труде И. И. Шмальгаузена «Проблема смерчи и бессмертия» (М.—Л., 1926). См. также статью В. П. Войтенко «Проблема старения и смерти в современной биологии» (Вопросы философии, 1982, № 6).

317

вклад в разработку данной проблемы внес замечательный русский ученый И. И. Мечников, причем особенностью его исследований было стремление обнаружить связь биологического и социального, гуманистического подходов с общефилософской постановкой вопроса о смысле жизни. Правда, главный акцент делался им все же на биологической стороне вопроса, и с этим были связаны известные натуралистические ограниченности его позиции в целом. Это отчетливо прослеживается в «Этюдах о природе человека» и особенно в «Этюдах оптимизма» 1. По мнению Мечникова, «цель человеческого существования заключается в прохождении нормального цикла жизни, приводящего к потере жизненного инстинкта и к безболезненной старости, примиряющей со смертью» 2. Предел же нормальной человеческой жизни составляет, по его мнению, около 100 или 120 и более лет, что

весьма далеко от того предела, который был якобы определен библейским царем Давидом (70—80 лет). Мечников считал, что преждевременная старость — это болезнь, которую надо лечить с помощью научных методов «рациональной макробиотики» — «науки будущего».

Последующее развитие показало, однако, как вообще опасна всякая абсолютизация науки в ущерб другим факторам исторического развития человечества и самого человека, как важно видеть здесь решающую роль социальных, нравственно-этических и гуманистических факторов, составляющих сущность человека,— особенно же в вопросах, прямо и непосредственно относящихся к его жизни, старению и смерти. Вместе с тем такая акцентировка способствовала концентрации научного интереса на исследовании этих вопросов, прежде всего в рамках биологии, что привело к лавинообразному нарастанию научных публикаций, включая и современные, по своему количеству и качеству намного превзошедших все то, что было создано за многие столетия истории познания жизни, старения и смерти человека.

Существенное значение имело здесь и критическое переосмысление некоторых идей А. Вейсмана, в частности его учения о старении и смерти как результате возникающей в углубляющейся в ходе эволюции дифференциации организмов. Согласно Вейсману, возможное потенциальное бессмертие простейших организмов утрачивается у многоклеточных. И. И. Шмальгаузен также подчеркивал значение возрастных изменений, происходящих, в частности, в результате прекра-

¹ См.: Мечников И. И. Собр. соч. М., 1956, т. 11; Он же. Этюды оптимизма. М., 1964.

2 Мечников И. И. Собр. соч., т. 11, с. 29.

318

щения роста. По его мнению, «старческая дегенерация входит в нормальный цикл особи, и смерть есть последнее звено в цепи жизненных явлений» 1. Как бы продолжая еще не сделавшуюся к тому времени широко известной мысль Ф. Энгельса о смерти как «существенном моменте жизни» 2, Шмальгаузен отмечал, что «смерть неразрывно связана с жизнью уже потому, что всякое проявление жизни возможно лишь путем уничтожения известного количества живого вещества. Смерть представляет собой как бы негативную сторону жизни. Без жизни нет смерти, и источником последней является сама жизнь» 3. При этом, по мнению Шмальгаузена, нельзя считать доказанным, что долголетие является биологически «полезным» признаком. «Нам приходится отказаться,— писал он,— от предвзятой мысли о «полезности» длительной жизни и признать, что для каждого вида животных (и даже каждого пола и каждой формы) имеется своя характерная и притом вовсе не максимально возможная продолжительность жизни, определяемая всей его организацией. В некоторых случаях наблюдается поразительно краткая жизнь, явно определяемая особой предустановленной дисгармоничностью физиологической конституции» 4.

Обладая относительно большей продолжительностью жизни по сравнению с другими млекопитающими, человек, по Шмальгаузену, достигает высокого развития индивидуальности, сопровождающегося значительной стойкостью организма. При этом «полное омоложение всего организма... невозможно без утери индивидуальности, т. е. того, что составляет всю ценность нашей жизни... Во всяком случае и без того длительность жизни человека относительно большая и несомненно может быть еще заметно увеличена. Но у нас,— подчеркивал Шмальгаузен,— имеется еще и другое преимущество перед животными— результаты нашей творческой деятельности не гибнут вместе с нами, но накапливаются для блага будущих поколений. Так пусть же наш короткий жизненный путь освещается сознанием того, что человеческая жизнь много выше других жизней и только смерть обусловила возможность существования бессмертных творений его Духа» 5.

Этим мудрым пожеланием заканчивается небольшая по объему, но глубокая и цельная работа советского ученого,

¹ Шмальгаузен И. И. Проблема смерти и бессмертия, с. 4.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф Соч., т. 20, с. 610.

³ Шмальгаузен И. И. Проблема смерти и бессмертия, с. 4.

⁴ Там же, с. 49—50.

⁵ Там же, с. 91.

319

оказавшего заметное влияние на современные представления ¹ о жизни, старении и смерти человека не только в их непосредственно биологическом смысле. Она как бы открывает новую главу в их развитии, все более акцентирующем на социальных, нравственно-этических и гуманистических аспектах проблемы, что заметно сказывается, в частности, на развитии современной геронтологии.

Сегодня существуют сотни самых различных концепций, выдвигающих на первый план, а иногда и абсолютизирующих те или иные факторы процесса старения человеческого организма, причем многие из этих концепций лишь модернизируют на новом биологическом (в частности, молекулярно-генетическом) материале гипотезы, имевшие место в прошлом. Все эти концепции можно разделить на две основные категории. Согласно одной из них, старение и смерть запрограммированы генетически; согласно другой, они обусловлены возникновением накапливающихся генетических повреждений, которые организм не успевает устранять. Однако, как правило, и те и другие концепции и гипотезы связывают старение и смерть с некоторыми механизмами эволюции, и в этом проявляется влияние уже рассмотренных ранее подходов И. И. Мечникова, А. Вейсмана, И. И. Шмальгаузена и др.

В ряде подобных концепций и гипотез продолжают сказываться редуccionистские — биологизаторские — тенденции, абсолютизирующие тот или иной фактор жизнедеятельности человеческого организма. Однако все больше пробивает себе дорогу сознание необходимости комплексного, системного подхода к проблеме старения и смерти человека (например, в адаптационно-регуляторной концепции киевской школы геронтологов¹), основывающееся на понимании его социальной сущности, опосредствующей и подчиняющей биологические факторы, хотя высказывается порой негативное отношение к самой идее о том, что социальные условия являются ведущим фактором геронтогенеза².

По крайней мере, в отношении современности и ближайшей перспективы в основном утверждается идея о возможности и необходимости достижения с помощью научных методов максимума видовой (биологической) продолжительности

¹ Синтетический, системный подход к изучению физиологических механизмов старения от молекулярного уровня до уровня целостного организма плодотворно используется коллективом геронтологов в кн.: «Физиологические механизмы старения» (М., 1982).

² См.: Давыдовский И. Р. Геронтология, с. 272. К сожалению, подход, развитый в этом капитальном труде одного из ведущих наших геронтологов, хотя и характеризуется комплексностью, однако, как правило, не выходит за биологические рамки.

320

жизни человека (доходящей, по мнению ряда ученых, до 150 лет). На это направлены сейчас главные их усилия, хотя уже обозначаются и другие, более сложные цели и задачи. Говорится даже о том, что «мы стоим на пороге новой эры, когда медицина превратит Ношо sapiens в Homo longevus — сверх-

долгожителей, когда мужчины и женщины в зрелые годы полностью сохраняют и умственную и физическую бодрость. А если это так, то нам придется взглянуть на жизнь совсем иными глазами»¹.

Что здесь надо иметь в виду в первую очередь? Мне представляется, такое видение жизни должно исходить именно из реальных гуманистических установок сознания и поведения человека, из четкого определения смысла того, для чего человеку надо жить дольше, чем это обусловлено нормальными возрастными параметрами, соответствующими индивидуальным особенностям личности и потребностям общества. Эти личностные установки хотя и зависят существенно от социальных условий, но оказывают и обратное воздействие на них. Здесь есть своя диалектика, которая пока мало учитывается в геронтологических исследованиях.

Правда, в настоящее время в ряде теорий геронтогенеза стремление исходить из диалектики биологического и социального, индивидуального и общественного проявляется, например, в попытках функционального подразделения времени жизни человека на хронологический, биологический, психологический и социальный возраст². Думается, недалеко то время, когда и само понятие социального применительно к длительности человеческой жизни будет также дифференцироваться с учетом, в частности, личностных (в том числе нравственно-гуманистических) установок сознания и поведения. Ведь что бы ни обещала нам наука (в том числе макро-биотика — учение о продлении жизни) сегодня и в будущем, остается в силе мудрое изречение Сенеки о том, что лучший способ увеличить продолжительность жизни — это не укорачивать ее. А вот наблюдение И. Канта: «...всего долее живут в том случае, если менее всего заботятся о продлении жизни, но соблюдают, однако, осторожность, дабы не сократить

¹ Курцмен Дж., Гордон Ф. Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни, с. 14. Авторы рассматривают разнообразные искусственные способы продления жизни, включая трансплантацию, технологию бионики, криобиологию, генную инженерию и др. К сожалению, они, по существу, исключают ведущую роль социально-нравственных факторов геронтогенеза.

² См. об этом: Карсаевская Т. В., Шагалов А. Т. Философские аспекты геронтологии, с. 79.

321

ее каким-либо вмешательством в нашу благотворную природу»¹.

Интересные мысли попытались объединить в некоторый «закон более долгой жизни» С. Н. Паркинсон и Г. Ле Конт², которые при всех биологизаторских и мальтузианских односторонностях своей концепции³ высказывают следующую весьма рациональную идею. Существует много средств продления жизни, но следует помнить, что вопрос жить или умереть во многом зависит от состояния ума. Мы умираем по крайней мере отчасти потому, что прожили достаточно долго; мы живем потому, что *нам еще надо что-то сделать*⁴. Я особо подчеркиваю эту мысль, так как она в очень сильной степени связывает продолжительность человеческой жизни с *личностными установками*, включая понимание смысла жизни, ее цели и нравственно-этические оценки.

Большое значение в этой связи имеет развитие таких представлений, в которых ведущая роль социальных факторов обосновывалась бы в их социобиологическом контексте, соответствующем действительной природе человека как биосоциального существа. И здесь огромная методологическая и аксиологическая роль принадлежит научной философии и социологии человека, пониманию особенностей нравственно-этических оснований и смысла его жизни, старения и смерти. На это указывают многие факты и тенденции, однако, мне кажется, в основном как на будущее науки в «век человека».

В этой стадии развития науки о человеке — как гуманизированной, подлинно *человеческой* науки — не только будут исследоваться биологические пути продления человеческой жизни, но и вообще станет определяться ее *мера*, в которой биологическое диалектически соединено с социальным, этиче-

ским, гуманистическим пониманием жизни и смерти. Эта мера тесно связана с оптимальной реализацией сущностных сил человека, и, следовательно, не сама по себе длительность

' *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980, с. 550. Кант не ограничивался в этом вопросе житейскими наблюдениями. Им был создан специальный трактат «О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения» (см. там же, с. 298—318).

2 *Parkinson C. N., Le Compte H.* The Law of Longer Life. Troy, Alabama, 1980.

3 Эти односторонности отмечались в моей статье «Человек и человечество в условиях глобальных проблем» (см.: Вопросы философии, 1981, № 9).

4 Это отмечал еще Цицерон, который считал, что «предел старости не положен, не существует, и жизнь стариков оправдана, покуда они могут нести бремя долга и презирать смерть. Поэтому старость даже мужественнее и сильнее молодости» (*Цицерон*, Избр. соч. М., 1975, с. 380).

322

индивидуальной жизни окажется целью науки и общества, а именно развитие богатства человеческой природы как самоцель, степень причастности личности к коллективной жизни человечества и ее участия в реализации идеи неограниченного развития человека как общественного существа будут определять индивидуальные параметры (согласуемые с биологическими возможностями) жизни человека.

Это потребует, разумеется, качественного изменения как общих представлений о смысле человеческой жизни, о соотношении в ней индивидуального и общественного, так и отношения к смерти, причем не только в научных, но и в социально-этических, нравственно-гуманистических аспектах. Сегодня, когда перед наукой ставится целью продление человеческой жизни, сами цели жизни определяются, как правило, весьма разноречиво, и столь же различными оказываются ее временные параметры, которые не всегда ставятся в зависимость от социально-этических и гуманистических факторов. Поэтому и говорится, например, о возможности в будущем увеличить продолжительность человеческой жизни до 1000 и более лет, а иногда и до... бесконечности¹.

Как же, однако, все это представляется в социально-этическом и нравственно-гуманистическом плане? Будет ли человечество всегда стремиться к максимально продолжительной длительности *индивидуальной* жизни и тем более к ее бессмертию? Или же оно найдет другие решения, когда его социально-этическое и нравственно-гуманистическое сознание изменит само понимание смысла человеческой жизни до такой степени, что личность не будет отделять себя от человечества, потребности и интересы которого окажутся наивысшими для нее? В этом случае длительность жизни отдельной личности будет определяться конкретно-историческими условиями, возможностями и потребностями общества, совпадающими с личностными. И, следовательно, здесь также сознание, определяемое в целом бытием будущего общества, будет активно воздействовать на бытие как самого этого общества, так и каждой отдельной личности, включая длительность ее жизни.

¹ Речь идет в данном случае не просто о какой-то футурологической эйфории, но и о прогностических высказываниях ряда ученых (см.: *Купревич В. Ф.* Бессмертие—сказка?—Наука и религия, 1965, № 7; *Кларк А.* Черты будущего. М., 1966, и др.). Существует международная ассоциация по проблеме «Искусственное увеличение видовой продолжительности жизни людей», которая исходит из того, что возможно и необходимо продлить жизнь человека на сотни лет. Что касается А. Кларка, то он считает, что человек достигнет бессмертия уже к 2090 г.

323

Трудно сказать, как наука будет решать проблемы увеличения продолжительности жизни людей в будущем, хотя ясно одно: путь к такому решению предполагает комплексное использование различных методов, учитывающих сложные взаимодействия в организме человека как целостной системы. Еще труднее сказать сегодня, какими конкретными временными параметрами будет определяться индивидуальная биологическая жизнь личности, да и вряд ли нужно пытаться это делать за тех, кто придет после нас. Уже сейчас появилось много работ, в которых показывается, что уровень функционирования интеллекта, достигнутый к зрелому возрасту (а это—главное и решающее для личности), может быть сохранен до глубокой старости¹. Поэтому основная задача заключается, видимо, в том, чтобы использовать этот бесценный дар в максимальной степени рационально, не выдвигая пока таких целей, достижение которых закончится неизвестно чем для человечества и отдельной личности. Ведь вообще неясно, как отразится на них — в социальном, психологическом и нравственно-этическом отношениях — сама перспектива выхода жизни за видовые параметры, поскольку это предполагает существенное изменение человеческого организма с помощью «гомотехнологии»², что может угрожать утратой человеческой индивидуальности, идентичности личности и пр. А кроме того, опасна не только геронтофобия, но и всякая остановка исторического движения поколений, искусственная консервация достигнутого и ужасающая перспектива его экстраполяции на сотни лет вперед, а то и на... бесконечность. Вряд ли любой действительно достойный вечности человек согласится оказаться неким вечным олицетворением и стандартом «человека вообще» и тем самым как бы навязывать себя будущему, стирая в нем невольно всю привлекательность новизны и тайну того «абсолютного движения становления» Человека, о котором говорил Маркс и которое порождает надежду на появление нового Аристотеля, Гёте, Толстого, Эйнштейна, Маркса...

Впрочем, это уже было хорошо показано Дж. Д. Свифтом на примере «избранных» жителей Лапуты, «обреченных

1 *Halicka J. M. Empirical Studies in the Psychology and Sociology of Aging. N. Y., 1977; Henig R. M. The Myth of Senility. N. Y., 1981.*

2 В нее входят, как считают некоторые ученые, трансплантация органов, а также их искусственная замена с помощью новой технологии бионики, психирургия и даже... создание «биокиборгов». К сожалению, реальность подавляется здесь зачастую «научной мифологией».

324

на бессмертие» при достижении старости и завидовавших смерти других стариков. И гётевский Фауст отказывается от самоубийства не из эгоистического желания как можно более длительной жизни, а из любви к людям, чтобы разделить общую судьбу человечества, правда сохранив при этом молодость. Эта идея воскрешается и сегодня в так называемой *ювенологии*, постулаты которой, как я думаю, еще должны пройти серьезное испытание не только с биологической, но и с социально-этической и нравственно-гуманистической точек зрения. Во всяком случае, мне кажутся более обоснованными и привлекательными *геронтологические* установки И. В. Давыдовского, считавшего, что «долголетие и связанная с ним проблема *активной творческой старости* — это нечто более реальное, чем скучное бессмертие. По сути дела, речь идет о новом человеке, осознавшем свои потенциальные возможности не только на земле, но и в безграничных космических просторах. Он стал хозяином времени и пространства»¹.

Такая постановка вопроса, как представляется, находится в полном соответствии не только с научными реальностями современности и по крайней мере ближайшей перспективы, но — и это главное — с социально-этическими и нравственно-гуманистическими принципами, выступающими в качестве важных, а впоследствии, может быть, и решающих регулятивов продолжительности человеческой жизни. Она утверждает жизнь как бесконечную историческую длительность, реализуемую путем разумного и гуманного чередования ограниченных во времени индивидуальных жизней, как радость и печаль возникновения, расцвета и смерти неповторимой и бесконечной самой по себе личности. Как заметил советский демограф Б. Ц. Урланис, «мы ценим жизнь и дорожим ею именно потому, что она

не бесконечна. Главное в том, чтобы нить жизни не обрывалась, пока не соткана вся пряжа, чтобы светильник не гас, пока в нем еще есть огонь» 2.

Гуманистический принцип «жить не только для себя, но и для тех, кто будет после нас» требует исходить прежде всего из соответствующего понимания смысла человеческой жизни, прогресса в ее научном и философском осознании, общего социального и морального прогресса человечества сегодня и в будущем. На этом пути человечеству, видимо, предстоит еще многое изучить и преодолеть — вся история

¹ Давыдовский П. В. Геронтология, с. 19. (Курсив мой.— Я. Ф.)

2 Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни, с. 302.

325

его мысли призывает к этому, особенно когда мы размышляем о будущем.

В последнее время, однако, такие размышления зачастую обращаются в прошлое и странным образом идут иногда по пути реставрации забытых или полузабытых историй учений, включая религиозно-идеалистические. Речь идет при этом не только о традиционных религиозно-идеалистических догматах, касающихся бессмертия человеческой «души», представлений о «воскрешении» и «загробной жизни» (как сказано в Библии, «и возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к богу, который дал его»). И не только сами представители религии пытаются как-то «увязать» старые догматы... с новейшими данными науки — генетики, психофизиологии и даже космонавтики. Размышления о будущем ряда современных ученых, философствующих в ограниченном пространстве того, что уже было сказано, даже если речь идет о принципиально новых явлениях, требующих творческого постижения в новых категориях и образах, обращаются сегодня, в частности, к представлениям и идеям, не только не соответствующим прогрессивной историко-философской традиции¹, но и противоречащим природной и социальной реальности, итогам развития научного познания жизни и смерти человека. Поэтому они не ведут вперед наше познание этих «вечных» вопросов. И хотя современная научная и философская ориентация в вопросах жизни и смерти человека все в большей мере признает решающую роль социально-этических и гуманистических факторов для развития личности, однако не в тех абсурдных формах, которые они получают как в ортодоксальных, так и в модернизированных в соответствии с новыми научными данными вариантах религиозно-идеалистических концепций, включая самые новейшие 2.

¹ История развития философской интерпретации проблемы смерти и бессмертия подробно излагается в трудах И. И. Мечникова «Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии» и «Этюды оптимизма». Огромная библиография и развернутый обзор работ, посвященных проблеме смерти, содержится в кн.- *Shibles W. Death. An interdisciplinary analysis. Wisconsin, 1974*. Сжатый, но содержательный историко-философский анализ этой проблемы дан П. П. Гайдено (Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 34—36). См. также соответствующие разделы книги Ю. Давыдова «Этика любви и метафизика своеволия (Проблемы нравственной философии)» (М., 1982). Автор также попытался в нравственно-философском плане рассмотреть эту проблему в статьях «О жизни, смерти и бессмертии. Этюды нового (реального) гуманизма» (Вопросы философии, 1983, № 1 и 2).

2 В последние годы особенно интенсивно занимаются этим теологи самых разных ориентации. Так, папа римский Иоанн Павел II

326

Для марксизма именно научное понимание социальной сущности человека как индивида и личности в их связи с обществом, человечеством в целом, а также диалектики индивидуального и исторического в их развитии делает возможным и научное решение вопросов смерти и бессмертия человека. Марксизм не снимает эти вопросы как философскую проблему, что мы наблюдаем в системах объективного идеализма, в разных вариантах пантеистических представлений и пр., но переносит их из сферы только индивидуального и природно-биологического существования человека в диалектически целостную сферу родовой жизни человечества, определяемой социальными и духовными факторами, включая нравственно-гуманистические. «Смерть,— отмечал Маркс,— кажется жестокой победой рода над *определенным* индивидом и как будто противоречит их единству; по *определенный* индивид есть лишь некое *определенное родовое существо* и как таковое смертей»¹. При этом коммунизм Маркс трактовал как «*действительное* разрешение противоречия» не только между человеком и природой, человеком и человеком, существованием и сущностью, свободой и необходимостью и пр., но и «между индивидом и родом. Он — решение загадки истории...»².

Но одной из самых таинственных и сложных ее загадок как раз и является проблема смерти и бессмертия, предстающая, в частности, и как противоречие между индивидом, личностью и родом человеческим, обществом в их определенной временной длительности, составляющей историю. И здесь уже, разумеется, недостаточно подходить к этой проблеме исключительно с точки зрения рода и определять позицию марксистской философии только как оптимистическую, поскольку-де хотя индивид и умирает, но он получает бессмертие в роде человеческом, в потомстве и творческом наследии человечества, в его культуре — материальной и духовной.

Есть другая, индивидуальная сторона проблемы смерти и бессмертия, остро переживаемая личностью, где присутствует трагизм, который не может снять никакая философия, даже самая оптимистическая. Вспомним А. С. Пушкина: в своем выступлении в Турине 13 апреля 1980 г. говорил о разумных психологических основаниях страха перед смертью. Стремление жить находит, по его мнению, удовлетворение и разрешение в христианском учении о «воскрешении».

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 119.

² Там же, с. 116.

327

Пора, мой друг, пора покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.

Однако:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

И в то же время другие, на первый взгляд противоречащие этому, но объединяющиеся в личности поэта, как и всякого человека, мысли и настроения:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

Не раз уже писалось об этом многозначительном соединении представления о жизни как духовной радости мышления и одновременно страдания. Но нас здесь интересует другое: умереть, чтобы дать дорогу другим, чтобы жизнь была вечной, необходимо и справедливо. И сознание того, что умирает

индивид, а личность не умирает полностью, она живет в делах и памяти потомства, как живет в нас и будет жить вечно А. С. Пушкин («Нет, весь я не умру...»), может примирять нас и нравственно со смертью, хотя жизнь великой личности — невоспроизводимый образец для всех. Но все же не зря говорится, что ведь и смерть выбирает лучших (пример индивидуальной судьбы А. С. Пушкина подтверждает это), а значит, не снимается трагизм личностного соприкосновения со смертью нравственно-философским сознанием не только родового, но и личностного бессмертия в культуре человечества, в его истории. Поэтому скорее не оптимизм, а *реализм*, — точнее *научный, реальный гуманизм* — должен утверждаться нами в качестве нравственно-философской основы марксистского подхода к вопросам смерти и бессмертия человека.

Этот подход не дает окончательных решений, пригодных для всех и каждого. Но он ясно обозначает общую мировоззренческую позицию и жизненные пути решения этих вопросов, столь несхожих и неповторимых в интеллектуальном и эмоциональном отношении для каждой личности. Еще Г. В. Плеханов отмечал: «С точки зрения современного естествознания в смерти нет ничего таинственного. Смерть вовсе не сфинкс. О всяком мертвце можно сказать, как

328

сказал когда-то Шелли об умершем поэте Китце: «He is made one with Nature» («Он объединился с природой»)¹... «Объединение с природой» не включает в себе ничего таинственного, но в нем бывает порой очень много болезненного, особенно для тех, которые потеряли в умершем близкое существо»². Именно это последнее обстоятельство, а не только то, что для таких людей уже не страшна сама мысль о смерти, высвечивает проблему *твоей* смерти в других социально-этических и нравственно-гуманистических аспектах.

Чрезвычайно плодотворно, мне кажется, вообще подойти к проблеме смерти не просто «с точки зрения естествознания», дополненной эмоциональными переживаниями, или с чисто нравственно-философских позиций, пытаясь «снять» эти переживания, а в *единстве* того и другого, причем с учетом не только личностных переживаний и размышлений по поводу *твоей* смерти как явления, относящегося именно к тебе самому, но и того, как оно отражается в *другом*, для которого твоя смерть является чистой рефлексией сознания и эмоций³.

В наши дни социально-этические и нравственно-гуманистические аспекты этих проблем привлекают к себе возрастающее внимание не только в связи со все более широко осознаваемыми и обострившимися личностными дилеммами и альтернативами бытия, но и в связи с успехами биомедицинских исследований, о чем уже говорилось выше. Речь идет при этом не о каких-то отдаленных перспективах генетической и медицинской инженерии, которые, очевидно, во многом по-новому поставят эти проблемы перед человечеством и потребуют нового определения ряда гуманистических принципов, что приведет к изменению не только социологии и этики жизни человека, но и социологии и этики его смерти.

Уже сейчас многие ученые ставят вопрос о том, чтобы биология, наука о жизни, была дополнена новыми представлениями о биологии смерти. Возникающие здесь вопросы выдвигают множество нравственно-гуманистических

¹ Эти слова Г. В. Плеханов, как известно, завещал выбить на своем надгробии.

² Плеханов Г. В. Соч., т. 14, с. 90.

³ Существенное различие между *твоей* смертью и смертью *другого* в философском плане подчеркивалось Хайдеггером и Сартром со ссылкой на Л. Н. Толстого, который в повести «Смерть Ивана Ильича» писал: «...самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я».

дилемм, зачастую весьма спорных, выходящих за рамки традиционных, как это имеет место, в частности, в связи с развитием современной реаниматологии, достигшей больших успехов в возвращении к жизни людей, находившихся в состоянии клинической смерти¹. Надо сказать, что в обсуждении социально-этических и нравственно-гуманистических вопросов, связанных со смертью человека, еще довольно слабо участвуют наши философы, этики, социологи. Между тем эти вопросы принимают зачастую весьма неожиданные формы, и их обсуждение приводит к ряду спорных, а то и попросту ложных и даже антигуманных выводов, которые сплошь и рядом делаются в западной научной и философской литературе². Показательна в этой связи, например, постановка вопроса о «праве на смерть». Здесь сталкиваются две противоположные позиции: с одной стороны, признается неограниченность свободы личности в решении этих вопросов, а с другой — ее полная подчиненность общественным и государственным интересам.

Сейчас все чаще предпринимаются попытки междисциплинарного анализа проблемы смерти, в том числе и ее нравственно-философских аспектов. Сошлемся на уже упоминавшуюся книгу У. Шибла³. Он отмечает, что среди величайших вопросов, когда-либо встававших перед людьми, вопросы: «Что такое смерть?» и «Что мы можем сделать, чтобы справиться с ней?» — занимают особое место. До сих пор люди предпочитали весьма своеобразное разрешение этих вопросов: их попросту игнорировали или же связывали их решение с различного рода суевериями и мистическими представлениями. Смерть является своего рода запретной темой, и до сих пор в этой области наблюдается практически полное отсутствие честного и прямого исследования, посвященного анализу названных вопросов.

По мнению У. Шибла, философское исследование того, что представляет собой смерть, является лучшим средством борьбы со страхом смерти. Уже сам по себе процесс

¹ См. об этом: *Негойский В. А.* Некоторые методологические проблемы современной реаниматологии. — Вопросы философии, 1978, № 8. В. А. Неговский научно разоблачает возрождающиеся в связи с успехами реаниматологии разного рода мифы о «жизни после смерти» и пр., которые по-своему пытаются «реанимировать» концепцию «бессмертия души» (см.: *Он же.* Об одной идеалистической концепции клинической смерти. — Философские науки, 1981, № 4).

² См.: *Налетова А. Д.* Проблема автономии личности в современной американской этике. — Вопросы философии, 1982, № 6. В мае 1973 г. Колумбийский университет организовал специальный симпозиум на тему «Философские аспекты танатологии».

³ *Schibles W.* Death, An interdisciplinary analysis. Wisconsin, 1974.

обсуждения вопроса о том, что такое смерть, с другими людьми оказывает на них терапевтическое действие. Перед лицом смерти человек начинает заново оценивать жизнь. В подобном случае исследовательский подход позволяет выяснить главное содержание жизни, по-новому оценить выдвигаемые человеком цели. Исследовательский подход позволяет человеку составить ясное представление о смерти. Сами вопросы о природе смерти, о том, как можно с ней справиться, представляют собой величайший вызов, бросаемый человеческому разуму. И недостойно человеческого существа игнорировать эти вопросы, отрицать их или же создавать мифические представления о бессмертии. Ни одна философская система не может считаться законченной, если она не дает честных и объективных ответов на вопросы, связанные со смертью. В этом смысле можно сказать, что «философствовать — значит учиться тому, как следует умирать». Но для того чтобы понять, что такое смерть, необходимо понять, что такое жизнь. А для этого, в свою очередь, необходимо иметь ясное представление о том, что представляет собой наш язык, окружающая нас среда, что представляем собой мы сами, наши

этические концепции, наша психология, наука в целом и т. д. Таким образом, делает вывод автор, не только «философствовать — значит учиться умирать», но и «учиться умирать — значит философствовать».

У. Шибл использует в своей работе и данные непосредственного опроса по проблемам смерти, проведенного среди студентов. Конечно, эти данные не являются особенно показательными, однако они создают некоторый личностно-эмоциональный фон для анализа и, в частности, для философского рассмотрения проблемы смерти и бессмертия. У. Шибл подчеркивает, что смерть связывают с теми или иными отрицательными эмоциями, которые зачастую сами могут служить причиной смерти (шок, несчастный случай и т. д.). В связи с этим возникает необходимость избавиться от подобного рода эмоций. Автор считает, что существующие «средства терапии» (обряд похорон) не только не способствуют избавлению человека от отрицательных эмоций, но усугубляют их. Большое значение придается в связи с этим «искусству умирания». Автор приводит множество свидетельств того, что, например, в средние века человек был буквально со всех сторон окружен символами смерти, постоянно думал о ней и готовился к ней. Максима древних «*memento mori*» («помни о смерти») была, по существу, прямо противоположна их же призыву «*saage*

331

---

diem» («наслаждайся жизнью, пока жив»). В заключение У. Шибл отмечает, что книги, посвященные искусству умирания, предполагали наличие «правильного», «лучшего» способа умирания. Однако эти понятия имеют смысл только применительно к той или иной религии и бессмысленны сами по себе.

Конечно, такой категорический вывод, по-видимому, вряд ли следует делать, так как, лишаясь религиозной веры, человек во многих случаях не находит иной морально-нравственной опоры перед лицом смерти. Видимо, это большой вопрос, который следует разрабатывать с позиций научного, реального гуманизма в философии жизни и смерти человека, в том числе и применительно к искусству, а лучше сказать — *культуре* умирания. Не фантастические грезы и надежды либо же панические отрицательные эмоции и болезненная психическая напряженность перед лицом смерти, а честный и мужественный подход к ней личности, мудро решившей для себя эти вопросы как *органическую часть своей жизни*, — вот та философская основа, которая утверждается здесь научным, реальным гуманизмом.

Это в равной мере относится и к нашему восприятию и поведению в случае смерти *другого*, а также к обществу в целом, так или иначе реагирующему на смерть отдельной личности. Религия выработала здесь определенные нормы поведения и обряды, которые все больше утрачивают свое значение. Но что мы имеем взамен? Все ли здесь соответствует разуму и гуманности человека, освобожденного от догм религии, ее мифов и культов? К сожалению, это еще не всегда так, и здесь, я думаю, предстоит большая нравственно-философская и практическая работа, имеющая целью развитие культуры в отношении смерти другого (включая церемонию погребения ' и пр.).

' Не об этом ли у А. Т. Твардовского?

Они минутой дорожат,
У них иной, пожарный навек:
Как будто откопать спешат,
А не закапывают навек.
Спешат, — меж двух затяжек срок, —
Песок, гнилушки, битый камень
Кой-как содвинуть в бугорок,
Чтоб завалить его венками...
Но ту сноровку не порочь, —
Оправдан этот спех рабочий:
Ведь ты им сам готов помочь,
Чтоб только все — еще короче.

Вопросы эти являются необходимой частью нашей жизни, и, заботясь о ней, мы обязаны больше внимания уделять нравственно-философским и практическим проблемам, связанным со смертью человека, подходя и к ним с позиций научного, реального гуманизма. Человек ни в одном из человеческих вопросов не должен выходить за пределы своей сущности, определяющей его разум и гуманность. Это единственная достойная его перспектива, которая придает смысл индивидуальному существованию каждого и историческому развитию человечества в целом.

Я подчеркиваю все это потому, что именно в идеальной сфере разума и гуманности в наивысшей степени проявляется и сама по себе сущность человека, а следовательно, его перспективы. «Человеку нужен идеал,— отмечал В. И. Ленин,— но человеческий, соответствующий природе, а не сверхъестественный...»¹ Научная философия и основывающийся на ней реальный гуманизм дают такой идеал, определяющий смысл человеческой жизни в ее индивидуальных, личностных и общечеловеческих, социальных параметрах. Этот идеал утверждает вместе с тем диалектическую взаимосвязь природно-биологического и социального, конечного и бесконечного, смерти и бессмертия человека, получающего свои завершенные формы в том, что единственно соответствует его сущности — *в материальной и духовной культуре человечества*. В этом смысле и научная философия устанавливает некоторые идеальные цели, которые создают ощущение неразрывного единства жизни, смерти и бессмертия, неограниченной длительности, бесконечности и вечности жизни неповторимой и уникальной личности. Именно на этом основывается *регулирующая роль нравственности* как в индивидуальной жизни человека, так и в его отношении к смерти и бессмертию.

В бессмертии разума и гуманности человека — бессмертие человечества. Это подчеркивает прежде всего *глобальное* предназначение человека и человечества, их ответственность за сохранение жизни и разума на нашей планете, помогающую преодолевать все угрозы, исходящие от неразумности и антигуманизма. Пройдут, по-видимому, тысячелетия, прежде чем будут полностью реализованы великие потенции разума и гуманности, заключенные в человеке,— это и будет его подлинная история, время «абсолютного движения становления» (К. Маркс) человека в истинно человеческом, коммунистическом обществе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 56.

Но данный вопрос имеет и другую сторону, относящуюся к реальной, природно-биологической бесконечности человечества и бессмертию его разума, а также к возможности других форм жизни и разума, других, внеземных цивилизаций в бесконечной Вселенной. Эта сторона вопроса чрезвычайно интересна, она интенсивно обсуждается в современной научной и философской литературе, включая марксистскую¹. Космизация жизни человечества, выход его в будущем в бесконечные просторы Вселенной изменят во многом и наши представления о времени, которые, по-видимому, будут связаны с новым пониманием смысла человеческой жизни, ее длительности, смерти и бессмертия;

это приведет и к осознанию *космического* предназначения и ответственности человека и человечества, бессмертие которого также заключено в *бессмертии его разума и гуманности*.

Указанные проблемы требуют, разумеется, отдельного философского исследования, исходящего не просто из общих футурологических постулатов, а из анализа реальных научных предпосылок, которые во все большей степени создаются учеными, использующими самые разнообразные математические и технические методы и средства исследования. И хотя сама проблема существования внеземных форм жизни и разума остается открытой и весьма дискус-

' Кроме исходных во многих отношениях классических философских учений, утверждающих множественность обитаемых миров (Апаксагор, Лукреций, Дж. Бруно, М. В. Ломоносов, Вольтер, И. Кант и др.), а также основополагающих трудов представителей так называемого антропокосмизма (К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, Н. Г. Холодного и др.) укажем некоторые работы последних лет, посвященные этой проблеме: Населенный космос. М., 1972; *Ларин В. В. О вероятном... о невероятном.* М., 1973; *Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум.* М., 1975; *Он же. Проблема внеземных цивилизаций и искусственная разумная жизнь.* — Проблема СЕТИ (Связь с внеземными цивилизациями). М., 1975; Кибернетика. Неограниченные возможности и возможные ограничения. Перспективы развития. М., 1981; *Фесенкова Л. В. Методологические аспекты исследований жизни в космосе.* М., 1976; *Урсул А. Д., Школенко И. А. Обитаемая Вселенная.* М., 1976; *Урсул А. Д. Человечество, Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики.* М., 1977; Проблема поиска внеземных цивилизаций. М., 1981; Материалы первого всесоюзного совещания по проблеме «Поиск разумной жизни во Вселенной» (Бюраканская астрофизическая обсерватория, 1964), первой советско-американской конференции СЕТИ (там же, 1971), второго Всесоюзного симпозиума по этой проблеме (Таллин, 1981); *Лаврова Н.Б., Парнес Т. Л. Библиография по проблеме СЕТИ. Литература 1974—1978 гг.* — Проблема поиска внеземных цивилизаций; эта библиография является продолжением списка литературы, содержащегося в кн.: Проблема СЕТИ (Связь с внеземными цивилизациями).

334

сиопной, поиски ее решения стимулируют не только научно-техническое развитие человеческой цивилизации, но и осознание *уникальности* самого человека, неповторимости его специфических черт, обуславливающих необходимость непрерывного прогресса человеческого разума и гуманности. Отвергая антропоцентризм, основанный на убеждении, что «весь космос вертится вокруг человека» и поэтому его «никогда не постигнет преждевременный конец... если одновременно и в соответствии со своим предназначением не рухнет Вселенная»¹, современная научная и философская мысль все чаще приходит к идее *антропокосмизма*, который исходит из понимания человека как органической и активной части космоса и Вселенной, включая все возможные в ней формы жизни, разума и гуманности.

Это заставляет по-иному взглянуть на проблему реального практического бессмертия человечества, используя здесь те же подходы, что и в рассуждениях об индивидуе и роде, о части и целом, о конечном и бесконечном, находя «бесконечное в конечном, вечное — в преходящем»². Принимая возможную конечность природно-биологического существования человека и человечества, научная философия утверждает не только то, что материя в своих превращениях вновь и вновь будет порождать мыслящий дух «где-нибудь в другом месте и в другое время»³, но и его наличие в бесконечно разнообразных формах, в бесконечной Вселенной, а также вероятность выхода в нее и самого человеческого разума. Это уже не может рассматриваться просто как оптимизм в противовес пессимистическим представлениям о неизбежной гибели человеческого разума и его фактической исключительности (и в данном смысле — уникальности), предполагающей наше космическое одиночество. Это — научный реализм, видящий, однако, в диалектическом единстве бесконечный прогресс разума и гуманности как необходимое условие этого прогресса. Рассмотрение, в частности, проблемы поиска внеземных цивилизаций с учетом этого гуманистического аспекта позволило бы найти новые подходы

1 *Ditfurth H. von. Wir sind nicht von dieser Welt Naturwissenschaft. Religion und die Zukunft des Menschen.* Hamburg, 1981, S. 137.

2 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 548.

3 Там же, с. 363. Современная космология говорит, правда, о возможной гибели Вселенной в результате либо сгорания, либо замерзания, однако, как считает, например, Ф. Дж. Дайсон, в силу закона адаптивности «формы жизни и разума должны быть доступны для переноса без потерь из одной сре-

ды в другую», а это может обеспечить их бесконечность (см.: Дайсон Ф. Дж. Будущее воли а будущее судьбы.—Природа, 1982, № 8, с. 70).

335

к пониманию данной проблемы: речь могла бы идти о постулировании не только высших, по сравнению с человеческим, форм разума, но и таких проявлений гуманности, которые пока что непонятны нам, а потому исключают потенциально возможные контакты с нами. Необходима, следовательно, новая, *космическая этика*, о которой говорил А. Швейцер: этика благоговения перед жизнью и ее высшим порождением — разумом и гуманностью.

Впрочем, все это — уже рассуждения, выходящие за те временные параметры, которые были обозначены мною с самого начала как очерчивающие реальные и обоснованные футурологические предсказания перспектив человека в комплексе социальных и природно-биологических факторов его существования и развития. Однако, имея в виду и эти временные параметры, мне кажется, можно реалистически утверждать: прекрасное и бесконечное будущее ожидает человека и человечество, если восторжествуют и всегда будут вести его вперед присущие ему разум и гуманность. И они, вероятно, изменят взгляд человека на самого себя, как уже менялся он много раз до этого. Природа достигла в человеке высшей сложности строения и регулирования материальных явлений; она воплотила в нем уникальную модель, в которой органически соединяются биологические и социальные, материальные и духовные процессы. В конечном счете из создания природы человек превратился в ее исследователя и все более разумного и искусного управителя, сознающего свою глобальную и космическую ответственность. Морально-этическое значение этого факта поистине колоссально, ибо оно может послужить могучим стимулом дальнейшего осознания ценности человеческой жизни, разума и гуманности человека.

На протяжении XX столетия все чаще раздаются голоса об утрате человеком своей самооценности, взаимосвязи с социальной средой и в конечном счете — смысла своего существования. Это сопровождается мрачными рассуждениями о кризисе духа: кризисе науки и искусства, кризисе культуры вообще и даже о смерти культуры и надвигающейся на человечество ночи варварства. Действительно, век двадцатый оказался временем тяжелых испытаний для гуманистической культуры, начало которой было положено античностью и эпохой Возрождения. Но в человеке и человечестве не угасает не только прометеев огонь творческого созидания, по и дарованная ему Прометеем как первая добродетель *Надежда* — одно из важнейших и иррациональных по природе своей проявлений творческих сил души. «Надежда живет даже

336

у самых могил»,— говорил Гёте. Она выражает неиссякаемую способность человека видеть впереди идеал и цель, ту «синюю птицу», которая удивляет и манит к себе, вызывая желание и энергию творческого действия.

Творческое созидание и надежда порождают веру в будущее, в исторический прогресс, в могущество и непобедимость человека. «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение,— справедливо утверждал Э. Хемингуэй.— Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Эти гордые слова мужественного человека подвергаются испытанию в жизни, может быть, больше, чем это необходимо для самой жизни и человека как «венца» ее. Но все большее развитие богатства человеческой природы — прежде всего разума и гуманности — укрепляет надежду на полную победу человека — и как личности, и как представителя вида *Homo sapiens*.

Победа человека — это его свободное утверждение и развитие в неограниченной исторической перспективе, это торжество того «бесконечно великого и неопределимого» (Л. Н. Толстой), что живет в

его душе и чему может соответствовать только бесконечность Вселенной, к которой он устремлен своими высшими помыслами и делами. Устремляясь все дальше в неизведанные тайны мироздания, в загадочные глубины собственного Я, человек выполняет свое космическое предназначение и вообще утверждает себя как Человек.

На этом великом пути человечество создает новый тип цивилизации, полностью соответствующий сущностным силам человека и единственно достойный его. Коммунистическая цивилизация, этапом становления и развития которой является социализм, знаменует собой эпоху, когда человек, как это предвидел К. Маркс, будет действительно присваивать себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как *целостный* человек. Для Маркса — это абсолютное выявление «творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития...»¹.

Таким образом, перспективы человека — всесторонний и всеохватывающий прогресс человечества, начиная с его материального бытия и кончая сферой науки, искусства, нравственности. Это основной, главный вывод, который можно сделать из комплексного рассмотрения социальных и при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

337

родно-биологических факторов развития человека, его экологии, демографических перспектив, биологии, генетики и психофизиологии, научно-технических, культурных, этических и эстетических условий его существования и его будущего, смысла его жизни, смерти и бессмертия. Делая такой вывод, мы утверждаем в качестве нравственной основы научной философии человека принципы *научного, реального гуманизма*. Именно в нем — логика развития человеческой истории, истина человеческого познания, смысл человеческого бытия, надежда человека на будущее,

---

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аболина Р.— 99 Абульханова-Славская К. А.— 80, 223, 259

Александров А. П.— 92, 191 Александрова М. Д.— 314 Алексеев В. П.— 30 Алексеева В. Г.—297 Амосов Н. М.— 251 Анаксагор — 334 Ананьев Б. Г.—9, 21, 38 Андерсон Л.— 161 Андропов Ю. В.— 273, 277 Анохин П. К.—219, 220 Антонов А. И.— 161 Анучин В. А.— 155 Араб-Оглы Э. А.— 53, 98, 102, 161, 167

Арбатов А. А.— 167 Арбиб М.— 222 Ардри Р.— 48

Аристотель—255, 261, 324 Арнольд У.— 248 Арон Р.— 135

Архангельский Л. М.— 297 Асмус В. Ф.— 252 Астафьев А. К.— 312 Астауров Б. Л.—226, 256, 257 Ата-Мурадова Ф. А.—219, 220 Ауэрбах Ш.— 243 Афанасьев В. Г.— 9 Ахматова А. А.— 316

Багрова Н. Д.— 315 Барникот Н.— 208 Бартов В. Ф.— 167 Бассин Ф. В.— 252 Батенин С. С.—9, 38, 99 Батуев А. С.— 219 Бауэр Э. С.—255 Белкина Г. Л.—40

Белл Д.- 114—119, 135

Беляев Д. К.—36, 39, 214, 233

Бенуа А. де—127, 128

Беренс У.— 104

Берг Р. Л.— 216

Бергсон Д.— 255

Бернал Дж.— 251

Берталавфи Л.— 255

Бестужев-Лада И. В.— 102

Бехтерева Н. П.—220

Бжезнский З.— 115, 133

Билл Дн.—234

Билибин А. Ф.— 246

Билки Л.— 172

Биола Га— 155, 171

Бирнбаум Н.— 117

Блок А. Д.— 308

Бобнева М. И.—259

Бовш В. Ц.—102

Богомолен, А. А.— 313

Бойко А, Д.— 252

Больнов о. Ф.—43

Бондарская Г. А.— 161

Боноски ф.—283

Бор Н.—285

Борисов В. А.— 161

Боткин Дда.— 105

Бочков Н. П.—36, 39, 208, 216,

217, 233, 240 Боярский А. Я.— 161 Браун У.— 118, 168 Брехман Ц. И.—314 Брук С. И.— 161 Бруно Дж.- 334 Брюнинг Р.— 44 Брюно П.—252 Будыко М. И.— 155 Буева Л. Л.— 9, 80, 259 Буланкин И. Н.— 314 Бунак В. р.— 30

Вагнер Ф.— 241

Валентей Д. И.— 161, 199

Вейн А. М.—252

Вейсман А.—318, 320

Вейцзекер К.— 171

Венецкий И. Г.—161

Вернадский В. И.— 197, 334

Вернеке А.— 53

Винсент Д.— 153

Вишневский А. Г.— 161, 187, 199,

314, 316

Войтенко В. П.— 317 Волков Г. Н.— 89 Вольтер М. Ф. А.— 334 Вольтман Л.— 41 Вольф Дж.— 222

Воронин Л. Г.— 220 Вьяль П.— 127, 128 Выготский Л. С.—38, 78, 80,

252

Габитова Р. М.— 44

Габор Д.— 105

Гаврилишин В.— 105, 107, 108

Газе Г.—216

Гайденко П. П.—326

Галеева А. М.— 155, 195

Галицкая Р. А.— 161

Галди Р.— 105

Гальтон Ф.—225, 228, 229, 231,

236

Ганди М. К.- 125 Гаусс К. Ф.— 286 Гвишиани Д. М.— 98 Гегель Г. В. Ф.—256, 261 Геккель Э.— 150

Гелен А.—43. 51 Геловани В. А.— 170 Герасимов И. П.— 189 Гёте И. В.— 225, 264, 295, 302, 324,

337

Гиппократ — 246 Гирусов Э. В.— 155 Глазе В.— 234

Глушков В. М.—250, 251 Гобино Ж. де—40 Гойя Ф.— 16 Голдинг М. П.— 234 Голосов В. Ф.— 270
Гордон Ф.—314, 321 Горький А. И.—231, 286 Гоулд С.—62, 63 Григорьян Б. Т.— 9, 44 Грмек М.
Д.—314 Грэгг А.— 105 Грэм Р.- 234

Гудожник Г. С.— 167 Гузеватый Я. Н.— 161 Гулыга А. В.— 290 Гумплович Л.— 41 Гурвич А. Г.—
255 Гургенидзе Г. С.—81, 82 Гурьев Д. В.— 31

Давиденков С. Н.—79, 216

Давидович В. Е.—99, 281

Давыдов В. В.—78, 80, 81

Давыдов Ю. Н.—326

Давыдовский И. В.— 314, 320, 325

Дажо Р.— 156

Дайсон Ф. Дж.—335

Дальберг Г.— 227

Данзен А.— 143

Дарвин Ч-29, 34, 255, 285

Декарт Р.—61

Дельгадо Х.—221, 223

Демин М. В.—9, 259

Детри Ж.— 156

Джииоев О. И.—306

Дидро Д.-61

Дильман В. М.—314

Диоген — 25

Дитль Г.-М.—216

Дитфурт Г. фон—335

Добжанс¹ий Т.— 49, 234

Докинз Р.—62

Донн Дж.— 160

Достоевский Ф. М.— 25, 79, 250,

286, 297, 302, 309—311 Дриш Г.— 255

Дубинин Н. П.— 36, 39, 78, 217 Дубровский Д. И.—220 Дэвис Б. Д.—60, 237 Дюбо Р.— 156

Есенин С. А.—231 Ефимов Ю. И.—31 Ефремов Ю. К.— 195

Жакоб Ф.—255 Жданов Ю. А.— 281 Жилина Л. Н.— 280 Жирицкий А. К.— 167

Заварзин Г. А.— 216 Загладин В. В.—97, 98, 103, 105,

169

Зеленкин В. В.— 208 Зигель А.— 222 Зинченко В. П.—78, 80, 81, 222,

254 Злобин Н. С.—281

Иванов В. И.—291 Игнатъев В. П.— 6, 105 Ильенков Э. В.—81, 82 Иноземцев Н. Н.— 99 Иоанн Павел II—326 Иовчук М. Т.— 281 Иокояма Ш.—70

Каган М. С.—80 Какабадзе З. М.— 9 Калимов В. А.— 208 Каменецкая Б. П.— 252 Кампанслла Т.— 262 Кан Г.— 118, 168

Кант И.—261, 309, 321, 322, 334 Каныгин Ю. М.—250 Капица П. Л.—98, 140, 141, 191 Каплан А.— 62 Капранов В.— 306 Карлсон Э. А.—237 Карпинская Р. С.— 58 Карпов Б. А.— 208 Карсаевская Т. В.—9, 36, 38, 73,

314, 321

Кауфман Р.—241 Кваша А. Я.— 161, 199 Келле В. Ж.— 33, 281 Кемеров В. Е.—9, 259 Керимова А. Д.— 237 Кестлер А.—47, 242 Кинг А.—105, 107, 112 Ките Д.— 329 Кларк А.—133, 323 Клеман К. В.—252 Клиорин А. П.—208 Клонингер К. Р.—70 Ковалев А. Г.— 10 Ковалев С. М.— 10 Ковальзон М. Я.—33, 281 Коган Л. Н.—281 Колбасов О. С.— 155, 191, 195 Коломбо У.— 105 Кольцов Н. К.— 226—231, 233, 238,

241

Коммопер Б.— 156 Кон П. С.—10, 259 Корнесв П. В.— 44 Корнеева Н. Н.—82 Корольков А. А.— 314 Косолапов В. В.— 102 Кравченко И. Н.— 155 Кранхольд Г.—Г.— 216 Красин А. Н.— 259 Крик Ф.— 211 Кругов Н. Н.— 297 Крушинский Л. В.— 39, 72

Кук Р.— 179 Купревич В. Ф.— 323 Курок М. Л.— 155, 195 Курцмен Дж.—314. 321 Курпын И. Т.— 252

Лаврова Н. Б.—334

Ламсден Ч.— 63—70

Ландерс Р.— 133

Ландман М.— 43

Лаптев И. Д.— 155

Ларошфуко Ф.— 23

Ласло Э.— 105, 109—111

Лебедев В. И.— 222

Леви Л.— 161

Левин М. Т.—30, 38

Леви-Строс К.— 69

Левит С. Г.—227

Ле Конт Г.— 322

Леги Э.—174, 175

Легостаев В. М.— 113

Ледерберг Дж.—237

Лежен Ж.—249

Лейбин В. М.—51, 105, 252

Ленин В. И.—25, 48, 85, 92, 161,

183, 264, 265, 270, 271, 273, 297,

306, 333

Леонардо да Винчи — 312 Леонов А. А.—222 Леонов Л. М.—231 Леонтьев А. В.— 194 Леонтьев А. Н.— 10, 36, 38, 78—

82, 84, 223, 252, 254, 259 Лернер Ю. М.— 82 Лилов А.— 293 Лисичкин В. А.— 102 Литвинова Г. И.— 199 Ломов Б. Ф.—222, 254 Ломоносов М. В.— 334 Лоренц К.—48, 49, 54 Лось В. А.—76, 155 Лукач Д.— 41 Лукашеа В. К.— 155 Лукашев К. И.— 155 Лукреций — 334 Лурия А. Р.— 73, 254

Майр Э.—50, 51, 181, 182 Маклярский Б. М.— 167 Максимова М. М.— 98 Малиновский А. А.—73, 208 Малица М.— 105 Мальтус Т. Р.—178—183 Мамедов Н. М.— 155 Маркарян Г. С.—281 Марков М. А.— 146

Маркс К.—7, 20—23, 26—28, 30— 35, 37,39,40,50,52,61,77—80,82, 83, 92, 93, 95, 96, 107', 126, 137, 149—151, 156, 161—163, 183,184, 190, 197, 198, 204, 207, 210, 240, 258—260, 263, 264, 268, 270—272, 276, 292—294, 296, 300, 305—308, 310, 313,315,324,327,333,337,338

Маркузе Г.— 52, 53, 85, 117, 120— 123, 135

Мармэн М.—128

Мартел Л.— 118, 168

Марчук Г. И.—92

Медведев Н. Н.—226

Медоуз Д. Г.— 104

Медоуз Д. Л.— 104

Меерсон Ф. З.—218

Межуев В. М.— 281

Мейлах Б. С.— 289

Мёллер Г.- 226, 227, 233, 234, 238, 239

Мельвиль А. Ю.— 118

Месарович М.— 104, 105

Мечников №. И.— 318, 320, 326

Мешковський А.— 286

Мещеряков А. И.— 81

Мил-лер Х.— 249

Милль Дж. Ст.— 61

Михайлов Ф. Т.—259

Моисеев Н. Н.—98, 155, 178

Моисеева Н-. И.— 208

Мокроносов Г. В.— 259

Молчанов В.— 248

Моно Ж.—49, 180

Монтень М. де — 312

Мор Т.— 262

Морган Л. Г.— 34

Москаленко А. Т.— 259

Мотрошилова Н. В.— 120

Мунипов В. П.—222

Мур Ф.— 245

Мчедлов М. П.— 99

Мысливченко А. Г.— 10

Мэттсон П.— 245

Нагорный А. В.— 314 Налетова А. Д.—330 Неговский В. А.— 330 Нёрлюнд И.— 98 Нестурх М. Ф.— 30 Никитин В. Н.—314 Никитин Д. П.—155 Никольский С. А.— 58 Ницше Ф.—42 Новиков Г. А.— 155 Новиков Ю. В.— 155

Обухова Л. Е.— 89 Овчинников Ю. А.— 216 Одум Г.— 156 Одум Э.— 156 Одум Ю.— 156 Ожегов Ю. И.— 102 Оконская Н. В.—36, 38 Орлов В. В.— 10 Оуэн Р.—262

Павлов И. П.— 79, 80, 219, 256 Пажес Ж.— 181 Пакард В.—248 Папцхава И. Д.— 306, 314 Парин В. В.—334 Паркинсон С. Н.— 322 Парнес Т. Л.—334 Пастушный С. А.—216, 226 Переведенцев В. И.— 199 Пестель Э.—104, 105 Петленко В. П.—314 Петров Б. Н.—250 Петропавловский Р. В.— 297 Петти У.—92 Пехов А. П.— 217

Печчеи А.- 105-107, 112, 185, **308** Пиаже Ж.—69, 223, 252 Пионтковский А. А.— 170 Платон -. 261 Плеснер Г.—42, 43 Плеханов Г. В.—328, 329 Повель Л.— 127 Полис А. Ф.—36, 259 Пономарев Я. А.— 252 Понятовский М.— 127 Пригожин И.— 143 Пришвин М. М.— 18, 19, 198 Пробст У.—175 Протагор — 147

Пушкин А. С.—9, 149, 266, *Щ* 308, 311, 328

Рассел Б.— 143, 146

Ратпенхофер Г.— 41

Рего Т.— 241

Реймерс Н. Ф.— 155

Рейнолдс В.—208

Рейх Ч— 124, 135

Рикардо Д.—307

Рифлекс Р.—156

Рихта Р.—98

Рогинский Я. Я.—30, 38, 73

Рокицкий П. Ф.— 226, 231, 233

Ронг Д.— 117

Роззак Т.- 125, 126, 175, 205

россет Э.— 314

ротхакер Э.— 43

Рубинштейн С. Л.— 38, 78, 84, 223,

252

рувинский Л. И.— 297 румянцев А. М.— 31 риалов В. М.—208 Руссо Ж. Ж.—9, 61 Рьюз М.—58, 59
Рлндерс Дж.— 104 Рябушкин Т. В.— 161

Сазонова Н. В.—201

Саймон П.— 153

Сартр Ж. П.—44, 329

Свифт Дж. Д.—324

Селье Р.—218

Семенов Н. Ы.— 140, 191

Семенов Ю. И.—31, 38

Сонека—312, 321

Сен-Марк Ф.— 156, 171

Сен-Симон А.—262

Серебровский А. С.—227, 230—

232, 238

Сержантов В. Ф.— 10, 36, 208 Сиборг Г.—251 Спдоренко А. В.— 178 Счземская И. П.—270 Симонов
П. В.—218 Сироткин С. А.— 82 Сисмонди Ж.— 307 Сифмач Р. И — 19Э Скиннер Б. Ф.—53, 133
Слейгл Дж.—222 Смирнов Г. Л.—10, 259 Смит Р. Л.— 156 Смолян Р. Л.—222 Смэтс Дж.— 255 Сноу
Ч.— 97, 287—289 Сови А.— 161 Согомонов Ю. В.—306 Соколяпский П. А.— 81 Сократ — 261

Соловьев В. С.—198. 311 Спенсер Г.— 61 Спиркин А. Г.—252 Стешенко В. С.— 161 Стреляу Я.—
208 Суворов А. В.—82 Суворова В. В.—218 Сухомлинский В. А.—297 Сысуев В. М.—208 Сэв Л.—
10, 252

Таврнзян Р. М.—44, 120 Тарасов К. Е.— 10, 36, 38

Твардовский А. Т.— 332

Тейлор Р. Р.—241

Тейяр де Шарден—45, 46, 128,

129, 133, 238 Тимаков В. Д.— 216, 240 Тимирязев К. А.—87, 182 Толстогузов В. Б.—193 Толстой Л.
П.—19, 125, 147, 207,

297, 302, 304, 305, 308-311, 324,

40Q 44-7

Тоффлер А.—129—132, 135, 170,

243

Триверс Р.— 54

Тугаринов В. П.— 10, 99, 306 Тупыця Ю. Ю.-195 Тэпнер Дж.—208

Уайнер Дж.—208

Узнадзе Д. П.—252

Уилсон Э. О.—54—58, 60—70

Уинстон П.—222

Уитмен У.— 125

Уолпворк — 156

Уорд Б.— 156

Уорк К.— 156

Уорнес С.— 156

Урланис Б. Ц.—314, 325

Урсул А. Д.— 334

Уэллс Р.— 252

Фаддеев Е. Т.—76

Файнберг Л. А.— 30

Фармер Ф.— 248

Фаррел Б. А.— 41

Федоров Е. К.—98, 155, 167, 170,

178

Федосеев П. Н.—10, 53, 89, 99 Федотова В. Р.— 120 Фейербах Л.— 27, 37, 149, 262, 268 Фейнберг Е. Л.—291 Феркисс В.— 132—134 Фесенкова Л. В.— 334 Физерстоун Дж.—117 Филиппченко Ю. А.— 226—228, 233 Фихте И. Р.— 261 Фишер Д.— 153 Фогт В.— 179 Форрестер Дж.—104 Фрейд 3-41, 48, 49, 51, 52, 61,

252

Френкель З. Р.—313 Фресс П.—224 Фролов И. Т.—97, 98. 103, 105,

169, 194, 210, 216, 217 Фролова Н. Т.—280 Фролькис В. В.— 314

Фромм Э.— 51, 52, 252 Фрэнкел Ч.—60, 61, 237 Фурастье Ж.—113, 114, 135 Фурье Ш.—262

Хабермас Ю.— 120—122, 135 Хайдеггер М.— 120, 329 Хаксли Дж.— 105, 181, 226, 300 Хаксли О.— 203, 225 Харрис М.—59 Харрисон Дж.— 208 Харчев А. Г.—204, 297 Хемингуэй Э.— 160, 337 Хенгстенберг Э.— 43 Хениг Р. М.— 324 Хогбен Л.— 227 Хозин Г. С.—98, 102, 195 Холдейн Дж. Б. С.—

226, 227 Холл Г.—98 Холл П.—169 Холличер В.—49, 53 Холодный Н. Г.—334 Холстейн В.—104 Хорни К.— 51 Хуличка Дж. М.— 324

Царегородцев Г. И.— 246 Царфис П. Г.— 151 Целлентин Г.— 176 Циолковский К. Э.— 334 Цицерон — 322

Чавкин С.—247 Чангли И. И.- 270 Чеботарев Д. Ф.— 314 Чейз А.— 180 Чемберлен Х. С.— 41 Черненко Е. К.— 10, 36, 38 Чернышевский Н. Г.— 87, 262 Четвериков С. С.—229 Чижевский А. Л.— 334 Чтецов В. П.—208

Шаляпин Ф. И.—231 Шаталов А. Т.— 314, 321 Шахназаров Г. Х.—98, 99, 102 Шварцман К. А.— 53

Швейцер А.—246, 336 Шевченко Ю. Г.—36, 78 Шелер М.—42, 51 Шелли М.— 225 Шелли П. Б.— 329 Шеллинг Ф. В.—255, 261 Шерозия А. Е.— 252 Шибл У.—326, 330—332 Шикай А. Ф.—167 Шиман М.— 102 Шинн Р. Л.—185, 199 Шишкин А. Ф.— 74 Шкловский И. С.—334 Школенко Ю. А.— 334 Шлафке В.— 104 Шмальгаузен И. И.—313, 317—

320

Шрейбер Г.—253 Штайгервальд Р.— 98 Шульга Н. А.—259 Шустин Н. А.—219

Эдварде Р. Дж.— 245 Эйнштейн А.—143, 146, 250, 285,

286, 324

Эльманджра М.— 105 Энгельгардт В. А.— 98, 247 Энгельс Ф.— 7, 23, 28, 30—32, 34—

37, 149, 161, 162, 197, 203, 207,

259, 263, 264, 268, 269, 271, 307,

319, 335

Эндрю А. М.—222 Эразм Роттердамский — 61 Эренбург И. Г.— 289 Эрлих П.— 179 Этинген Л. Е.— 240 Этциони А.— 133 Эфроимсон В. П.—74, 250

Юнг К.- 51 Юрченко В. В.— 170

Яблоков А. В.— 155 Яковлев В. П.—315 Яншин А. Л.— 98 Ярошевский Т.— 10 Ясперс К.—45, 242

I. T. FROLOV

HUMAN PROSPECTS.

An Attempt at a Comprehensive Formulation of the Problem, Discussions and Generalizations. The Second Edition, Revised and Enlarged

SUMMARY

The book reveals the Marxist-Leninist understanding of the social essence and the natural-biological existence of human beings, their individual and historical development. The author criticizes the concepts of vulgar sociology which are often ascribed to Marxism. He also criticizes philosophical anthropologism and the concept of sociobiology very fashionable now in the West, which tries to explain many higher manifestations of human qualities, reason and culture through turning to the evolutionary and genetic factors of human development. An attempt is made to show man's historical development, that is, his individual and

historical development as a personality. The factors of a social character play a decisive role in this development. The author reveals the mechanisms of a human being as the acquisition and reproduction of the social and cultural experience of humankind — «the absolute movement of making», as Karl Marx put it, the development of human nature as an end in itself.

The interconnection of the scientific and technological revolution with the development of civilization and a human within the context of global problems is analyzed from the philosophical point of view. The processes of the humanization of science and social parameters^and conditions in which they take place are considered.

The author considers interrelationships between man and nature and the human race and the prospects of the harmonization of their interaction and growth. In this connection narrow alarmist, neo-Rousseauistic and technocratic concepts, as well as neo-Malthusianism and demographic nihilism are criticized. The development of ecological ideology and its influence on culture on the whole and on the future of familymatrimonial relations and human love is shown.

Much attention is given to the positive and critical discussion of various predictions and projects of the restructuring

3,45

---

of human nature and the revealing of new reserves of human development.

In the concluding section of the book the Marxist stance on the biological, social, moral and humanistic meaning of human life, the evolution of its span and the ways of its artificial prolongation is shown in the aspects of the history of philosophy and modern science. On this basis the Marxist interpretation of the interrelationship of life and death is given, the philosophical foundations of thanatology are analyzed, the ethical and philosophical concepts of human death and immortality, intellect and humaneness are considered.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 3

Введение

Человек и его будущее как глобальная проблема современности; комплексный подход и триединая задача философии 9

Глава первая

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПРИРОДНО-БИОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ, ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ 25

1. Что такое человек? Постановка вопроса в истории философии и ответ марксизма; становление социальной сущности человека, опосредствование и преобразование природно-биологического социальным, единство сущности и существования человека в его развитии. 26

2. Современный антропологизм и социал-биологизм о человеке, его сущности и его будущем; постулаты социобиологии: смысл или бессмыслица? Научные дискуссии о соотношении социальных и биологических факторов развития человека. 40

3. Диалектика индивидуального и исторического развития человека как присвоения и воспроизведения социокультурного опыта человечества; общественные условия и средства реализации сущностных сил человека и его будущего, 76

Глава вторая

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЧЕЛОВЕК: ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ БУДУЩЕГО 87

1. Наука в современном мире; превращение в непосредственную производительную и социальную силу, возникновение и обострение глобальных проблем; человек и человечество в условиях глобальных проблем, альтернативы будущего. 89

2. На пути к катастрофе человеческой цивилизации? Глобальные прогнозы и реальные решения. «Демон науки» или культ человека? Дилемма сциентизма и антропологизма, «технократически» оптимизм и «критика науки». 102

3. Наука для человека, человек—«мера всех наук»: на пути к новому типу науки, глобализация научных проблем и их решения, необходимость мыслить и действовать по-новому, новый этос науки будущего. 136

Глава третья

ЧЕЛОВЕК ПРИРОДА И РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РОСТА 149

1. Человек и природа: исторические формы взаимодействия и современные противоречия. Ресурсы природы и род человеческий: социальная сущность, тенденции, пределы и последствия роста. 150

2. Дилемма, стоящая перед человечеством? Дискуссии о будущем природы и человечества, путях и методах гармонизации их взаимодействия и роста: алармизм, технократизм и неоруссоизм; неомальтузианство, демографический нигилизм и абстрактно-утопический оптимизм. 166

3. Научная и социальная стратегия, обеспечивающая будущее человека, природы и рода человеческого: экологическое и демографическое регулирование, образование и воспитание; экология — мировоззрение—культура; человек — семья — общество сегодня и в будущем. 188

Глава четвертая

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ИНДИВИДА И ЛИЧНОСТИ: НОВЫЕ РЕЗЕРВЫ И ФОРМЫ ЖИЗНИ, РАЗВИТИЕ БОГАТСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ КАК САМОЦЕЛЬ 207

1. Перспективы человека в «век биологии»: новые пути познания и практики — генная инженерия и биотехнология, генетика человека и новая медицина, резервы мозга и «искусственный интеллект», эргономика и психофизиологическое развитие человека, 208

2. Научные прогнозы и утопические проекты перестройки биологической природы человека: «фабрикуемый сверхчеловек» — Homo sapientissimus или «биокиборг» — Machina sapiens? Дискуссии о неосвигенике и будущем биокибернетики; проблема бессознательного, психоанализ и парапсихология: мифы и реальность. Homo sapiens et humanus — человек будущего. 225

3. Новый человек новой цивилизации: социальный идеал человека будущего и пути к нему — формирование всесторонне и гармонически развитой личности, изменение социальных отношений, трудовой деятельности и образа жизни, сознания и самосознания личности в обществе. 258

4. Гуманистическая культура и человек будущего; взаимодействие науки и искусства в познании и развитии богатства человеческой природы; нравственное совершенствование личности и новый гуманизм — реальность и перспектива. 281

Вместо заключения

О смысле человеческой жизни, эволюции ее продолжительности, смерти и бессмертии человека: научные, социальные и гуманистические аспекты и проблемы; уникальность человека и возможность внеземных форм жизни и разума, ответственность и космическое предназначение человека и человечества; надежда на будущее; перспективы человека - прогресс человечества. 302

Указатель имен 339

Summary 345

CONTENTS

FROM THE AUTHOR 3

Introduction

Human beings and their future as the global problem of our time: a comprehensive approach and the triune task of philosophy 9

Chapter I

MAN'S SOCIAL ESSENCE AND NATURAL AND BIOLOGICAL EXISTENCE, INDIVIDUAL AND HISTORICAL DEVELOPMENT 25

1. What is man? The formulation of the question in the history of philosophy and the answer of Marxism; the development of the social essence of a human being, the mediation and transformation of the natural and biological by the social, the unity of the essence and existence of man in his development 26

1. Modern anthropologism and social biologism about man, his essence and future; the postulates of socio-biology: sense or nonsense? Scientific discussions on the interrelation of the social and biological factors of human development 40

3. The dialectics of human individual and historical development as the acquisition and reproduction of the social and cultural experience of the human race; social conditions and the means of the realization of human beings' substance forces and their future 76

Chapter II

THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REVOLUTION, CIVILIZATION AND HUMAN BEINGS: GLOBAL PROBLEMS AND ALTERNATIVES OF THE FUTURE 87

1. Science in the present-day world: the transformation into the direct productive and social force, the emergence and aggravation of global problems; a human and the human race facing global problems, alternatives of the future 89

2. On the way to the catastrophe of human civilization? Global problems and real solutions. The «demon of science» or the cult of man? The dilemma of scientism and anthropologism, «technocratic optimism» and «criticism of science» 102

3. Science for man, man as «the measure of all sciences»: on the way to the new type of science, the globalization of scientific problems and their solution, the necessity to think and act in a new manner, new ethos of science of the future 106

Chapter III

THE HUMAN BEING, NATURE AND THE HUMAN RACE: THE PROSPECTS OF THE HARMONIZATION OF INTERACTION AND GROWTH 149

1. The human being and nature: the historical forms of interaction and modern contradictions. The resources of nature and the human race; social essence, trends, limits and consequences of growth 150

2 Dilemma facing mankind? Discussions on the future of nature and the human race, on the ways and methods of the harmonization of their interaction and growth: alarmism, technocratism and neo-Rousseauism; neo-Malthusianism, demographic nihilism and abstract-humanistic optimism 166

3 The scientific and social strategy ensuring the future of human beings, nature and the human race; ecological and demographic regulation, education and upbringing; ecology — ideology — culture; the human being — the family and society today and in the future 188

Chapter IV

THE FUTURE OF MAN AS THE INDIVIDUAL AND THE PERSONALITY: NEW RESERVES AND FORMS OF LIFE, THE DEVELOPMENT OF THE WEALTH OF HUMAN NATURE AS AN END IN ITSELF 207

1. Human prospects in the «age of biology»: new ways of cognition and practice — genetic engineering and bio-technology, human genetics and new medicine, reserves of the brain and «artificial intelligence», ergonomics and the psychophysiological development of a human 208

3. Scientific forecasts and Utopian projects of the restructuring of man's biological nature: «fabricated superman» — Homo sapientissimus or «bio-cyborg» — Machina sapiens? Discussion on neoeugenics and the future of bio-cybernetics; the problem of the instinctive, psychoanalysis and parapsychology: myths and reality. Homo sapiens et humanus — man of the future 225

3. New people of new civilization: the social ideal of people of the future and the ways to it — the moulding of the comprehensively and harmoniously developed personality, the change of social relations, working activity and the way of life, the consciousness and self-consciousness of the personality in society 258

4. Humanistic culture and human beings of the future; the interaction of science and art in cognizing and developing the wealth of human nature; the moral improvement of the personality and new humanism — reality and the perspective 281

Instead of conclusion

On the meaning of human life, on evolution of its span, on human death and immortality: the scientific, social and humanistic aspects and problems; the uniqueness of the human being and the possibility of extraterrestrial forms of life and intellect, the responsibility and the cosmical destiny of a human and the human race; the hopes of the future, human prospects — progress of humankind 302

Name Index 339

Summary 345

Фролов И. Т.

Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения.— 2-е изд., переработ, и доп.— М.: Политиздат, 1983.- 350 с.

Что такое человек? Каково его предназначение в мире? Какое будущее ожидает его? Книга члена-корреспондента АН СССР И. Т. Фролова посвящена комплексному рассмотрению этих вопросов.

Настоящее издание (первое вышло в 1979 г.) переработано и дополнено новым материалом, связанным с анализом социальных, культурологических, природно-биологических, нравственно-гуманистических факторов развития человеческой цивилизации, перспектив человека в свете глобальных проблем современности. Специально рассматривается вопрос о смысле жизни, о смерти и бессмертии человека.

Рассчитана не только на специалистов, но и на всех интересующихся актуальными проблемами человека и человечества.